

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5-6/95 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

Дэвид М. Гланц — «Забытые» страницы Великой
Отечественной войны (1941—1945) 25

И. В. Волкова, И. В. Курукин — Феномен дворцо-
вых переворотов в политической истории Рос-
сии XVII—XX вв. 40

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. А. Кучкин — Дмитрий Донской 62

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 84

А. А. Искендеров — Мемуары Н. С. Хрущева как
исторический источник 95

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Ла-
тинской Америки (с древнейших времен до на-
ших дней). Главы IX—X (автор **В. Пертов** .

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- В. В. Фарсобин** — Заметки бывшего сержанта гвардии о войне 121

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Н. А. Тюков** — Андрей Иванович Шингарев 131
А. А. Егоров — Монтаньяр Филипп Леба 136
- Наши интервью.** Восстанавливать истину о второй мировой войне 142

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Дж. Энтин** — Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии 149
- А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова** — Н. Г. Павленко. Была война... Размышления военного историка 156
- А. С. Орлов** — Союзники в войне. Советский, американский и британский опыт. 1939—1945 гг. 158
- Г. Е. Корнилов** — А. А. Антуфьев. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны 160
- А. В. Шубин** — Россия и Запад: диалог культур 162
- Е. О. Обичкина** — Т. Кондратьева. Большевики-якобинцы и призрак термидора 164
- С. В. Мироненко** — 1857—1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича 166
- И. Л. Архипов** — Новый часовой. Русский военно-исторический журнал 168
- Д. И. Динкин** — Г. де Бертье де Совиньи. Титаны американского капитализма 170

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- П. И. Едемский** — Воины из бывших заключенных 171
- М. А. Зорина** — О результатах работы над хроникой рабочего движения в Калужской губернии (1895—1917) 172
- А. Н. Захаров** — Один из способов роста монастырского землевладения в конце XVII века 173

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

4 марта 1937 года. Утреннее заседание

А н д р е е в (председательствующий). Слово имеет т. Постышев.

Постышев. Товарищи, т. Сталин в своем докладе указал на те причины, которые порождали наши ошибки, указал средства исправления этих всех серьезных недостатков в области партийной работы и партийного руководства, и, главное, после доклада товарища Сталина — я тоже повторю то, что сказал товарищ Шеболдаев, — после этого легче стало как-то.

Легче почему, товарищи? Потому, что все-таки здесь, конечно, не такие были упущения, не все было пропащее, что нельзя поправить, и, конечно, легче потому, что товарищ Сталин дал все-таки не отрицательную оценку и нам, наделавшим более других секретарей ошибок. Все это имеет очень существенное значение для тех в особенности, которые виноваты больше других.

Вот я несколько остановлюсь на своих ошибках по Киевскому областному партийному комитету. Как не заметил лично я людей, которые сидели ко мне очень близко, — заведующий пром. транспортным отделом, культ-проп, агитпроп обкома, заведующий отделом руководящих партийных органов, которого мы, правда, сняли вот уж год, но все-таки оставался кандидатом в члены бюро обкома, и сняли его мы с этой работы не за то, что он нами был замечен как враг? Затем заместитель заведующего советско-торговым отделом Зак, жена Радкова. Вот по аппарату областного партийного комитета те враги, которые обнаружены и которые арестованы. Почему я не мог их заметить, работая с ними довольно длительный период? Это не просто то, что я поработал с ним года два, а больше — года четыре.

Теперь вот ясно, почему я не заметил. Во-первых, не заметил потому, что много нужно было по работе их проверять. Людей ведь так не разгадаешь. По учетным данным и, как говорят, по объективным данным людей никогда не разгадаешь. Ни один из них в прошлом троцкистом не был, по крайней мере, нигде этого не отмечено. Вот Карпов, я ему очень доверял. Карпов все время на протяжении десяти лет был на партийной работе. Взял я его на Украину потому, что он старый украинский работник, владеет украинским языком, знает Украину, на Украине он, так сказать, жил все время и родился на Украине. И знал не только я его, а очень многие товарищи знали его как порядочного человека.

Что меня ввело в заблуждение? В 1923—24 гг. Карпов на моих глазах

дрался с троцкистами. Дрался он тогда в Киеве. Об этом знал не только я — т. Гринько и другие товарищи знали. Тут есть как раз и т. Якир и т. Варейкис, которые его в то время знали. Варейкис как раз в 1923 и в 1924 гг. работал там. Тогда он дрался с троцкистами. Я вот так рассуждаю: прошли все-таки такие крутые годы, такие повороты были, где люди или ломались, или оставались на крепких ногах, или уходили к врагам, — период индустриализации, период коллективизации, все-таки жесткая была борьба партии с врагами в тот период. Я никак не предполагал, что возможно пережить все эти периоды, а потом пойти в лагерь врагов. А вот теперь выясняется, что он с 1934 г. попал в лапы к врагам и стал врагом. Конечно, тут можно верить этому, можно и не верить. Я лично думаю, что страшно трудно после всех этих годов в 1934 г. человеку, который прошел на крепких ногах путь ожесточенной борьбы, в 1934 г. пойти к врагам. Этому очень трудно верится. (М о л о т о в. Трудно верить тому, что он только с 1934 г. стал врагом? Вероятно, он был им и раньше.) Конечно, раньше. Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом, в 1934 г., пойти к троцкистам. Странно это. Какой-то у него червь был все время. Когда этот червь у него появился — в 1926 ли г., в 1924 ли, в 1930 г., это трудно сказать, но, очевидно, червь какой-то был, который какую-то работу проделал для того, чтобы он попал в стан врагов.

Радков не был троцкистом. По крайней мере, нет никаких официальных данных за это, чтобы он где-нибудь выговор получил за троцкизм или исключался из партии, или кто-нибудь на него показывал. (Г о л о с с м е с т а. Одесситы писали, что он был в троцкистской оппозиции в 1923 г.) Во всяком случае, может быть, теперь и пишут, но до сих пор не было никаких официальных документов о том, что он был троцкистом. Да не в этом дело, в конце концов. Тов. Сталин не так ставит вопрос, что нужно быть бдительным только к этим людям, которые когда-то перед партией имели тот или иной грех. К этим людям можно быть наиболее бдительным, но враг может и сознательно сохранять себя чистым. Вот из показаний правых мы видим, как они себя и свои кадры сохраняли, не вылезали.

Но почему я их не заметил? Потому что по практической работе я не мог их проверить никак, не глядел в их практическую работу — и я потом скажу, почему не глядел. Карпова я мог бы проверить, конечно, если бы я пропагандистами занимался. Подобранные Карповым кадры пропагандистов сейчас оказались в очень значительной мере засоренными. Если бы я этих людей изучал на работе, сам бы работу Карпова изучал, тогда я, конечно, натолкнулся бы и добрался бы, очевидно, до Карпова, потому что он эти кадры подбирает, формирует, воспитывает. Это главная причина.

Тем же самым можно объяснить мое отношение к Радкову и отношение к другим врагам, которые оказались на ответственной работе в партийном аппарате. Не проверяли людей по работе, на деле. В этом главная причина. Конечно, решающую роль в том, что мы не могли длительный период разоблачить врагов и дали им возможность пробраться в партийный аппарат, сыграно то, на что указывал т. Сталин, и то, что записано в тезисах по докладу т. т. Сталина и Жданова, — нарушение устава. Нарушение устава о выборности.

Если уж мы не проверяли эти основные кадры или не всегда проверяли, в большинстве случаев не проверяли, как нужно это делать теперь, то ведь партийные организации при выборах тем более допускали этот недостаток. Я уверен, что если бы только сейчас назначить перевыборы, Радков не прошел бы ни в один партийный комитет. (С т а л и н. В том то и дело, в том то и дело!) Потому, что когда Радкова только показали, поднялся такой вой среди всех членов партии! Я уверен, что и Кантарович не прошел бы, и заместитель заведующего промышленным отделом области Котляревский. (В о р о ш и л о в. А зачем же вы кооптировали этих людей?) Мы их кооптировали потому, что сами-то не знали, что за люди. (В о р о ш и л о в. Ты же говоришь, что его бы не выбрали. Значит, организация знала. Пленум обкома знал, что это за люди, а вы не знали?) Я и говорю о том, что теперь... (В о р о ш и л о в. Ага, теперь!) Теперь во время актива, когда только произнесли имя Радкова, против него поднялся вой.

Нарушение устава о выборности главным образом, пожалуй, сыграло решающую роль в деле засорения партийного аппарата врагами партии. Мы поэтому не могли долгое время разгадать этих врагов. Это одно. Второе, т. Ворошилов, что тоже является одной из основных причин, что нам мешало разгадать, раскрыть этих людей,— это то, что мы были оторваны от партийных организаций, плохо знали или не знали членов партии. Я не скажу, что это был длительный период, когда мы были оторваны от партийных организаций.

В первом своем выступлении я говорил о том, что в период борьбы за индустриализацию, в период первой сталинской пятилетки, в период коллективизации мы были очень крепко связаны с партийными организациями. И не только с партийными организациями, но и с рабочими. А потом эта связь ослабла. Чем объяснить ослабление этой связи с партийными организациями? Ослаблением партийной работы, серьезным ослаблением партийной работы в городах. Я, товарищи, прошу меня выслушать. Говорить, конечно, наделавши много серьезных ошибок, очень трудно.

Видите-ли, в 1933 г. сельское хозяйство Украины было в страшно тяжелом состоянии, невозможно тяжелом состоянии. И народ колхозный был тоже не особенно хорошо настроен, не преобладающее большинство, но значительная часть, в связи с теми прорывами, которые создались в результате огромной, гигантской вражеской работы. (Ворошилов. Безусловно.) И вот нужно было упорно, усиленно работать, чтобы поднимать сельское хозяйство и выводить колхозную деревню на твердую дорогу. Потребовался не год работы над этим делом. В год этого дела не провернешь. Потребовалось два года такой усиленной, настойчивой работы, работы днем и ночью. И вся партийная организация, и вся КП(б)У, и мы в том числе день и ночь работали. Два года такой работы. Эта работа над сельским хозяйством, она оторвала нас от партийной работы. И город, т. Сталин, городскую организацию в значительной мере мы передоверили людям, которые по своему размаху не соответствовали этой большой работе, не могли без надлежащего руководства серьезно, по-настоящему заниматься городскими партийными организациями и партийной работой вообще.

Это, конечно, было очень серьезной причиной, которая сыграла отрицательную роль и привела нас к очень серьезным последствиям. Враг этим воспользовался — вот это одно.

Нам, и мне, и Киевскому обкому, я сейчас просто не понимаю сам себя, действительно, я переоценил свои силы и, пройдя один этап большой работы, которую сделала КП(б)У и Центральный Комитет КП(б)У при помощи ЦК ВКП(б), при помощи союзного правительства при огромной систематической поддержке и руководстве т. Сталина, мы проделали там огромную работу, нам казалось, что-же, теперь врагов мы поколошматили, хозяйство вывели на широкую дорогу. Хозяйство сельское у нас сложное, оно требует работы весь круглый год. У нас такое хозяйство: сейчас сев, потом обработка технических культур, технических культур — огромное количество, только обработали, началась уборка зерновых. Это убрали, начинается уборка технических культур, которая длится очень долго, только окончили — ремонт тракторов, опять семена, опять подготовка к севу. (Голос с места. Это везде.) Нет, не везде. (Шкирятов. Правильно, у них условия особые.) У нас не только ведь свекла же. Ну, хорошо, все это я объясню только обстановку. Я за нее не хочу спрятаться. Побили врага, хозяйство вытащили на широкую дорогу, думали: у где же могут быть такие особенности, которые могли бы крепко нас по башке ударить? Нам казалось, что таких особенностей нет. И эти враги, часть из них, по крайней мере, в этот период драки принимали активное участие. Очевидно, это было видимостью.

Я приведу один пример. Я очень жестоко ошибся в отношении одного врага — Файбушенко, о котором я выступал даже с трибуны съезда. Он был директором канатного завода в Харькове. Завод вытащил, бытовые вопросы там очень хорошо поставил, программу стал выполнять очень

неплохо. Вот как можно ошибиться. Я тогда говорил членам партии — вот надо по чему определять, исправляется ли человек или не исправляется, борется ли он за линию ЦК или не борется, а он был бывшим троцкистом с 1924 г., был еще очень активным и ярким троцкистом. Я считал, как же еще можно определять, пришел ли он к партии или не пришел, — только по работе. Он был директором завода. Я считал, что можно определять его тем, как он выполняет программу, как снижает себестоимость, как борется за качество продукции, как заботится о рабочих. Казалось, что в этом отношении у него все хорошо, все в порядке. Я его защищал открыто и ставил его в пример всем и говорил: вот человек, который не на словах, а на деле исправляет свои ошибки, твердо становится на правильный путь. Оказался троцкистом, и не только простым троцкистом, но он входил в троцкистский украинский центр, был запасным членом троцкистского центра на Украине.

Здесь т. Сталин, конечно, прав. Мы никак не могли до этого додуматься, что многие из врагов работали хорошо не потому, что они отходили от троцкизма и вставали честно на партийный путь, а чтобы замазать себя и сохранить. Нельзя же действительно им все время систематически проваливать программу. Тогда бы нужно их арестовывать и сажать сразу. Вот эта маневренность и хитрость врага, она оказалась куда многогранней, чем наш подход к этому врагу и выявление. У нас более примитивный метод был распознавания врага. Вот как получалось дело.

Мы ведь на Украине все-таки 11 тыс. всяких врагов исключили из партии, очень многих из них посадили. Из этих 11 тыс. — 7 тыс. с лишним только троцкистов. Я примерно считаю: с 1933 по 1937 г. было разоблачено и исключено из партии 11 тыс. человек. Среди них были очень матерые враги, находившиеся на большой советской и партийной работе. Конечно, это является нашим минусом. Как же так получилось — все-таки уроки у нас были серьезные, засорение партийного аппарата на Украине — не первый случай? На Украине в 1930—32 гг. были целые бюро райкомов враждебные. И аппарат ЦК КП(б)У, его засорение — тоже не первый случай. Засел враг в аппарат ЦК КП(б)У не только сегодня. И тех ошибок прошлого, которые имеются и которые мы неплохо выправили с помощью ЦК ВКП(б), мы из этих ошибок прошлого уроков для себя не сделали. Захлестывала нас хозяйственная работа.

С городами нам казалось все благополучно: там стахановцы быстро растут, партийные организации крепкие, заводы пошли в гору, стали подыматься хорошо, а вот деревню, считали мы, выпускать из рук никак нельзя. Хотя кадры в деревне растут и складываются, деревню, нам казалось, выпускать из рук нельзя. Да и сейчас это верно — нельзя ее выпускать из рук. Но мы подменили своей работой работу хозяйственных организаций. (Реплика т. Сталина — не уловлена). Совершенно правильно. Абсолютно правильно, что у нас, например, выросли очень солидные кадры в промышленности, и троцкисты не только механически не лучше наших технических кадров, они в подавляющем большинстве (исключения, конечно, есть) технически безграмотны. Да и мне нужно было овладеть этой техникой. У них шла политическая борьба с партией и правительством, с советским государством. У нас в промышленности прекрасно сложились кадры, партия над нами поработала крепко. А вот в сельском хозяйстве, внизу, у нас кадры складываются, у нас появляются неплохие председатели колхозов, неплохие бригадиры, неплохие молодые агрономы и зоотехники, есть, правда, пока еще мало, хорошие директора МТС, трактористы великолепные, механики, комбайнеры, то есть эти кадры у нас растут быстрее, чем, скажем в РайЗУ. Сколько над этим делом мы бились — и впустую. И т. Сталин не раз указывал на кадры районных земельных управлений, они жиденькие у нас, и текучка тут невероятная. Возьмите вы областные земельные органы — кадры тоже крайне жиденькие, и засоренность гнездиться большая разными враждебными элементами.

Почему это произошло, что у нас такие жиденькие земельные работники в облЗУ, и в райЗУ, и в Наркомземе Украины — не только руководи-

тели, но и весь аппарат? Потому, что мы сами тащили всю эту работу сельскохозяйственную и мы агрономически грамотнее, пожалуй, любого заведующего областным управлением, пожалуйста, мы — секретари — грамотнее. Мы знаем лучше их свеклу, и уход за свеклой, и обработку свеклы, и по всем отраслям, какие у нас есть в области. С точки зрения агроминимума, мы им овладели полностью, а земельные работники зачастую в большинстве случаев менее нас грамотны, да, да, конечно.

Вот возьмите вы этого самого Одинцова, вы думаете, этот Одинцов, который работал у нас как земельный работник, он грамотнее, что ли? А сколько лет он в этом ведомстве работает? Безграмотный человек. Он-то больше нас знать должен, а он безграмотный человек, потому что мы взяли на себя эту работу в ущерб, конечно, партийной работе, а отсюда и все «прелести».

Ошибки тут же имеем очень серьезные, причины после доклада т. Сталина особенно ясны, теперь их надо исправлять. Я думаю, что все-таки, товарищи, мы с этой бедой справимся. Беда эта у нас не первая, к сожалению. Я не хочу сказать, что эта беда была неизбежной. Можно было ее предотвратить, но, к сожалению, она случилась. Мы с этой бедой справимся также, у партии и у Центрального Комитета достаточно сил для того, чтобы избавиться и от этой сволочи. Конечно, от нее самотеком не исправиться. Вот т. Шеболдаев у нас, так сказать... (Голос с места. Сосед по несчастью. Полонский. Перекличка). Когда тут говорят, особенно Полонский, — перекличка, то, видите ли, товарищи, вам бы, т. Полонский, пора перекликнуться по линии профсоюзов. (Ворошилов. Правильно, правильно. Полонский. Я записался, очередь дойдет.) Это дело серьезное. Они, к сожалению, имеются не только в Ростове и в Киеве, они имеются и в ряде других организаций. И, по-моему, на этот счет нет ни одного спокойного секретаря, который бы сказал: вот, слава тебе, господи, какие вы дураки и «шляпы». Я думаю, что нет ни одного секретаря с такими настроениями — слава тебе, господи, что сия чаша меня миновала, то есть не попал в переделку. Чутьочку, товарищи, нас отделявали и за вас, чутьочку... (Голос с места. Это правильно.) И надо, чтобы в решениях Центрального Комитета, в справедливых решениях, абсолютно справедливых, даже милостивых, я бы сказал, каждый бы хоть краешком глаза себя увидел, иначе ничего не выйдет. За это звено, которое мы выпустили из рук, и на которое указал нам т. Сталин, надо крепче всем взяться, и, я думаю, что мы это дело вытянем, а не то, что переходить от одного обкома к другому, дожидаясь, пока тебя за шиворот не поймают. (Сталин. Все-таки у вас хуже дело обстоит, чем у многих других.)

Если бы у нас не так плохо обстояло дело, так нам бы за это дело не попало. Конечно, я тут себя в этом отношении не пытаюсь смягчить. Поэтому решение Центрального комитета, которое принято по Киевскому обкому, оно абсолютно правильно. Я ни в какой степени не пытаюсь рассматривать это постановление с точки зрения какой-нибудь несправедливости. Правильное решение.

Вот мне задавали вопрос относительно того, как у нас было во время чистки и проверки партийных документов. Оказалось, дело плохо все-таки. По Киевской области у нас во время проверки и обмена партийных документов троцкистов было исключено 53 человека, а после обмена — 317 человек. Троцкистов было вскрыто только 53 человека. (Голос с места. Это преимущественно из аппарата?) Ну да, преимущественно из аппарата и других партийных органов. Вот возьмите по другим областям Украины. По Харьковской области при обмене было исключено 30 человек троцкистов, после обмена — 400 человек. По Днепропетровской — при обмене было исключено 89 человек, после обмена — 225 человек. По Донецкой — при обмене было исключено 100 человек, после обмена — 263. По Одесской — при обмене — 40 человек, после обмена — 137 человек. Это все троцкистов. Характерно, что чистка была перед этим. Вот т. Мануильский очистил Киевскую партийную организацию. (Мануильский. К сожалению, не дочистил.) Да, не дочистил, потому что Дзенис помогал. Если бы не

было Дзениса, дело было бы лучше, а то взял из Москвы помогать себе Дзениса.

Прошла чистка предварительная, потом проверка партийных документов, потом обмен, и все-таки так плохо глядели за врагами и троцкистами, главным образом, что получилось то, о чем я вам говорил, то есть когда выдали партбилеты, пришлось исключать больше в 3-4 раза троцкистов и врагов. Возьмите вы, во время проверки и обмена было исключено из партии троцкистов и других врагов, работающих в партийном аппарате, всего 182 человека. Как они распределялись? По Киевской области — 27, по Харьковской — 44, Донецкой — 30, Днепропетровской — 24, Винницкой — 16, Черниговской — 13, Молдавской — 6. Все они непосредственно работали в партийном аппарате. После обмена партийных документов эта цифра удвоилась, значительно увеличилась. Значит, плохо глядели, очень плохо глядели тогда.

Я, товарищи, не буду здесь перечислять о том, где, сколько, каких врагов сидело. Об этом т. Косиор уже говорил по Украине. По Киевскому обкому вы очень хорошо знаете. Я только хотел остановиться на некоторых таких вопросах, которые вытекают из проекта постановлений по докладу т. Сталина, который мы будем здесь принимать. Конечно, нужно сейчас очень круто перестроить нашу партийную работу. Надо наладить наши хозяйственные органы — областные и краевые, — чтобы они лучше заработали и мы имели бы возможность уделять больше времени, больше внимания партийной работе, выращиванию кадров, подбору кадров, заниматься партийными организациями и отдельными членами партии. Основной вопрос состоит в том, что мы должны разгрузить себя от хозяйственной работы.

Удастся ли это скоро сделать? Мне кажется, не удастся. У нас, на Украине, скоро, через дней 15, наверное, начнем сеять, или раньше, и нам это сейчас не удастся сделать в ближайшее время. Еще сразу невозможно это сделать потому, что дело не такое легкое. Все-таки три-четыре года направлены были в области партийной работы на то, что мы должны были заниматься хозяйственными вопросами. И сейчас перестроиться в короткий срок не удастся. Мы будем перестраиваться, и мы это сделаем.

Взять, например, вопросы, которые обсуждались на заседании бюро обкома по Киевской организации. За 1936 г. прошли через бюро обкома 3679 вопросов, из них партийных — 529 из 3679. Конечно, если прибавить то, что было с обменом, проверкой партдокументов, то это можно довести до 1300 вопросов, но проверка и обмен партдокументов — это исключительный вопрос. Стало быть, из этих почти 4 тыс. вопросов, было, по крайней мере, процентов 80 хозяйственных вопросов, надо отметить, что избавиться от этих вопросов мы не могли.

Конечно, сейчас главный вопрос заключается в том, как перестроить хозяйственные органы, как перестроиться самим. Решение ЦК ВКП(б) по докладу т. Сталина идет нам на помощь, и я думаю, что с помощью Центрального Комитета мы эти ошибки свои выправим, в том числе и я должен очень много, как говорил т. Шеболдаев, пересмотреть у себя, в своей методике работы и практике, в знании людей, которых мы не знали, считали их самыми лучшими людьми, других людей не искали, потому что считали, что легче найти готовых людей, а они нас сейчас обманули, в том числе и меня. От этой практики подбора людей, близких людей, тех, которых хорошо знал, надо отказаться.

А н д р е е в. Слово имеет т. Берия.

Б е р и я. Товарищи, совершенно очевидно историческое значение доклада т. Сталина о недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистов, двурушников, диверсантов, находящихся в партийных организациях.

Наша партия всегда придавала исключительное значение партийным кадрам, призванным руководить, организовывать и направлять все дело социалистического строительства нашей величайшей родины. Тов. Сталин неоднократно заострял внимание всей нашей партии на задачах подготов-

ки, политического воспитания партийных кадров, на вопросе их воспитания в духе ленинизма, в духе непримиримой борьбы со всякого рода отклонениями от генеральной линии нашей партии.

После принятий сталинской конституции, при переходе на новую избирательную систему, а также в связи с уроками, вытекающими из фактов многочисленных, изобличающих наших врагов, троцкистов, зиновьевцев, в их изменнической работе и правых, задача дальнейшего воспитания партийных кадров приобретает особенно актуальное значение.

Как обстоит дело и как обстояло дело у нас в Грузии в области воспитания партийных кадров? Специфическая особенность политического положения Грузии в прошлом обусловлена особыми трудностями в деле воспитания партийных кадров. В Грузии были сильны буржуазно-националистические партии — меньшевики грузинские, национал-демократы, дашнаки и др. Грузия, Азербайджан и Армения представляли в период господства национально-буржуазного правительства Грузии — меньшевиков, муссаватистов и дашнаков — арену кровавых боев, национальных столкновений, когда в припадке шовинистического бешенства резали друг друга.

В первые годы советской власти не были ликвидированы последствия национальной розни, антагонизм между народностями Закавказья, сильно чувствовалась даже борьба среди рабочего класса. Меньшевики, дашнаки, муссаватисты вели активную борьбу против советской власти. В это время внутри грузинской партии возникли националистические уклоны, которые опирались на грузинских меньшевиков, бывших кулаков, помещиков, дворян, и выражали их идеи. Они проводили бешеную борьбу против ленинско-сталинской национальной политики, в особенности в Грузии, и не случайно, что еще тогда Троцкий в 1923 г. взял под свое покровительство, под свою защиту грузинских уклонистов, направил их борьбу против партии, против Ленина, против Сталина.

В беспощадной борьбе с меньшевиками, национал-уклонистами и контрреволюционными троцкистами росли и крепились партийные кадры большевиков Грузии. После того, как решением ЦК ВКП(б) Сергей Миронович Киров и Серго Орджоникидзе были выдвинуты на руководящую работу в центр, в руководстве партийными организациями и в воспитании кадров в Закавказьи были допущены большие извращения, большие перегибы. Если, например, взять руководство Орахелашвили, который с 1927 по 1929 г. был секретарем Заккрайкома, то Заккрайком тогда плохо руководил партийной работой, плохо занимался выдвижением кадров, усилением связи масс с руководством, что было записано в специальном решении ЦК ВКП(б) в 1929 году.

Тов. Орахелашвили сменил Криницкий, т. Кахиани остался секретарем Грузии, который допустил целую серию перегибов в национальной политике, в особенности в национальной политике города и деревни. Руководство не сумело исправить допущенных им ошибок. Секретариат, состоящий тогда из пяти работников: Криницкий, Назаретян, Элиава, Кахиани, Карев, проявили беспринципное взаимное подсиживание, занимались интригами и склоками. Могла ли тогда идти речь о развертывании воспитания большевистских кадров? Конечно, нет.

Возьмем период 1930 г., когда первым секретарем был Ломинадзе, а первым секретарем Грузии — Гогоберидзе, крайкомом руководили двурушники, они не воспитывали кадры, а развращали их, направляли клеветнические информации ЦК ВКП(б), учили обманывать партию, учили двурушничать. (П о л о н с к и й. Не все были двурушниками.) Конечно, т. Полонский, еще бы того не хватало, чтобы все были двурушниками. Речь идет о Рахул Ахундове, Чаплине и др. Один сам себя застрелил, насчет Чаплина я не знаю. (Г о л о с с м е с т а. Полонский дрался с ними?) Полонский дрался, об этом всем известно. Могла ли тогда идти речь о большевистском воспитании партийных кадров? Конечно, нет.

Дальше, после снятия Ломинадзе Заккрайкомом руководил Х.[...], Лаврентий, Мамулия. В руководстве Лаврентия, Мамулия были также допущены серьезные ошибки, в особенности по крестьянскому вопросу.

В целом имела место беспринципная борьба отдельных лиц за влияние на кадры, как республиканские, так и грузинские. Подбор руководящих кадров на этой почве, их расстановка в 1931 г. производились не по-деловому, не по принципу партийному, а от того, кто к какой группе примыкает, кто кого поддерживает. Поэтому контрреволюционные и никчемные люди, ничего из себя не представляющие как работники, как партийцы, легко находили доступ к руководству и партийному и советскому.

На Оргбюро ЦК ВКП(б) в 1931 г. при обсуждении положения республик Закавказья т. Сталин говорил, что в Закавказьи нет единой воли партийной организации, а есть воля отдельных атаманов. При таком состоянии партийных организаций Закавказья и Грузии могла ли идти речь о правильном большевистском воспитании партийных кадров? Конечно, нет.

Товарищи, остановился я на характеристике руководства партийных организаций Грузии и Закавказья прошлых лет потому, что дело политического воспитания партийных кадров — это не есть дело одного года или двух лет. Партийные кадры воспитываются годами на конкретной практической работе в ходе повседневной борьбы за правильное проведение генеральной линии нашей партии. Я на этом вопросе остановился еще потому, что вследствие допущенных в прошлом крупнейших извращений вопрос воспитания, подбора и подготовки партийных кадров уже в 1931 г. встал перед нами со всей остротой. Тов. Сталин неоднократно указывал нам — большевикам Закавказья — на задачи политического воспитания молодых кадров. Допущенные извращения создали те трудности, с которыми мы столкнулись в деле политического воспитания и выращивания партийных кадров. Учитывая эти трудности, мы под руководством ЦК ВКП(б) и личных указаний т. Сталина занялись работой по организации и воспитанию партийных кадров. Большевики Грузии и Закавказья прежде всего, товарищи, развернули работу для того, чтобы вырвать с корнем элементы атаманщины.

В первую очередь наше внимание было обращено на разгром контрреволюционных, антисоветских и иных элементов, которые проникли в партийные органы, бывших меньшевиков, троцкистов. В контрреволюционном троцкизме национал-уклонизм, уходящий своими корнями в меньшевизм, получил, наконец, свое окончательное выражение. Лишь немногие из бывших уклонистов остались вне рядов троцкизма.

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о злодейском убийстве т. Кирова, письмо о проверке и обмене партдокументов и ряд решений, которые рассылались краевым комитетам и ЦК нацкомпартий ЦК ВКП(б), ряд решений, которые публиковались, нам помогли, товарищи, еще выше поднять бдительность большевиков Грузии. С начала проверки партдокументов по Грузии исключено из партии троцкистов и зиновьевцев 780 человек. В числе разоблаченных оказалось семь человек в самом составе ЦК партии, два члена Тбилисского комитета. За 1936 г. по Грузии было арестовано 1050 человек троцкистов и зиновьевцев, из которых 83 человека уже осуждены и высланы.

Среди арестованных бывших троцкистов, национал-уклонистов, троцкистов, которые побывали в ссылке и потом были возвращены, из этой тысячи возвращено из них около 450. 450 человек являются такими, которые были раньше троцкистами и уклонистами. (Ж у к о в. А тысячи нет?) Из тысячи около 500 человек — это бывшие уклонисты и троцкисты, которые побывали в прошлом в ссылке. (Ж у к о в. А 500 человек?) Я русским языком говорю, а вы лучше меня должны знать русский язык.

В связи с этим я должен затронуть вопрос о возвращающихся из ссылки. В Грузии за последний год вернулось из ссылки бывших членов антисоветских партий — меньшевиков, дашнаков, мусаватистов — около полторы тысячи человек. За исключением отдельных единиц, большинство из возвращающихся остается врагами советской власти, является лицами, которые организуют контрреволюционную вредительскую, шпионскую, диверсионную работу.

Что с ними делать, это мы знаем, мы знаем, что с ними нужно поступить, как с врагами. Но я ставлю этот вопрос в связи с тем, что некоторые политические ссыльные не разоружились. Не надо их возвращать в места их прежнего жительства. (Голос с места. Правильно.) Уроки, вынесенные нами из злодейского убийства т. Кирова, из разоблачений, сделанных на двух троцкистских процессах, и из материалов гнусной деятельности правых, очень поучительны. Они требуют от нас максимального повышения бдительности. Надо чаще проверять людей, тщательнее проверять их работу. Если партийные организации тщательно следят за работой советских и других хозяйственных органов, проявляя бдительность к отдельным сигналам партийных и беспартийных, тогда можно своевременно нащупать врагов партии, своевременно свести на нет вредительскую и контрреволюционную работу наших врагов.

В прошлом в составе руководящих партийных кадров, особенно в районах Грузии, была большая текучесть. Секретари обкомов, горкомов, райкомов, председатели райисполкомов сидели два-три, не больше, месяца.

Нами это положение теперь изживается. В Грузии из 75 первых секретарей обкомов, райкомов и горкомов бессменно работают четыре и больше лет — 35 человек, от двух до четырех лет — 23 человека. Относительно слабые работники заменяются, товарищи, после того, как мы убеждаемся в том, что никакая помощь руководства не может удержать их на руководящей работе. Из городов — Тбилиси, Батуми, Сухуми, Кутаиси — посылались работники в районы не только на руководящую работу, но и на низовую партийно-советскую работу. Так, например, за один 1936 г. было послано по решению пленума ЦК Грузии около одной тысячи человек. Вся эта тысяча человек была предварительно просмотрена аппаратом ЦК партии и персонально утверждена на бюро ЦК Грузии.

Из этих посланных около 200 человек — председатели сельсоветов, около 350 — специалисты, агрономы, зоотехники сельского хозяйства. Для Грузии это немаленькое дело.

В области выращивания и воспитания молодых партийных кадров у нас практиковалась такая работа. Еще молодые, сырые работники брались в аппарат ЦК, где мы их держали полгода, год, иногда чуть больше, и потом уже выдвигались нами на самостоятельную работу. Будучи в аппарате ЦК, они окружались соответствующим вниманием и заботой.

Немаленькая работа, как и везде, проводится и у нас в области подготовки и переподготовки партийных кадров через соответствующие партийные учебные заведения. Например, по Грузии за 1936 г. истрачено свыше 6 млн. руб., но старая практика многочисленных, многообразных краткосрочных кусов и система подбора слушателей не могла обеспечить удовлетворительную теоретическую подготовку партийного актива.

Совершенно прав т. Сталин. И у нас в прошлом была никуда не годная практика посылки на учебу как в Москву, так и наши грузинские учебные заведения малоспособных, провалившихся на работе людей, иногда провинившихся перед партией, обиженных и недовольных. Эти люди учились, получали высшее образование за счет государства и часто пополняли собой кадры антипартийных контрреволюционных групп.

Совершенно правильно т. Сталин поставил вопрос о поднятии на должную высоту марксистско-ленинского обучения и переподготовки партийных кадров. В деле подготовки и обучения партийных кадров ныне устанавливается большевистский порядок.

Я привел примеры работы ЦК Грузии в области подготовки и подбора партийных кадров не для того, чтобы смягчить наши недочеты, наши ошибки. Указания т. Сталина о недостатках партийной работы целиком и полностью относятся и к работе компартии Грузии.

Сделал я это для того, чтобы доложить пленуму ЦК об особенностях работы компартии Грузии за последние пять лет. Практика работы отдельных районных первичных партийных организаций в Грузии также показала, что контрреволюционные троцкисты и другие враги партии, как правило, орудовали и вредили там, где была слаба и запущена партийная работа.

И в Грузии имело место грубое нарушение внутривнутрипартийной демократии, подмена хозяйственных органов, кстати, я должен здесь оговориться, есть наркоматы, которые не хотят иметь своих уполномоченных в республиках, так, например, Наркомтяжпром. У нас имеется около 40 объектов, очень крупных объектов, и приходится ЦК партии самому превратиться в уполномоченного Наркомтяжпрома, потому что никакого аппарата нет, а в Конституции это предусмотрено, никем это не отменено и никто не отменит. Но мы по сей день таких уполномоченных не имеем.

Дальше, товарищи, у нас была группа нарушений. У нас со стороны партийных организаций недостаточно было уделено внимания партийно-воспитательной работе. Слабо была развита самокритика. Допускалась вредная практика кооптаций. Так, например, в составе пленума ЦК Грузии имеется четыре человека кооптированных. Можно было этого не делать, никакой надобности и спешки не было, но все же сделали. Имеются также кооптированные в ряде обкомов, горкомов и райкомов. Так же, как и в других краях и областях, мы нарушали устав партии в отношении сроков перевыборов партийных органов. Не приходится ссылаться на то, что перевыборы задержались в связи с проверкой и обменом партийных документов. После утверждения ЦК итогов обмена партдокументов мы провели перевыборы во всех наших районных организациях. Там не было тайного голосования, но персональное голосование было. Списками ни в одной организации, нигде кандидаты не предлагались, лица назывались на самом собрании. Уже это дало положительные результаты, и было немало случаев, когда отдельные товарищи, которые были убеждены, что они пройдут, были провалены. Был отсеив.

Товарищи, из политической работы нашей партийной организации я очень коротко хочу остановиться на работе среди интеллигенции, так как этот вопрос для Грузии и, я полагаю, для других национальных республик имеет большое значение. Мы имеем немало фактов, когда двурушнические, предательские троцкисты блокируются с антисоветскими националистическими группами, борющимися против партии и против Советской власти. Хотя Грузия сама по себе невелика, но актив у нее немаленький, и основная масса старой интеллигенции была заражена ядом национализма, довольно значительная часть интеллигенции была антисоветски настроена с западной ориентировкой, ориентировалась на запад, на так называемую европейскую культуру, минуя Советский Союз. ЦК Грузии в прошлом вел работу с интеллигенцией неправильно, неумело, доверял отдельные участки культурного фронта националистическим, а иногда и враждебным, элементам, проводил работу не непосредственно, а связывался с интеллигенцией через них. Благодаря этому зачастую не коммунисты влияли на эту интеллигенцию, а враждебно настроенные слои интеллигенции влияли на коммунистов.

Плохо была поставлена подготовка и советской интеллигенции. За последние годы нами была проведена большая работа по укреплению коммунистами основных участков идеологического фронта и по очистке культурного фронта от действительно враждебных контрреволюционных элементов, считая, что перевоспитание кадров интеллигенции и вовлечение ее в социалистическое строительство может быть осуществлено главным образом в процессе практической творческой работы. ЦК партии ставил перед творческими работниками конкретные задачи. Такого рода непосредственная связь широких слоев интеллигенции с работниками партии дала положительные результаты, и теперь можно сказать, что подавляющее большинство из них, из интеллигенции, не мыслит своей творческой работы вне советской власти. Однако несмотря на все это нам нужно много еще поработать и много сделать в области интернационального воспитания и сплочения кадров, национальных кадров вокруг партии, вокруг советской власти.

Доклад т. Сталина и мероприятия, предлагаемые на рассмотрение Пленума ЦК, ставят перед всей партией исключительно важные задачи перестройки партийных организаций, устранения серьезных недостатков,

которые благоприятствовали проникновению двурушнических троцкистско-фашистских элементов в нашу партию, в нашу партийную организацию.

То, что сказал т. Сталин о задачах, вытекающих из капиталистического окружения нашей страны, особенно крепко надо усвоить нам, большевикам Закавказья и Грузии. Во-первых, потому, что мы являемся пограничными республиками; во-вторых, потому, что в прошлом у нас были сильные антисоветские партии, остатки которых превратились в наших заклятых врагов, превратились в агентов фашизма, в агентов иностранных контрразведок, а часть антисоветских партий, вышибленных из наших советских республик, обивает сейчас пороги штабов иностранных армий; в-третьих, потому, что Грузия, Армения и Азербайджан являются объектами особенно усиленной работы империалистических держав. Большевики Грузии сделают все для того, чтобы решения пленума Центрального Комитета партии и указания т. Сталина неуклонно провести в жизнь.

А н д р е е в. Объявляется перерыв до 6 часов.

4 марта 1937 года. Вечернее заседание

А н д р е е в (председательствующий). Заседание открывается. Слово имеет т. Кабаков, потом т. Яковлев, затем т. Гамарник.

К а б а к о в. Товарищи, доклад т. Сталина со всей остротой вскрыл язвы в нашей работе, вскрыл политические ошибки, которые мы допустили в коренных вопросах руководства. Он со своей силой и глубиной открыл пути исправления ошибок, допущенных нами — руководителями.

ЦК исправлял не раз ошибки Свердловской партийной организации. Тов. Сталин особенно много раз указывал на наши упущения и ошибки. «Правда» повседневно широко вскрывает язвы и запущенность в постановке партийной работы. И вот несмотря на такую исключительную помощь, вследствие того, что я как руководитель оказался наивным, доверчивым, слепым, партийная организация оказалась особо засоренной.

Мне кажется, товарищи, каждому из вас ясно, я работаю на Урале около девяти лет, бесспорно, за эти девять лет при правильном руководстве, при такой работе, как учит нас руководитель т. Сталин, безусловно, такой запущенности, засоренности не должно было бы быть.

Что мы имеем? Председатель облисполкома Головин оказался троцкистом, Чернецов — секретарь Первоуральского района — крупнейшего промышленного центра — оказался троцкистом, Дьячков — второй секретарь Пермского горкома — оказался троцкистом, заведующий отделом пропаганды Пермского горкома — тоже троцкист, Акуджава — первый секретарь Тагильского горкома — тоже оказался троцкистом. Новик — директор Института марксизма — оказался троцкистом, подмоченными оказались ряд заведующих отделами областного комитета партии. (С м е х. Г о л о с с м е с т а. Н а с к о л ь к о?) Я расскажу. Они не исключены, но то, что они скрыли свои ошибки в 1923 г. и в последующее время, то оставлять их в качестве заведующих отделами нельзя. Заведующий отделом пропаганды Узюков, заведующий отделом школ Кузнецов, заведующий отделом культпросветработы Сорокин. Всего после обмена партийных документов активных троцкистов и диверсантов исключено около 160 человек. (С т а л и н. А сколько членов партии на Урале?) 18 тыс. с кандидатами. Кроме этого, за сокрытие участия в оппозиции, за сокрытие троцкистов — 193 человека.

Я, бесспорно, должен был знать историю Уральской партийной организации. Троцкисты имели на Урале глубокие корни. Уфимцев, Зорин, Харитонов, Мрачковский имели глубоко законспирированный актив. Только сейчас вскрылось участие такого члена партии, как Кожевников. Он с 1907 г. член партии, считался верным защитником линии Центрального комитета, рабочий. Моисеев — член партии с 1907 г., Иванова, Детковский — они все считались членами партии без всякой травмы. Боролись в гражданскую войну. В 1923 г. боролись против троцкистов. Они никогда официально троцкистами не числились. На деле оказались

ярыми участниками троцкистских организаций, за все время борьбы с троцкистами никогда не прекращали вести троцкистскую работу. Не менее солидной явилась группа законспирированных правых.

Мне, товарищи, понятна роль Урала. Мне кажется, роль Урала в борьбе по защите границ нашего Союза Советских Социалистических Республик особенно ответственна. И на этом участке, как нигде, вопрос о чистоте партийных рядов должен быть исключительным. Я понимаю всю свою ответственность за те упущения, которые имели место. Как это получилось, что Головину удалось обмануть меня? Не скажу, чтобы это был человек, особенно политически развит. Нет, этого у него не было. Я не скажу, что им были довольны члены бюро обкома партии, члены обкома партии. На меня очень сильно жали. Мне не раз говорили о том, зачем ты держишь, некоторые выражались таким образом: посадил в поле оглоблю и отливаешь ее водой, все равно не отольешь, не выйдет. (Сталин. Ага, сигналы были? Смех.) Да, верно, т. Сталин. Он коренной уральский рабочий, участвовал активно в гражданской войне. (Жуков. На стороне Колчака или нас?) Нет, на нашей стороне, активно участвовал против троцкистов. Мне казалось, что за один год, за два года председатели облисполкома не растут. Что же я не видел? Это то, что это звериное двурушничество превратилось в систему их работы — обман партии.

Вот, что показывает Головин: «В конце 1931 г. вспоминаю разговор со Стригановым. В начале разговора он подчеркнул, что первый секретарь уральского обкома — Кабаков выдвинул меня в качестве члена бюро обкома...» (Косиор. А действительно ты его выдвинул?) Выдвинул я его, честно, членом бюро обкома и заведующим отдела кадров, секретарем обкома и председателем облисполкома. Мне здесь вину сваливать не на кого. Он и говорит: «...выдвинул меня в качестве члена бюро обкома и заведующего отдела кадров...» (Косиор. Одним словом, выдвинул оглоблю. Смех.) ... хочет получить от меня опору не для того, чтобы систематически выдвигать старых уральцев, а в целях их обмана. Он вполне уверен в том, что я на эту удочку пойду... (Сталин. Нашла коса на камень. Смех.) ... чтобы не поддаваться, а наоборот, противопоставить линии Кабакова свою, уральскую, линию». В то время, когда проходило первое выдвижение, первые шаги, человек сейчас уже определил линию против руководства.

И дальше, Стриганов ему сообщил, что он говорил с Мрачковским о том, чтобы учитывать перспективы его дальнейшего выдвижения и меня лично держать в троцкистском подполье Урала в большом законспирированном положении. Почему мне было хорошо работать? (Сталин. Это он говорит?) Да. Вот почему, я всегда смог отвертеться тем, что я проявлял линию слабости к своим землякам, к старым уральцам и троцкистов просто проглядел.

С первых шагов была напечена определенная программа, как себя вести на этих этапах борьбы. После того, как он связался с Пятаковым, здесь уже вопрос стал еще серьезнее. Пятаков ему говорит, что я, говорит, намеревался еще более тебя законспирировать, совершенно отстранить от какой бы то ни было троцкистской работы в троцкистском подполье, с тем, чтобы держать в третьей линии окопов, это, другими словами, — в резерве на случай войны. (Андреев. Ваше время истекает.) Прошу продолжить мне время еще на десять минут.

Андреев. Нет возражений? Продолжить слово на 10 минут.

Кабаков. Когда я слушал доклад товарища Сталина, я должен прямо сказать, что я сгорал от стыда и за свои политические ошибки, за те щели, которые мы открыли врагам в нашей партийной организации. Мы занимались чем угодно: медью, углем, лесом, машиностроением, все считалось нашим непосредственным делом, но забросили партийную организацию, а мне кажется, та партийная организация, которая имеется в Свердловской области, — это партийная организация боеспособная. Выросли прекрасные кадры. У нас имеется 2344 первичных организаций, 48 тыс. членов партии. У нас имеется в партийной организации членов партии

с высшим образованием около 10%. Законченное среднее образование имеют 20% членов партии. За эти годы произведена большая работа по переподготовке руководящего партийного состава. Только за один 1936 г. переподготовлено инструкторов, первых секретарей 476 человек. Учатся в различных кружках 50 тыс. человек, вместе с сочувствующими и комсомольцами. В партийной сети 37 тыс. членов партии учатся. У нас имеется 2 800 пропагандистов, из которых 2597 человек утверждены, просмотрены, и нужно сказать, что после проверки меньше всего пострадали пропагандистские кадры — те, которые проверены, за исключением красной профессуры.

В области имеется агитаторов, чтецов, беседчиков 15 098 человек. (Сталин. Многовато что-то, все ли они агитаторы?) Товарищ Сталин, конечно, есть недостатки здесь. В целом ряде организаций не все агитируют, но то, что они не агитируют, виноваты не они, а виноваты парторги, виноваты мы, что плохо контролируем.

Бесспорно, что при таком составе парторганизации были все необходимые условия для того, чтобы в каждой группе рабочих, не только в своих собственных рядах, развернуть такую политическую работу, которая действительно бы в каждом уголке вскрывала враждебные силы троцкистов, правых. А нам, товарищи, вскрыть это было не так трудно потому, что настолько нагло, пакостно вредили на каждом участке, что только слепому нельзя было видеть.

Что ставили они себе? Вот Чернецов, секретарь райкома, что он говорил? «Захват участниками партийного аппарата, подчинение этого аппарата, хотя бы в отдельных звеньях, тому, чтобы ослабить сталинское руководство». Что ставили они перед собой, какие задачи? Практически срывать выполнение директив Центрального Комитета партии, разлагать работу самого аппарата, дискредитировать его в глазах широких масс, сделать его небоеспособным, бюрократичным, иначе говоря, парализовать партийный аппарат, взять медь.

Это же буквально участок, который заставлял нас каждый день всматриваться, заниматься им. Что там происходило? Сидел Росин — троцкист, Калегаев сидел — троцкист, Пятаков им руководил — троцкист. На шахте Красногвардейской как только кончили строительство, посадили троцкиста. Сняли троцкиста, посадили нового троцкиста. С самого основания медной промышленности непрерывно во главе рудника сидели троцкисты и, безусловно, хозяйничанье таких людей чрезвычайно пагубно отражалось как на производственной жизни, так и на культурно-бытовых условиях. Что мы видели? Плохо идет дело, помогай! Влезали в технику, занимались непосредственно работой по организации рабочих на производстве, занимались борьбой за дисциплину, но не видели, кто за этими безобразиями стоит.

Возьмем второй факт. В угольной промышленности Абрамов у нас около пяти лет сидел. Мы его сняли за правый оппортунизм, оказался — ярый, махровый троцкист. (Сталин. Это одно и то же.) Одно и то же, т. Сталин, но он выглядел в то время как правый оппортунист. Мы его сняли за уклоны, но не вскрыли по существу, что он из себя представляет. (Шкирятов. Хрен редьки не слаще.) Что делали в своей практической повседневной работе эти враги? Можно привести такой факт. В Первоуральске заведующий трестом Ровинский показывал: «У меня был член контрреволюционной террористической организации Гнатовский Клемент Иосифович. Гнатовский знал хорошо технологию питания, и если мне надо было ударить по качеству питания, я давал ему директиву, и качество питания немедленно ухудшалось. Заделавшись рабкором, Гнатовский писал шельмующие коммунистов корреспонденции, через него я подбирал материал на коммунистов и комсомольцев. Гнатовский писал мне докладные записки с изложением компрометирующих материалов, и я на основании этих материалов давал распоряжение об увольнении и отдаче под суд. Я при помощи Гнатовского и бухгалтера Коростелова и привлеченного для этого дела юриста Иванова подобрал материал на

коммунистов, подтасовал факты, переложил вину на коммунистов в растратах и хищениях в столовой, в плохом питании, обсчете рабочих путем повышения цен на обеды и добился отдачи их под суд. И этим судом эти коммунисты осуждены на разные сроки...»

А н д р е е в. Все, тов. Кабаков. Время истекло.

К а б а к о в. Я, товарищи, что могу сказать? То, что записано в резолюции, указывает нам пути, как нужно исправлять наши ошибки. Доклад т. Сталина учит нас, как нужно бороться с врагами, как воспитывать партийные организации и как организовать победу. Я лично для себя извлек урок и сделаю все, чтобы исправить допущенные ошибки.

А н д р е е в. Слово имеет т. Яковлев.

Я к о в л е в. Разрешите мне на нескольких примерах проиллюстрировать те недостатки партийной работы и необходимость всех мер по ликвидации троцкистских агентов фашизма, которые указаны т. Сталиным в его докладе и предусмотрены проектом резолюции пленума по его докладу.

Я начну с Москвы. Если судить по «Рабочей Москве», являющейся органом Московского Комитета, если судить по тому документу, каким является отчет МК за вторую половину 1936 г. (это огромная книжка, выпущенная только в феврале 1937 г.), то на основании этих объективных данных можно было бы судить, что в Московской организации дело более чем благополучно, что она, безусловно, лишена тех недостатков, которые бичевал т. Сталин.

Однако уже имеется ряд данных, которые заставляют предполагать, что дело здесь не столько в полном благополучии, сколько в том, что в Московской организации не развернулась по-настоящему та работа по критике и самокритике, которая развернулась в других организациях.

Я это хочу засвидетельствовать на примере одного из районов Москвы. В Москве есть Ростокинский район, это не последний район. Здесь имеется ряд крупных заводов. Район, который по признанию москвичей, по их оценке считается стоящим не на плохом уровне. Здесь имеются такие заводы, как «Калибр», завод № 58 им. Ворошилова, завод «Спецавтомашина» и т. д., то есть это район с крупными промышленными предприятиями. (Г о л о с с м е с т а. Средний район.) Да, в том смысле средний, что когда мы хотели знакомиться с работой одного из районов, работники Комиссии Партийного Контроля, посоветовавшись с москвичами, решили взять Красную Пресню. Я им сказал: возможно, что Красная Пресня настолько знаменитый район, что тут едва ли уловишь то, что характерно для среднего района. Мы поэтому условились взять более типичный, средний район Москвы.

Я хочу начать с практики валовых исключений из партии, которыми в этом районе так же, как и в других кое-где, МК подменил те поиски врагов партии, которых ЦК требовал во всех решениях по проверке партийных документов.

Вы все помните, какой суровой критике на прошлом пленуме т. Сталин подверг эту практику массовых валовых исключений. То, что было видно т. Сталину уже тогда, к сожалению, всем нам стало видно гораздо позже, стало видно, насколько вредна была эта практика подмены работы по выявлению и исключению из партии врагов практикой массовых валовых исключений. В проекте постановлений этого Пленума т. Сталин снова бичует наших руководителей, которые считают пустяковым делом исключать из партии тысячи, десятки тысяч людей.

Как обстоит дело в Ростокинском районе? Когда просматриваешь дела Ростокинского района, то поражает огромное количество дел исключенных из партии. Вот, например, на заводе «Калибр» членов и кандидатов числится 198, а исключенных из них — 110 человек. На заводе «Спецавтомашина» коммунистов 56, а исключенных 53 человека (я потом расскажу, как это получается). (Г о л о с с м е с т а. За какое время?) Я все скажу. Эти цифры сами по себе неприятны, но они ничего особого собой не представляли бы, если бы в отношении исключенных дело обстояло бы так, что исключались

действительные враги партии. А как же здесь дело обстоит? Вот когда мы, Комиссия партийного контроля, познакомились со 155 исключенными на трех предприятиях, из них 62 исключены за пассивность. Из этих 155 2/3 работают на производстве больше 10 лет, 70 — слесаря, токаря, шлифовальщики, инженеры, техники. Из этих 125 — 122 стахановцев.

В чем же здесь дело? Мне кажется, дело в том, что здесь имел место полностью тот седьмой недостаток, о котором т. Сталин говорил в своих тезисах, — отсутствие внимания к людям. Что это так, я засвидетельствую на ряде примеров исключенных.

Акимов числится исключенным. Кто он такой? Четыре года был в армии, работал комсоргом на пограничной заставе. На заводе «Калибр» — на военном заводе — работает наладчиком, стахановец. Ныне несмотря на то, что он исключен из партии, работает в профкомитете. В чем же дело? Почему он исключен? Я обращаюсь к официальным материалам, цитирую протокол заседания Дзержинского района за подписью секретаря этого райкома г. Перчика: «Акимов. Кандидат в члены ВКП(б)... (читает)... Таким образом, этот Акимов исключен за политнеграмотность». (Г а м а р - н и к. А был в армии комсоргом на пограничной заставе!). Да, человек энергичный, человек волевой по всем отзывам, которые мы там слышали. В чем же дело? Дело в следующем: поводом к его исключению послужило то, что он пропустил несколько занятий кружка.

Я приведу несколько примеров в отношении женщин. Я выбрал женщин потому, что у нас в партии женщин меньше, чем мужчин, и отношение к женщине должно быть несколько иным, более терпимое. Вот Дьяченко числится исключенной из партии. Кто она такая? Револьверщица завода «Калибр», была бригадиром одной из женских бригад, работает на производстве 13 лет. До 1935 г. работала на профсоюзной работе, работала в детском саду, сама проводила читку газет. Сама проводила! Теперь исключена как балласт.

В чем же дело? Оказывается, во время проверки партийных документов она болела, немного отстала, ее вышибли из партии. Она апеллировала на исключение, ответа до сих пор не получила. После исключения из партии просила заместителя секретаря парткома, чтобы он ей как-нибудь помог: «Я хочу как беспартийная работать». Ей отказали, видимо, опасаются дать этой беспартийной работнице общественную работу. (С т а л и н. Это безобразие.) За что же ее исключили? Опять цитирую протокол заседания того же самого Дзержинского райкома № 156 за подписью секретаря этого райкома т. Перчика. Вот здесь написано: «Дьяченко, год рождения 1904, рабочая, кандидат в члены ВКП(б) с 1934 г. ... (читает) ... как балласт из кандидатов исключить». (С т а л и н. Что же ее раньше не предупреждали о непосещении? Ведь должны были предупредить.) Никто ее об этом не предупреждал. Все товарищи, которые опрашивались в связи с этим, руководители партийной организации, заявляют — прошляпили, недоглядели. А у нее был такой период, 2—3 месяца, когда она болела и несколько отошла от партийной жизни.

Следующая женщина — Горина. 12 лет работает на производстве, браковщица на заводе № 58. Она не посещала занятий. Тут уже установлена точно причина непосещения; у нее сын 14 лет был все время хулиганом, сейчас он хороший мальчишка и учится неплохо, и она вынуждена была водить его в школу, чтобы он не сбежал по дороге, и приводить из школы, потому что он домой не приходил. В это время она манкировала некоторыми требуемыми с нее обязанностями. До вступления в партию она была членом завкома. Женщина — член завкома, это человек не пассивный. Она была также членом комиссии рабочего контроля при столовой, председателем ЖАКТА. После своего исключения из партии она просила, чтобы ее привлекали к общественной работе. Ей отказали. Она не пассивный человек. У человека несчастье, ей пришлось с мальчишкой два-три месяца повозиться, выправила она мальчишку, хочет вернуться к общественной работе, ей отказывают. О ней имеется такое постановление: «Горина, кандидат в члены партии, политически совершенно неграмотна...» (читает). Мало того,

что ее исключают из партии как пассивную, но и пишут: «как не оправдывающую доверия партии». Вы помните, как т. Сталин ставил вопрос об исключении из партии и сравнивал это дело с исключением из колхоза. А здесь этой женщине бубновый туз на спину приклеили. Она не попадет в нашей официальной статистике как пассивная. Мне кажется, что мы имеем в ряде партийных организаций такое положение, что после того, как Центральный Комитет потребовал — не смейте бить за пассивность, ищите врагов-троцкистов, их надо бить,— после этого графа «пассивный» в статистике стала исчезать. Но это исчезла графа, а не исчезли фактически исключенные за пассивность.

Следующий пример. Михайлова — станочница военного завода № 58 им. Ворошилова. 18 лет непрерывно работает на заводе, сдала техминимум, с точки зрения производственной она по общему отзыву — одна из лучших производственниц. Но не только с производственной точки зрения она активна. Она работала женделегаткой, работала с беспризорными, являлась рабкором многотиражки. Разве это человек пассивный? Нет. Исключена по таким мотивам: «За сокрытие социального положения при вступлении в партию»... (читает). Здесь, кажется, дело более серьезное. Что же оказывается на деле? Оказывается, что муж, умерший за два года до вступления ее в партию, по возвращении из армии был поражен параличом и занялся дома ремонтом мебели, чтобы хоть немного подработать. Это подтверждается буквально всеми документами. И вот по этому поводу жену его, вступившую в партию спустя два года после его смерти, вычищают из партии «за сокрытие социального положения». Это — человек, который имеет 18-летний заводской стаж работы!

Я не знаю, нужно ли еще такие примеры приводить. Может быть, разрешите этим ограничиться. У меня есть под рукой еще ряд таких примеров. Они означают то, что это не только данные по Московской организации. То, что они имеют гораздо большее распространение, свидетельствует железнодорожный транспорт. На сети железных дорог СССР насчитывается около 75 тыс. исключенных из партии коммунистов — членов партии и кандидатов, на сети — 156 тысяч. В ряде пунктов исключенных столько же или даже больше, чем коммунистов. На станции Красный Лиман Донецкой железной дороги исключено 56, а коммунистов — 39. (Сталин. Как это получилось?) В депо Дар... (читает, кончая словами: «в кондукторском резерве станции Лиски коммунистов 42, исключенных 52»). Исключенными оказываются в значительной своей части квалифицированные рабочие с большим производственным стажем, среди них много стахановцев, ударников. Исключена очень большая часть за пассивность, политнеграмотность и неуплату членских взносов.

Как это вышло? Это вопрос, который каждого из нас просто волнует. (Сталин. Как это может быть: коммунистов меньше, а исключенных больше из такой-то организации? Голос с места. Это осталось после исключения.) Сейчас имеется коммунистов 39, а исключенных 56 на этом предприятии. Я сейчас дам эти цифры по чистке и проверке партийных документов, в чем дело. Я иллюстрирую на примере Ростокинского района. Когда ЦК потребовал, не на прошлом пленуме, а на пленуме, который до того был, в конце 1935 г., т. Ежов поставил перед москвичами вопрос: у вас плохо с поисками и с изгнанием из партии врагов. В ответ на это ряд организаций быстро нагнали нужный процент. Кто попал в этот процент — я анализ этот дал. В этом дело, и что именно в этом — это явствует вот из чего: после проверки партийных документов, при обмене, после проверки, было обнаружено 210 троцкистов, после обмена партийных документов обнаружено 680 троцкистов, а между тем при одном обмене исключено 14 тыс., то есть выходит, что троцкисты благополучно проскочили в основной своей массе и через проверку, хотя проверка была организована гораздо лучше, чем прежние чистки, но они проскочили и через проверку и через обмен партийных документов, и фактическое изгнание их началось только тогда, когда началось настоящее раскрытие их контрреволюционной деятельности.

Я не хочу, чтобы вы меня поняли так, что я хоть в какой бы то ни было степени умаляю значение проверки партийных документов и обмена партийных документов,— они помогли изгнать тысячи врагов. Проверка партийных документов дает меньший процент пассивности, чем это произошло в 1933 г. при чистке, когда было по официальным данным исключено за пассивность 71 тыс. коммунистов.

Некоторую иллюстрацию этого по Москве дают тезисы т. Сталина: «Некоторые наши партийные руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас большая и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела глубоко антипартийные».

Так сказано в проекте постановления. Что здесь дело идет не только о Москве, разрешите проиллюстрировать на следующих трех фактах. За чистку партии было исключено 303 тыс. человек. (Г о л о с с м е с т а. В 1933 году?) В 1933—1934 гг., в том числе 71 тыс. официально вычищено за пассивность. За проверку вычищено, согласно официальной справке сектора учета нашего, 306 тыс. человек, причем в графе пассивных стоит тире, как будто бы их нет. (Г о л о с с м е с т а. Как?) Так у меня написано в официальной справке. Эту справку я привожу не для того, чтобы засвидетельствовать, что перестали исключать за пассивность, а для того, чтобы доказать это тяжелое предположение для всех нас, что не поняли, видимо, того, о чем говорил т. Сталин на прошлом пленуме. И это пошло дальше по инерции. Так получилось, что мы, по одной версии, имеем 306 тыс., по другой,— 263 тысячи. Два варианта подсчета проверки: один от 10 февраля, а другой — от 17 февраля. По обоим этим вариантам считали, и как будто исключенных по пассивности нет. Что касается троцкистов, то получилось так, что, проскочив и чистку и проверку, после обмена они попались. После обмена уже исключено 6600 человек. После обмена, то есть после третьей операции,— столько, сколько при проверке партдокументов, и вдвое больше, чем при обмене.

Теперь перехожу к тому, не имеет ли место и не являются ли сигналом такие факты по Московской организации, того, что и в Московской организации имеет место та атмосфера простодушия, взаимного самовосхваления, которую с ленинской прямоотой т. Сталин громит в своем проекте постановления, фактов, которые создают атмосферу безнаказанности для троцкистских агентов иностранного капитала. Я беру пример с Ростокинского района, приведу факты четырех предприятий, которые там имеются.

Завод «Спецавтомашина». Партком не переизбирался с декабря 1933 года. Из семи выбранных членов парткома не осталось никого. Это в Москве. Из семи выбранных членов парткома на московском предприятии не осталось никого, все ныне имеющиеся члены парткома кооптированы.

Завод «Моспластмасса». Из четырех членов парткома три кооптированы. На заводе «Калибр» со времени XVII партсъезда сменилось 18 парторгов. Ни один из них не отчитывался перед сменами, перед общим собранием коммунистов завода. Завод «Мосэлемент» — за один год сменилось четыре члена парткома. Это все Ростокинский район. Ни один из них не отчитался перед общим собранием. Таковы факты, демонстрирующие тезисы товарища Сталина о подмене некоторыми организациями выборности кооптацией, назначением.

В еще большей мере заставляет насторожиться тот факт, что и в Московской организации эта общая формула, что все, что делается, все, что происходит, хорошо, разумно и прочее, все это имеет универсальную формулу: «По инициативе Никиты Сергеевича». Эта формула доходит до заводских организаций. Я не буду приводить много примеров. Формула, которая заменяет открытое, честное партийное разъяснение того, что люди хотят сделать. Вот решение бюро Ростокинского райкома от 3 декабря 1936 г.: «Предложить парткому завода и секретарю парткома тов. Гуревичу...

(ч и т а е т) ... повседневную помощь в их работе». Это по вопросу о работе цеховых партийных организаций. Ни указаний, в чем она состоит, ни как должна проводиться. Дают общую формулу, в которую люди могут вложить все что угодно, потому что она не расшифрована.

28 июля 1936 г. на заводе «Спецавтомашина», я беру завод, обсуждается вопрос. В постановлении записывается: обсуждаются итоги лагерной кампании, выступление т. Беглецова принять как практическое предложение. (Г о л о с с м е с т а. Кого?) Беглецова — секретаря партийного комитета. Второй вопрос. Обсуждается самоотчет коммуниста Узко. По этому самоотчету записывается: выступление т. Беглецова принять как практическое предложение по самоотчету Узкова (С м е х.) Третий вопрос. Заслушивается самоотчет Лагурина и записывается следующее решение: выступление т. Беглецова принять как практическое предложение по самоотчету т. Лагурина. Четвертый вопрос. Заслушивается доклад о работе с сочувствующими. По этому докладу принимается решение: выступление т. Беглецова принять как практическое решение для работы. (С м е х.) Подпись — секретарь партийного комитета Беглецов.

Конечно, это уродливые факты и даже более чем уродливые. Но факт, что все-таки постановление это, видимо, было и в райкоме и т. д., но нигде, видимо, не было обращено внимания на то, что такое решение ни есть партийный метод, ни есть большевистское решение, здесь большевизмом не пахнет ни на одну миллионную. Что с такого рода фактами сочетается крайняя нелюбовь к критике, в какой бы то ни было форме, явствует, к сожалению, на примере данных организаций. Я еще раз повторяю, я не выхожу из пределов Ростокинского района.

На заводе им. Ворошилова, Ростокинский район, выступил беспартийный слесарь с деловой критикой начальника цеха. После выступления этого рабочего уволили с завода как лодыря, начали гонять с одной работы на другую. Коммунист выступил в роли знающего, что он коммунист. В это же время на этом важном для оборонных целей заводе, вопреки сигналам коммунистов о том, что парторг видного цеха — троцкист, ничего не предпринимается. Это требование вытекает из того метода, способов улучшения положения, о которых указал нам т. Сталин.

На «Мосэлементе» коммунистка Соколова несколько раз указывала партийному комитету, что с газовым хозяйством неблагополучно. Руководство прошло мимо этого указания, в результате были два взрыва газгольдеров. Коммунисты сигнализировали о том, что троцкисты пролезли в ряд отделов, а это очень важный завод — оборонный завод, но меры приняты не были. Вот факты по Ростокинскому району.

Я больше не буду приводить фактов, думаю, что если предположим, что это район заброшенный, возможно, так же, как бывают районы заброшенные в области, в районе может быть заброшенное село, так же может быть и этот Ростокинский район заброшен в Москве. Никита Сергеевич сам сказал вначале, что это район средний. (Х р у щ е в. Средний, да.) Если это средний, то очень плохо. Я думаю, что это не средний, а именно слабый район.

Я хотел бы здесь привести несколько фактов, относящихся к Курской области. Я не буду приводить здесь никаких тех фактов, которые относятся к непосредственным причинам, которые вызвали решение ЦК об освобождении т. Иванова от работы секретаря Курского городского комитета.

Я хотел подчеркнуть другую сторону дела. Здесь положение было такое. В ОблФУ сидел троцкист, который дошел буквально до издевательства. Взять, например, заведующего отдела пропаганды — был троцкист, прислали другого, другой троцкист. Вот, например, Моховской и Чернянский районы, где был наибольший сгусток безобразий. В обоих этих районах секретари оказались троцкистами. В это же время буквально огромная энергия тратится Курским обкомом на то, чтобы всячески скрыть от партийной организации те указания, которые дал ЦК, и ту критику, которой подверглись те недостатки Курского обкома со стороны товарища Сталина, и, с другой стороны, скрыть те трудности, которые имеются.

Вот факт. Здесь присутствует много секретарей, которые были на совещании работников нечерноземной полосы. Вы помните, что там принимала участие и Курская область. Вы помните, что деятельность Курского обкома была подвергнута суровой критике со стороны т. Сталина.

Я спрашивал членов бюро и членов пленума, информировал ли их т. Иванов об этой критике т. Сталина, которой подверглась деятельность Курского обкома? Оказывается, не информировал. Если бы он во-время информировал, можно было бы исправить недостатки, вплоть до принятия крутых мер. Но мне буквально все заявили, что не слышали.

Второй факт. В июле 1936 г. ЦК партии получил письмо от директора МТС, который жаловался на то, что его несправедливо обижают. Это новый директор, который был послан в порядке укрепления организации по просьбе же Иванова. Товарищ Сталин написал в Курский обком по этому поводу письмо, в котором сказано: «Направляю вам письмо в ЦК недавно назначенного директора МТС Шулейко в помощь вам... (читает) ... ЦК предлагает дать объяснение по вопросу о Шулейко».

Я спрашивал там же, на пленуме, всех членов пленума: слышали ли вы об этом, что в Курске получена такая телеграмма от ЦК, от товарища Сталина, все опять-таки в один голос сказали — нет не слышали. Мало того, на бюро эта телеграмма была оглашена только через 10 дней после ее получения и то по требованию одного из членов бюро. Так т. Иванов информировал об указаниях ЦК свою организацию.

С другой стороны, как он информировал о положении дел в области? Я приведу два факта: о трудностях в Курской области ЦК узнал не от Иванова, не от руководства Курского обкома. Мало того, дело дошло до прямого обмана в целях, как это говорится, сохранения чистоты ведомственного мундира. (Голос с места. Или сокрытия истины.) Сохранение ведомственного мундира здесь превалирует над всем. Люди думают, если они скроют, может быть, это как-нибудь обернется, выскочит. Так было дело.

Получено сообщение о том, что в одном из района введена трудовая повинность. ЦК отменил это и предложил наказать виновных. Обком сообщает: «Виновные выявлены и наказаны, отданы под суд». А потом оказалось, что введена трудовая повинность по требованию самого обкома. Вместо того, чтобы сказать правду, признаться в своей ошибке, которую каждый может допустить, вместо того, чтобы сказать, что люди невинны, что они выполняли наши распоряжения, вместо этого дается ответ: я наказал виновных. А вина их заключается в том, что они выполнили незаконное распоряжение обкома. Я думаю, что эта практика сокрытия правды, недостаточная правдивость, она, конечно, ни к чему хорошему не приведет, а только к худшему. Именно на этой почве, когда вся энергия направлена на то, чтобы сберечь мундир, этот мундир приходится терять. Это и видно на примере т. Иванова.

Третий вопрос, на котором я хотел бы в нескольких словах остановиться, чтобы дать критику недостатков нашей работы, относится к недостаткам пропаганды марксизма-ленинизма. Тов. Сталин критику, вам всем известную, схем истории, примененных нашими учебниками, критику, которая, безусловно, является настоящим образцом применения ленинских методов, т. Сталин противопоставил тогда метод исторический, метод марксистский методу формально-схоластическому как неленинскому и немарксистскому. Насколько живы и крепки эти традиции схоластические и антиленинские у некоторых групп работников на историческом фронте, видно из истории того, что получается у нас с учебниками.

Вы знаете, что Центральному Комитету партии, т. Сталину пришлось подвергнуть программу учебников вторично критике, когда они были представлены, они не удовлетворяли требованиям ЦК. Факт тот, что эти учебники, представленные на конкурс, несмотря на то, что тут имеется безусловное продвижение вперед, страдают тем же недостатком подмены метода исторического, метода марксистского методом формально-схоластическим, неленинским. Источник, который с каждым днем

теперь становится все более ясным, ибо, видимо, здесь дело не в том, что люди не понимают, а в том, что здесь работала крупная группа троцкистов, которые подсовывали вот в эти самые учебники, и в схемы разные, и в преподавание неленинские методы.

Я не знаю, нужно ли приводить примеры. Я приведу несколько просто для иллюстрации того, как вопросы, казалось бы, далеко отстоящие от сегодняшнего дня, все же вот этот самый антиленинский метод троцкисты пытаются протащить.

Факт, например, такой. Описывая остатки и пережитки крепостничества после 1861 г., авторы, как правило, не используют Ленина. Я попробовал сделать чисто техническую работу — противопоставить тому, что пишут в учебниках, то, что написал Ленин по этому вопросу. И смею вас заверить, что просто честный пересказ ленинской характеристики дает материал во сто крат более точный, ясный и доступный, чем жвачка некоторых искалеченных антиленинскими и антисталинскими методами учебников и историков.

Второй факт. В описании событий эпохи Богдана Хмельницкого, в тех понятиях и выражениях, которыми описывается гражданская война на Украине, борьба кулаков с середняками и все прочее, все почти учебники замазывают положительную роль Хмельницкого в деле борьбы с Польшей и весь центр тяжести переносят на измену Хмельницкого массам батраков и бедняков-крестьян.

Следующий пример. Факт, что у всех них сразу большевистская партия выступает как признанный всеми рабочими и крестьянами вождь народа. В результате совершенно непонятны все события, охватывающие полстолетия, в частности не понятны как причины поражения революции 1905 г., так и причины победы 1917 года.

Факт, что сталинский тезис о том, что Россию били за отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную, который дает один из важнейших ключей, один из самых важных ключей к истории России последнего полувека, историками не понят. В результате непонятной остается вся роль России, ее превращение из страны убогой в страну могучую.

Факт, например, что история гражданской войны почти как правило сводится к тому, что против нас выступают русские помещики и капиталисты и отодвигается на задний план то, что эти помещики и капиталисты, эсеры и меньшевики уже тогда выступали как передовой отряд иностранного капитала. В результате значение гражданской войны того периода суживается до чисто русского явления.

Я извиняюсь, что отвлекаю ваше внимание формальными и не имеющими прямого отношения к обсуждаемому вопросу вещами. Но я должен сказать, что пункт третий тезисов т. Сталина требует того, чтобы пропаганда из монополии группы пропагандистов стала делом всех нас, всех членов ЦК, на какой бы они работе ни были.

Другим примером недостатков в преподавании является действовавшая до последнего времени программа преподавания политэкономии в вузах, комсельшколах и учебниках. Вам известно решение ЦК партии по этому вопросу. Вам известно, что ЦК отменил программу преподавания политэкономии, осудил имеющиеся учебники по политэкономии. Я цитирую постановление ЦК: «Они вопреки прямым указаниям Ленина и Сталина сводят общеисторическую науку к формальным определениям, экономическим терминам и понятиям и тем самым уводят ее в область талмудизирования и абстракции».

Какие недостатки подверглись в этом решении ЦК наибольшей критике? Первым недостатком было то, что в программах, в учебниках, в практике преподавания курс политэкономии, этой конкретной исторической науки, сводили к определению основных категорий: товар, фетишизм, стоимость, рента. В то время как Маркс всегда подчеркивал, что политэкономия есть наука общественно-историческая, некоторые наши талмудисты выхолости-

ли из нее весь конкретный исторический материал и оставили одни дифиниции, определения, что противоречит методу Маркса, Ленина, Сталина.

Вторым недостатком и программы, и обучения, и практики было то, что, ставя во главу угла эти основные категории, их определения, авторы смешивают в одну кучу различные общественные формации: капитализм, социализм. Они определяют, что такое товар, и на примере капитализма, и на примере социализма. В результате у людей путаница в головах. Роль денег в СССР изучается до того, как учащиеся получили представление о процессе разложения феодального способа производства. Раздел «Общие законы капиталистического накопления» заканчивают разделом: «Уничтожение безработицы в СССР в итоге первой пятилетки». ЦК, руководствуясь работами Ленина и Сталина, потребовал такого преподавания политэкономии, которое давало бы конкретно историческую характеристику возникновению капитализма, империализма и социализма.

Третьим недостатком было то, что из практики преподавания, из учебников изымалось фактически преподавание оригинальных работ учителей марксизма-ленинизма. Факт, что лучшие страницы Маркса не упоминаются, не приводятся, а жвачка наших красных профессоров из «школки школок» зачастую выдавалась за действительную науку. Ленинское «Развитие капитализма в России», которое является непревзойденным документом в истории политэкономии, фактически исчезает в практике преподавания. Теперь ясно, откуда это пошло. Дело не просто в ошибке. Это, безусловно, исходило от троцкистов, для которых ленинское учение есть самое ненавистное.

Характеристику социалистического общества мы имеем в ряде работ т. Сталина. Речь на XVII съезде является примером того, как точно и коротко нужно и можно охарактеризовать социалистическое общество. Вы этой характеристики не найдете. Во многих учебниках она подменяется замороженными фактами, зачастую подозрительными. Люди зубрят зачастую вместо того, чтобы понять, а троцкисты пользуются этим и ловят рыбу в мутной воде зубрежки.

Я не буду приводить других примеров. Мне кажется, совершенно ясно, что здесь дело не в том, что тот или иной преподаватель ошибся или недостаточно понял. Безусловно, что по линии этого идеологического фронта мы имели настоящее вредительство такого же типа, как в промышленности, которое выражалось в этой подмене ленинского и сталинского метода методом не нашим, методом троцкистским. Факт тот, что почти в каждой сельскохозяйственной школе, почти в каждом вузе оказалась группа троцкистов, которые были лидерами этого типа преподавания. Факт тот, что среди троцкистов оказались именно наиболее заскоруждые преподаватели, которые отстаивали этот метод и подменяли конкретно-историческую ленинскую науку дифинициями и определениями.

В заключение я хотел бы сделать два замечания. Первое касается связи рассматриваемого нами проекта постановлений настоящего Пленума со Сталинской Конституцией. Выборы в Советы трудящихся будут генеральной проверкой каждого звена нашей партии. Это будет самой суровой проверкой для организации в целом, для руководителей краевых, областных, районных и сельских, буквально для каждого звена это будет проверкой, проверкой выборами снизу доверху, народ проверит каждое звено нашей партии. Никто не сомневается в том, что партия в целом, как об этом предупредил т. Сталин еще на съезде Советов, выйдет настоящей победительницей. Но можно не сомневаться в том, что некоторые звенья нашей партии могут провалиться в том или иной районе, в том или ином пункте, если не будут исправлены ошибки в работе. Для того, чтобы этих провалов было меньше, необходима та проверка партией всех выборных органов, о которых идет сейчас речь, улучшение работы, тот учет уроков троцкистской деятельности агентов фашизма, что предусмотрено в проекте постановлений настоящего пленума и в докладе т. Сталина,— это первое.

Второе замечание, и последнее, оно касается того значения, того поворота партийной организации, о котором мы сейчас говорим с точки зрения

укрепления нашей партии. Я думаю, что многие из нас, обсуждая то, что говорили здесь, на этом пленуме, и в частности доклад т. Сталина, возвращались мыслями к «Основам ленинизма» т. Сталина, к лекциям, которые он читал в 1924 году. Вы все их помните. Вы помните, с какой силой еще в 1924 г. т. Сталин в качестве основной черты метода ленинизма выдвигал лозунг самокритики как единственный метод подлинного воспитания кадров в духе воспитания... (ч и т а е т).

Тов. Сталин, так же, как и т. Ленин, высмеивали и пригвождали к позорному столбу вот этот метод. Там же, в «Основах ленинизма», т. Сталин говорил, что этот метод не наш, не большевистский. Вы знаете, что т. Сталин в «Основах ленинизма» ссылается на ленинскую брошюру «Шаг вперед, два назад» 1904 г. и на работу Ленина «Детская болезнь левизны», где Ленин считал умение исправлять ошибки основным качеством большевика, умеющим воспитывать и обучать для социалистической революции не только свой класс, но и все народные массы. Вот почему именно к этой работе, где т. Сталин дает наиболее исчерпывающую характеристику и теоретической и практической сторон ленинизма, невольно обращалась мысль, когда мы слушали тезисы т. Сталина о недостатках и мерах ликвидации деятельности троцкистских фашистов. Эти тезисы представляют собою образец применения метода ленинизма к конкретным условиям настоящего времени.

Ход этого пленума показывает, что в нашей среде нет никого, кто бы сомневался, что этот метод ленинизма с такой силой защищаемый и применяемый т. Сталиным,— единственный метод, при помощи которого мы еще более укрепим нашу партию, укрепим базу пролетарской диктатуры и разгромим всех врагов.

(Продолжение следует)

«Забытые» страницы Великой Отечественной войны (1941—1945)

Дэвид М. Глантц

Обычный читатель воспринимает историю противоборства двух крупнейших европейских армий, происходившего на необозримой территории, на отличающемся колоссальной протяженностью и крайним разнообразием природных условий театре военных действий, с множеством сменявших друг друга наступательных и отступательных операций, главным образом через описание таких великих битв, как Московская, Сталинградская, Курская и Берлинская. При этом западные читатели склонны рассматривать операции на Восточном фронте как своего рода фон для более драматических и значимых, по их мнению, сражений на Западном театре военных действий, таких как Эль-Аламейн, Салерно, Анцио, Нормандия и др.

То, что читатель — неспециалист придерживается столь несбалансированной точки зрения, легко объяснить. В массовом сознании обычно закрепляются наиболее яркие события, особенно заметно выступающие на фоне мозаики, образующей историю четырехлетнего противоборства. К тому же западный читатель, как правило, имеет дело с трудами, написанными по большей части на германских источниках, в которых военные действия обычно описываются как операции против безликого и бесформенного врага, располагающего огромной армией и неиссякаемыми людскими ресурсами. Впрочем, и многие более информированные читатели разделяют такой неправильный подход.

Но вторая мировая война должна быть изучена во всех подробностях. Только тогда можно осмыслить в полном объеме ее ход и все ее региональные и глобальные последствия. В том, что это еще не сделано, повинны историки как западные, базирующиеся в основном на германских источниках, так и советские, не сумевшие предложить полное и заслуживающее доверия описание хода военных действий на Восточном фронте. Разумеется, свою роль сыграли и политические, и идеологические факторы, а также и настроения, порожденные холодной войной.

К сожалению, западному читателю мало доступны те работы советских авторов, которые действительно удовлетворяют научным требованиям. Чаще всего к нему попадают работы общего характера, страдающие тенденциозностью и неточностями. Печать идеологической заданности лежит и на многих солидных трудах, авторы которых испытывали давление вовсе не разделяемых ими взглядов. В западной историографии второй мировой войны не случайно превалирует германская интерпретация происходивших

в те годы событий. В этой ситуации получают хождение столь же сенсационные, сколь и недобросовестные и даже лживые сочинения, вроде книг В. Суворова — «Ледокол» и «День М». Разумеется, вышеуказанные упреки нельзя адресовать всей советской (или российской), как и всей западной историографии¹.

К числу наиболее острых вопросов, стоящих перед современными исследователями истории минувшей войны, относятся многочисленные пробелы в описании хода военных действий, «забытые», «пропущенные», по тем или иным причинам игнорируемые исследователями операции, сражения и битвы.

Западный исследователь, который берется за изучение этих операций, неизбежно сталкивается с рядом трудностей. Советские авторы, давая общее описание хода военных действий, подчас просто игнорировали операции, которые, по их мнению, не сыграли важной роли или же были специально рассчитаны на дезориентацию противника, имели демонстративный характер, не говоря уже о том, что многие из них вообще окончились неудачей. Со своей стороны, и германские авторы склонны сосредоточивать внимание главным образом на основных операциях, выделяемых и описываемых российскими авторами. Обращает на себя внимание, что германские авторы сплошь и рядом воспринимают советские вооруженные силы как некую нерасчлененную целостность; в донесениях германских штабов, сообщавших о почти не прекращавшихся советских контратаках с трудом различается, какие именно части в них участвовали (это можно объяснить на начальной стадии высокими темпами наступательных операций вермахта, а впоследствии ухудшившимися возможностями для ведения разведки).

Операции, о которых идет речь в этой статье, длительное время пребывали в тени таких крупных военных действий, как наступление по плану «Барбаросса», Московская, Сталинградская, Курская битвы, форсирование Днепра, действия на Правобережной Украине и в Белоруссии. Характерно, что «забытые» операции приходятся, как правило на те стадии, когда спадал наступательный порыв советских войск.

Для преодоления указанных пробелов следует шире использовать советские монографии и мемуары, вышедшие в те периоды (например, между 1958 и серединой 60-х годов), когда допускалась определенная беспристрастность, было возможно более открытое освещение событий Великой Отечественной войны. Тогда увидели свет подробные и беспристрастные мемуары, монографии и обзоры военных операций. Общественность смогла узнать о крупных неудачах, постигших советские войска в ходе Харьковского сражения в мае 1942 г., поражениях советских войск под Харьковом и в районе Донбасса в феврале — марте 1943 года. О некоторых из этих «забытых» операций говорится в мемуарах Л. М. Сандалова, М. Е. Катукова, в описании истории 1-го мех. корпуса М. Д. Соломатина. Однако эти мемуары отражают лишь некоторые стороны этих операций.

Открытые к настоящему времени архивные фонды, в частности, документы Генерального штаба, а также труды академий Генерального штаба и им. М. А. Фрунзе еще не позволяют дать действительно полное описание хода войны. Это побуждает историков продолжить поиски необходимой информации в других местах. Пожалуй наиболее важным ее источником могут стать еще мало используемые германские архивные документы. Мемуары же крупных германских военачальников писались обычно без обращения к архивам, в основном — по памяти и по отрывочным заметкам, из-за чего страдают неполнотой, безликостью описания операций советских войск и поэтому только эскизно обозначают контуры и проблемы «забытых» операций. Современные военно-исторические монографии, хотя авторы их не преодолели эти недостатки, все же, как и новые публикации архивных документов, помогают выявить сами эти операции и поместить их в общий контекст развития военных действий.

Очевидно только кропотливое изучение архивных фондов, при всей трудоемкости этого дела, способно обеспечить историков материалами,

необходимыми для заполнения утерянных или «забытых» страниц в истории войны. Наиболее непосредственное и беспристрастное отражение происходящего на театре военных действий дают ежедневные оперативные и разведывательные карты, которые велись в штабах фронтов, групп армий, отдельных армий, корпусов и дивизий. Сопровождаемые донесениями и объяснительными записками они непосредственно выражают сущность и интенсивность каждой операции, напряженность боев на различных участках фронта, показывают все изменения, происходившие на линии соприкосновения противостоящих войск.

Автор настоящей статьи не стремился охватить все «забытые» операции на советско-германском фронте. Скорее, это первая попытка, иллюстрирующая, что может дать историку даже достаточно поверхностное знакомство с германскими архивами. Думается, и она помогает понять, как много мы еще не знаем об этом грандиозном противоборстве, определить пути дальнейших исследований, направленных на то, чтобы написать воистину полную историю второй мировой войны.

* * *

Советские контратаки и контрудары в ходе операции «Барбаросса» (июль — сентябрь 1941 года). На острие наступающих германских армий были четыре мощные танковые группы, нацеленные на Ленинград, Москву и Ростов. Это наступление часто изображается как серия успешных ударов, кульминацией которых должно было стать овладение советской столицей. Историки пытаются выделить стадии этого наступления, их последовательность, цели, хронологические рамки.

Западные историки стремятся доказать, что неудача германского наступления, так и не сумевшего решить основную задачу, была связана с огромными российскими пространствами, ужасом русской зимы, недостатками, присущими германским штабам и организации тыла. В их работах излагаются некоторые детали приграничных сражений, минского окружения советских войск, боев в районе Смоленска, маневра германской армии в южном направлении и последующего киевского окружения, октябрьских успешных прорывов в районе Брянска и Вязьмы, а затем провалившегося финального рывка на Москву, о неудаче которого эти авторы часто открыто сожалеют.

Российские источники позволяют осветить этот период более детально. Российские авторы обоснованно подчеркивают, какое значение имели для результатов Московской битвы сражения, развернувшиеся между границей и Подмосковьем. Они выдвигают на первый план замешательство советских войск и жестокость приграничных сражений, подчеркивают значение Смоленского сражения, титанические усилия Ставки, направленные на то, чтобы собрать, сосредоточить и ввести в бой те стратегические резервы, которые в конечном счете расстроили германское наступление. Они упоминают, хотя и не подвергают достаточно серьезному разбору упорное сопротивление советских войск германскому наступлению на той стадии, когда оно еще не продвинулось на столь беспрецедентную глубину. В частности, не рассматриваются подробности контрударов и контратак, которые ломали боевые порядки германских войск и в конечном счете сорвали германское наступление. Эти советские контрдействия, приходящиеся на июль, август и сентябрь 1941 года, заслуживают более детального изучения и разработки.

Как минимум, следует упомянуть о следующих операциях. Июль — операции Западного фронта в направлении Лепеля (6—11 июля); Северо-Западного фронта в районе Сольцы (14—18 июля); контрудары Западного фронта (как осуществленные, так и планируемые) вдоль р. Днепр (13—17 июля), включая действия — 22-й армии (у Гродно), 19-й армии (под Витебском), 20-й армии (около Орши), 13-й армии (около Старого Быхова), 21-й армии в направлении Бобруйска, а 16-й армии и остатков 4-й армии — на Горки; Юго-Западного фронта в направлении Дубно (1—2 июля) и Но-

вгород-Волынского (10—14 июля). Август — наступательная операция Северо-Западного фронта в районе Старой Руссы (12—13 августа); наступательные действия Западного фронта в районе Смоленска (11 августа — 9 сентября); продолжение (до 7 августа) Бобруйской операции; наступление Юго-Западного фронта в районе Коростеня (5 — 8 августа). Сентябрь — Ельнинская наступательная операция Западного фронта (30 августа — 8 сентября); Рославльско-Новозыбковское наступление Брянского фронта (30 августа — 12 сентября).

Советские историки описали некоторые детали этих операций, но многое относится к низшим оперативно-тактическим уровням. Так, великолепные примеры героизма проявили бойцы 63-го и 67-го стрелковых корпусов в районе Рогачева. Ясные и четкие сообщения имеются о Бобруйской операции, о действиях 5-го и 7-го механизированных корпусов при Лепеле ². В германских сообщениях о Бобруйском наступлении (например, в мемуарах Х. Гудериана и других источниках), оно отнесено к рубрике «Контрнаступление Тимошенко». Это же можно сказать и в отношении операции на Ленинградском направлении. В своих мемуарах Манштейн упоминает об упорных боях в районе Сольцы и Старая Русса. Впоследствии и в советских публикациях упоминались эти бои, хотя и не со столькими подробностями, как в германских источниках. Также обстоит дело и с описанием тяжелых боев в районе Смоленска в германских популярных изданиях. Советские публикации дополняют его рядом подробностей, в частности о группе В. Я. Качалова, которую разбили танковые корпуса Гудериана ³. К сожалению, в советских сообщениях меньше говорится о деятельности и судьбе других оперативных групп, сражавшихся в районе Смоленска.

В воспоминаниях А. И. Еременко, в чем то дополняющих мемуары Гудериана, не содержатся важные подробности о Рославль-Новозыбковской операции. Пока еще ощущается недостаток в источниках как по этой, так и по Ельнинской операции. Блестящая работа А. В. Владимирского «На Киевском направлении» (М. 1989) наконец пролила свет на те напряженные усилия, которые предпринимали войска Юго-Западного фронта для того, чтобы сдержать натиск германских войск в направлении Киева. Но и здесь остро ощущается потребность в источниках, содержащих более подробное описание этих операций.

Таким образом, налицо множество пробелов в освещении боевых действий, относящихся к критической фазе операции «Барбаросса» и требующих более подробного разбора. Однако еще важнее раскрыть стратегическую цель, сущность и значение этих операций. Советские авторы обращают большое внимание на те представления о тактике наступательного боя, которые были свойственны командирам Красной Армии, воспитанным в довоенные годы. Эти представления во многом определяли характер планирования и проведения ими наступательных операций в 1941 году. Неудачи в этих операциях были по большей части связаны с этими представлениями; стратегические подходы, оперативная и тактическая подготовка операций не могли преодолеть эти недостатки.

В статье «Восстановление стратегического фронта на Западном направлении (июль 1941 г.)», опубликованной в «Военно-историческом журнале» в 1976 году (№ 8), Б. Панов и Н. Наумов писали, что в конце июня — июля 1941 г. перед Ставкой встала трудная задача — восстановить фронт стратегической обороны от Полоцка до Полесья, не допустить продвижения немецких войск к Москве и одновременно разбить его силы мощным контрударом наземных сил и авиации. Но возникает вопрос: насколько эти усилия были связаны между собой и в какой мере они направлялись приказами Ставки? А если это руководство действительно имело место, то в какой степени контрдействия советских войск были связаны с последующими их неудачами, как и с провалом германского плана «Барбаросса»?

Наступательные операции в ходе зимнего наступления советских войск (декабрь 1941 — апрель 1942 г.). И германские и российские авторы много писали о советской стратегической обороне под Москвой и двух фазах последовавшего за ней стратегического наступления. Германские авторы

сосредоточивают внимание на том, что происходило в непосредственной близости от Москвы, а советские историки стремятся охватить более широкий участок фронта — от Старой Руссы до Ельца. Однако события на флангах и на менее изученных участках по большей части игнорировались и теми и другими (за исключением, пожалуй, боевых действий в районе Демянска и Ростова). Это пренебрежение можно проиллюстрировать несколькими примерами.

Во время зимней кампании немцы были отброшены от ближних подступов к Москве, но главная цель — разгром группы армий «Центр» не была достигнута и в частности из-за неудач на флангах. Предпринятые здесь операции либо не дали оперативных результатов и не обрели стратегического значения, либо ослабили ударные силы Красной Армии на главном — Московском — направлении.

Среди фланговых операций, заслуживающих дальнейшего изучения, можно назвать: Любаньское наступление Волховского и Ленинградского фронтов (7 января — 30 апреля 1942 г.); Орловско-Болховское наступление Брянского фронта (январь — февраль 1942 г.); Демянское наступление Северо-Западного фронта (6 марта — 9 апреля 1942 г.).

Первая из этих операций первоначально задумывалась как прорыв блокады Ленинграда, но в конечном счете привела к ликвидации 2-й ударной армии. На Западе этот эпизод вызывает большой интерес в связи с судьбой генерала А. А. Власова, а советские историки по этой же причине старались обходить эту операцию и уж во всяком случае не упоминать имени Власова. Современных исследователей больше интересуют политические аспекты этой операции; историкам еще предстоит оценить ее в военном плане⁴.

Две наступательные операции Брянского фронта пока еще томятся в неизвестности, как и детали ряда других, приходящихся на нисходящую фазу Московского контр наступления (например, попытки 50-й армии освободить советские войска, попавшие в окружение). Между тем, если исходить из потенциальной значимости этих операций: в случае их успешного исхода — возможности ослабить резервы группы «Центр» в момент самой большой для нее угрозы, то придется признать, что они заслуживают большего внимания.

Германские источники во множестве деталей, в том числе и оперативных и тактических (с использованием данных перехватов советских радиопереговоров и показаний военнопленных), подробно живописуют ход смелой Демянской наступательной операции, преследовавшей цель прорваться к окруженной группировке своих войск. Три советские воздушно-десантные бригады, поддержанные несколькими батальонами лыжников, прорвались сквозь кольцо германского окружения, которое в то же время подвергалось фронтальным атакам. Ход этой операции может быть в деталях восстановлен по германским источникам, однако ни в одной из советских работ не упоминается об этой операции и самоотверженности более чем 7 тыс. десантников, в ходе ее погибших.

Советские наступательные и контр наступательные операции в контексте германского плана «Блау» («Брауншвейг») (июнь — июль 1942 г.). И германские и российские историки излагают многие детали операций весны и лета 1942 года. А. М. Василевский и М. И. Казаков подробно рассказывают о планировании местных наступательных операций, проведенных в период стратегической обороны. И. Х. Баграмян и К. С. Москаленко пространно описали неудачное Харьковское наступление в мае 1942 года. Другие авторы восстановили детали Керченской трагедии. В мемуарах Казакова содержатся некоторые подробности операции на подступах к Воронежу⁵.

В германских и российских работах описываются бои, сопровождавшие прорыв германских войск к Сталинграду и Кавказу. Пробелы при описании ряда эпизодов восполняются некоторыми серьезными исследованиями⁶. Однако по другим операциям эти пробелы еще сохраняются. К числу этих операций относятся: контр наступательные операции Брянского фронта

(июнь — июль 1942 г.); наступательные операции Западного фронта в июле — августе 1942 г., включая Болховское наступление (61-я армия, 5—12 июня), Жиздринские наступательные операции (16-я армия, 6—14 июля, а также 61-я, 16-я, 3-я танк. армии в августе); оборонительные бои на Южном фронте в ходе Ворошиловградской операции (6—24 июля).

Действия Брянского фронта получили освещение. Однако об операциях, которые вел Западный фронт, только мимоходом упоминается в некоторых германских монографиях и публикациях архивных документов. Ряд наступательных операций, рассчитанных на то, чтобы отвлечь часть германских сил со Сталинградского направления, предусматривали действия значительных войсковых формирований (в частности наступательные действия в августе только что сформированной 3-й танк. армии).

Операции Южного фронта описывались без особых подробностей, в общих контурах. Германские архивы очевидно содержат материалы, освещающие детально боевые действия и судьбы 38-й, 9-й, 37-й, 24-й и 12-й армий, отдельные части которых оказались в окружении, но основная масса все же избежала пленения. Как и почему это произошло, остается неясным. Еще меньше подробностей имеется о сражениях, которые вели 62-я, 64-я армии, 1-я и 4-я танк. армии на ближних подступах к Сталинграду.

Советские наступательные операции осенью 1942 года. Читатели и историки довольно подробно осведомлены о Сталинградском контрнаступлении (операция «Уран»), об операциях «Сатурн» и «Малый Сатурн» против германских и итальянских войск в среднем течении р. Дон. Но немногие знают об одновременной с «Ураном» операции «Марс», которая упоминается многими западными исследователями, но о которой умалчивают почти все доступные советские источники.

Четыре наиболее солидных российских источника касаются операции «Марс» в районе Ржева и Сычевки (24 ноября — декабрь 1942 г.). О ней упоминается в воспоминаниях Г. К. Жукова, который планировал и руководил этой операцией вместе с И. С. Коневым, М. А. Пуркаевым (хотя Конев не пишет об этой операции). Жуков сначала указывает, что эта операция преследовала цель разгромить германские войска в Ржевском выступе, однако, возвращаясь к ней после описания Сталинградской битвы, он упоминает о неудаче под Ржевом и характеризует данную операцию как просто отвлекающую (вопреки тому, что она началась 24 ноября, т. е. через пять дней после начала Сталинградской битвы и через день после окружения 6-й германской армии и продолжалась во второй половине декабря) ⁷.

Командующий 1-м мех. корпусом М. Д. Соломатин пишет, что во время Сталинградской битвы необходимо было связать германские резервы. Описывая действия своего корпуса во время операции «Марс», он упоминает о взаимодействии его с частями 41-й армии, а также и о том, что предполагалось участие других соединений Калининского и Западного фронтов в операции по разгрому немецко-фашистской группировки в районе Оленино — Ржев ⁸.

В мемуарах М. Е. Катукоса операция «Марс» упоминается, но с немногими подробностями. Он сообщает, что его 3-й мех. корпус (приданный 22-й армии) получил приказ выдвинуться для атаки и взаимодействовать с пехотой. Операция началась, по его словам, 25 ноября и после тяжелых боев в неблагоприятных погодных условиях завершилась 20 декабря ⁹.

А. Х. Бабаджанян, который в 1942 г. был командиром 3-й мех. бригады катуковского корпуса, упоминает о том, что командующий 22-й армии В. В. Юшкевич ставил перед командирами задачу осуществить совместно с войсками Западного фронта «довольно серьезную» операцию по ликвидации Ржевской группировки противника ¹⁰.

В книге об истории советской кавалерии упоминается о совместных действиях частей 20-й кав. дивизии и 2-го гв. кав. корпуса и 6-й танк. армии южнее Ржева, когда кавалерийская дивизия в течение месяца действовала по германским тылам, пока ее не вызволили части корпуса Катукоса ¹¹ (последний тоже упоминает об этом).

Упомянутые выше источники определяют эту операцию как ограничен-

ную, по сути дела отвлекающую, в которой принимали участие по крайней мере три армии, поддержанные примерно четырьмя мобильными корпусами. Но эти значительные силы не были превосходящими.

В разведывательных и оперативных донесениях, хранящихся в германских архивах, эта операция оценивается совсем по-иному. В донесении 9-й армии утверждается, что в операции участвуют 22-я и 41-я армии Калининского фронта, поддержанные 1-м и 3-м мех. корпусами. Согласно тому же донесению в операции были задействованы и 39-я армия и приданный 41-й армии элитный сталинский 6-й стрелковый корпус. В операции также участвовали три армии Западного фронта (21, 31 и 30), поддержанные в разное время 6, 7, 8 танк. корпусами и 2 гвард. кав. корпусом. Одновременно 3-я уд. армия нанесла удар по германской группировке в районе Великих Лук и достигла успеха (это подробно описано советскими историками). В дальнейшем 2-й мех. корпус мог поддержать либо 41-ю армию (в районе Белого), или 3-ю уд. армию (которая действительно получила эту поддержку). Подробные германские отчеты указывают на то, что советские мобильные силы собирались в бронированный кулак и подготовка к их наступлению была завершена ¹².

Под Сталинградом были собраны шесть армий (5-я танк., 21, 65, 24, 57, 51), включавшие в себя или поддержанные девятью мобильными корпусами (1, 26, 4, 16, 13 танковыми, 4-м механизированным, 8, 3 гвард., 4 кавал.). Им противостояли германская 6 армия и часть 4-й танков. армии, румынские 3-я и 4-я армии из армейской группы «Б». 62-я и 64-я советские армии держали оборону города. В Ржевско-Сычевской операции Жуков ввел в дело шесть армий (41, 22, 39, 30, 31, 20), поддержанных почти семью мобильными корпусами (1, 2, 3 мех., 5, 6, 8 танк., 2 гв. кавал.). Им противостояли две трети германской 9-й армии. И одновременно 3-я уд. армия наносила удар по частям 9-й армии немцев в районе Великих Лук, а три советские армии (4 уд., 43, 29) обеспечивали фланги. Учитывая армии, действующие на разных направлениях, можно сказать, что мощь советских войск и соотношение сил в районе Ржева вероятно были близки к тому, что было под Сталинградом.

24 ноября 41-я и 22-я армии, на острие которых двигались 1-й и 3-й мех. корпуса, начали наступление и прорвали германскую оборону севернее и южнее Белого и в течение нескольких дней продвигались в глубоком германском тылу. Ухудшившаяся погода и упорное сопротивление немцев в конце концов остановили продвижение механизированных корпусов. Одновременно расположенные восточнее армии Конева нанесли удары по германской обороне, не достигшие цели. Неоднократные танковые и пехотные штурмовые удары по германской обороне были отражены и атакующие понесли тяжелые потери. Части 39-й армии нанесли удар по германской обороне и потеснили немцев северо-западнее Ржева. Западнее Ржева части 31-й армии прорвали оборону немцев и перерезали железную дорогу Ржев — Оленино. Тяжелые бои продолжались в декабре. Мобильные части из германского резерва окружили и разбили основную часть механизированного корпуса Соломатина и поддерживавшего его 6-го стрелкового корпуса, отбросили корпус Катуква и сдержали атакующие 39-ю и 31-ю армии севернее железной дороги Ржев — Оленино. В середине декабря Жуков и Конев еще раз попытались прорваться и выручить части Соломатина, но и эта попытка закончилась кровопролитным провалом.

Общие потери советских войск в этой операции неизвестны, но по германским данным, они велики (считают, что только в секторе Конева с 24 ноября по 14 декабря погибло 15 000 человек и уничтожено 1655 танков), включая и гибель четырех генералов ¹³,

Два обстоятельства различают операцию «Уран» и операцию «Марс». Под Сталинградом советские армии нанесли первый удар по тем участкам фронта, которые занимали румынские войска, и сравнительно легко прорвали оборону. Под Ржевом же окопались и держали хорошо подготовленную оборону обладающие опытом германские дивизии (подобные 102-й). В отличие от положения под Сталинградом, немцы располагали здесь и 5-й

танковой дивизией, развернутой в оборонительные порядки против войск Конева, наносившего главный массированный удар. В Сталинграде германские бронированные силы были сожжены в ходе городских боев и немцы имели в своем резерве только две танковые дивизии (22-ю и 1-ю румынскую). А в Ржеве 9-я германская армия имела в непосредственном оперативном резерве четыре мобильных дивизии (1-ю и 9-ю танковые дивизии, дивизию «Великая Германия» и 14-ю танковую гренадерскую) и три других танковых дивизии в пределах досягаемости в течение нескольких дней (9-ю, 19-ю, 20-ю). Это обрекало советское наступление на неудачу.

К этому надо добавить, что операция «Уран» достаточно подробно изучена историками, чего нельзя сказать об операции «Марс».

Наступательные операции зимой и весной 1943 года. И советские и германские исследования этих операций в общем в равной степени исходят из итогов и последствий Сталинградской битвы. Обе стороны подробно освещают развитие военных действий до начала февраля 1943 г., когда наступательный порыв советских войск неожиданно обратился против них самих. Германские сообщения о событиях, имевших место в феврале — марте, посвящены в основном контрудару Манштейна в районе Донбасса, по их словам, сломавшем острие советского наступления и отбросившему части Юго-Западного фронта на Северный Донец, а впоследствии сорвавшем наступление войск Воронежского фронта, которые были отброшены к северу — до Харькова и Белгорода, в результате чего к середине марта образовалась Курская дуга.

Можно понять, почему германские историки преувеличивают успехи Манштейна в феврале — марте 1943 года и размышляют о возможных результатах, будь это наступление продолжено. Советские историки больше внимания уделяют Харьковскому наступлению и оборонительным операциям в этом районе, но менее подробно пишут о Донбасской операции. Соответствующую информацию можно лишь с трудом откопать во многих разрозненных источниках¹⁴. Но более удивительно то, что потенциально более важное наступление советских войск в конце зимы 1943 г. почти полностью остается в тени. Мы имеем в виду большую наступательную операцию Центрального фронта на Курско-Брянском направлении, которая в случае своего успеха могла привести к разгрому германской группы армий «Центр», обеспечить выход на берега Днепра и разрубить надвое германский фронт.

Наступление Центрального и Западного фронтов в районе Орла — Брянска — Смоленска (февраль — март 1943 года). Пристальное изучение советских военных мемуаров, описаний боевого пути ряда соединений позволяет восстановить основные события этой операции. Германские архивные материалы подтверждают данные советских источников и дополняют их некоторыми подробностями¹⁵. Важные свидетельства говорят о далеко идущих планах и дерзости этих наступательных замыслов и подтверждают, насколько значим был контрудар Манштейна.

В начале февраля 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования планировала провести наступательную операцию, которая должна была развить успехи, достигнутые Брянским и Воронежским фронтами на Воронежско-Курском направлении, и обеспечить прорыв Юго-Западного фронта через Донбасс, к Днепру и Азовскому морю. Имелось в виду использовать армии, освободившиеся после ликвидации группировки Паулюса, а также другие стратегические резервы для наступления по линии Курск — Брянск в направлении Днепра и Смоленска во взаимодействии с войсками Западного и Калининского фронтов. На острие наступления должен был находиться Донской фронт Рокоссовского (переименованный в Центральный фронт) (2-я танк. армия, 70-я армия из резерва Ставки, а также 65-я и 21-я армии, переброшенные из-под Сталинграда по железной дороге). Наступление нескольких фронтов должно было начаться 12 февраля. Авангарды Западного фронта (16-я армия) и Брянского фронта (13-я и 48-я армии) должны были окружить германские войска в Орловском выступе. Затем, между 17 и 25 февраля эти два фронта, поддержанные Центральным,

должны были очистить от германских войск Брянскую область и обеспечить плацдармы на р. Десна. В конечной стадии операции — 25 февраля — середина марта — Калининский и Западный фронты должны были захватить Смоленск и вместе с другими фронтами ликвидировать армейскую группу «Центр» в Ржевско-Вязьминском выступе. Вся эта наступательная операция должна была по времени совпасть с успешными действиями Воронежского и Юго-Западного фронтов, так чтобы к середине марта советские войска достигли линии Днепра — от Смоленска до Черного моря.

С самого начала это стратегическое наступление столкнулось с серьезными трудностями. Во-первых, пришлось отложить наступление армий Рокоссовского (Центральный фронт) до 25 февраля, а к этому времени уже были отброшены в результате контрудара Манштейна войска Юго-Западного фронта, наступавшие в Донбассе. Провалилось и наступление Западного фронта (Баграмяна) в районе Жиздры, хотя и предпринималась попытка вторичной атаки. Тем не менее Рокоссовский силами 2-й танк., 65-й армий и кавалерийско-стрелковой группы, сформированной на базе 2-го гвард. кав. корпуса, начал наступательные действия. Другие армии включались в операцию по мере их передислокации.

Наступление Рокоссовского вначале развивалось очень успешно. К 7 марта 2-я танк. армия А. Г. Родина овладела Севском, а кавалерийско-стрелковая группировка достигла Трубчевска и Новгород-Северского. 65-я армия П. И. Батова и соединившаяся с ней 70-я армия Г. Ф. Тарасова медленно преодолевали сопротивление обороняющихся южнее Орла германских войск, в то время как 60-я и 38-я армии на левом фланге пытались обойти 2-ю армию немцев в районе Льгова. Но успеху Рокоссовского помешали четыре фактора. Во-первых, медленно происходила передислокация «сталинградских» армий по железной дороге и шоссе через Ливны, задержалось прибытие 21-й армии, которая должна была сыграть существенную роль в наступлении на Орел. Во-вторых, плохая погода и оттепель помешали не только передислокации войск, но и самому наступлению армий Рокоссовского. В-третьих, к концу марта в результате контрудара Манштейна было подавлено сопротивление войск Воронежского фронта южнее Харькова и под угрозой оказался левый фланг Рокоссовского. Наконец, вывод германских войск из Ржевского выступа и победы на юге позволили командованию 2-й танк. армии и 2-й армии перегруппировать силы на юге и на севере, сосредоточив их против флангов наступающих советских войск. 7 марта Рокоссовский получил разрешение Ставки на перегруппировку сил в направлении своего правого фланга, имея в виду начать менее амбициозную операцию против Орловского выступа.

Впоследствии германское командование ужесточило сопротивление на Фатежско-Орловском направлении, сдерживая продвижение наступающих войск Рокоссовского, а затем передислоцированные германские войска нанесли удар по его измотанным частям на участке Новгород-Северский — Льгов. Окончательный удар по наступательным планам Рокоссовского был нанесен 11 марта, когда только что прибывшая для участия в наступлении Рокоссовского на Орел 21-я армия И. М. Чистякова была повернута на Обоянь, с тем чтобы противостоять атакам Манштейна. Безрезультатные бои на Орловском направлении продолжались до 23 марта. Войска Рокоссовского вынуждены были оставить Севск и занять оборону по линии, обозначившей в дальнейшем северный и центральный участок Курской дуги.

Таким образом, попытка широко задуманного стратегического наступления оказалась неудачной и Ставке пришлось снова отложить прорыв на линию Днепра. Все это повлияло на организацию последующих операций в районе Курска в 1943 г., но одновременно еще раз подтвердило стратегическую значимость захвата Донбасса Манштейном, как и харьковских контрударов.

Советские историки игнорируют эти операции и их значение. Даже в недавно вышедшей книге Г. Ф. Кривошеева «Гриф секретности снят:

потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» (М. 1993) не приводятся данные о людских потерях в ходе описанной выше операции (как и операции «Марс») и даже не отмечается существование Центрального фронта в феврале — марте 1943 года.

Наступательные операции в Белоруссии осенью 1943 и зимой 1944 года. Германские и советские историки подробно рассказывали о серии драматических наступательных операций Советской Армии, которые последовали за Курской битвой и прорывом к Днепру. Целые тома посвящены операциям «Суворов», «Румянцев», «Кутузов». Большое внимание уделялось и различным фазам Черниговско-Полтавской операции, форсированию Днепра, Невельской и Мелитопольской операциям. Германские историки сосредотачивались больше на неудачах советских войск (например, на попытках смять Никопольский плацдарм), в то время как советские историки — на успешном наступлении, начавшемся с Житомирско-Бердичевской операции в декабре 1943 года и достигшем кульминации в окружении 1-й германской танк. армии в ходе Проскуров-Черновицкой операции и выходе советских войск на границу с Румынией и Южной Польшей в апреле 1944 года. Опушенными в этих описаниях остаются важные неоднократные попытки овладеть Белоруссией (Белорусское стратегическое наступление, ноябрь 1943 — февраль 1944 года).

Некоторое представление о начальных усилиях по освобождению Белоруссии можно составить по описаниям Невельской операции Калининского (1 Прибалтийского) фронта и Гомельско-Речицкой операции Белорусского фронта. По плану Ставки, выработанному очевидно в ноябре 1943 года, 1-му Прибалтийскому фронту надлежало нанести удар из выступа западнее Невеля на юг в направлении Полоцка и на запад в направлении Витебска с тем, чтобы во взаимодействии с войсками Западного фронта, наступающими на Оршу и Богушевск, разгромить Витебскую группировку противника. Одновременно войскам Белорусского фронта предстояло осуществить прорыв с днепровских плацдармов близ Лоева по линии Речица — Бобруйск в направлении Минска, будучи поддержанными справа войсками Западного фронта, наступающими через Рогачев. Один из источников, цитирующий приказ от 1 октября, упоминает о намерении Ставки: нанести главный удар в общем направлении Жлобин, Бобруйск и Минск, разгромить Жлобинско-Бобруйскую группировку противника и овладеть столицей Белоруссии — Минском, а отдельными войсковыми группами атаковать противника вдоль северного берега р. Припять в направлении Калинковичи и Житковичи¹⁶. К. Н. Галицкий в своих воспоминаниях также упоминает о первоначальном намерении Ставки «изолировать Витебско-Городокскую вражескую группировку». Другие источники позволяют предположить, что при этом имелись в виду воздушно-десантные операции вглубь Белоруссии¹⁷.

Впрочем, от последних по-видимому пришлось отказаться. Намеченное стратегическое наступление не удалось по ряду причин, в том числе и из-за плохих погодных условий и упорного сопротивления германских войск. Советские историки писали о ряде операций к западу от Невеля: Городокской (ноябрь — декабрь 1943 г.), Гомельско-Речицкой (ноябрь 1943 г.) и Рогачевско-Жлобинской (февраль 1944 г.), однако они умалчивают о последующих действиях 1-го Прибалтийского и Белорусского фронтов и до сих пор игнорируют операции войск Западного фронта. Не упоминается о них и в справочной литературе (в том числе и в упоминавшейся книге Кривошеева). Единственное исключение — современные откровения М. А. Гареева, который писал о неоднократных неудачах Западного фронта в указанный период¹⁸.

Некоторые германские публикации и архивные материалы содержат более широкий круг свидетельств о размахе, интенсивности и продолжительности советских наступательных действий в Белоруссии в этот период¹⁹. Исследователи вынуждены базироваться на этих источниках, пока не станут доступными советские материалы.

Попытки советских войск развить успехи наступательных операций

весной 1944 года. Одна из наиболее трудных задач для военных историков — определение замыслов и целей стратегических операций, в том числе и тех, что увенчались успехом. Вполне естественно, что в ходе их развития выдвигались и новые стратегические цели, как это было во время зимних кампаний 1941—1942 и 1942—1943 годов, а также летне-осенней 1943 года.

Еще труднее установить, были ли боевые действия, приходящиеся на завершающую стадию наступательной операции, просто попыткой использовать достигнутый успех, или же они преследовали заранее обдуманную цель перегруппировать войска для развития наступательных действий в ходе последующих стратегических операций 1944 и 1945 годов.

Особенно серьезные проблемы возникают при изучении двух операций: неудавшегося наступления в конце зимне-весенней кампании 1944 г., а также попытки советских войск в ходе летне-осенней кампании 1944 г. проникнуть вглубь Восточной Пруссии.

В первой из них (битве при Тыргу-Фрумосе 2—4 мая 1944 г.), по утверждениям германских источников, было сорвано наступление советских войск, понесших тяжелые потери. Эту операцию подробно изучали Г. фон Мантейфель и Ф. фон Сенгер и Эттерлин²⁰. Советские войска, нанешие удар по германским позициям севернее Ясс, стремились овладеть ими и вторгнуться на территорию Румынии. Согласно германским источникам, это наступление осуществляла 2-я танк. армия во взаимодействии с 27-й армией. За три дня боев германский VII танк. корпус (состоявший в основном из дивизии «Великая Германия» и 24-й танк. дивизии) и армейский корпус разбили советские войска и уничтожили 350 советских танков.

Советские источники умалчивают об этом сражении. Отдельные косвенные упоминания встречаются в историях дивизий, сражавшихся в Румынии, но только в истории 2-й танк. армии прямо говорится, что в конце марта 1944 г. эта армия перебазировалась в полосу 27-й армии и ей была поставлена задача атаковать противника в направлении Фокуры и Подул-Илоаей, а впоследствии овладеть Яссами²¹. При описании последующих действий сообщается, что танковая армия предприняла атаку совместно с 35-м стрелк. корпусом 27-й армии, а 3-й танк. корпус достиг Тыргу-Фрумоса, но был отброшен в результате жестоких германских контратак. Неудача советских войск объяснялась слабой артиллерийской подготовкой и упреждающим ударом немцев.

Но было ли советское наступление рассчитано на глубокое проникновение на территорию Румынии, или же оно являлось локальной операцией, преследующей цель улучшить оперативные позиции и подготовить условия для нового наступления? Германские авторы придерживаются первой точки зрения, на мой же взгляд, правильнее вторая, поскольку она согласуется с ложным планированием будущих операций в Белоруссии (преследовалась цель зафиксировать будущее присутствие 2-й танк. армии в Румынии, в то время как на самом деле она вскоре была оттуда выведена)²². Только дальнейшие разыскания в советских архивах позволят разрешить этот спор.

Ни одна из операций на Восточном фронте не породила столь горячих споров, как *действия войск 1-го Белорусского фронта восточнее Варшавы в августе — сентябре 1944 г.*, т. е. во время Варшавского восстания. Западные историки обычно обвиняют советское командование в том, что оно умышленно уклонилось от помощи полякам и, исходя из политических соображений, по сути помогло германской армии подавить повстанцев. Советские историки возражают, ссылаясь на то, что попытки поддержать восстание предпринимались, но по оперативным обстоятельствам оказание такой помощи было невозможным. Подробно операции на подступах к Варшаве до сих пор не изучены. Историки вынуждены восстанавливать события, обращаясь к множеству разрозненных источников. По иронии судьбы, донесения германской 2-й армии и другие материалы (вероятно и 9-й армии), захваченные Советской Армией и до сих пор недоступные западным историкам, помогают подкрепить советскую аргументацию.

Оперативные подробности о действиях советских войск на подступах к Варшаве могут быть реконструированы по разрозненным — советским

и германским — источникам. К 28 июля 1944 г. 2-я танк. армия А. И. Радзиевского, повернутая на север из района Магнушев для удара по Варшаве с тремя корпусами в одном эшелоне, в 40 км юго-восточнее Варшавы завязала бой с 73-й германской пехотной дивизией и парашютно-танковой дивизией «Герман Геринг». Радзиевский стремился овладеть дорогами на Варшаву, а германские войска — не допустить этого и удержать польскую столицу в своих руках²³. Ближайшими советскими войсками, способными поддержать Радзиевского, были части 47-й армии, 11-го танкового и 2-го гвард. кавалерийского корпусов, в то время сражавшиеся за овладение Седльцем в 50 км восточнее. К 29 июля Радзиевский направил свои 8-й гвард. и 3-й танк. корпуса на север, стремясь обойти Варшаву с северо-востока и охватить левый фланг германской обороны, в то время как 16-й танк. корпус продолжал драться на юго-восточных подступах к Варшаве.

В то время как 8-й гвард. танковый корпус вел успешные бои в 20 км восточнее Варшавы, 3-й танк. корпус был остановлен в результате серии танковых контратак фельдмаршала В. Моделя, нового командующего армейской группой «Центр». Начиная с 30 июля дивизии «Герман Геринг» и 19-я танковая наносили удары по чрезмерно растянувшимся и ослабленным танковым корпусам севернее Воломина в 15 км северо-восточнее Варшавы. 2 и 3 августа 4-я танковая дивизия и танковая дивизия СС «Викинг» включились в эти боевые действия против советских корпусов, хотя и выдержавших трехдневные контратаки, но серьезно ослабленных. К 5 августа части 47-й армии прибыли в район боев, а 2-я танк. армия отведена на отдых и переоснащение. Три стрелковых корпуса 47-й армии растянулись на фронте протяженностью в 80 км — от Варшавы до Седльце и не были в состоянии возобновить продвижение в направлении Варшавы к реке Нарев. Коммуникации германских войск в восточном направлении — к армейской группе «Центр», сражавшейся не на жизнь, а на смерть севернее и западнее Бреста, были нарушены, но не разорваны.

1 августа польская Армия Крайова подняла восстание в городе. Хотя повстанцы и овладели большими участками в деловой части Варшавы, но им не удалось захватить четыре моста на Висле и удержать восточное предместье — Прагу. В течение последующих дней, когда восстание сначала ширилось, а потом потерпело поражение, советские войска продолжали наступать на германские войска северо-восточнее Варшавы. Войска 1-го Белорусского фронта сосредоточились на том, чтобы надежно удерживать Магнушевский плацдарм, который до середины августа оставался целью германских контратак, а также на форсировании р. Буг, овладении переправами через Нарев в предвидении будущих наступательных операций.

47-я армия оставалась единственной существенной силой, стоявшей против Варшавы, пока 20 августа к ней не присоединилась 1-я Польская армия. Наконец, советские войска 3 сентября прорвались к Бугу, на следующий день дошли до Нарева, а 6 сентября пробились через Нарев. 13 сентября авангардные отряды двух польских дивизий штурмовали переправы через Вислу в районе Варшавы, но не добились больших результатов и 23 сентября были отведены за реку²⁴.

Если оставить в стороне политические соображения и мотивы, объективное изучение боевых действий в районе Варшавы показывает, что вплоть до начала сентября германское сопротивление было в состоянии воспрепятствовать любой советской попытке оказать помощь варшавянам (даже если таковая и имелась в виду). Необходимо было осуществить полную перегруппировку войск южнее Магнушева, а если говорить более реалистично — с Бугско-Нарвского направления, для того, чтобы собрать силы, достаточные для прорыва в Варшаву. Если бы даже удалась эта попытка, очень дорого бы обошлась советским войскам операция по очистке Варшавы от немцев. К тому же они не располагали пригодными для дальнейшего наступления позициями.

Многое еще предстоит изучить об этих операциях и по германским и по советским архивным источникам.

Попытки советских войск использовать успехи наступательных операций осенью 1944 года. И осенью, как и весной 1944 года, советские войска располагали многими возможностями для того, чтобы развить успехи, достигнутые в ходе Белорусской и других наступательных операций.

Из германских источников явствует, что наиболее выдающимся из них были те, что сложились в октябре 1944 г. в ходе Мемельской операции, когда советские войска продвинулись от Шауляя до берегов Балтики. Сразу же по завершении этой операции войска 3-го Белорусского фронта (И. Д. Черняховский) предприняли попытку проникнуть вглубь Восточной Пруссии (Гумбиненская или Гольдапская операция, 16—27 октября 1944 года).

Германские документы освещают отдельные детали этой операции и, в частности, описывают маневр 2-го гвард. танк. корпуса южнее Гумбинена ²⁵.

Согласно советским источникам, Ставка приказала Черняховскому развить успехи, достигнутые в ходе Мемельской операции и осуществить прорыв в глубь Восточной Пруссии по линии Гумбинен — Кенигсберг. Командующий фронтом планировал осуществить прорыв немецкой обороны силами 5-й и 11-й гвардейских армий, а затем ввести в действие 2-й гвард. танков. корпус и свежие силы из второго эшелона 28-й армии. 31-я и 39-я армии должны были обеспечивать фланги наступающих войск. 16 октября в действие вступили 5-я и 11-я гвард. армии (Н. И. Крылов, К. Н. Галицкий), которые вклинились на 11 км в глубь германской обороны. На следующий день 31-я и 39-я армии включились в наступление, а армия Галицкого пересекла германскую границу. Немцы сопротивлялись отчаянно. Черняховскому потребовалось четыре дня для того, чтобы прорвать линии тактической обороны. Вторая оборонительная линия — вдоль германской границы — была настолько сильна, что Черняховскому пришлось использовать танковые корпуса. Наконец, 20 октября 11-я гвард. армия и 2-й гвард. танк. корпус совместно разгромили немецкую оборону и достигли окраин Гумбинена. На следующий день Черняховский приказал командующему 28-й армии А. А. Лучинскому вступить в бой, но атакующие войска запнулись в укрепленном районе Сталлупинен, куда прибыли германские бронетанковые подкрепления. Бои продолжались до 27 октября, когда фланговые советские армии сомкнулись с передовыми отрядами 11-й гвард. армии. Ценой тяжелых (по германским данным) потерь советские войска продвинулись на 50—100 км вглубь Восточной Пруссии, убедившись при этом в том, что для овладения восточно-прусскими бастионами требуется более широкая подготовка.

Конечно и эта операция требует дальнейшего детального изучения по советским и германским источникам. Тогда можно будет сделать более обоснованные выводы. Гумбиненская операция, как и операция при Тыргу-Фрумесе и другие, здесь не упоминаемые, выявила серьезность проблем, касающихся стратегических целей, выдвигаемых на нисходящих стадиях крупных операций.

* * *

Мы привели примеры пробелов, имеющих в истории боевых действий на советско-германском фронте. Историки очевидно назовут и другие «забытые» операции. Можно упомянуть и те, что используют в обучении германских офицеров в настоящее время: бои на р. Чир (декабрь 1942 г.), в районе Донбасса (февраль 1943 г.), никопольские бои и многие другие, описание которых покоится исключительно на страдающих односторонностью германских источниках. К другим игнорируемым операциям относятся окружение и разгром 6-й и 12-й армий в районе Умани, операции на Харьковском и Курском направлениях поздним летом и осенью 1941 г., планы наступательных действий на севере весной 1943 г. (группа М. С. Хозина), операции на участке Старая Русса — Невель осенью 1943 г., операции по ликвидации германской армейской группы «Север», зажатой в Курляндии в октябре 1944 года.

Использование этих и других сюжетов прольет более точный свет на историю военных действий и поможет рассеять многие мифы, сохраняющиеся в историографии. Еще раз подтверждается старая аксиома: лучше самим рассказать о своей собственной истории, чем если о ней будет говорить кто-нибудь другой.

Примечания

1. См., например, отличные военно-аналитические труды: ПРОЭКТОР Д. М. Через Дуклинский перевал. М. 1960; СИДОРЕНКО А. А. На Могилевском направлении. М. 1959; МАЦУЛЕНКО В. А. (о Яско-Кишиневской операции), а также воспоминания: МОСКАЛЕНКО К. С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Кн. 1-3. М. 1979; ГАЛИЦКИЙ К. Н. В боях за Восточную Пруссию. М. 1970; его же. Годы суровых испытаний. 1941—1944. М. 1973; БАГРАМЯН И. Х. Так шли мы к победе. М. 1977; его же. Мои воспоминания. Ереван. 1979; КАТУКОВ М. Е. На острие главного удара. М. 1976; БАТОВ П. И. В походах и боях. М. 1974 и многих других.
2. См. напр. КУЛЕШОВ Г. На Днепровском рубеже.— Военно-исторический журнал (ВИЖ), 1966, № 6; БЫТКОВ В. Контрудар 5-го механизированного корпуса на Лепельском направлении.— ВИЖ, 1971, № 9.
3. См. напр. ШЕВЧУК В. Действия оперативных групп войск в Смоленском сражении.— ВИЖ, 1979, № 12.
4. См.: КЛИМЧУК Е. Вторая Ударная и Власов.— Советский воин, 1989, № 20; ЧЕРНУХИН В. А. На Любаньском направлении.— ВИЖ, 1992, № 8 и др.
5. ВАСИЛЕВСКИЙ А. Некоторые вопросы руководства вооруженной борьбой летом 1942 года.— ВИЖ, 1965, № 8; КАЗАКОВ М. И. На Воронежском направлении летом 1942 года.— ВИЖ, 1964, № 10; БАГРАМЯН И. Х. Так шли мы к победе. М. 1977; МОСКАЛЕНКО К. С. На Юго-Западном направлении. М. 1969. Конечно, лучшим источником сведений по этому периоду является «Описание операции войск Юго-Западного фронта на Харьковском направлении в мае 1942 года», в «Сборнике военно-исторических материалов Великой Отечественной войны» (далее — Сборник). Вып. 5. М. 1951.
6. КАЗАКОВ М. И. Боевые действия войск Брянского и Воронежского фронтов летом 1942 г. на Воронежском направлении.— Сборник. Вып. 15. М. 1955.
7. ЖУКОВ Г. Воспоминания и размышления. Т. 2. М. 1983, с. 311—314.
8. СОЛОМАТИН М. Д. Красноградцы. М. 1963, с. 11—44.
9. КАТУКОВ М. Е. На острие главного удара, с. 182—184.
10. БАБАДЖАНИЯ А. Х. Дороги победы. М. 1981, с. 99.
11. Советская кавалерия. М. 1984, с. 216.
12. Подробнее см.: в Anlage 5 zum Tätigkeitsbericht der Abteilung Ic/AO. In AOK 9, 27970/6, датированном 1 июля — 31 декабря 1942 г., NAM T-312, Roll 304. В этом приложении содержатся полные описания наступления с полным советским боевым приказом и полной оценкой сил и расчетных потерь советских частей, которые должны были в нем участвовать. Так, например, 1-й мех. корпус с приданными ему 47-й и 48-й мех. бригадами на исходных позициях имел около 300 танков, а в ходе операции потерял 85% своей бронетехники.
13. Об общих потерях советского генералитета см.: MASLOV A. A. Soviet General Officer Loses in the 1st Period of Great Patriotic War.— The Journal of Slavic Military Studies, Vol. 7, N-3 (September 1994).
14. См. ЕРШОВ А. Г. Освобождение Донбасса. М. 1973; МОРОЗОВ В. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 г.— ВИЖ, 1963, № 3, а также разные исторические монографии, такие как посвященные 4-му гвард. танк. корпусу, 195-й и 35-й гвард. стрелковым дивизиям.
15. См. истории 2-й танковой армии, 13-й армии, 11 танк. корпуса, 69-й, 102-й, 194-й, 354-й стрелковых дивизий и 1-й гвард. мот. стрелков. дивизии. О планировании операции лучший источник — РОКОССОВСКИЙ К. Солдатский долг. М. 1980, а также мемуары А. М. Василевского, И. Х. Баграмяна, И. И. Чистякова, К. С. Москаленко. Германские источники см. напр. Situation Maps and Overlays, Prepared by the Second Army. Counterintelligence Officer (Ic/AO), December 1942 — July 1943. AOK 2, 31811/23, NAM T — 312, Roll 1223, а также «Chefkarten und Anlagen. PzAOK 2, NAM T — 313, Roll 171.
16. ГЛЕБОВ И. Маневр войск в Черниговско-Припятской и Гомельско-Речицкой наступательных операциях.— ВИЖ, 1976, № 1.

17. ГАЛИЦКИЙ К. Н. Годы суровых испытаний, с. 347—348; АБСАЛЯМОВ М. Из опыта взаимодействия воздушных десантов с партизанами в Великой Отечественной войне.— ВИЖ, 1964, № 11, с. 104—108.
18. ГАРЕЕВ М. А. Причины и уроки неудачных наступательных операций Западного фронта зимой 1943/44 года.— Военная мысль, 1994, № 2; его же. О неудачных наступательных операциях советских войск в Великой Отечественной войне. По неопубликованным документам ГКО.— Новая и новейшая история, 1994, № 1.
19. В частности, см. оперативные и разведывательные донесения 3 танк. армии и 4 армии. Донесения 9 армии, захваченные советскими войсками также должны были бы содержать подробности об этих неудавшихся операциях. См. также: A. D. PLATO, von. Die Geschichte der 5. Panzerdivision 1938 bis 1945. Regensburg. 1978.
20. Подробности: MANTEUFFEL H. von. The Battle of Targul — Frumos (неопубликованная рукопись и резюме 1948 г.); SENGER UND ETTERLIN F., von. Der Gegenschlag.
21. ВЫСОЦКИЙ Ф. И., МИКУХИН М. Е., САРЫЧЕВ Ф. М., ШАПОШНИКОВ М. К. Гвардейская танковая. М. 1963, с. 103—106.
22. GLANTZ D. M. Soviet Military Deception in Second World War. Lnd. 1989, pp. 350—356.
23. См. РАДЗИЕВСКИЙ А. На пути к Варшаве.— ВИЖ, 1971, № 10; ИВАНОВ Ю. И., КОСЕНКО И. Н. Кто кого предал.— ВИЖ, 1993, № 3, 4.
24. НАЗАРЕВИЧ Р. Варшавское восстание 1944 года.— Новая и новейшая история, 1989. № 2.
25. АЛЕКСЕЕВ М. Начало боев в Восточной Пруссии.— ВИЖ, 1964, № 10. О Гольдапской операции упоминает и Кривошеев.

Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII—XX вв.

И. В. Волкова, И. В. Курукин

Авантюрно-красочные «дворские бури» российского XVIII в. постоянно привлекали беллетристов прошлого и настоящего, но в научном осмыслении им везло несколько меньше. В XIX в. тема была не слишком удобной, а многие документы — мало доступными для исследования. В советское же время в науке утвердилась известная ленинская формула, согласно которой «перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой»¹. Это высказывание 1919 г. имело свою логику — в перспективе грандиозного социального переворота перипетии борьбы за власть между группировками свергнутого класса не заслуживали серьезного рассмотрения, — но «закрывало» подход к пониманию интереснейшего явления отечественного политического развития.

За несколько десятков лет лишь немногие авторы обращались к данной проблеме и пытались увидеть в ней нечто большее, чем передачу власти от одной «кучки» феодалов другой — реакцию дворянства на усиление абсолютной монархии². Первые современные опыты монографического изучения проблемы нашли отражение в трудах Н. Я. Эйдельмана и Е. В. Анисимова³, которые пытались, по сути дела, впервые вскрыть незаметный для посторонних механизм действия абсолютной монархии в кризисных ситуациях, разобраться в особенностях политического строя и политической культуры послепетровской России.

Уже в начале XX в. крупнейший русский историк нового времени Н. И. Кареев указал на то, что практика дворцовых переворотов, характерная для древнего Рима, средневековой Византии и России XVIII в., была незнакома европейским абсолютным монархиям XVII—XVIII столетий⁴. В русской историографии специфика этого феномена также осознавалась — не случайно В. О. Ключевский счел необходимым выделить целую «эпоху дворцовых переворотов», отличающуюся «некоторыми новыми явлениями в нашей государственной жизни»⁵.

Но что же можно считать собственно «дворцовым переворотом» среди множества известных фактов борьбы за обладание верховной властью в эпоху средневековья или в XVII—XVIII веках? С. М. Соловьев, впервые

Волкова Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического университета; *Курукин Игорь Владимирович* — кандидат исторических наук, доцент Российского гуманитарного университета.

использовавший этот термин, по-видимому, не придавал ему особого значения и одновременно употреблял такие понятия, как «заговор», «восстание», «правительственный переворот», «свержение», «переворот в правительстве»⁶. Ключевского интересовала прежде всего социальная сторона — последовательное развитие в стране крепостничества, хотя он и сделал весьма ценные наблюдения для понимания политической системы 1725—1762 годов. Данная им характеристика этой эпохи прочно утвердилась в литературе без раскрытия самого понятия и четкого принципа его применения⁷. По отношению к одним и тем же событиям использовал определения «дворцовый» и «государственный» переворот и С. Ф. Платонов⁸.

Отсутствует термин «дворцовый переворот» как в дореволюционных (Брокгауз и Ефрон, Гранат), так и в советских справочниках и учебниках политологии и истории государства и права. Только в недавно вышедшем словаре по политологии это понятие было включено в раздел «Заговор» — как определение разновидности политической интриги в тоталитарных или авторитарных политических системах, предполагающее тайное соглашение группы лиц для достижения определенных политических целей, конспирацию и «деструктивную деятельность»⁹.

В западной политологической терминологии это понятие также отсутствует. Традиционная формула «*coup d'etat*» (государственный переворот) подразумевает внезапный, неконституционный и большей частью насильственный захват верховной власти каким-либо лидером или группой лиц с последующей перестановкой на ключевых административных постах. Но употребляется термин только по отношению к политическим системам нового и новейшего времени (XIX—XX вв.) и не включает российскую практику XVIII столетия¹⁰.

Но и в отечественной науке высказывалась точка зрения об отсутствии оснований для традиционно существующего понятия, «так как острая борьба между интересами отдельных группировок господствующего класса феодалов имела место и до, и после этих переворотов. Достаточно напомнить о борьбе боярства за власть в малолетство Ивана IV и после его смерти, вплоть до воцарения Михаила Романова в 1613...»¹¹

Количество примеров жестокой политической борьбы нетрудно увеличить, будь то убийство Андрея Боголюбского в 1174 г. или свержение и ослепление московского великого князя Василия II в 1446 году. Заговоры в обоих случаях налицо. Но едва ли их осуществление можно квалифицировать как дворцовые перевороты. Убийцы владимирского «самовластца» не готовили ему замены; последующая усобица — так же как и феодальная война первой половины XV в. — вполне вписывается в традиционную схему борьбы княжеских домов за лучшие «столы», когда перемещение фигур на политической арене закрепляется новой системой договоров-«докончаний».

Только с утверждением государственного единства Руси и концентрацией политической власти на рубеже XV—XVI вв. борьба за престол стала порождать ситуации, которые вполне напоминают перевороты XVIII в.: об этом свидетельствуют борьба боярских группировок в период малолетства Ивана IV, заговоры и интриги бояр при неспособном к правлению Федоре Ивановиче, открытые покушения на царскую власть и жизнь при его преемниках: «удавление» вдовы и сына Бориса Годунова, убийство Лжедмитрия I, насильственное пострижение Василия Шуйского. При известном сходстве этих событий с «классическими» переворотами XVIII в. можно заметить и существенную разницу.

Во-первых, политическая нестабильность была связана с борьбой отдельных группировок знати в условиях еще относительно слабой централизации и способна привести, как в период Смуты, к полному распаду властных структур. Не случайно поэтому смена фигур (царей или вельмож) у руля власти происходила не столько путем заговоров, сколько в условиях сопутствовавших им массовых народных волнений: в 1547, 1584, 1605—1606, 1610 годах.

Во-вторых, традиционный патриархальный уклад и выработанные веками нормы политического поведения заставляли и государя, и подданных

действовать в определенных рамках. Даже такой правитель как Иван Грозный для введения опричнины (на языке XX в. — режима чрезвычайного положения) нуждался в санкции Боярской думы и не мог обойтись без органов сословного представительства — Земских соборов. В. Б. Кобрин полагал, что установление царем Иваном режима диктатуры вполне могло вызвать ответную реакцию в виде переворота (по примеру событий в Швеции в 1568 г.) как обычного средства «при недостаточном развитии правовых норм и правосознания»¹². Но подданные Грозного, видимо, и не мыслили покушаться на законного, прирожденного государя — даже во время массовых опричных репрессий. Исключение представляли цари «незаконные», не обладавшие бесспорными правами на престол (как Годуновы и Шуйский) или «сомнительные» с точки зрения верности православной традиции и общепринятым нормам поведения (как Лжедмитрий). Выходит, как ни странно, что беззаконие дворцового переворота все же требует определенного уровня правосознания или хотя бы нежелания смириться с нарушением своих прав и привилегий.

Несомненный процесс укрепления российского «самодержавства» в XVII в. сопровождался не только массовыми народными выступлениями, но и вновь усилившимися к концу столетия потрясениями на самом «верху». Затяжной политический кризис начался в 1682 г. после смерти бездетного царя Федора Алексеевича. Вначале сторонники Нарышкиных провозгласили царем «своего» кандидата — малолетнего Петра. Но уже через месяц их соперники — царевна Софья и боярин И. М. Милославский — сумели сбросить новых правителей в ходе стрельцкого восстания. Размах волнений вышел далеко за рамки приемлемого для боярских группировок, и лишь через несколько месяцев Софье удалось ликвидировать «стрелецко-боярское двоевластие», а заодно и устранить соперника — заигрывавшего со стрельцами князя И. А. Хованского. Еще через несколько лет «заговор Софьи» (не исключено, что существовал и заговор сторонников Петра¹³) завершился устранением правительницы, которое вполне можно назвать дворцовым переворотом — так же, как и события апреля — сентября 1682 г., когда произошло несколько переворотов, «осложненных» массовым выступлением стрельцов и посадских людей.

В это время как бы «отрабатывается» механизм переворота, его движущие силы и действующие лица еще не всегда умело разыгрывают свои роли. Но если отбросить некоторую неловкость участников и стремление «замаскировать» свои действия традиционными законными формами — то налицо все атрибуты дворцовых переворотов: ударная сила в виде привилегированных стрельцких полков; придворные интриги, перерастающие в заговор; переходы из одного лагеря в другой; выдвижение фаворитов при малолетних государях или «женских персонах»; смена верхушки чиновничьего аппарата; «идеологическое обеспечение» в виде публицистических произведений («труды» Сильвестра Медведева в 1682 г., коронационные портреты Софьи 1689 г.) или прямых фальсификаций в официальных документах; наконец, попытки физического устранения «природного» царя (именно в 1689 г., если верить показаниям стрельцов на следствии, впервые в русской истории прозвучало предложение о цареубийстве: «уходить медведицу, царицу Наталью» и самого Петра¹⁴) — все это скоро станет обычной политической практикой следующего столетия. При этом наличие выбора между равно законными претендентами на престол провоцировало такую ситуацию еще при традиционной системе престолонаследия — задолго до петровского указа 1722 г., который в свое время рассматривался в качестве главной причины «революций» XVIII века.

В XVII в. под влиянием ряда факторов в стране постепенно утверждается мощная централизованная власть в форме самодержавной монархии при отсутствии или постепенном отмирании ограничивавших ее институтов. Новая система налогообложения и переход от дворянского ополчения к «полкам нового строя» на казенном содержании делали царя все более независимым от своего класса. В его окружении все большую роль играли немногие «комнатные» бояре или новые фавориты — А. Ордин-Нащокин,

А. Матвеев, Ф. Шакловитый, не обладавшие «породой» и опорой в рядах аристократии, но располагавшие в силу царского доверия огромным влиянием и высокими постами. Заметна в XVII в. и тенденция к сакрализации царской власти.

Мощное воздействие российских условий (многовековой традиции коллективного противостояния внешней опасности, выработанного стереотипа дворянской «службы», необычных для Европы авторитета и власти монарха) в сочетании с размахом петровских преобразований сформировали особый тип абсолютизма, во многом отличный от европейского. Для него характерны особая роль военно-бюрократического аппарата в жизни страны, в том числе взаимосвязь военной и «статской службы, широкое использование армии и армейских порядков в системе управления. Основным военным законом — Воинский устав — был принят как образец для гражданских учреждений и служащих; должностные преступления чиновников приравнивались к измене, а в конце петровского царствования размещенные по провинциям полки представляли собой параллельную гражданской военной администрацию с широкими полицейскими функциями.

Петровские реформы окончательно оформили наметившийся задолго до того тип российской государственности, где отношения между сословиями и верховной властью развивались по пути «подданства-министеритетата». На Западе относительно быстрый экономический рост и динамическое равновесие основных политических сил (королевской власти, церкви, городских общин, дворянства) привели к консолидации сословий, более или менее развитым формам представительства и самоуправления, закреплению сословных и личных прав. В России государство вмешивается в процесс формирования сословий, чтобы обеспечить рациональное функционирование всей системы: все общество и каждый его слой несли определенный круг повинностей. Росла и пропасть между «верхами» и «низами» общества, не заполненная, как в большинстве европейских стран, другими социальными слоями (горожан в России XVIII в. было всего 3—4%). Эту ситуацию еще более усугублял культурный раскол нации, когда стремительная европеизация превращала русских дворян в чуждых традиционному укладу жизни «немцев».

Повышенная социальная напряженность российской действительности во многом определила, по выражению Пушкина, «необъятную силу правительства», необычное для Европы давление абсолютистского государства на все стороны общественной жизни. Для общества (и в первую очередь для дворянства) это обстоятельство обернулось жесткой «служебной» организацией при постепенном размывании прежней сословной структуры и усилении социальной мобильности ¹⁵.

Новый бюрократический порядок «Табели о рангах» облегчал карьеру неродовитых дворян и стимулировал служебное рвение выходцев из «подлых сословий». Но одновременно он ставил любого «служилого» вне рода и корпоративных связей перед произволом военного или «статского» генерала, а всех вместе — перед «благоволением» самодержца, которое могло в одночасье обернуться сказочным «случаем» или ссылкой с конфискацией имущества. Современникам Петра эта особенность российского политического устройства была вполне понятна: «Но хотя то королевство деспотическое или самовладечествующее, однако... самовластием произвольным николи же что делается, разве по содержанию законов и права, которые сам король, и его совет, и парламент нерушимо к свободе содержит всего народу», — так передавал свои впечатления о Франции Людовика XIV петровский вельможа и дипломат Андрей Матвеев ¹⁶.

Что же касается других «ограничителей», то ликвидацией патриаршества и включением церкви в систему государственного аппарата Петр заставил духовенство в качестве «послушных рабов и подданных» присягать государю (которого в начале XVIII в. уже публично приравнивали к Христу) и нанес удар по последнему возможному противовесу самодержавию. Выдвинутая Петром I формула российского абсолютизма: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу

дать не должен» — означала решительный разрыв со всей прежней системой управления государством, её институтами и традициями, о которых Ключевский писал, что «московский царь имел обширную власть над лицами, но не над порядком».

Последствия этого поворота были уже хорошо ощущаемы людьми XVIII — начала XIX в., которые размышляли над историей российских политических переворотов. Просвещенный консерватор М. М. Щербатов сетовал на упадок «духа благородной гордости» дворян XVIII в., оставшихся перед самодержавным произволом «без всякой опоры от своих однородцов»; сходные идеи высказывали и приверженцы иных политических взглядов, отбывавшие срок в сибирской ссылке — М. С. Лунин, Н. М. Муравьев и М. А. Фонвизин. Они связывали исчезновение в петровскую эпоху «духа законной свободы и гражданственности» с ликвидацией или подчинением государству Земского собора и церкви, полагая, что при сохранении «законно-свободных постановлений» в России не было бы целой эпохи «насильственных переворотов и потрясений»¹⁷.

Созданный Петром механизм власти имел и уязвимые места с точки зрения политической стабильности режима. Во-первых, к концу его царствования перенапряжение сил страны в ходе тяжелых войн и реформ объективно ставило перед правящими кругами проблему корректировки петровской политики в ту или иную сторону — со своими сторонниками и противниками внутри правящей элиты. Во-вторых, запущенная бюрократическая машина со своей иерархией, системой ценностей и реальной властью на нижних этажах управления очень быстро показала, что может обходиться и без «хозяина», приспособившись к любой политической конъюнктуре. В-третьих, военно-приказной стиль управления, культивируемые Петром I силовые методы общественной и политической борьбы не могли рано или поздно, при невозможности какой-либо открытой оппозиции, не породить естественной реакции в виде интриг и заговоров, опиравшихся на единственно оформленную политическую силу — гвардейские полки. Наконец, благосклонное внимание монарха стало для тысяч дворян главным критерием, смыслом и стимулом службы. Но культ императора, как источника всех возможных благ, имел и оборотную сторону, которую метко уловил Щербатов: «Начели люди наиболее привязываться к государю и к вельможам, яко ко источникам богатства и награждений... сия привязанность несть благо, ибо она не точно к особе государской была, но к собственным своим пользам»¹⁸.

Свой «вклад» в будущую политическую нестабильность империи внесла, как ни странно, и безотказная в руках царя политика земельных раздач и конфискаций, противопоставившая одни слои и группы дворянства другим. Широкие земельные раздачи государства, увеличившие за столетие, с конца XVII в., фонд помещичьих земель в три раза, как правило, сопутствовали смене правителей на престоле. Тем самым наглядно подтверждалась связь между личной ориентацией, степенью политической активности пожалованного лица и уровнем его благосостояния. Эту зависимость усиливала законодательная регламентация прав собственника, стремление ограничить их в объеме и поставить под жесткий государственный контроль¹⁹.

Ситуация, при которой удовлетворение материальных потребностей представителей господствующего сословия оказывалось выведенным на факторы политического режима, была достаточно типичной для государств, воплощавших «восточный» тип общественного развития: распределительная (редистрибутивная) экономика предполагает неразвитость товарно-денежных отношений, отсутствие рынка, а в соответствии с этим отсутствие полноправных с европейской точки зрения субъектов собственности и нормального гражданского общества²⁰. Такая экономика опирается на отношения суверенитета-собственности, всецело замкнутые на государственную власть. В этом случае именно причастность к публичной власти создает известную страховку правам личности и собственности.

Но неизбежна и обратная связь: как в античном мире все дороги вели

в Рим, так все попытки поправить положение лица или группы лиц в деспотическом государстве с редистрибутивной экономикой были устремлены к вершине системы, средоточию ее властных начал. Пока во главе такой системы стоял Петр Великий, она могла быть необыкновенно динамичной и эффективной. Но как только место «Отца Отечества» оказалось занято иной фигурой, не имевшей таких сил и достоинств, все стремительно менялось: номинальный глава государства оказывался вовлеченным в бешеную борьбу честолюбий и придворных группировок, перекладывал ответственность на фаворитов — или вынужден был уступить трон более способному претенденту.

К тому же сам Петр, опираясь на сложившиеся в русском обществе традиции, парадоксальным образом подрывал те из них, которые обеспечивали политическую стабильность режима. Интересной особенностью петровской «революции» была установка не на сохранение и «улучшение» признанных норм и обычаев, а на «полный отказ от существующей традиции и от преемственности по отношению к непосредственным политическим предшественникам»²¹. Отказ от древнерусского «наследия» (ставшего в глазах людей XVIII в. символом застоя, отсталости, предрассудков), резкая смена культурных ценностей не могли не повлиять и на нормы политической этики. Тем более, что пример подавал сам царь, вопреки «московской» традиции путешествовавший инкогнито за границей, демонстративно нарушавший придворный этикет, владевший несколькими далеко не «царскими» профессиями и развлекавшийся в составе кощунственного Всепьянейшего собора.

Следствием подобной установки стал знаменитый «Устав о наследии престола» 1722 г., который отменял выработанную столетиями традицию передачи власти по нисходящей линии от отца к сыну и провозгласил право царя назначать наследником кого ему заблагорассудится. А вслед за этим поистине революционным шагом последовало не менее странное для людей того времени распоряжение о присяге будущему неизвестному наследнику — его Петр при жизни так и не успел назвать. Подобные неслыханные новшества вызвали в народе ропот и даже прямой отказ от присяги; можно было, казалось, задуматься о том, что нарушение вековых традиций грозит опасным расколом и в самой правящей среде. Ведущий идеолог Петра Феофан Прокопович в разъяснении к столь необычному для России акту заявил, что государь в выборе наследника волен не принимать во внимание даже и «самое сыновство». Но он же, нечаянно, опровергая мнения противников неограниченной монархии, предсказал возможные последствия неясности в столь важном вопросе, когда вельможи могут выбрать «немощного и скудоумного, при котором могли бы сами аки царствовать и владеть...»

Органическую связь петровской «революции», и превратностей, угрожающих обладателям российской короны, уже понимали наиболее наблюдательные современники, вроде саксонского посланника И. Лефорта, высказывавшего в 1727 г. поистине пророческие слова: «Невозможно смотреть без удивления на различные перемены русского двора, и мне кажется, что ему грозят большие перевороты... По-моему, единственное дело, в чем успели русские и которое, как мне кажется, самое прочное, состоит в том, что они сообщили власти своих правителей характер самодержавия и деспотизма, чем она вполне и пользуется»²². Но в том-то и дело, что пользовалась не только она.

При максимальном огосударствлении общественной жизни, отсутствии даже в зародыше легальной политической деятельности дворцовые перевороты становятся естественным способом разрешения противоречий между основными составляющими системы абсолютизма — самодержавной властью, правящей верхушкой и господствующим сословием. К концу петровского царствования напряженность в этом треугольнике достигла критической величины. Это в первую очередь выразилось в крайне невыгодном для дворянства соотношении режима льгот с силой давления «сверху». Принудительная и бессрочная служба, отрывавшая дворян от имений и не окупавшаяся введенными в 1715 г. небольшими денежными окладами, усиленный

фискальный гнет, оставлявший на долю помещиков всего 25% произведенного в крестьянском хозяйстве прибавочного продукта,— ставили под угрозу основы существования благородного сословия.

Противоречия между интересами дворян-землевладельцев и растущими потребностями государства в офицерах и чиновниках дополнялись конфликтами в рядах правящей элиты, о которых наглядно свидетельствуют события 1725 и 1730 годов. И хотя в 1725 г. одержала победу группировка А. Д. Меншикова с примкнувшими к нему новыми политическими дельцами (П. А. Толстым, Ф. Прокоповичем), более ортодоксальная в отношении к петровскому наследию, нежели их противники (П. М. Апраксин, В. Л. Долгоруков, Д. М. Голицын, Н. И. Репнин, И. А. Мусин-Пушкин), она немедленно приступила к его ревизии. Одна за другой последовали меры, облегчавшие тяготы высшего сословия (и, отчасти, других): выведены армейские части из сельской местности в города, полицейско-фискальные функции переданы помещикам, упрощен громоздкий и дорогостоящий аппарат местного управления, распущена по домам часть офицеров.

Из данного прецедента вырастает закономерность, характерная для всего столетия. Возрождение приемов властвования, свойственных петровской эпохе, как и любые неосторожные манипуляции в области интересов дворянства, порождало ответную реакцию. Именно ею была предопределена судьба двух монархов, обладавших бесспорными правами на престол — Петра III и Павла I.

Не черты просвещенного абсолютизма Петра III (уничтожение Тайной канцелярии, прекращение преследования раскольников, упразднение некоторых торговых монополий, провозглашение секуляризации церковных земель), а именно преобразовательный раж и напористость подвели молодого царя. Повелительные распоряжения о немедленном (в двухнедельный срок!) сборе всех государственных финансовых ведомостей, категоричный запрет на бюрократическую подмену верховной власти в вопросах раздачи денежных наград, чинов и деревень, на толкование сенатскими указами законодательства, установка на ограничение сенатской деятельности по преимуществу судебными делами — привели к быстро расплзающейся сети трещин в новом режиме. Помимо конфликта с Сенатом ²³, источником брожения стали и распоряжения Петра III по наведению порядка в гвардии. Размышляя над незадачливой судьбой отца, великий князь Павел Петрович в принципе правильно уловил связь между его неудачей и «стремительным желанием завести новое» ²⁴.

Однако, похоже, верно понятый урок самому Павлу не пошел впрок. Реформаторский энтузиазм Павла I выдавал явное фамильное сходство с отцом. Но при этом его усилия отчасти меняли традиционный вектор социальной политики монархии. Послабления крестьянству (Манифест 1797 г. о трехдневной барщине, запрет на продажу дворовых и крестьян без земли с молотка; высочайшее дозволение «людям, ищущим вольности», апеллировать на решения присутственных мест к прокурорам; замена накладной хлебной подати умеренным денежным сбором; повеление принимать присягу на верность государю у владельческих крестьян) сочетались в царствование Павла I с наступлением на права дворянства. Отмена только что введенного дворянского самоуправления, сокращение участия дворянских представителей в органах суда, сборы с дворянских имений на содержание судебно-административных учреждений, ужесточение условий службы и фактическое введение вновь телесных наказаний — эти и другие меры поставили под угрозу все дворянские «вольности», добытые в предшествующие царствования, и вызвали отчаянное сопротивление, завершившееся в Михайловском замке 11 марта 1801 года.

«Непросвещенный абсолютизм» Павла пытался приспособиться к новым условиям путем максимальной централизации власти и возрождения на исходе XVIII столетия самодержавной доктрины, включавшей в себя и полное поглощение церкви властью, и безграничный деспотизм, и консервативную утопию рыцарского долга. Однако защитники дворянских свобод видели здесь только признаки прогрессирующего умопомрачения царя-

тирана. «Его судьба была предрешена, и он должен был погибнуть», — к такому фаталистическому заключению подводили личные наблюдения за настроениями дворянства преданного царю офицера Конногвардейского полка Н. А. Саблукова еще задолго до роковой развязки²⁵.

Преемники свергнутых правителей учились на ошибках своих предшественников: уступки дворянству являлись в такой же мере продуктами переворотов, в какой сами перевороты — прямыми или косвенными действиями нажима на дворянство. С учетом этого проясняются и мотивы щедрого одаривания высшего сословия правителями, особенно теми, кто поначалу чувствовал себя на престоле неуверенно. Сама за себя говорит и хроника этих пожалований за 60 лет (1725—1785 г.): отмена указа о единонаследии, учреждение Сухопутного шляхетского корпуса, снижение сроков дворянской службы до 25 лет, учреждение дворянских заемных банков, дарование монопольного права на винокурение; генеральное межевание земель, увеличившее площадь дворянского землевладения на 50 млн. десятин; Манифест о свободе дворян от обязательной государственной службы, известные крепостнические указы Елизаветы и Екатерины II и, наконец, сведение этих привилегий воедино вместе с правом самоуправления в 1785 году.

Важным рычагом воздействия на государственную политику стали высшие учреждения, возникавшие, по существу, при особе каждого «последпетровского» правителя: Верховный тайный совет (1726—1730 гг.), Кабинет министров (1731—1741 гг.), Совет одиннадцати (1741—1756 гг.), Конференция при высочайшем дворе (1756—1762 гг.), Императорский Совет (1762 г.) Военный Совет (1768—1776 гг.). В историографии им дана оценка как необходимым элементам регулировки политической системы абсолютизма после реформ первой четверти XVIII века²⁶. Но следует учесть, что эти органы возникали на пути встречных стремлений государей и подданных, о чем заявляла серия «всеподданнейших прошений» вельможной бюрократии новым руководителям империи на протяжении всего XVIII века²⁷.

Приобщая к власти дворянскую элиту, такие образования не всегда оставались лишь послушными орудиями и на практике иногда порождали экстраординарные ситуации. К ним следует отнести «затейку» верховников 1730 г. и одновременные шляхетские проекты превращения Верховного тайного совета в орган выборных представителей высшего сословия, а также попытку членов созданной 11 февраля 1763 г. Комиссии по правам дворянства (являвшейся, по существу, очередным Советом при дворе) протолкнуть решение вопроса о дворянских вольностях на законодательном уровне и о реформе Сената. Последнему комиссия отводила роль гаранта сословных прав, решительно высказываясь за укрепление его законосовещательных функций и повышение служебного статуса сенаторов²⁸. Подобная позиция оказалась совершенно несовместимой с установками Екатерины II, что повлекло за собой роспуск Комиссии и крушение потенциального Совета при дворе.

Вместе с тем принципиальные недостатки подобных учреждений (по отзыву Н. И. Панина, они «не имев прямого государственного основания... переменою времен или сами упали, или подвергались руководству случайных припадочных людей») направляли внимание чиновной знати на поиск иных путей перестройки высших этажей государственного здания. Наиболее устойчивой политической идеей такого рода в XVIII в. стала идея преобразования Сената в представительное учреждение всего дворянства. Впервые она была выдвинута в шляхетских проектах зимой 1730 г. и всплыла вновь в 1761 и 1762 гг. ввиду ожидания новых дворцовых переговоров.

И в 1761 г., когда будущий Петр III опасался изменения завещательного акта Елизаветы Петровны в пользу малолетнего великого князя Павла Петровича, и в 1762 г., когда будущая Екатерина II готовилась к захвату власти, Н. И. Панин активно стремился подключить Сенат к решению проблемы престолонаследия с тем, чтобы обеспечить утверждение нового главы государства «не через покупность солдат, а через свободное избрание представителей государства»²⁹. Не исключено, что при этом учитывался

опыт тех политических систем, где выборность престола рассматривалась в качестве фундаментального закона и процедура передачи верховной власти подвергалась детальной регламентации (ряд сословно-представительных монархий средневековья, Речь Посполитая и Швеция в новое время). Уже в ходе самого акта вручения власти монарху представительным органом либо замещавшим его учреждением закладывались основы последующих отношений главы государства и подданными.

Эти предложения Панина можно сопоставить с его же проектом реформы, представленным в 1762 г. Екатерине II, и более широкими, доверенными только узкому кругу близких людей, планами: учредить ассамблею Сената в качестве верховного органа над Императорским советом. Можно также допустить, что в последнем случае подразумевалась именно та форма расширенных заседаний Сената с участием выборных уполномоченных от дворянства, которая фигурирует в его позднейших конституционных набросках начала 80-х годов XVIII века³⁰. А переворот 1801 г. сопровождался не только новыми проектами реорганизации Сената (П. А. Зубова, П. В. Завадовского, А. Р. Воронцова, Г. Р. Державина) и конституционными планами одного из его вождей Н. П. Панина, но даже якобы имевшими место обещаниями наследника их утвердить³¹.

Даже частичное осуществление таких проектов означало бы продвижение в сторону правового государства и поэтому встречало неизменно отрицательное отношение со стороны верховной власти. Как правило, атаки на всевластие силами одиночек в период утверждения нового монарха почти мгновенно отбивались, а после стабилизации нового режима были, как справедливо указывал еще в 1762 г. голландский дипломат Мейнерцгаген в 1762 г., уже заведомо проигрышны и бессмысленны³². Но бесследно эти попытки не проходили.

Политические коллизии, предшествовавшие воцарению нового государя, накладывали заметный отпечаток на характер первых месяцев, а иногда и лет правления. Принимая власть, удачливые похитители российского престола клялись всенародным одобрением и выбором. Даже если это и было чистым вымыслом, они в определенной мере делались заложниками идей и лозунгов подобного «избрания». Такой эффект отчетливее всех подчеркнула Екатерина II: «Меня заставят проделать еще много странных вещей и все это естественнейшим в мире образом. Если я соглашусь на это, меня будут боготворить; если нет — право, я не знаю, что тогда произойдет»³³, — исповедовалась она после переворота, возведшего ее на трон. Очевидно, именно в этом контексте должны быть осмыслены и неожиданное для Анны Иоанновны проявление великодушия к организаторам верховнической «затейки» в первую половину ее царствования, и решительный курс Елизаветы на русификацию административного аппарата и восстановление нарушенных в предшествовавшие десятилетия элементов петровской государственности, и первые шаги Екатерины II, вызвавшие, по словам Ключевского, надежды на конституционное правление, и «дней Александровых прекрасное начало».

Российское «переворотство» превращается в своеобразное регулирующее начало государственности: благодаря ему складывается тот тип абсолютизма, который столь метко мадам де Сталь охарактеризовала как «самодержавие, ограниченное удавкой». По отдельным параметрам традицию «переворотства» можно рассматривать и шире — с точки зрения «цивилизующего» воздействия на верховную власть. Для начала приходилось, как минимум, публично обосновывать перед подданными правомерность совершенной «революции» и даже апеллировать — как это делала Екатерина II — к «единодушному желанию» народа как источнику своих прав: Затем — во второй половине XVIII в. — появляются попытки определить компетенцию и полномочия власти в лице монарха и высших государственных учреждений: проекты И. И. Шувалова, Екатерины II (1788 г.) и, наконец, набросок закона о престолонаследии, составленный в том же 1788 г. великим князем Павлом Петровичем³⁴. Последний из них получил силу закона в день коронации Павла I — 5 апреля 1797 года.

Умная и прагматичная Екатерина II добилась долговременной стабилизации внутренней обстановки путем поисков новых форм взаимодействия власти и общества. Уложенная комиссия 1767—1768 гг. явилась способом почетного привлечения представителей сословий к управлению государством на административно-бюрократических началах. А губернская реформа и Жалованная грамота дворянству 1785 г. создали прецедент сосуществования коронных губернских учреждений с местными общественными и выборными властями — предводителями дворянства, капитан-исправниками, заседателями земских судов. «Перенос» политической жизни из столицы в провинцию способствовал оттоку социальной энергии дворянства из центра — и таким образом лишал «переворотство» его питательной почвы.

Наконец, третьим способом приобщения дворян к власти стал в XVIII в. институт фаворитов: «Частая смена фаворитов каждого льстила, видя, что не все были гении, почти все из мелкого дворянства и не получившие тщательного воспитания»³⁵, — так смотрели современники на «известную должность» в дворцовых покоях с реальным участием в делах и даже с особой канцелярией. При ребенке-монархе или «женской персоне» фаворит становился едва ли не главной фигурой в государстве, и устранение такого «случайного человека» (порой и не занимавшего официальных постов) также являлось самым настоящим переворотом (падение Меншикова в 1727 г. и Бирона в 1740 году).

Важным признаком «переворотной» ситуации можно считать раскол в правящем кругу — наличие противоборствующих группировок, что само по себе является следствием ускоренных реформ и модернизации. В начале эпохи такой конфликт обозначался достаточно открыто и не сопровождался собственно переворотом. В 1725 г. накануне смерти Петра I иностранные послы сообщали о достигнутом компромиссе придворных партий — возведении на престол Петра II и назначении правительницей Екатерины «вместе с Сенатом»³⁶. В междуцарствие 1730 г. столь же явно выступили члены Верховного тайного совета во главе с Д. М. Голицыным: «шляхетству» были представлены «кондиции» и возможность гласно и легально составлять проекты нового государственного устройства. Как известно, обе эти попытки оказались парализованными. Но в обоих случаях столкновения происходили публично, с участием собравшихся во дворце представителей знати и не имевших высоких чинов офицеров и чиновников. Гвардия прямого участия в событиях не принимала — но в итоге она все же оказалась решающим аргументом при возведении на престол Екатерины I и восстановлении самодержавия Анны Иоанновны.

Но уже в ноябре 1740 г. фельдмаршал Б. Х. Миних впервые опробовал тактику прямого переворота: под его командованием гвардейский караул арестовал регента — герцога Бирона и его ближайшее окружение. Позднее именно заговор с участием гвардейцев в качестве ударной силы станет основным методом политической борьбы: возможности ее открытых проявлений были уже утрачены. Миних, свергая Бирона, действовал на свой страх и риск при поддержке всего 80 солдат и нескольких офицеров. Елизавету уже активно поддерживали гвардейские солдаты, преимущественно недворянского происхождения. Однако нам кажется, что утверждения о «безучастности» знати к новой «революции» не вполне соответствуют действительности: во всяком случае, к сторонникам Елизаветы можно отнести (кроме ее придворных — Шуваловых, Воронцовых, Лестока) принца Людвиг Гессен-Гомбургского (капитан-поручика ее личной охраны — «лейб-компания») и генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого, который явно играл первую скрипку в новом правительстве. Да и сам заговор не был внезапной импровизацией отчаянной цесаревны: его участники-преображенцы заранее договорились с дворцовым караулом Семеновского полка и охраной намеченных к аресту лиц³⁷.

Эти события положили начало еще одному компоненту «переворотства»: впервые к заговору оказались причастными иностранные дипломаты. Французский и шведский послы пошли на контакт с «партией» цесаревны

в расчете на изменение внешнеполитического курса страны — разрыв с союзной Австрией и ревизию Ништадтского мира 1721 года. Правда, в решающий момент никакой поддержки с их стороны не потребовалось, но традиция подобного рода деятельности сохранилась и позднее — в конце правления Елизаветы и в 1801 году.

В переворотах 1762 г. и 1801 г. на первый план выходят уже не солдаты, а офицеры (в том числе высшие, а предшествовавшие им заговоры представляют собой серьезные конспиративные предприятия с участием влиятельных лиц. Будущая Екатерина II уже в 1756 г. сообщала английскому послу Ч. Уильямсу о разработанном ею плане захвата власти в момент смерти Елизаветы с помощью доверенных гвардейских офицеров³⁸. В то же время канцлер А. П. Бестужев-Рюмин готовил проект провозглашения Екатерины соправительницей своего мужа.

Воцарение Петра III и утверждение у власти поддерживавшего его клана Шуваловых привели к очередному заговору. Практическую организацию дела возглавили братья Алексей и Григорий Орловы; к июню 1762 г. на их стороне уже было 40 офицеров различных полков и влиятельные сторонники в верхах: воспитатель наследника Н. И. Панин, высшие гвардейские чины — гетман К. Г. Разумовский, генералы А. Я. Брюс, М. Н. Волконский, Ф. И. Вадковский, генерал-фельдцейхмейстер А. Н. Вильбоа, а также член Синода новгородской архиепископ Димитрий Сеченов. Заговор был успешно осуществлен, но последняя точка в переделе власти была поставлена только в 1764 г., когда на основе нового закона о штатах от 15 декабря 1763 г. произошло почти полное обновление высшего и среднего звена государственного аппарата³⁹ и был нанесен решающий удар шуваловским ставленникам на местах и в центре — в феврале 1764 г. был отставлен с бесчестьем генерал-прокурор А. И. Глебов.

Дворцовый переворот 1801 г. был делом рук исключительно придворного круга и высшего гвардейского офицерства — в их числе клан екатерининских фаворитов Зубовых, вице-канцлер Н. П. Панин, сенатор Д. Т. Трошинский, командиры гвардейских полков (Л. И. Депрерадович, П. А. Талызин, Ф. П. Уваров), петербургский генерал-губернатор П. А. Пален и сам наследник Александр. Связующим звеном между оппозиционными Павлу I группами выступал А. В. Суворов, через которого организаторы заговора получили выход на Лопухиных — родственников фаворитки императора, а уже через тех подобрались к доверенному брадобрею-гофмейстеру И. П. Кутайсову⁴⁰. Осведомлен был о заговоре и английский посол лорд Уитворт. Но рядовых гвардейских офицеров к заговору подключили лишь на завершающем этапе — накануне ночного «похода» на Михайловский замок⁴¹.

Таким образом, российское «переворотство» начиналось с открытого столкновения «партий», прошло через этап активного участия гвардейских солдат в подготовке и проведении военной акции свержения императора (в 1741 г. и 1762 г.) и закончилось в 1801 г. заговором узкого круга вельмож и особ в генеральских чинах при офицерах-исполнителях. В последнем случае заговорщики даже опасались возможного солдатского протеста, что и подтвердили колебания некоторых воинских частей при объявлении о воцарении Александра I.

Не менее важной особенностью «революций» XVIII в. была особая роль непосредственной военной силы. При отсутствии каких-либо традиционных и легальных общественно-политических организаций опорой придворных «партий» могли быть лишь воинские части — петровская гвардия, которая уже в царствование своего основателя приобрела немалый политический опыт, воспитывая кадры для новой системы управления. Гвардейцы формировали новые полки, проводили первую перепись, отправлялись с ответственными поручениями за границу, собирали подати, назначались ревизорами и следователями, и порой сержант или офицер были облечены большими полномочиями, чем губернатор или фельдмаршал. Большинство главных действующих лиц «эпохи переворотов» (А. Д. Меншиков, И. А. и В. В. Долгоруковы, В. Н. Татищев, М. М. Голицын, Б. Х. Миних,

Разумовские, Шуваловы, Н. Ю. Трубецкой, братья Орловы, П. А. Пален и др.) прошли эту школу, т. е. служили в гвардейских частях или командовали ими — даже такие сугубо штатские деятели, как П. А. Толстой, Н. И. Панин, Я. П. Шаховской.

После смерти Петра I гвардия — элитная воинская часть, занявшая необычное для европейской практики место контролирующей и регулирующей силы в системе управления, сразу заявила себя как политическая сила при весьма посредственных или номинальных самодержцах. Это вмешательство претерпело заметную эволюцию, как в смысле сознательного участия гвардейцев в политической борьбе, так и в отношении его целей.

В 1725 г. гвардейские полки без особых рассуждений пошли за своими боевыми командирами И. И. Бутурлиным и Меншиковым — сторонниками неограниченного самодержавия и военно-бюрократического режима, тогда как их противники отстаивали преимущество законных учреждений и традиций над «силой персон».

В 1730 г. картина была уже сложнее. Группа гвардейских офицеров и солдат помогла Анне Иоанновне сорвать планы верховников и уничтожить ограничительные «кондиции». Однако одновременно десятки гвардейцев (в том числе высшие офицеры обоих полков) участвовали в политических дискуссиях и подписывали различные проекты будущего государственного устройства⁴². Но в решающий момент разделенные на «партии» «конституционалисты» не сумели найти общего языка. Судьбу переворота в пользу Анны решила преданная ей группа офицеров и гвардейские «низы», которые пошли защищать от «бояр»-узурпаторов императрицу и привычные ценности абсолютистского строя. Символично, что среди подписавших прошение о восстановлении самодержавия оказался дед первого дворянина-революционера, кавалергардский капрал А. Ф. Радищев. Преданность петровским традициям и монархический энтузиазм гвардейцев 1730 г. обернулись унижением «старых» петровских полков и суровыми репрессиями против представителей самого господствующего сословия⁴³.

После 1730 г. гвардия прошла неплохую политическую школу, и следующий переворот 1741 г. уже имел ярко выраженный антинемецкий, патриотический характер; причем гренадеры-преображенцы не просто меняли фигуру на троне, а готовились «положить души наши за Ваше величество и Отечество наше». Это обстоятельство было характерным и для событий 1762 года. Таким образом, движение от «солдатских» к «офицерским» переворотам сопровождалось сдвигом политических симпатий гвардии влево — к конституционным планам одного из вождей заговора 1801 г. Н. П. Панина и далее — вплоть до 14 декабря 1825 г.

Но даже и «непросвещенные» гвардейцы середины XVIII в. внушали правящей — на данный момент — верхушке опасения. Поэтому характерным последствием дворцовых переворотов 1730, 1740—1741, 1762 гг. была замена командования полков, а иногда и более серьезные «чистки» их личного состава. Другим способом сохранить верность гвардии были различного рода знаки внимания со стороны нового государя, принимавшего сразу же при вступлении на престол звание полковника гвардии. После очередного переворота гвардейцы получали жалование «не в зачет», царские особы устраивали для них приемы, крестили их детей, жаловали дворянское звание простлюдинам. Анна Иоанновна лично подносила им бокалы с вином, Елизавета Петровна приказала выдавать дворцовым караульным «на каждый день по 10 рублей», а Бирон — одевать зимой часовых в шубы и заменить солдатские шляпы на более комфортные в российских условиях «картузы».

Но гвардейцев же и боялись. В преддверии очередного раунда борьбы за власть гвардию стремились убрать из столицы (в 1741 и 1762 гг.) или противопоставить ей другие воинские части. Власть стремилась контролировать все служебные перемещения в гвардии, изменять порядок ее комплектования: при Анне Иоанновне — за счет курляндцев и рядовых украинских полков, брауншвейгские правители хотели набрать в гвардейские полки немцев, а Петр III — голштинцев, «волохов» и поляков⁴⁴. Ключевые

фигуры при дворе стремились найти себе опору в личных воинских частях или образовать своеобразную «гвардию в гвардии». Личной гвардией «рейхсмаршала» Меншикова стал созданный им в 1703 г. Ингерманландский полк, который «пользовался всеми преимуществами императорской гвардии» и находился на постоянных квартирах в Петербурге. Меншиков был и начальником личной охраны Екатерины I — офицерской кавалергардской роты, сформированной им летом 1726 года⁴⁵. Анна Иоанновна противопоставила старым гвардейским полкам два новых: Измайловский и Конную гвардию; таким образом непопулярное правительство получило реальную военно-политическую силу, и до конца царствования гвардия оставалась верной опорой режима.

Гренадерская рота Преображенского полка была «лейб-компанией» Елизаветы: все ее солдаты получили дворянство, денежные награды и поместья. Брат фаворита императрицы и фактический руководитель внутренней политики страны П. И. Шувалов тоже имел «личную» армию — Обсервационный корпус в 30 тыс. человек, и современники полагали, что последний был предназначен для того, чтобы возвести на престол наследника — великого князя Петра Федоровича. Сам же Петр III немедленно образовал «свою» голштинскую гвардию — единственную часть, оставшуюся верной ему во время переворота 28 июня 1762 года. Екатерина II следовала уже сложившейся практике: в том же году для охраны дворца был сформирован корпус «шавальегардов» — его шефом стала сама новая императрица, а ее заместителями и фактическими командирами последовательно назначались самые близкие ей люди: Г. Г. Орлов, Г. А. Потемкин, П. А. Зубов. От елизаветинской «лейб-компания» кавалергарды отличались высокой дисциплиной: за проступки их немедленно переводили в армейские полки⁴⁶.

Еще одной характерной чертой переворотов было стремление сохранить видимость законности и юридически закрепить происшедшую «революцию». Важнейшим элементом такого правового оформления переворотов служила присяга новому императору, к которой немедленно приводили высших должностных лиц, гвардию и войска столичного гарнизона. Эта процедура, строго говоря, должна была происходить после смерти прежнего государя, но в описываемое время она нередко ей предшествовала. Претенденты (Елизавета, Екатерина II) спешили как можно скорее связать присягой своих сторонников и войска.

Большой ошибкой верховников в 1730 г. стало составление новой формы присяги — не только императрице, но и Верховному тайному совету, чего гвардия не приняла; правители вынуждены были присягать Анне без каких-либо упоминаний о перемене формы правления, что облегчило проведение контрпереворота. Конспирация и социальный состав участников заговора 1801 г. уже не могли предполагать такого публичного спектакля переворота, но и тогда было необходимо его «гражданское обеспечение». На последнем собрании заговорщиков их руководители объявили о санкционировании их действий наследником и огласили документ о низложении Павла I; по некоторым известиям, членов Сената и Синода собирали в ночь с 11 на 12 марта в Казанском соборе — возможно, для официального принятия отречения, но оно и не понадобилось.

Кроме присяги, требовались и иные формы правового и идеологического закрепления результатов переворота в виде манифестов и политической проповеди. Но первые такого рода опыты оказались неудачными: завещание Екатерины I было фактически отменено Меншиковым и сменившими его у трона Долгоруковыми; остался неопубликованным после падения Меншикова и манифест о его «винах»⁴⁷. Полным провалом завершилась в 1730 г. попытка семейства Долгоруковых составить подложное завещание от имени умиравшего Петра II о передаче власти своей обрученной невесте.

Новый период воздействия на общественное мнение наступил в 1741 году. Официальные документы и политические проповеди тех лет создавали идеологическую доктрину елизаветинского царствования: восстановление петровских «начал» (единственной законной продолжительницей которых

по крови и духу объявлялась новая императрица) при крайне негативной характеристике периода 1725—1741 гг. как времени упадка и господства иноземцев⁴⁸. А при Екатерине II ее окружение подготовило целый комплекс документов, призванных оправдать переворот 1762 г., где содержались недостоверные обвинения в адрес Петра III (в «ненависти к Отечеству», «расточении» доходов и даже готовившемся убийстве сына Павла!), подлинный текст «добровольного» отречения императора и насквозь лживая информация о его смерти (не случайно наиболее одиозный манифест от 13 июля 1762 г. не был даже включен в Полное собрание законов Российской империи⁴⁹).

Только переворот 1801 г. и в этом отношении представляет собой противоречие с предыдущими: события ночи с 11 на 12 марта покрываются плотной завесой молчания. Официальные документы нового царствования не содержали никакой критики павловского режима, а запрет на публикации материалов о перевороте сохранялся даже в начале XX века.

С 20-х годов XVIII в. берет начало еще одна важная тенденция искажения исторической правды. Уже при Петре II в 1727 г. Верховный тайный совет повелел изъять у населения и из государственных учреждений все манифесты о деле царевича Алексея вместе с указом 1722 г. о престолонаследии. В 1741 г. Елизавета распорядилась переписать, уничтожить или скрыть уже всю официальную документацию предшествовавшего царствования, а также изображения, монеты, посвящения в книгах свергнутому ею Ивану Антоновичу. К подобной практике прибегал и Павел I, повелевший через полицию отобрать и сжечь все публикации манифестов 1762 г., о которых говорилось выше. И в первой половине XIX в. власти принимали меры, чтобы получить записки и бумаги заговорщиков 1801 г. — Палена, Зубовых, Беннигсена⁵⁰.

С екатерининских времен использовались и иные методы «исправления» прошлого. Не чуждая историческим изысканиям императрица внимательно следила за «правильным» освещением истории, каковое, по ее мнению, «не могло иметь другого вида и цели, кроме прославления государства». Екатерина II лично контролировала процесс подготовки учебника для средних школ, а другие исторические сочинения такого рода подвергались цензурной правке при попытке коснуться запретных тем⁵¹.

Как правило, в большинстве учебных пособий по русской истории конца XVIII — начала XIX в. вообще отсутствовали какие-либо сведения о событиях 1730, 1740—1741 и 1762 гг., в лучшем случае замененные стандартными формулировками о «кончине» и «восшествии» очередного государя либо курьезными сентенциями вроде того, что Иван Антонович несправедливо занял престол, но ко всеобщему облегчению был лишен «тягостной самому ему ни к чему не способной жизни». Только в исключительных случаях до читателя доходили известия о «договорной грамоте» и ограничении самодержавной власти в 1730 г. или о заточении Ивана Антоновича и его смерти в результате заговора Мировича. Одновременно предпринимались и меры для того, чтобы не допустить появления или хотя бы воспрепятствовать проникновению в Россию иностранных сочинений об очередном перевороте⁵².

Стремление любыми средствами подвести правовую и идейно-политическую основу под свершившийся захват власти не случайны. Каждый удавшийся переворот в XVIII в. сопровождался волной неудачных попыток его «переиграть». Сама легкость дворцовых перемен стимулировала появление у новых правителей конкурентов — особенно в условиях правовой неопределенности, когда и законная смена государя часто выглядела таким же переворотом. Сначала такие попытки появлялись преимущественно в «верхах»: расправа Меншикова с П. А. Толстым и А. М. Девиером, неудачная попытка И. А. Долгорукова утвердить в 1730 г. фальшивое завещание Петра II и увлечь гвардию именем своей сестры, явно «не дозревший» заговор А. П. Волынского и его «конфидентов».

Но перевороты «сверху» вызывали и подражание «снизу» — в среде гвардейцев и офицеров других полков, мало что выигрывавших при власти

и нередко озлобленных против удачливых коллег, проложивших себе путь к карьере и богатству. Удавшиеся перевороты 1741 и 1762 гг. и фортуна их участников породили несколько неосторожных «движений» в пользу свергнутого императора Ивана VI и наследника престола Петра Федоровича со стороны гвардейских и армейских офицеров — А. Турчанинова и П. Квашнина в 1742 г., И. Батурина в 1749 г., И. Гурьева и П. Хрущева в 1762 г., В. Мировича в 1764 году⁵³. В дальнейшем эти волны «переворотных» настроений, порожденных событиями 1741 г. и 1762 г., затихают и уже не возникают — так же, как исчезают и их образцы.

Большинство подобных «заговоров» в гражданской и армейской среде отличалось явным дилетантством: отсутствием продуманного плана, связей в аппарате управления, элементарной конспирации — и едва ли не ограничивались разговорами, да еще в «велием пьянстве». Но эти разговоры имели крайне радикальный характер; их участники безо всякого стеснения считали возможным «заарестовать весь дворец» и расправиться не только с новыми фаворитами, но и с самими императрицами. Отчаянный Иоасаф Батурин с товарищами уже готовился совместить переворот с бунтом московских фабричных рабочих. Своей анархичностью и неорганизованностью такие подражания «господским» заговорам близки к народному варианту российского «переворотства» — самозванчеству.

Социальный протест в сочетании с консервативной оппозицией любым новшествам порождал в народном сознании веру в появление «настоящего» царя, и существовавшие «наверху» правовая неразбериха и борьба за власть только способствовали материализации таких настроений. С 1715 г. стали появляться лже-Алексеи, затем — с 1732 г. по 1765 г. — лже-Петры II⁵⁴; наконец, наиболее популярным оказалось имя Петра III — его принимали уже десятки людей. Самый знаменитый из них — Пугачев — сумел уже почти на равных сражаться с Екатериной II за престол. «Самозванная» реакция на потрясения российского трона пережила эпоху переворотов и завершилась в первой половине XIX в. на имени последнего из нецарствовавших императоров — Константина.

Традиция дворцовых переворотов как своеобразного «силового элемента» политической жизни не характерна не только для классической страны абсолютизма — Франции, но и для более «застойных» близких по типу развития к России Испании, итальянских или германских княжеств. Российский вариант неограниченной монархии в силу исторических условий оказался по ряду параметров (длительное сохранение отношений «власти-собственности», авторитарная власть государя при высокой степени ее концентрации, консервация общинных институтов и «служилого» землевладения) ближе к «восточному» типу государственности⁵⁵, в том числе к византийскому. Действительно, исторически сложившаяся централизация управления, ничем не ограниченная власть императора без четкого принципа наследования, преобладание в правящих кругах Византии до XI в. служилой аристократии часто иностранного или незнатного происхождения, не имевшей прочных корпоративных связей и гарантий феодальной собственности, — все эти черты до известной степени близки послепетровской империи. Но этот же механизм при удивительной устойчивости системы в целом приводил к тому, что почти половина василевсов были насильственно свергнуты с престола в результате мятежей и дворцовых переворотов⁵⁶.

Традиция дворцовых переворотов в России становится одним из ведущих факторов политической жизни именно после петровских реформ, в ходе которых заимствованные из европейского опыта технико-экономические и политические формы пересаживаются на почву феодально-крепостнической системы в целях ее модернизации и усиления. Возрастание диспропорций в политической системе и социальной напряженности должно было вызвать и реакцию: в этом смысле дворцовые перевороты являлись таким же моментом обратной связи надстройки с социумом, как и крестьянские войны XVII—XVIII вв. Поэтому можно, как представляется, сопоставить отечественное «переворотство» с латиноамериканскими «пронунсиаментами».

При некоторых близких к российской действительности чертах (значительная роль государства в управлении экономикой, политический патернализм и клановость, особая роль армии в государстве, авторитарный характер власти) перевороты там также являлись существенным элементом политической системы и «способом существования и выживания ориентированной на Запад элиты в условиях незападного общества»⁵⁷.

Российские перевороты сохраняли сам принцип неограниченного самодержавия и стабильность феодально-крепостнической системы, ее внутриполитический (закрепощение) и внешнеполитический (преемственность в действиях по отношению к Швеции, Польше и Турции) курс. Такая стабильность во многом определялась традициями политической культуры России (развитием ее «служилой» государственности и менталитета господствующего класса), что обусловило принципиальное совпадение интересов основных политических сил — монархии, правящей элиты и дворянства. Несовпадение или разнонаправленность их действий могли привести к глубокому внутреннему кризису — как в соседней Речи Посполитой, где противоречия между шляхтой, магнатами и монархией закончились практически распадом ее государственности в XVIII веке. Правда, стоит отметить и то, что определенная независимость монархии от дворянства и сосредоточение огромной власти в руках царя в известном смысле облегчали проведение реформ, как в 1861 году.

Абсолютистские режимы во Франции или Испании не знали дворцовых «революций», кроме сравнительно мягких «падений» министров-фаворитов. Но и более стабильная система французского «старого режима» с господством мощных финансово-бюрократических группировок в виде родственных кланов с широкой клиентелой при дворе и в аппарате управления, и испанский вариант с полной «приватизацией» дворянством всей системы управления изнутри⁵⁸ — имели меньше возможностей для самореформирования.

Относительный баланс власти и общественных сил в лице дворянства установился в России лишь во второй половине XVIII в., при этом в 1762 и 1801 гг. дворянство в целом и наиболее активные его группировки отказались принять «новое издание» петровских реформ. Успешное сопротивление «снизу» преобразовательному натиску «сверху» свидетельствовали о формировании действенного «механизма торможения», из-за которого и впоследствии самодержавие постоянно запаздывало по отношению к настоящим потребностям исторического развития. Наглядный образец тому представляет царствование Александра I.

Опасность переворота, подступившая вплотную к царю на крутых виражах первой четверти XIX в., обрекала его на вынужденные компромиссы и меры по нейтрализации оппозиции. Это были рассчитанные на общественное мнение письма царя к императрице-матери с объяснением своих действий в связи с заключением Тильзитского мира 1807 г., публичная демонстрация равноправных и партнерских отношений с Наполеоном, пышные торжества по случаю заключения в 1809 г. выгодного мира со Швецией⁵⁹. А отклики на польскую конституцию 1815 г. и знаменитую речь Александра I 1818 г. при открытии польского сейма с обещаниями даровать всей стране «законно-свободные учреждения» заставили царя отказаться от предполагаемых социально-политических реорганизаций и приступить к политике «закручивания гаек». Защитная реакция власти проявлялась в постоянной готовности к смене курса, вплоть до оскорбительной отставки, данной в 1812 г. М. М. Сперанскому. О ней император сообщал своему другу А. Н. Голицыну: «У меня в прошлую ночь отняли Сперанского»⁶⁰.

Порой реакция власти выливалась в такие необъяснимые поступки, как отказ преследовать уже выявленных участников декабристского движения и смещение в 1821 г. командира гвардейского корпуса И. В. Васильчикова — после его доклада царю о существовании тайных обществ. Реальные причины заключались в опасении спровоцировать арестами молодых офицеров — за которыми царю мерещились лица с «густыми эполетами» — мощный всплеск оппозиции. Во втором случае на Васильчикова пало

(совершенно беспочвенное на деле) подозрение в домогательстве чрезвычайных полномочий и успеха Палена в 1801 г. Похоже, что страх заговора, терзавший царя всю жизнь, не оставлял его и на смертном одре: из боязни отравления он отказывался принимать прописанные лекарства ⁶¹.

Не случайно период конца XVIII в.— 1825 г. стал переломным временем в политическом развитии гвардии, которая до 1869 г. оставалась в личном подчинении императора. Главными его особенностями стали отказ от комплектования гвардии дворянской молодежью и предъявление к гвардейским солдатам повышенных требований: отбор заслуженных солдат из армейских полков и жестокая муштра, которой руководили сам император и члены его семьи, проходившие службу в гвардейских соединениях и лично командовавшие ими ⁶². Разделение гвардии на сословные группы (к концу столетия удельный вес потомственных дворян среди гвардейского офицерства оставался неизменно высоким при постоянном сокращении его в целом в армии) затрудняло совместные выступления солдат и офицеров против царя, а за офицерским составом гвардии устанавливался в эпоху Александра I и Николая I жесткий контроль: создание в 1821 г. военной тайной полиции, перлюстрация писем, тайный надзор ⁶³.

При вступлении на престол Николая I петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович прямо заявил ему, что гвардия его не примет; хотя «ей бы не следовало тут вмешиваться, но она испокон веку привыкла к тому и сроднилась с такими понятиями». Зная об отречении Константина, Милорадович и поддержавшие его генералы заставили Николая присягнуть ему, а затем немедленно привели к присяге гвардию, чем вынудили прочие правительственные учреждения и Государственный совет также признать Константина императором. В итоге прямого давления военных властей к 27 ноября 1825 г. был почти совершен еще один государственный переворот ⁶⁴ — но, как известно, Константин решительно отказался царствовать, и события вырвались из-под контроля генералов-заговорщиков.

К опыту дворцовых переворотов минувшего века неизбежно должны были обратиться и их подчиненные — офицеры-декабристы. Среди участников движения было много представителей т. н. «декабристской периферии», которые, будучи сторонниками перемен, не могли вместить в сознание идею радикального переворота — «революции» с волнениями, уличными боями и кровопролитием. Именно в этой среде появлялись уже проверенные в прошлом веке идеи возведения на престол «хорошего» царя. В. И. Штейнгель предлагал Рылееву «пригласить» вдову Александра I Елизавету Алексеевну, которая «склоннее может быть всех к тому, чтобы даровать России конституцию»; другой декабрист, прапорщик Палицын, желал поднести новому государю «проект другого порядка вещей, как то было сделано при императрице Анне Иоанновне». Как считал один из идеологов этой «периферии» Г. С. Батеньков: «Перевороты снизу, от народа, опасны, и лучшее средство придумать так, чтоб овладеть самым слабым пунктом в деспотическом правлении, т. е. верховною властью, употребив интригу или силу» ⁶⁵.

Память об обстоятельствах восшествия на престол не покидала Николая I до конца жизни. Одним из его последних распоряжений накануне смерти было приказание «собрать в залах дворца все гвардейские полки, чтобы присяга могла быть принесена немедленно после его последнего вздоха» ⁶⁶.

Страх перед насильственным устранением (лучше всего отраженный в мотивировке отказа от короны Константина Павловича: «Удушат, как отца удушили!» ⁶⁷) тяготел и над Александром II. По мере продвижения дела крестьянской реформы он испытывал все возрастающее давление со стороны высших сановников и дворян-крепостников: ему слали анонимные письма «о ножах, которые точат на него и на все его семейство». Шеф жандармов В. А. Долгоруков прямо пугал царя заговором: «Ввиду всеобщего неудовольствия дворянства, ежедневно изъявляемого получаемыми на высочайшее имя письмами, он... не отвечает за общественное спокойствие, если предложения Редакционных комиссий будут утверждены». Император

сумел подавить в себе нерешительность, но угрозы сработали: накануне исторической даты в ночь с 18 на 19 февраля 1861 г. 4 батальона пехоты и 6 эскадронов кавалерии были подтянуты к Зимнему дворцу, сам царь ночевал в другом крыле здания, а у дворцового подъезда наготове стояли лошади — на случай, если бы пришлось спасаться бегством⁶⁸. Высшая власть империи опасалась и возможного бунта, и дворянского заговора.

«Переворотная» традиция воздействовала и на своеобразный механизм внутренней цензуры в ходе подготовки важнейших актов верховной власти, устраняющий возможность кратчайшего пути в реализации преобразовательных планов. Эту особенность выразительно подчеркнул министр внутренних дел П. А. Валуев, характеризуя реформаторские усилия Александра II как «политику немыслимых диагоналей»⁶⁹. Отмеченная тенденция проявила себя в тщательной конспирации любых приступов к реформе — проектов решения крестьянского вопроса А. А. Аракчеева и Д. А. Гурьева, девяти Секретных комитетов по крестьянскому делу при Николае I, имевших порой двойной уровень секретности: всей полнотой информации обладали только император и руководитель V Отделения Собственной е. и. в. канцелярии П. Д. Киселев. Те же сдерживающие начала нашли свое выражение и в серии предварительных апробаций намеченных преобразований: локальной отмене крепостного права в прибалтийских губерниях; в конституции Царства Польского, являвшегося как бы опытной лабораторией правительственного конституционализма⁷⁰; в реформе государственной деревни 1837—1841 гг.; в освобождении царским рескриптом удельных крестьян в 1858 году.

Российское «переворотство», которое представители эпохи расценивали как необходимый «противовес власти» или «неизбежно полезный корректив абсолютизма»⁷¹, в инерционной фазе своего развития уже не несло положительного заряда. По мере того, как власть приобретала устойчивость, она заметно утрачивала свой созидательный потенциал. В конечном счете история самодержавия в XIX в. начале XX протекала под знаком невосполнимых потерь: по словам Ключевского, в подходах к крестьянскому вопросу сыновья Павла I на полстолетия отстали от отца; под сукно лег правительственный проект конституции — Уставная грамота Российской империи, разработанная Н. Н. Новосильцевым в 1818—1820 гг.; крайне затянулся переход к капиталистической модернизации.

Стабильность власти и одновременно ее растущая изоляция от общества обеспечивались крепнувшей бюрократической системой: численность чиновников за XIX столетие выросла с 15—16 тыс. до 385 тыс.⁷² Высшее звено корпорации профессиональных управленцев к исходу XIX в., наряду с особой государя, в полной мере стало олицетворять собой государственную машину, тем более, что в это же время в верхнем эшелоне власти становится нормой коллективная проработка и принятие значительных государственных решений⁷³. «Бюрократическая придворная стена, отделяющая царя от России» (выражение из анонимного письма Николаю II)⁷⁴, заодно прочно заслоняла главу государства от попыток различных политических сил свести счеты с властью.

«Окостенение» архаичной политической системы при нарастании кризиса и невозможность сколько-нибудь легальных действий толкала радикальную молодежь на крайние формы борьбы с самодержавием, отчасти воспроизводившие тактику дворцовых переворотов прошлого.

С 1879 г. революционная организация «Народная Воля» предполагала путем «искусно выполненной системы террористических предприятий» привести правительство в панику и создать удобный момент для нападения и захвата власти. Не публиковавшийся по тактическим соображениям пункт 5 раздела «Д» программы Исполнительного комитета «Народной Воли» прямо предусматривал организацию «заговора» и «переворота». О его «дворцовом» варианте рассуждал в 1881 г. член Комитета Л. Тихомиров: «При тогдашнем настроении общества и офицеров, да еще при такой полиции положительно возможно бы было организовать дворцовый переворот»⁷⁵. Практические шаги в этом направлении предпринимала в 1882 г.

Военная организация «Народной Воли»: планировался арест царской семьи на параде (в крайнем случае — «истребление царя со свитой») и провозглашение Временного правительства, куда предполагалось привлечь высокопоставленных военных, например; известного генерала Драгомирова ⁷⁶.

Сохранение безнадежно устаревшего для XX в. политического режима в сочетании с крайне узкими возможностями легальной политической деятельности (которые к тому же всячески старались урезать) неизбежно ориентировало оппозицию на силовой захват власти и способствовало частичному внедрению этой установки в практику политической борьбы. Замена личной ответственности царя коллективной ответственностью министров косвенно отразилась в установках революционеров — направленном против всего правительственного лагеря терроре народовольцев и серии убийств государственных деятелей (Д. С. Сипягина, В. К. Плеве, П. А. Столыпина) в начале XX века.

Призрак дворцового «переворотства» вновь напоминает о себе под занавес истории монархии в России. С начала первой мировой войны с подачи Распутина и императрицы в придворных кругах распускается слух о посягательствах двоюродного дяди царя и главнокомандующего армией великого князя Николая Николаевича на династический переворот: намерениях отделить от России Польшу и стать ее королем, а затем и завладеть императорской короной ⁷⁷. И хотя увольнение главнокомандующего в августе 1915 г. состоялось главным образом под влиянием поражений на фронте, эти сплетни заметно испортили отношения царя с «дядей Николашей».

Если этот «заговор» оказался «мыльным пузырем», то последующие попытки в недрах либерально-буржуазной оппозиции являлись уже реальными, хотя и бесплодными. Неудачный опыт давления на верховную власть и формирования «правительства доверия» обратил внимание лидеров Прогрессивного блока IV Думы на иные, внепарламентские формы борьбы. Осенью 1915 г. правый кадет Н. Маклаков выдвинул идею дворцового переворота, а конкретные очертания она приобрела осенью 1916 г. благодаря триумvirату А. И. Гучкова, М. И. Терещенко и Н. Е. Некрасова, помышлявших о захвате царского поезда, отречении Николая II в пользу наследника Алексея и регентских полномочиях младшего брата царя Михаила — что представлялось им как необходимая «хирургическая операция, исполняемая со всей политической антисептикой», чтобы не допустить в действие «слепые стихийные силы улицы» ⁷⁸. Но в итоге правящие круги оказались неспособными к смелой политической акции, а февральская революция 1917 г. списала российскую монархию в архив.

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 443.
2. См.: ЗУТИС Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII веке.— Рига, 1946, с. 136, 138, 184, 197; ТРОИЦКИЙ С. М. Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в.— Вопросы истории, 1966, № 2.
3. ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России (конец XVIII — начало XIX столетия). В. кн.: В борьбе за власть: страницы политической истории России XVIII в. М. 1988; АНИСИМОВ Е. В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. Там же.
4. КАРЕЕВ Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв.— СПб. 1908.— С. 192.
5. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. в 9 т. Т. 4. М. 1989, с. 36, 238.
6. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. в 18 кн. Кн. 11. М. 1993, с. 12, 103; кн. 13. М. 1994, с. 61, 73, 82, 85.
7. Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М. 1964, с. 18; Большая советская энциклопедия. Т. 7. М. 1972, с. 595.
8. ПЛАТОНОВ С. Ф. Лекции по русской истории. М. 1993, с. 543, 557, 560.
9. Политология. Энциклопедический словарь. М. 1993, с. 109.
10. См.: The Encyclopedia Americana, 1969, v. 8, p. 99; Encyclopedia Britannica, 1978, v. 3, p. 192; v. 14, p. 715, v. 16, p. 52.

11. ТРОИЦКИЙ С. М. Ук. соч., с. 38.
12. КОБРИН В. Б. Иван Грозный. М. 1989, с. 112—113.
13. ПОГОДИН М. П. 17 первых лет в жизни имп. Петра Великого. М. 1875, с. 201—223; БЕЛОВ Е. А. Московские смуты в конце XVII в.— Журнал министерства народного просвещения, 1897, № 2; ШМУРЛО Е. Ф. Падение царевны Софьи.— Журнал министерства народного просвещения, 1896, № 1, с. 41; БОГДАНОВ А. П. Сильвестр Медведев.— Вопросы истории, 1988, № 2, с. 90.
14. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб. 1884, с. 24.
15. ЗАРИН В. А. Запад и Восток в мировой истории XIV—XIX вв. М. 1991, с. 89—90; RAEFF M. Plans for political Reforms in imperial Russia. 1730—1905. Prentis-Hill, 1966, p. 16; МЕДУШЕВСКИЙ А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М. 1994, с. 46, 226.
16. Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Л. 1972, с. 191.
17. «О повреждении нравов в России» М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М. 1984, с. 80; ЛУНИН М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск 1988, с. 145—146; ФОНВИЗИН М. А. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск 1982, с. 114, 120—121, 127—129; Примечания Н. М. Муравьева к «Разбору донесения следственной комиссии».— Полярная звезда, 1961, т. 5, с. 69—72.
18. О повреждении нравов в России, с. 77.
19. ВОДАРСКИЙ Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в.— М. 1988, с. 236; Развитие русского права второй половины XVII—XVIII в. М. 1992, с. 139—141.
20. СТАРИКОВ Е. Н. От классового общества к сословному? В кн.: Бюрократия и общество. М. 1991, с. 108—109, 113.
21. ЛОТМАН Ю. М., УСПЕНСКИЙ Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как фактор русской культуры.— Ученые записки Тартуского университета, 1975, вып. 358, с. 170.
22. Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 3. СПб. 1868, с. 508.
23. RAEFF M. The Domestic Policies of Peter III and His Overthrow.— American historical Review, 1970, № 5, p. 1307; RANSEL D. The politics of Catherinian Russia. The Panin Party. L., 1975, p. 7.
24. Переписка великого князя Павла Петровича с графом Петром Паниным в 1778—1779 гг.— Русская старина, 1882, т. 33, с. 747—748.
25. ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. Ук. соч., с. 338, 342, 349, 409, 412; Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб. 1907, с. 50.
26. ШАНСКИЙ Д. Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20—60-е гг.). В кн.: Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. М. 1991, с. 131—133.
27. Памятники новой русской истории. Т. III. СПб. 1873, с. 258—280; Русский архив, 1876, кн. 1, с. 78—80; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911. Т. II. СПб. 1911, с. 33—34; Архив князя Воронцова. Т. III. М. 1871, с. 357—367; Сборник РИО. Т. 7. СПб. 1871, с. 202—216; Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. III. М. 1858, с. 122—127.
28. Российский государственный архив древних актов, ф. 16, госархив, оп. 1, д. 5, л. 1; ТРОИЦКИЙ С. М. Россия в XVIII в. М. 1982, с. 140—192.
29. RULHERE CL. Histoire au anectodes sur la revolution de Russie en 1762. Paris 1797, p. 26—27; CASTERA G. Histoire de Catherine II, imperatrice de Russie. Paris 1800, p. 135, 237—238; ДАШКОВА Е. Р. Записки. Л. 1986, с. 35.
30. Сборник РИО. Т. 140. СПб., 1912, с. 151; САФОНОВ М. М. Конституционный проект Н. П. Панина—Д. И. Фонвизина.— Вспомогательные исторические дисциплины. Л. 1974, вып. VI, с. 261—280.
31. САФОНОВ М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XIII и XIX вв. Л. 1988, с. 146—162; ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. Грань веков, с. 192—195, 245—246, 286—292; его же. К биографии Муравьева-Апостола.— Исторические записки, 1975, т. 96, с. 252—256.
32. Vom Tode Peters III bis zum Tode Ivans VI.— Russische Revue, 1883, № 12, s. 542.
33. ЕКАТЕРИНА II. Записки. СПб. 1907, с. 573.
34. См.: Русский архив, 1867, кн. 1, стл. 79—85; Наказ Сенату.— Проблемы истории абсолютизма. М. 1983, с. 56—61; Вестник Европы, 1867, № 3, с. 316—323.
35. Цит. по: Итоги XVIII в. в России. М. 1910, с. 33—34.
36. Сборник РИО. Т. 52. СПб., 1886, с. 422; ШМУРЛО Е. Ф. Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I. В кн.: Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань 1913, с. 357.

37. ПАНЧУЛИДЗЕВ С. А. История кавалергардов. Т. 1. СПб. 1899, с. 236—237, 248; История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 2, с. 12—13.
38. ЧЕЧУЛИН Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол. Л. 1924, с. 101.
39. Сенатский архив. Т. XIV. СПб. 1910, с. 197—198.
40. СУВОРОВ А. В. Письма. М. 1986, с. 705; САФОНОВ М. М. Суворов и оппозиция Павлу I.— Вопросы истории, 1993, № 4, с. 128.
41. ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. Грань веков, с. 441, 536—540.
42. КОРСАКОВ Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Приложение. Казань 1880, с. 20—56.
43. ЧЕРНИКОВА Т. В. «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны.— История СССР, 1989, № 5, с. 157.
44. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 13, с. 25.
45. ПОПОВ В. И. История 9 пехотного Ингерманландского императора Петра I полка. 1703—1903. Калуга 1903, с. 1—2; ПАНЧУЛИДЗЕВ С. А. Ук. соч. Т. 1, с. 183.
46. ПАНЧУЛИДЗЕВ С. А. Ук. соч. Т. 2, с. 52—54.
47. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. VII, № 5150; АЛЕКСЕЕВ А. С. Сильные персоны в Верховном тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М. 1898, с. 23; ОВЧИННИКОВ Р. В. Крушение «полудержавного властелина» (документы следственного дела князя А. Д. Меншикова).— Вопросы истории, 1970, № 9, с. 94—95.
48. АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч, с. 73—81.
49. Осьмнадцатый век. Кн. 4. М. 1869, с. 217—221.
50. БЛАГОВО Д. Д. Рассказы бабушки. Л. 1989, с. 65; ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. Грань веков. С. 434—435.
51. Российский государственный исторический архив, ф. 730, оп. 1, № 37, л. 20; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 1105, № 40, л. 194.
52. АЛПАТОВ М. А. «История, или анекдоты о революции в России в 1762 г.» Клода Карломана де Рюльера. В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. 1981, с. 322—326.
53. АНИСИМОВ Е. В. Ук. соч., 183, 205; СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 12. М. 1993, с. 161—163; БИЛЬБАСОВ В. А. История Екатерины II. Т. 2. Берлин 1900, с. 191; КАРАТЫГИН П. Язык мой — враг мой.— Исторический вестник, 1897, № 9, с. 779; № 10, с. 203—204.
54. ТРОИЦКИЙ С. М. Самозванцы в России XVII—XVIII вв.— Вопросы истории, 1969, № 3, с. 140—142.
55. ШМИДТ С. О., ГУТНОВА Е. В., ИСЛАМОВ Т. М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России.— Новая и новейшая история, 1985, № 3, с. 58; КИМ Г. Ф., АШРАФЯН К. З. Государство в традиционных обществах Востока. В кн.: Государство в докапиталистических обществах Азии. М. 1987, с. 6; СЕДОВ Л. А., МАЛЯВИН В. Н., ВАСИЛЬЕВ Л. С. Государство на традиционном Востоке. Там же, с. 27—28.
56. КАЖДАН А. П. О социальной природе византийского самодержавия.— Народы Азии и Африки, 1966, № 6, с. 53—60.
57. КУЛИСТИКОВ В. М. Нестабильность: заколдованный круг периферийной политики.— Латинская Америка, 1987, № 9, с. 21, 25; МАКАРЫЧЕВ А. С. Неформальные структуры власти и механизм политического лидерства на переломных этапах истории. В кн.: Человек и его время. М. 1991, с. 62.
58. См.: КОПОСОВ Н. Е. Абсолютизм во Франции.— Вопросы истории, 1989, № 1, с. 53—54; его же. Высшая бюрократия в политической системе старого порядка. В кн.: От старого порядка к революции. Л. 1988, с. 48—51; ДОМИНГЕС ОРТИС А. Кризис испанской монархии в XVII в.— В кн.: Россия и Испания. Историческая ретроспектива. М., 1987, с. 248—249.
59. ВАЛЛОТОН А. Александр I. М. 1991, с. 115—116, 130; ТРОИЦКИЙ Н. А. Александр I и Наполеон. М. 1994, с. 135.
60. Цит. по: ТРОИЦКИЙ Н. А. Ук. соч, с. 150.
61. ЭКШТУТ С. А. В поиске исторической альтернативы. М. 1994, с. 45—93; САХАРОВ А. Н. Александр I: к истории жизни и смерти. В кн.: Российские самодержцы. М. 1993, с. 57.
62. ГАБАЕВ Г. С. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. В кн.: ПРЕСНЯКОВ А. Е. 14 декабря 1825 г. М.-Л. 1926, с. 157—164.
63. БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М. 1973, с. 238—239; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М.

- 1973, с. 203; ЛАПИН В. В. Семеновская история: 16—18 октября 1820 г. Д., 1991, с. 57, 219—220.
64. МИРОНЕНКО С. В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. М. 1990, с. 92.
 65. ГОРДИН Я. А. Мятеж реформаторов. Л. 1989, с. 113—114, 159.
 66. ТЮТЧЕВА А. Ф. При дворе двух императоров. Тула 1990, с. 121.
 67. Цит. по: САХАРОВ А. Н. Ук. соч, с. 55.
 68. Дневник П. А. Валуева. Т. 1. М. 1961, с. 72—73.
 69. Цит. по: ЗАХАРОВА Л. Г. Александр II. В кн.: Российские самодержцы, с. 189.
 70. МИРОНЕНКО С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
 71. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л. 1991, с. 53; АВРЕХ А. Я. Царизм накануне свержения. М. 1989, с. 520.
 72. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. 1978, с. 221.
 73. БОХАНОВ А. Н. Сумерки монархии. М. 1993, с. 62.
 74. Цит. по: ИСКЕНДЕРОВ А. А. Российская монархия: реформы и революция.— Вопросы истории, 1993, № 5, с. 91.
 75. ВОЛК С. С. Народная Воля. 1879—1882. М.-Л. 1966, с. 241—244.
 76. АШЕНБРЕННЕР М. Ю. Военная организация «Народной Воли». М., 1924, с. 97.
 77. БОХАНОВ А. Н. Ук. соч, с. 153, 179, 195.
 78. Александр Иванович ГУЧКОВ рассказывает... М. 1993, с. 17, 19.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Дмитрий Донской

В. А. Кучкин

12 октября 1350 г. в семье звенигородского князя Ивана Ивановича произошло долгожданное событие: у Ивана и его жены Александры родился сын, которого окрестили Дмитрием в честь праздновавшегося 26 октября святого Дмитрия Солунского. Известие о рождении звенигородского княжича попало на страницы летописей¹. Факт этот сам по себе значителен, поскольку в летописи вносили далеко не все и не о всех, но трудно сказать, сделана ли была запись о рождении Дмитрия современником события или много позднее, когда возмужавший князь проявил себя крупным политиком и полководцем, вызывавшим интерес далеко за пределами собственных владений. В жизни же Ивана Ивановича рождение Дмитрия стало вехой: до тех пор, состоя в браке с Александрой более пяти лет, князь не имел сыновей. Появление наследника означало продолжение династии.

Впрочем, династия эта не была главенствующей в Московском великом княжестве. Верховная власть принадлежала старшему сыну Ивана Калиты Семену (Симеону) Гордому, у которого подрастали два сына. За ними было будущее. Дмитрию же оно не сулило ничего более удельного Звенигорода. Вскоре, однако, обстоятельства решительно переменились.

Пандемия легочной чумы — черная смерть, как называли ее современники, начавшаяся в Китае, захватившая Индию, перекинувшаяся на Кавказ, Ближний Восток, Северную Африку, перевезенная оттуда на генуэзских кораблях в Италию, поразившая все страны Европы, в начале 50-х годов XIV в. достигла пределов русских земель. В 1352 г. она опустошила Псков и Псковскую землю². 11 марта 1353 г. в Москве от чумной болезни скончался глава русской церкви митрополит Феогност. Вслед за ним умерли маленькие сыновья великого князя Семена Ивановича Иван и Семен, а 26 апреля скончался и он сам. 6 июня не стало младшего из сыновей Ивана Калиты серпуховского князя Андрея. Властвующий дом московских князей Даниловичей превратился в дом вдовых княгинь и малолетних детей. В живых оставались вдова Ивана Калиты Ульяна с дочерьми Марией и Феодосией, вдова Семена Гордого Мария Александровна с пятилетним Даниилом и трехлетним Михаилом, вдова Андрея Ивановича Мария Ивановна с сыновьями Иваном и Владимиром, родившимся 15 июня 1353 г. уже после смерти отца³. Единственным взрослым мужчиной в династии оказался отец Дмитрия Иван — второй сын Ивана Калиты.

Кучкин Владимир Андреевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Хотя перед смертью Симеон Гордый завещал все свои земельные владения и богатства жене в расчете на то, что Мария Александровна сумеет взрастить его двух сыновей и со временем передать им верховную власть в Московском княжестве ⁴, планам старшего из Калитовичей не суждено было сбыться. После его кончины власть захватил Иван Иванович. Судьба малолетних сыновей Семена, Даниила и Михаила, неизвестна. Судя по всему, их не стало. Ясно только, что Иван Иванович лишил вдову Семена Марию ее главных владений, перешедших к ней по завещанию мужа. У нее были отняты города Коломна и Можайск, все можайские волости, три коломенские, а также право на сбор тамги (торгового налога) с населения Московского княжества ⁵. Став великим князем Московским, Иван Иванович после поездки в Орду и получения там ханского ярлыка был торжественно возведен 25 марта 1355 г. на стол великого княжения во Владимире ⁶. Перед маленьким Дмитрием теперь открылись совсем иные перспективы. Как старший сын он должен был стать преемником отца на московском великокняжеском столе.

Дмитрию исполнилось 9 лет, когда 13 ноября 1359 г. умер его отец ⁷. Перед смертью великий князь Иван написал завещание, согласно которому большую часть его владений наследовал Дмитрий. Ему передавались город Можайск с волостями, которых к концу жизни Дмитрия насчитывалось 12, город Коломна без волостей, часть отошедших к Москве рязанских земель, треть доходов и повинностей с жителей Москвы и ее уезда и село Романовское на р. Рокше (в пределах территории великого княжества Владимирского) ⁸. Если учесть, что остальные московские династы (два княжича-ребенка и три вдовы — великие княгини) владели в общей сложности 60 московскими волостями, станет ясной сравнительная малочисленность великокняжеских владений Дмитрия. В будущем при наличии внутренних конфликтов это могло грозить политической нестабильностью в Московском княжестве. Но оставалось великое княжество Владимирское, власть над которым в течение почти трех десятков лет непрерывно удерживали за собой князья московской династии и обладание которым укрепляло положение московского великого князя как внутри собственного княжеского дома, так и среди русских князей других династий.

Правление в великом княжестве санкционировалось ханской властью. И как только наступила весна 1360 г., вскрылись реки и подсохли дороги, связывавшие русские земли с Ордой, к хану за ярлыком отправилась представительная московская делегация, формально возглавлявшаяся претендентом на владимирский стол девятилетним князем Дмитрием ⁹. Решение добиваться ханского ярлыка принял, конечно, не маленький княжич, а его взрослые наставники. Среди них, скорее всего, была его мать, воспитатель («дядя») московский тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, другие крупные московские бояре, представители высшего местного духовенства.

Между тем в Орде шли смуты. Они начались еще в 1357 г., когда правивший в течение 16 лет хан Джанибек сошел, по известиям русских летописей, с ума и был задушен своим сыном Бердибеком. Заодно Бердибек вырезал и собственных братьев, не пощадив даже восьмилетнего брата-младенца, что позволило ему уже без помех утвердиться на ханском столе ¹⁰. Однако через два с небольшим года убили и Бердибека. Ордынским ханом в конце 1359 г. стал Кульна. Но он сумел продержаться на троне только пять месяцев. Весной 1360 г. он был убит Ноурузом, к которому и перешел ханский стол ¹¹. Именно к Ноурузу и попали москвичи. Одновременно с московским князем в Орду поехали и другие русские князья. Ноурузу предстояло выбрать одного из них на великокняжеский владимирский стол.

Хан, «видѣ... князя Дмитрея Ивановича оуна соуща и млада возрастомъ», предложил ярлык на Владимир нижегородскому князю Андрею Константиновичу. Тот, чувствуя себя неспособным управлять великим княжеством, передал ярлык своему брату Дмитрию-Фоме, княжившему в Суздале. Дмитрий Константинович ярлык принял и по возвращении на Русь

был посажен 22 июня 1360 г. на владимирский стол. Московский летописец в сердцах написал, что суздальский князь стал великим князем «не по очинѣ, ни по дѣдинѣ»¹². Негодовать было из-за чего. Доходы и земельные владения москвичей во Владимирском княжестве уплывали в другие руки. К тому же в 1360 г. по ордынским ярлыкам было восстановлено самостоятельное Галицкое (Галича Мерского) княжество, до той поры находившееся под контролем Москвы, а ростовскому князю Константину были переданы московские владения в Ростове.

Московское правительство не могло смириться с таким поворотом дел. В 1361 г. в Сарай вновь отправилась московская делегация, и вновь она повезла с собой повзрослевшего на год Дмитрия. Цели были прежние: добиться для своего князя ярлыка на великое княжение Владимирское. К тому времени ситуация в Орде вновь изменилась. Ноуруз был убит Хызром, который и стал ханом. Можно было надеяться, что новый правитель не будет поддерживать тех русских князей, которым покровительствовал Ноуруз. Однако и на этот раз москвичам не удалось добиться успеха. Крупным везением можно считать лишь то, что Дмитрий вместе со своим окружением успел выехать из Орды до резкой вспышки там междоусобной борьбы. Хызр пал от руки своего брата, ханский стол перешел в руки старшего сына Хызра, но всего на две недели, поскольку убили и его; один месяц процарствовал Орду-мелик. Пламя распрей среди ордынской знати разгоралось все ярче, и русские князья, оказавшиеся в то время в Сарае, оставляли там все, вплоть до одежд, лишь бы живыми добраться до своих городов. Дмитрий успел уйти вовремя.

Когда положение в Орде, расколовшейся на несколько государств, немного стабилизировалось, в Сарае стал править хан Мюрид, из Москвы в 1362 г. были посланы к нему киличей — полномочные послы, знавшие татарский язык, с просьбой о предоставлении московскому князю ярлыка на Владимирское великое княжение. Своих киличей послал к Мюриду и великий князь Дмитрий Суздальский. Спор между московскими и суздальскими киличами закончился в пользу первых. Очевидно, более богатая Москва сумела предложить хану за ярлык больше, чем пребывавший два года на великокняжеском столе суздальский князь. Тон московского летописца, увековечившего перипетии соперничества за великокняжеский стол двух Дмитриев, из негодующего стал торжественным, когда под 1362 годом он внес в летопись запись о том, что «принесоша ярлыкъ княжение великое по отчинѣ и по дѣдинѣ князю великому Дмитрею Ивановичю Московьскому»¹³. «Князю великому Дмитрею Ивановичю» не исполнилось тогда и 12 лет.

Ярлык ордынского хана, впрочем, уже не имел тогда на Руси той силы, какую он обладал еще в конце 50-х годов XIV века. Дмитрий Суздальский вовсе не собирался уступать великое княжение годившемуся ему в сыновья московскому князю. Он укрепился в ближайшем к Москве городе великого княжества Владимирского Переяславле, надеясь помешать занятию владимирского стола юным соперником. Однако московское правительство собрало значительные военные силы, состоявшие не только из полков великого князя Дмитрия, но и из дружин его братьев: родного Ивана и двоюродного Владимира, которые двинулись на Переяславль. Формально рать возглавлял Дмитрий вместе с братьями. Это был первый военный поход, в котором принял участие будущий победитель Куликовской битвы.

Московское войско подошло к Переяславлю. Дмитрий Константинович не решился вступить в вооруженную борьбу, оставил город и укрылся в стольном Владимире, а оттуда бежал в отчинный Суздаль. Московские полки сначала заняли Переяславль, а перед 6 января 1363 г. Дмитрий въехал во Владимир, где был совершен обряд его посажения на великокняжеский стол¹⁴. По понятиям тех времен, он уже стал взрослым человеком. Теперь с мнением князя должны были считаться его советники, хотя роль их по-прежнему оставалась значительной. Возможно, именно они убедили Дмитрия заручиться поддержкой не только сарайского хана Мюрида, но и хана мамоевой Орды Абдуллаха. В первой половине 1363 г. Дмитрий,

явившись во Владимир, принял там через посла ярлык на великое княжение Владимирское и от Абдуллаха.

Сношения Дмитрия Московского с враждебной Мюриду мамасовой Ордой зародили у Дмитрия Суздальского надежду на помощь в борьбе с Москвой сарайского хана. Летом 1363 г. сын белозерского князя, поддерживавшего Дмитрия Константиновича, вместе с татарским посольством привез ему ярлык на великое княжение от Мюрида. Дмитрий Суздальский в сопровождении татарского отряда въехал во Владимир. Но продержался там ровно неделю. Москвичи вновь собрали полки, и Дмитрий Московский вынудил суздальского князя покинуть Владимир. Московские войска двинулись следом за беглецом, осадили Суздаль, простояли под городом несколько дней, но дело кончилось миром. Дмитрий Константинович отказался от великого княжения Владимирского в пользу Дмитрия Московского.

Последний не удовлетворился этим успехом. Московские полки изгнали из Галича местного князя, восстановив там власть московского, на ростовский стол возвели правителя, угодного Москве, то же самое сделали в отношении Стародубского княжества¹⁵. 1363 год принес мужавшему Дмитрию большие политические достижения. Владимирское великое княжество, а также, по-видимому, Галицкое и Дмитровское княжества были объявлены отчинным, наследственным его владением. Права князей других династий на эти территории отрицались, ханские ярлыки не признавались.

Следующий год доставил князю-подростку тяжелые переживания. 23 октября 1364 г. умер его маленький брат Иван, принимавший участие во всех военных операциях Дмитрия в 1362—1363 гг., а 27 декабря скончалась их мать великая княгиня Александра¹⁶. Дмитрий остался без близких людей.

Но новые политические события отвлекли его от переживаний. Дмитрий Суздальский решил вернуть себе Владимир. Когда в 1364 г. хану Азизу удалось утвердиться в Сарае¹⁷, Дмитрий-Фома отправил к нему своего сына Василия с просьбой о ярлыке на великое княжение. Зимой 1364 г. князь Василий Дмитриевич вернулся на Русь с желанным ярлыком. Но ситуация в Нижегородском княжестве, составной частью которого являлся Суздальский удел, к тому времени резко изменилась.

В 1363 г. старший из суздальских Константиновичей нижегородский князь Андрей отошел от власти. Детей у него не было. Нижний Новгород по древнерусским княжеским нормам должен был перейти к следующему по возрасту брату Андрея — суздальскому князю Дмитрию-Фоме. Но когда в 1363 г. после замирения с Москвой тот вместе с матерью и суздальским епископом Алексеем приехал в Нижний Новгород, там уже властно распоряжался его младший брат городецкий князь Борис. Дмитрий-Фома вынужден был ни с чем возвратиться в свой Суздаль. Борис же укрепил Нижний, завязал сношения с Ордой и совсем не собирался уступать главный город княжества старшему брату. Когда в конце 1364 г. Дмитрий-Фома получил ярлык от хана Азиза, ему стало ясно, что если он не может смирить собственного брата, то тем более он не в состоянии заставить Дмитрия Московского вернуть великое княжение. Дмитрий Суздальский решил добровольно передать ярлык хана Азиза на великое княжение московскому князю, но одновременно выпросил у него военную помощь для борьбы с Борисом. Дмитрий Московский попробовал было уладить спор между нижегородскими князьями дипломатическим путем. Московские послы ездили от Дмитрия-Фомы к Борису и обратно, уговаривая братьев мирно решить конфликт. Но Нижним Новгородом хотели владеть оба. Тогда Дмитрий Московский дал войска старшему из Константиновичей. Тот, собрав еще и суздальские полки, выступил «в силѣ тяжцѣ» к Нижнему Новгороду. У Бережца, близ впадения Клязьмы в Оку, рать Дмитрия встретил Борис. Военное превосходство московско-суздальских полков стало для него очевидным. Он вынужден был уступить нижегородский стол Дмитрию и удалиться в Городец. Вмешательство Дмитрия Московского в нижегородские дела позволило ему недавнего соперника сделать союзником. Дмитрий-Фома вплоть до 1382 г. оставался верным сторонником

московского князя. А 18 января 1366 г. их политический союз был скреплен браком: Дмитрий Московский женился на младшей дочери Дмитрия Константиновича Евдокии ¹⁸ *.

Этому событию предшествовал разрыв отношений Дмитрия Московского с Новгородом Великим. Политические смуты в Орде привели к тому, что новгородцы, торговавшие по Волге с восточными купцами, начали нападать, не боясь возмездия, на речные караваны этих купцов и поволжские ордынские города и поселения. Успешные нападения вскружили головы новгородским ушкуйникам, они начали грабить заодно с ордынскими и русских купцов. В 1366 г. новгородцы организовали настоящий поход по Волге, напали на Нижний Новгород, где ограбили чужеземных и русских гостей, прошли в р. Каму и «со многымъ прибыткомъ» вернулись в Новгород. В ответ Дмитрий перехватил пути, соединявшие Новгород с подчинявшейся ему Двинской землей, и арестовал в Вологде новгородского боярина Василия Даниловича с сыном Иваном, ехавших с Двины в Новгород ¹⁹.

Обострение отношений с Новгородом, неблагоприятное для московского князя развитие событий в Тверском княжестве, последствия большого пожара 1365 г., уничтожившего значительную часть Москвы и сильно повредившего дубовый Кремль, заложенный еще в 1339 г. Иваном Калитой, ускорили решение Дмитрия укрепить свою столицу новой, каменной крепостью. Вскоре после свадьбы с Евдокией «князь великий Димитрей Ивановичь, погадавъ съ братомъ своимъ съ княземъ съ Володимеромъ Андрѣвичемъ и съ всѣми бояры старѣишими и сдоумаша ставити городъ камень Москву» ²⁰. В два сезона строительство закончилось. Новый каменный Кремль был обширнее старого и по размерам лишь немногим уступал Кремлю современному. Новая крепость была возведена на средства Дмитрия, его двоюродного брата, а также, вероятно, крупных бояр, оставивших свои имена в названиях некоторых кремлевских башен (Свиблова, Собакина) и ворот (Чешковы, Тимофеевские) ²¹.

Московский Кремль представлял собой единственную каменную крепость на всем русском Северо-Востоке. Его строительство укрепило могущество Московского княжества. Дмитрий теперь с большей решимостью мог вести борьбу против своих недругов, надеясь укрыться от их ответных ударов за новыми каменными стенами. За всю историю своего существования Кремль Дмитрия Донского ни разу не был взят военным штурмом, оставшись неприступным для применявшихся в XIV—XV вв. средств нападения. Перемену ситуации, связанную с возведением в Москве каменной крепости, вскоре же подметили в Твери, где антимосковский настроенный летописец записал: «Того же лѣта на Москвѣ почали ставити городъ камень, надѣяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити въ свою волю, а которыи почаль не повиноватися ихъ волѣ, на тыхъ почали посягати злобою» ²². «Посяжение» коснулось прежде всего тверского великого князя.

Конфликт с Новгородом Великим завершился в 1367 г. миром. Новгородцы прислали к Дмитрию посольство «съ поклоном», т. е. с извинениями и дарами, приняли к себе наместников великого князя, а Дмитрий освободил арестованного новгородского боярина Василия Даниловича и его сына. Отношения же с Тверью обострялись. Верный Москве князь Василий Михайлович вынужден был уступить тверской стол Михаилу Александровичу, сыну казненного в 1339 г. в Орде по проискам Ивана Калиты Александра Михайловича, и удалился в свой удельный Кашин. К весне 1366 г. Михаил Александрович сосредоточил в своих руках власть над большей частью территории Тверского великого княжества.

Быстрое возвышение Михаила, действовавшего вопреки московским

* К сожалению, средневековые источники не содержат достоверного изображения Дмитрия Донского. Его портреты XVI—XVII вв. изготовлены по шаблону и не передают реальных индивидуальных черт облика знаменитого деятеля XIV века.

интересам, вызывало беспокойность Москвы. Поэтому в разгоревшейся междоусобной расправе тверских князей из-за наследства клинского князя Семена Константиновича, передавшего свой удел Михаилу Александровичу, Дмитрий Иванович взял сторону своего союзника Василия Кашинского и другого клинского князя Еремея, претендовавшего на выморочные владения брата. Помощь Москвы летом 1367 г. Василию и Еремею заставила Михаила Александровича оставить Тверь и обратиться за содействием к Литве. Василий же Кашинский вместе с Еремеем при поддержке московской рати захватил Тверь, ограбил жителей, а присланные Дмитрием Московским полки опустошили тверские волости по правому берегу Волги.

Этот довольно обычный для средневековья эпизод положил начало событиям непредвиденного масштаба. В пустячный, как могло первоначально казаться, конфликт оказались втянутыми все государства Восточной Европы. Последовала ожесточенная многолетняя борьба, резко изменившая первоначальные планы, намерения и позиции сторон и закончившаяся, по сути дела, лишь за год до смерти Дмитрия Донского.

27 октября 1367 г. из Литвы вернулся Михаил Александрович. Восстановив с литовской помощью свою власть в Твери, он двинулся на кашинского князя. Тот вынужден был просить мира. Клинский князь Еремей, не дожидаясь наступления Михаила, сам приехал к нему с покорением. Восстановив свою власть в Тверском княжестве, Михаил Александрович направил посольство в Москву. Дмитрию Ивановичу пришлось примириться с победителем²³. Но ненадолго. В конце 1367 г. князь Еремей отказался от своих обязательств перед Михаилом и отъехал от него в Москву. В этих обстоятельствах Дмитрий и его советники решились на весьма рискованный политически и явно аморальный шаг. Как сообщает тверской летописец, летом 1368 г. «князь великий Дмитриеи Ивановичь да Олекси митрополить позвали князя великаго Михаила Александровича на Москву по цѣлованию любовию, а съдумавъ на него съвѣтъ золь. Князь же великий Михаило, положа упование на бога и на крестное цѣлование, прихавъ къ нимъ на Москву, и они чересь цѣлование яша и, да дрѣжали в ыстомѣ». Сопровождавшие тверского великого князя бояре были также арестованы. От владений Михаила Александровича был отторгнут бывший удел князя Семена Константиновича, контроль над которым перешел к Москве.

Вырваться на свободу Михаилу Тверскому помог случай. В Москву прибыл ордынский посол, и, боясь, что татары смогут воспользоваться распрями русских князей, Михаила освободили, заключили с ним договор и отпустили в Тверь. «Князь же великий Михаило,— заканчивает тверской летописец описание случившегося,— съжалиси велми о томъ и негодоваше, и не любо ему бысть, и положи то въ измѣну и про то имѣаше розмирие къ князю къ великому, паче же на митрополита жаловашесе, къ нему же вѣру имѣлъ паче всѣхъ, яко по истинѣ святителю»²⁴. Это первый яркий и показательный пример политического сотрудничества великого князя Дмитрия Ивановича и главы русской церкви митрополита всея Руси Алексея.

Много позднее, уже после смерти Алексея, в центре восточного православия Константинополе состоятся два церковных собора. Один из них проходил в июне 1380 г. при патриархе Ниле, другой — в феврале 1389 г. при патриархе Антонии. В решении первого собора констатировалось, что московский великий князь Иван Иванович «перед своей смертью не только оставил на попечение тому митрополиту (Алексею) своего сына, нынешнего великого князя всея Руси Димитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому ввиду множества врагов». Далее собор отметил, что Алексей «прилагал все старания, чтобы сохранить дитя и удержать за ним страну и власть». Соборное постановление 1389 г. гласило, что «когда же великий князь московский Иоанн, умирая, возложил на него (митрополита Алексея.— В. К.) попечение, заботу и промышление о своем сыне Димитрии, то он весь предался этому делу и презрел божественные законы и постановления, приняв на себя, вместо пасения и поучения христиан, мирское начальствование, вследствие чего, призванный учить миру и согласию, увлекся в войны, брани и раздоры»²⁵. Оценка

собором 1389 г. деяний митрополита Алексея была диаметрально противоположна оценке, данной собором 1380 г., и имела в виду среди других, возможно, и поступок митрополита в отношении тверского князя в 1368 году. Но постановления обоих соборов были единодушны в том, что митрополит Алексей являлся политическим наставником великого князя Дмитрия, особенно в годы его детства и юности. Судя по событиям 1368 г., свидетельства константинопольских соборов о наставничестве митрополита Алексея достоверны. Это обстоятельство во многом объясняет последующее отношение Дмитрия Ивановича к церкви, его политику и требования к главам русской митрополии.

Пока же конфронтация с Тверью нарастала. Хотя Михаил Александрович был отпущен из Москвы, Дмитрий, собрав войско, послал его летом того же 1368 г. на Тверь. Михаил бежал к великому князю Литовскому Ольгерду, уговаривая его выступить против Москвы. У Ольгерда были широкие планы подчинения русских земель, лежавших к востоку и югу от его владений; к тому же москвичи в начале 1368 г. отняли у него Ржеву. Сетования тверского великого князя упали на благодатную почву. Собрав значительные силы литовских князей, присоединив к ним полки Михаила Тверского и Смоленского княжества, Ольгерд поздней осенью 1368 г. выступил против Дмитрия.

Появление литовских войск близ границ Московского великого княжества застало Дмитрия врасплох. Хотя из Москвы в спешном порядке им были разосланы грамоты в другие города с наказом срочно собирать полки, время было упущено. Пришлось послать против Ольгерда лишь тех воинов, которые в то время находились в самой Москве. Встречая незначительное сопротивление, грабя и убивая мирных жителей, литовский князь двигался к столице Дмитрия. На р. Тросне (к востоку от Волоколамска) 21 ноября 1368 г. Ольгерд наголову разбил наспех собранный в Москве сторожевой полк и, узнав, что сил у Дмитрия нет, устремился к Москве. Дмитрий, его двоюродный брат Владимир, митрополит Алексей закрылись в Кремле и подготовились к осаде. Были сожжены все постройки, окружавшие Кремль, чтобы Ольгерд не смог воспользоваться ими для приметов — набрасывавшегося к крепостным стенам материала, по которому легче было идти на приступ.

Три дня простоял Ольгерд у Кремля, но взять его не смог. Разорив окрестности Москвы, захватив добычу и пленных, он ушел. Кремль выдержал осаду, но урон от вторжения был велик. «А преже того толь велико зло Москвѣ отъ Литвы не бывало въ Руси», — записал московский летописец²⁶. Политическим результатом похода Ольгерда явился отказ Москвы от владений Семена Константиновича и возвращение их тверскому великому князю Михаилу Александровичу.

Чтобы нейтрализовать Ольгерда и его русских союзников, Дмитрию Ивановичу пришлось искать союзников себе. Помощь Москвы в обороне Новгорода и Пскова от Тевтонского ордена в конце 1368 г. означала обретение их поддержки²⁷.

Воспользовавшись тем, что Ольгерду пришлось в 1369 г. вести напряженную борьбу с Орденом, Дмитрий послал московские и волоколамские полки воевать Смоленское княжество. В 1370 г. воеводы Дмитрия совершили нападение на Брянск. В результате этих действий Дмитрий удержал за собой Ржеву и ее волости, захватил Мценск и Калугу, возможно, даже часть Брянского княжества, укрепил отношения с князьями верховских (по верхнему течению р. Оки) княжеств, резко ослабив там позиции сторонников Ольгерда²⁸.

Большую помощь в этом оказывал ему митрополит Алексей. Если князья русских княжеств, договариваясь с Дмитрием о совместных действиях против Ольгерда, нарушали крестоцелование и переходили на сторону литовского князя, то митрополит отлучал их от церкви. Если же они нарушали крестоцелование Ольгерду и переходили на сторону Москвы, то Алексей грех их клятвопреступления брал на свою душу²⁹. Ясно, что московский великий князь использовал русскую церковь как орудие в своей политической и военной борьбе с литовским князем.

Успешные действия Дмитрия против Литвы, связанность Ольгерда орденскими делами заставили Михаила Тверского искать мира с Москвой. Летом 1370 г. он послал к Дмитрию своего епископа «любви крѣпнати», но Дмитрий не только не захотел поддерживать мирные отношения с тверским князем, а и отказался от прежнего мирного соглашения, что означало объявление войны. 23 августа 1370 г. Михаил Тверской вновь отправился за помощью к Ольгерду. Москвичи же в тот самый день начали войну. 1 сентября военные действия возглавил сам Дмитрий. Его войска осадили Зубцов, отчинный город Михаила Александровича, и 7 сентября взяли его. Зубцов был сожжен, тверские волости повоены, пожжены села, люди убиты или уведены в плен.

Узнав о разорении своего княжества, не получив от Ольгерда своевременной поддержки, Михаил Тверской в конце октября 1370 г. отправился в Орду к Мамаю. К тому времени могущественный темник заменил хана Абдуллаха ханом Мухаммед-Булаком, а в первой половине 1370 г. с помощью рати нижегородских князей посадил своего ставленника в бывшей Волжской Булгарии³⁰. Привлечение Мамаем нижегородских князей означало, что после нескольких лет невмешательства в дела русских княжеств Мамай начал делать шаги к восстановлению на Руси авторитета ордынской власти. Эти тенденции в политике Мамаю и решил использовать Михаил Тверской. Раздав дорогие подарки ордынским князьям и посулив еще большие, Михаил сумел получить в мамаевой Орде ярлык на великое княжение Владимирское. Вместе с послом Сары-Ходжей он вернулся на Русь, но во Владимир ему попасть так и не удалось. По словам летописи, московские сторожевые отряды «переимали его по заставамъ и многими пути ганялися за нимъ, ищуще его, и не стигоша его. И тако едва утече не въ мнозѣ дружинѣ и прибѣжа пакы въ Литву»³¹. Свидетельство о наличии застав и вооруженной охраны порубежных мест показывает, что Дмитрий очень быстро извлек урок из неожиданного нападения Ольгерда осенью 1368 года. Пограничная служба была резко усилена, что означало проведение Дмитрием определенной военной реформы.

С усилившейся обороной владений московского великого князя пришлось столкнуться и Ольгерду, когда он, под нажимом Михаила Тверского, 26 ноября 1370 г. предпринял новый поход на Москву. Ольгерду и на этот раз помогали тверской и смоленский князья. Основное направление удара было тем же, что и два года назад: через Волок Ламский. Но теперь у этого города Ольгерд встретил упорное сопротивление. Два дня литовский великий князь осаждал его, однако взять так и не смог. Двинувшись на Москву, он достиг ее только 6 декабря. Дмитрий сел в осаду; она продолжалась 8 дней, но и на сей раз была для Ольгерда безуспешной. Узнав, что к югу от Москвы сосредоточены войска двоюродного брата Дмитрия Владимира Андреевича и пронского князя Владимира Дмитриевича, Ольгерд предложил Дмитрию мир. Тот согласился на перемирие до 29 июня 1371 года. Оно и было заключено, после чего Ольгерд увел свои войска.

Между тем Михаил Тверской снова отправился к Мамаю. 10 апреля 1371 г. он вернулся в Тверь с новым ярлыком на Владимирское княжение. Михаила сопровождал тот же посол Сары-Ходжа. Дмитрий принял энергичные меры против посягательств Михаила. По всем городам бояре и простые люди были приведены к крестоцелованию «не датися князю великому Михаилу». Сам Дмитрий вместе с Владимиром Андреевичем стал с полками в Переяславле, перекрывая путь из Твери во Владимир. На настойчивые просьбы ордынского посла подчиниться ханскому ярлыку и приехать во Владимир Дмитрий отвечал: «Къ ярлыку не еду, а въ землю на княжение на великое не пуцаю, а тебѣ послу путь чистъ»³². Тогда Сары-Ходжа оставил ярлык тверскому князю, а сам отправился в Москву, где был с почетом принят и щедро одарен Дмитрием, а затем отпущен в Орду.

Несмотря на благополучный исход дела с ханским послом, Дмитрию становилось ясно, что в скором времени может назреть крупный конфликт с Мамаем. Тогда придется отбиваться одновременно от Орды, Литвы

и Твери. Тверской князь уже начал опустошать принадлежавшие Москве или ее союзникам поволжские земли, примыкавшие к его княжеству. И великий князь Дмитрий принимает нелегкое решение. Не дожидаясь прибытия посольства от Ольгерда, которое должно было упрочить заключенное перемирие долгосрочным соглашением, Дмитрий 15 июня 1371 г. отправился к Мамаю. Десять лет не ездил в Орду московский великий князь, мало считался с ее требованиями и даже, скорее всего, не платил ей традиционной дани, установленной еще при Батые. Но обстоятельства менялись, и приходилось вновь изъяслять покорность Орде.

Сопровождали Дмитрия многочисленные бояре и большая вооруженная охрана. До Оки его проводил митрополит Алексей. В Орде московский великий князь «многы дары и великы посулы подавалъ Мамаю и царицамъ и княземъ, чтобы княжения не отъняли». Те «омрачивъ сердце своя многымъ златомъ и сребромъ, отпустили князя Дмитрия съ любовью, опять давъ ему княжение великое». Признание ордынского суверенитета над Владимирским великим княжеством дорого обошлось Дмитрию. Упал его престиж, поскольку он «прииде изъ Орды съ многими длъжники, и бышетъ отъ него по городомъ тягость даннаа велика людемъ»³³. Для простых людей наступали тяжелые времена, ведь именно на них ложились основные платежи в Орду.

Казалось бы, поддержка Мамаю и отказ его помочь Михаилу Тверскому, примирение с Ольгердом, состоявшееся в отсутствие Дмитрия и скрепленное браком Владимира Андреевича и дочери Ольгерда Елены в начале 1372 г., способны были только упрочить положение Дмитрия. Однако в действительности этого не произошло. На протяжении конца 1371—1373 гг. не затухала борьба с Михаилом Тверским, который посадил своих наместников в ряде городов великого княжества, вроде бы контролируемого Дмитрием; летом 1371 г. новгородские ушкуйники ограбили принадлежавшую Дмитрию Кострому; в конце 1371 г. вспыхнул конфликт с Рязанью, к счастью, оказавшийся кратковременным; в начале апреля 1372 г. Михаил Тверской захватил принадлежавший Москве Дмитров, а литовская рать Кейстута и Андрея Полоцкого — Переяславль; 31 мая 1372 г. Михаил Александрович разорил Торжок, принадлежавший союзнику Москвы Новгороду; 12 июня тверской князь вместе с Ольгердом предпринял третий поход на Москву. Правда, он имел еще меньший успех, чем походы 1368 и 1370 годов. Дмитрий, собрав полки, встретил противников у Любутска, близ южных пределов Московского княжества, где и был заключен мир.

В целом Дмитрий в 1371—1373 гг. (в 1373 г. Михаил Тверской сумел подчинить себе кашинского князя, на которого в значительной степени опиралась Москва в своей борьбе с Тверью)³⁴ испытывал гораздо большие трудности в столкновениях со своими противниками, чем в 1367—1370 годах. Объяснение этому видится в том, что слишком тесное сотрудничество Дмитрия с Ордой в 1371 г., согласие на уплату выхода отвратило от него не только низы населения. На этой волне стали заметнее успехи его соперников.

Главным из них оставался Михаил Тверской, имевший ярлык на великое княжение Владимирское, установивший контроль над некоторыми регионами этого княжества и стремившийся распространить его на всю остальную территорию. Чтобы пресечь возросшую активность тверского князя, Дмитрий после заключения соглашения под Любутском послал в Орду киличеев, которые за «тму рублевъ» (т. е. за 10 000) выкупили содержавшегося у Мамаю в заложниках старшего сына Михаила Тверского Ивана (тогда еще подростка) и в ноябре 1372 г. привезли его в Москву. Здесь тверского княжича «начаша... держати выстомѣ» во дворе митрополита Алексея, явно рассчитывая на политическую и финансовую уступчивость его отца³⁵.

Разраставшаяся междоусобная борьба русских князей позволила Мамаю от дипломатического вмешательства в их дела перейти к прямому военному подавлению неугодных ему княжеств. Летом 1373 г., вероятно, в отместку за захват Рязанью некоторых ордынских владений³⁶, Мамай

двинулся на это княжество. Татары пожгли рязанские города, «а людии многое множество плѣниша и побиша». Видя, что опьяненные победой ордынцы могут в любой момент переправиться через Оку и начать грабить земли Московского и Владимирского великих княжеств, Дмитрий, «собрав всю силу княжения великаго», стал по левому берегу Оки. К нему присоединился приехавший из Новгорода Великого двоюродный брат Владимир. Оба князя не допустили мамаевых отрядов на левобережье Оки, но избиваемых рязанцев не защитили ³⁷.

В начале 1374 г. кончилось противостояние московского и тверского князей. 16 января между ними было заключено соглашение. Тверской князь уступил занятые им территории великого княжества Владимирского Дмитрию, вносил выкуп за сына, и Дмитрий отпускал княжича Ивана к отцу ³⁸. Таким образом, Дмитрий в конце концов добился своей цели.

Примирившись с Михаилом, он резко изменил отношение к Мамаю. Летописец очень скупо осветил этот поворот в политике московского князя, записав только, что «князю великому Дмитрию Московьскому бышетъ розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ». Поскольку военных столкновений в 1374 г. между Дмитрием и Мамаем не было, «розмирие», скорее всего, заключалось в отказе московского князя выплачивать тяжелую дань, что могло привести к войне. Понимая это, Дмитрий принял некоторые предупредительные меры. По-видимому, не без совета Дмитрия летом 1374 г. близ Оки князем Владимиром Андреевичем была возведена новая крепость — Серпухов, усилившая оборону пограничного окского левобережья. А в конце года в Переяславле собрался «съѣздъ великъ» всех русских князей. Судя по событиям последующего времени, Дмитрию удалось на этом съезде создать внушительную коалицию против Мамая ³⁹.

Действительность союза проявилась уже в 1375 году. В начале этого года обострились отношения с мамаевой Ордой. В последний день марта замещавший на нижегородском столе Дмитрия Константиновича его сын Василий велел арестовать содержащийся в городе остаток разбитого в 1374 г. мамаева посольства. Пленники восстали, но были перебиты. В ответ Мамай разорил южную окраину союзного Москве Нижегородского княжества ⁴⁰. «Розмирие» 1374 г. стало перерастать в открытую вооруженную борьбу. А к осени 1375 г. возникла новая, очень сложная и кризисная ситуация.

17 сентября 1374 г. умер воспитатель Дмитрия московский тысяцкий В. В. Вельяминов. Должность тысяцкого была очень высокой. В отсутствие князя в руках тысяцкого сосредоточивалась вся гражданская и военная власть. Должность тысяцкого передавалась в роде Вельяминовых по наследству. И когда умер «дядя» великого князя Дмитрия, старший сын Вельяминова Иван стал добиваться места отца ⁴¹. Однако к середине 70-х годов XIV в. Московское княжество увеличилось более чем втрое. Замещавший Дмитрия тысяцкий становился могущественнее многих князей. Это представляло опасность и для московской великокняжеской власти. Дмитрий решил упразднить должность тысяцкого, что надо расценивать как крупную гражданскую реформу. Разобиженный Иван Вельяминов вместе с неким Некоматом сурожанином (сурожане — купцы, торговавшие в Орде и итальянскими колониями в Крыму и на Азовском море) в феврале 1375 г. бежал из Москвы в Тверь. Михаил Тверской решил воспользоваться конфликтом Дмитрия с его боярином. Он отправил перебежчиков в Орду просить для себя ярлык на Владимирское княжение, а сам съездил в Литву, чтобы там договориться о совместных действиях против Москвы. 13 июля из Орды вернулся Некомат, привезя Михаилу желанный ярлык. Тверской князь тут же отправил послов к Дмитрию с уведомлением о расторжении мира и одновременно послал войска, чтобы захватить Торжок и Углич. Для Дмитрия угроза совместных действий Твери, Орды и Литвы приобрела самые реальные очертания.

Московский князь действовал решительно и быстро. Менее чем через две недели после разрыва отношений с Тверью Дмитрий собрал в Волоколамске огромную рать. В походе против тверского князя приняли участие

13 из 16 князей Северо-Восточной Руси (три не участвовавших князя владели второстепенными уделами в своих княжествах), князя оболенский, тарусский, брянский, новосильский и один из смоленских, а также Новгород Великий. 1 августа эта соединенная армия взяла Микулин — отчинный город Михаила Тверского и опустошила микулинские волости. Утром 5 августа войска подошли к Твери. Соорудив примет к деревянным стенам тверского кремля и изготовив туры, полки Дмитрия и союзных ему князей 8 августа пошли на приступ. Отчаянная вылазка Михаила Александровича, уничтожившего туры и побившего многих из атакующих город, спасла Тверь от немедленного взятия. Тогда Дмитрий перешел к осаде. Чтобы не дать осажденным выбраться из города рекою, на Волге были наведены мосты, а параллельно стенам тверского кремля осаждавшие возвели деревянные укрепления, через которые нельзя было пробиться ни к городу, ни из города.

Три недели осады закончились капитуляцией Михаила ⁴². Согласно подписанному 1 сентября 1375 г. договору, он навечно отказывался от Владимирского великого княжения, признавал свою вассальную зависимость от Дмитрия, обязывался не выступать против других русских князей, которые были с московским князем «один человек», разорвать мир с Ольгердом и воевать с Литвой, если та начнет наступление на русские земли. Устанавливалась полная независимость от Твери Кашинского княжества, на которую неоднократно посягал Михаил. Ничего захваченного во время войны Дмитрием и его союзниками Твери не возвращалось. Особенно интересна и важна статья договора, относящаяся к Орде: «А с татары оже будет нам миръ, по думѣ. А будет нам дати выход, по думѣ же, а будет не дати, по думѣ же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобѣ с нами с одного всѣм противу их. Или мы поидем на них, и тобѣ с нами с одного пойти на них» ⁴³. Отсюда становится очевидным, что к сентябрю 1375 г. отношения Дмитрия с Мамаем были разорваны, выход Орде не уплачивался, существовал союз русских князей, направленный против нее, разрабатывались планы не только оборонительной, но и наступательной войны с Мамаем.

Консолидация сил русских княжеств, сокрушительное поражение, нанесенное ими Твери, принятие Михаилом Тверским унижительных условий договора от 1 сентября 1375 г. означали крупнейший дипломатический, военный и политический успех Дмитрия. Ответные действия Орды и Литвы, повоевавших осенью 1375 г. запьянские волости Нижегородского княжества, Смоленское княжество и даже захвативших Новосиль, лишь в малой степени поколебали достижения московского великого князя ⁴⁴.

Летом 1376 г. Дмитрий «ходилъ за Оку ратию, стерегася рати Тотарское», но она так и не появилась. В том же году он решил отобрать у Ольгерда уступленную тому по соглашению 1372 г. Ржеву, но поход на нее Владимира Серпуховского закончился неудачей. Зато большой удачей начался 1377 год. В марте соединенная московско-нижегородская рать осадила подчинявшийся Мамаю город Булгар и заставила его капитулировать. В Булгаре были поставлены верные русским князьям наместник (даруга) и таможенник, а войска с контрибуцией в 5000 рублей и добычей возвратились домой ⁴⁵.

К лету 1377 г. в Нижнем Новгороде было получено сообщение о движении на русские земли из заволжской Синеи Орды хана Араб-шаха. Дмитрий Константинович сразу же сообщил об этом в Москву. Дмитрий с большим войском выступил на помощь тестю, но Араб-шаха так и не дождался. Покинув полки, он возвратился домой. Дмитрий же Константинович направил их, присоединив к ним свои, к юго-восточным границам Нижегородского княжества. Узнав, что Араб-шах задержался где-то у Волчьих Вод, ратники повели себя беспечно: оружия к бою не готовили, упивались отнятым у местного населения медом, князья и бояре развлекались охотой. О лагере русских войск у р. Пары, правого притока р. Пьяны, стало известно в Орде. В воскресенье 2 августа 1377 г. большие силы Мамаея, подведенные мордовскими князьями по тайным тропам к русскому стану,

внезапно напали на него. Не ожидавшие удара русские полки пришли в полное смятение и пытались спастись бегством; князья, возглавлявшие полки, погибли, было множество убитых, утонувших в р. Пьяне, попавших в плен. Татары торжествовали победу. Не довольствуясь ею, они стремительным броском захватили Нижний Новгород.

Тесть Дмитрия Московского бежал в Суздаль. Нижний и его уезд были опустошены, сам город подожен. Разгром довершили позднее подошедший Араб-шах, ограбивший западные волости княжества, и мордовские князья, напавшие на нижегородские села близ р. Пьяны. Только зимой 1377/78 гг. нижегородский князь, дождавшись московской помощи под командованием Федора Андреевича Свибла, отомстил мордовским князьям, повоевав их землю и жестоко расправившись с пленными⁴⁶.

На западных границах русских земель было спокойнее. В Литве в 1377 г. умер великий князь Ольгерд, начались трения между его преемником (сыном) Ягайло и другими родичами, и только еще велись поиски союзников в борьбе с Москвой⁴⁷. В 1377 г. псковичи приняли у себя отъехавшего от Ягайло его брата Андрея Ольгердовича Полоцкого. «Прия его» и великий князь Дмитрий⁴⁸. Переход полоцкого князя под руку Москвы ослаблял позиции Ягайло. Активность Литвы в отношении Московского великого княжества временно снизилась. Военные действия охватили тогда восток русских земель, а крупный успех здесь Мамай означал, что в ближайшем будущем Дмитрию и его союзникам следует ожидать удара Орды уже по центральным областям Северо-Восточной Руси. Подготовка к его отражению велась Дмитрием, о чем свидетельствует одно из посланий митрополита Киприана, который в июне 1378 г. отмечал, что на подходах к Москве Дмитрий «заставиль заставы, рати сбивъ и воеводы поставивъ»⁴⁹.

Появление этого послания было вызвано обстоятельствами необычными. 12 февраля 1378 г. скончался митрополит всея Руси Алексей. Трудно решить, был ли он твердым сторонником политики Дмитрия, или великий князь последовательно проводил в жизнь политику митрополита. Но одно ясно: в разного рода политических акциях Дмитрий и Алексей действовали с редким единодушием. Дмитрий свыкся с такой позицией главы русской церкви и не мыслил, что она может быть иной. Теснейшая связь митрополита с московским великим князем, столь ярко проявившаяся в московско-тверских и московско-литовских столкновениях 1368—1370 гг., привела к тому, что западные епархии русской митрополии, расположенные на землях, контролировавшихся Литвой, оказались вне забот и попечения Алексея, который боялся их посещать из-за вполне возможной расправы с ним Ольгерда. Поэтому Константинопольский патриархат принял в 1375 г. решение о поставлении на эти епархии другого митрополита. Им стал болгарин Киприан, а его резиденцией — Киев. После смерти Алексея Киприан рассчитывал занять его кафедру.

Но великий князь Московский думал иначе. Ему нужен был преданный человек на митрополичьем столе, который в различных политических коллизиях поступал бы так же, как митрополит Алексей. И такой человек был Дмитрием найден. Им оказался священник Михаил (Митяй) из Коломны — удельного города Дмитрия, где, кстати говоря, в 1367 г. он сыграл свою свадьбу. Митяй был высок, красив, с окладистой бородой, звучным голосом, а главное — хорошо образован: «грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ, всѣми дѣлы поповьскими изъящень». Образованность Митяя производила особенно большое впечатление на великого князя, который, увы, не умел ни читать, ни писать. Митяй стал духовником Дмитрия, а в начале 1376 г. в одночасье был произведен в настоятели придворного Спасского монастыря в Кремле. Его-то и прочил великий князь в преемники Алексею. Престарелый митрополит дал на это согласие, константинопольского патриарха известили о желании Москвы. После смерти Алексея собор русских епископов сделал Митяя местоблюстителем митрополичьей кафедры, и любимец Дмитрия начал готовиться к поездке в Константинополь для утверждения в сане митрополита⁵⁰.

Однако среди русских церковных иерархов были люди, которые на

роль и значение митрополии всея Руси смотрели иными глазами, чем великий князь. Они полагали, что поддержка митрополией всех акций московского князя может привести к расколу русской церкви. Ведь многие епископы из-за распрей светских властителей вынуждены были ориентироваться на них, а не сохранять целостность церковной организации, дававшей возможность получать доходы с гораздо большего числа верующих. Поэтому некоторые иерархи (пребывавший в Киеве митрополит Киприан, епископ суздальский и нижегородский Дионисий, настоятели монастырей Сергей Радонежский и Федор Симоновский) поддерживали идеи целостности митрополии всея Руси, большей независимости церкви от светской власти и выступали против Митяя, как креатуры Дмитрия.

Киприан предпринял практические шаги, чтобы объединить западные и восточные епархии, естественно, под своею властью. В мае 1378 г. он в сопровождении многочисленных слуг выехал из Киева в Москву. Ему удалось миновать военные заставы и «инымъ путем» добраться до столицы Дмитрия. Но там он и его свита по приказу великого князя были арестованы. У них отняли все, вплоть до одежды. Сам митрополит промерз ночь в холодной избе под стражею и без еды. В сумерках следующего дня его освободили из заточения и куда-то повели. Киприан решил, что люди Дмитрия хотят лишить его жизни. Но его вывели из Москвы, дали ему форменных кляч и с тем отправили назад в Киев. Заточение князьями церковных иерархов в средние века было делом довольно обыденным. Так, митрополит Алексей, первый раз посетивший Литву в 1359 г., был схвачен Ольгердом и брошен в темницу⁵¹. Во дворах митрополитов нередко томились в заточении светские лица, например, в 1372—1374 гг. тверской княжич Ивашка. По сравнению с некоторыми его современниками Киприану просто повезло, так быстро он был отпущен. Но потрясение от пережитого было столь велико, что вылилось в целое послание, адресованное духовным отцам великого князя Сергию Радонежскому и Федору Симоновскому. В нем Киприан горько сетовал на свои злоключения и осыпал упреками обоих настоятелей, побоявшихся хоть как-то воздействовать на своего духовного сына. Тот последовательно вел свою линию в отношении церкви и ни на какие компромиссы не шел. Быстрейшей отправке Митяя на поставление в Константинополь помешал, однако, предпринятый Ордой поход на русские земли.

Летом 1378 г. Мамай, «собравъ воя многы», под командой темника Бегича послал их на московского великого князя «и на всю землю Русскую». Вовремя узнав о начавшемся движении Бегича, Дмитрий «въ силѣ тяжцѣ», не допуская ордынцев на левый московский берег, перешел Оку и встал у Вожи, правого окского притока, недалеко от столицы Рязанского княжества. Для Бегича появление полков Дмитрия в рязанских пределах было, видимо, неожиданным. Простояв несколько дней у Вожи, 11 августа 1378 г. он решил перейти ее. Однако когда татарская конница вышла на другой берег Вожи, она оказалась в ловушке: «ударил на нихъ с одину сторону Тимофѣи околничии (брат тысяцкого В. В. Вельяминова.— В. К.), а с другою сторону князь Данилеи Проньскы (один из рязанских князей.— В. К.), а князь великий удари въ лице». Удары с флангов, в затем в лоб смешали строй ордынской конницы. Началось ее беспорядочное отступление. При бегстве многие воины Бегича утонули в реке. В Вожской битве пало пять ордынских князей, что свидетельствует как о значительных размерах войска Бегича, так и о масштабе нанесенного ему Дмитрием поражения⁵². Это была первая в истории битва, выигранная русскими у ордынцев.

Узнав о поражении Бегича, Мамай пришел в ярость. Разгром, учиненный Дмитрием на территории Рязанского княжества, подсказывал темнику, что без оповещения Дмитрия рязанским князем здесь не обошлось. Собрав осенью 1378 г. новые силы, Мамай «безъ вѣсти изгономъ» обрушился на Рязанское княжество. Олег Рязанский оказался не готов к отпору и бежал за Оку. Татары взяли стольный Переяславль Рязанский, разграбили его и подожгли. Опустошив волости и села, захватив множество пленных, они ушли, отомстив за поражение на Воже.

Кровопролитные столкновения 1377—1378 гг. между союзом русских княжеств, возглавлявшимся Дмитрием Московским, и мамаевой Ордой ослабили их силы. И та и другая сторона нуждались в передышке. В 1379 г. Мамай не предпринимал никаких действий против Руси. Он даже пропустил летом 1379 г. через свои владения Митяя, отправившегося в Константинополь. Дмитрий не оказал материальной поддержки Митяю, справедливо полагая, что ордынцы могут отнять у него ценности, но дал Митяю незаполненные листы пергамента, скрепленные великокняжескими печатями, чтобы он, исходя из обстоятельств, мог заполнить их сам, превратив в долговые обязательства.

В начале же декабря 1379 г. Дмитрий, желая укрепить свой авторитет в приокских княжествах, поколебленный разгромом Рязани Мамаем, послал свои полки на Брянское княжество. Ими были взяты города Трубчевск и Стародуб Северский, а также многие волости и села. Правивший в Трубчевске брат великого князя Литовского Ягайло Дмитрий Ольгердович вместе со своим двором перешел на службу к московскому князю. Тот пожаловал ему в кормление город Переяславль (Залесский). В марте 1380 г. Дмитрий уладил конфликт с Новгородом Великим, начавшим было устанавливать связи с Ягайло. Прибывшее в Москву большое новгородское посольство признало Дмитрия новгородским князем, а Дмитрий принес присягу соблюдать новгородскую старину.

В конце июля — начале августа 1380 г. в Москву стали поступать сведения о начавшемся походе Мамаю на русские земли. Для этого он собрал крупные силы, к собственным присоединив наемные отряды осетин, черкесов, а также итальянцев (скорее всего, венецианцев), живших в колониях по берегам Азовского и Черного морей. В 20-х числах сентября Мамай намеревался соединиться с Ягайло и вместе идти на Москву. На свою сторону Мамай пытался привлечь и рязанского князя. Олег Рязанский, напуганный татарским нападением 1378 г. и связанный договором с Ягайло, не хотел нарушать и добрых отношений с Дмитрием. Поэтому он занял выжидательную позицию, не оказывая реальной военной помощи Мамаю, но не помогая и Дмитрию. Московского князя он, по-видимому, только известил о планах Орды и Литвы⁵³.

Получив эти известия, Дмитрий к середине августа сосредоточил в Москве большую рать. Оставив часть войск в столице, с остальными он выступил к Коломне. Здесь его нашел посол от Мамаю, но переговоры не дали никаких результатов. Стало, однако, ясно, что в ближайшие дни Мамай не собирается предпринимать активных действий. Дмитрий же 20 августа вывел войска из Коломны и направился с ними на запад вдоль Оки. Став лагерем у устья Лопастны, Дмитрий начал собирать сведения о противнике. Мамай расположился лагерем на р. Мече, правом притоке Дона, близ литовских владений и ожидал там Ягайло. На владения Дмитрия и его союзников он пока не нападал. Тогда, вызвав часть полков из Москвы, но оставив там достаточные силы для защиты города, укрепив оборону по левому берегу Оки, Дмитрий 26—27 августа переправился через нее. План Дмитрия был точно рассчитанным и смелым. Обезопасив Москву и подходы к ней, он решил разбить Мамаю до подхода к нему литовских сил.

Перейдя Оку, Дмитрий повел войска на юго-восток, к левому берегу Дона. Прикрываясь Доном от вероятных налетов ордынской конницы, русские полки медленно продвигались на юг. 6 сентября 1380 г. близ впадения в Дон Непрядвы передовые отряды Дмитрия столкнулись с конной разведкой Мамаю и разгромили ее. За разведкой должны были бы последовать основные силы татар, но они не появились ни во второй половине дня 6 сентября, ни 7 сентября. Дмитрий собрал военный совет. Положение было неясным. Дон хорошо защищал русскую рать от наступления Мамаю. Но будет ли оно? Пассивное ожидание давало Мамаю возможность в обход русского войска ударить на Москву и соединиться с Ягайло. На совете решено было перейти Дон. В ночь на 8 сентября русские войска переправились на правый его берег и расположились выше устья Непрядвы, прикрываясь от возможного нападения Мамаю Непрядвой и ее

левым притоком Буйцей. Вверх по Дону на правый фланг в засаду был послан полк во главе с Владимиром Серпуховским и зятем Дмитрия Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским.

Ордынская конница появилась на горизонте примерно в 10 часов утра 8 сентября. Построившись в боевые порядки, она ринулась на русский сторожевой полк. В первой же схватке принял участие и сам Дмитрий. Хотя по обычаю тех времен он должен был находиться в стороне и следить за общим ходом битвы, в данной обстановке требовалось личным примером показать ратникам из северных и некоторых центральных русских княжеств, редко видевшим татар, как сражаться с противников. Первый натиск мамеевой конницы был мощным. Сторожевой полк не выдержал напора и отошел к главным силам. В дело вступил великий полк. Это была наиболее боеспособная часть русского войска, представлявшая «двор» великого князя Дмитрия, опытная в военном деле, закаленная в сражениях 70-х годов. На великий полк и пришелся главный удар Мамаея.

Ожесточенная битва шла в течение двух часов, распавшись на отдельные единоборства, когда каждый, по словам летописи, «своего супротивника искаше побѣдити». Постепенно стал вырисовываться перевес ордынцев, от сабель и стрел которых пало много не только рядовых русских воинов, но и воевод. В этот критический момент в левый фланг атаковавшего мамея войска ударил засадный полк. Натиск татар на великий полк был приостановлен. Это дало возможность главным силам русских перестроиться и перейти в контрнаступление. Татары еще целый час после вступления в бой засадного полка отчаянно дрались, но в конце концов не выдержали и обратились в бегство. Русские преследовали их до станов на р. Мече, захватив там богатую добычу. К вечеру 8 сентября 1380 г. все было кончено.

Донское побоище, как называли Куликовскую битву современники, изменило всю обстановку в Восточной Европе. Осенью 1380 г. Орда Мамаея перестала существовать, будучи окончательно поверженной пришедшим из-за Волги Тохтамышем. Через год произошел переворот в Литве. К власти пришел Кейстут, дядя Ягайло. Он опирался на поддержку сил, заинтересованных в союзе с московским великим князем. Сам Дмитрий по возвращении с Куликова поля установил контроль над многими волостями Рязанского княжества, оставленного Олегом из-за боязни возмездия со стороны Москвы за отказ от поддержки ее в борьбе с Мамаем. По московско-рязанскому договору 1381 г. Олег признавал, что все его отношения с Ордой и Литвой должны регулироваться Дмитрием. Вскоре после 1380 г. Дмитрий присоединил к своим владениям обширное Белозерское княжество, старшие князья которого пали в Куликовской битве⁵⁴.

Между тем возникновение на месте мамеевой Орды более обширного государства Тохтамыша таило в себе опасность для Дмитрия и других русских князей. Победа на Куликовом поле далась нелегкой ценой, она стоила жизни многим тысячам людей, восполнение потерь требовало времени. Поэтому, когда Тохтамыш известил Дмитрия и его союзников о своем воцарении, все русские князья, признавая его власть, послали к нему своих послов с подарками. С новой Ордой были установлены мирные отношения.

К концу 1380 г. Дмитрию стали поступать сведения из Константинополя о миссии Митяя. С ней произошли удивительные вещи. На пути из Кафы (современная Феодосия) в Константинополь Митяй внезапно заболел и, не сойдя с корабля на берег, скончался. Среди сопровождавших его лиц начались распри. Борьба шла за то, кого теперь предлагать в русские митрополиты. Верх взяли сторонники переяславского архимандрита Пимена. Разбирая бумаги Митяя, Пимен обнаружил грамоты великого князя Дмитрия, текст на которых отсутствовал. В одну из этих грамот и было вписано обращение к византийскому императору и константинопольскому патриарху якобы от имени московского великого князя с просьбой поставить в митрополиты Пимена. Византийские власти отнеслись к посланию с сомнением, поскольку в Константинополе было известно, что кандидату-

рой Дмитрия являлся Митяй. Тогда, заполнив другие княжеские грамоты как долговые расписки, русское посольство сумело под них занять у мусульманских и итальянских купцов за высокие проценты большие деньги и щедро одарить сомневающихся. Сомнения исчезли. В результате состоявшийся в июне 1380 г. священный собор поставил в русские митрополиты Пимена. За ним был признан титул — Киевского и всея Руси, но сам Киев и все западные епархии пожизненно были оставлены за Киприаном. Реально Пимен мог распорядиться только восточными епархиями.

Такое решение не удовлетворяло Дмитрия. Ему было важно, чтобы послушный митрополит мог контролировать все русские епархии и прибегать к интердиктам в случае, если светские правители в этих епархиях выйдут из повиновения московскому великому князю. Ко всему прочему сам Пимен в глазах Дмитрия выглядел самозванцем, обманом занявшим место, предназначавшееся княжескому любимцу Митяю. Поэтому, не дожидаясь возвращения из Константинополя Пимена, Дмитрий решил примириться с Киприаном. В начале 1381 г. великий князь направил к нему в Киев своего духовника Федора Симоновского. Киприан, положение которого сделалось двусмысленным ввиду поставления Пимена, постарался забыть прежние обиды и 23 мая 1381 г. прибыл в Москву. Он был торжественно встречен Дмитрием, приглашен на княжеский пир, где все, по словам летописца, радовались «светло». Не так светло сложилась судьба прибывшего на Русь в самом конце 1381 г. митрополита Пимена. Люди Дмитрия встретили его в Коломне, сняли с него митрополичье облачение и, минуя Москву, отправили в ссылку в глухую Чухлому ⁵⁵.

Между тем севший на ханском престоле в Орде Тохтамыш начал проявлять интерес к делам русского улуса. Готовясь к борьбе с Тамерланом, Тохтамыш нуждался в значительных средствах. Однако возобновить получение дани с русских земель, рати которых только что разгромили Мамай, было не так-то просто. Тохтамыш летом 1381 г. послал большое, в 700 человек, посольство на Русь, но возглавлявший его царевич Акходжа, дойдя до Нижнего Новгорода, не рискнул идти на Москву, видимо, остро почувствовав антиордынские настроения населения. Изменить положение Тохтамыш решил силой.

Летом 1382 г. он прислал своих людей в город Булгар с приказом задержать русских купцов и отнять у них все речные суда, необходимые ему для переправы. С большим войском Тохтамыш перешел Волгу и быстрым маршем двинулся вдоль нее на русские земли. У границ Нижегородского княжества он свернул на запад и пошел к Рязани. Нижегородский князь Дмитрий Константинович, напуганный появлением огромной заволжской орды, послал к Тохтамышу с изъявлением покорности двух своих сыновей. Рязанский князь Олег, в княжество которого вступил Тохтамыш, также вынужден был смириться перед ханом. Он указал Тохтамышу броды через Оку. Беспрепятственно переправившись на левый ее берег, Тохтамыш сжег Серпухов и устремился к Москве.

Дмитрий не ожидал нападения Тохтамыша. Быстро собрать войска ему не удалось. Да и собрать их было труднее, чем в 1380 году. Тогда борьба шла против Мамай, могущественного, но темника. Теперь требовалось биться с чингизидом, законным ханом, которому русские князья приносили вассальную присягу и которую они и по правовым, и по моральным нормам тех времен обязаны были соблюдать. Уже в силу этих обстоятельств не все князья смогли бы откликнуться на призыв Дмитрия. В семье великого князя только что родился очередной сын ⁵⁶, Евдокия еще не оправилась от родов, оставить в таком состоянии жену и ребенка в Москве, в кольце вражеской осады, Дмитрий не мог. Думается, и в настроении его после 1380 г. произошел перелом. Одно из посланий начала 80-х годов XIV в. содержит совет Дмитрию «искати ползы своему спасению, иже и здравию» ⁵⁷, свидетельствуя, что у Дмитрия со здоровьем было не вполне благополучно. Очевидно, во время Куликовской битвы князь был сильно контужен ⁵⁸. Не отважившись сесть в осаду, как это было в 1368 и 1370 гг., Дмитрий вместе с семьей оставил Москву и укрылся

в заволжской Костроме. Оборона Москвы была возложена на внука литовского великого князя Ольгерда Остея и митрополита Киприана. 23 августа Тохтамыш подошел к Кремлю. Тем временем расчетливый Киприан покинул Москву и укрылся в Твери. Во главе осажденных остался один Остей.

Тохтамыш окружил Кремль и, убедившись в надежности его оборонительных сооружений, начал переговоры с Остеем. Ордынские вельможи убеждали москвичей, что Тохтамыш пришел не на них, а на великого князя Дмитрия, а раз его нет в Москве, хан удовольствуется принятием подарков и осмотром города. К голосу ордынцев присоединили свои голоса и нижегородские княжичи — шурины Дмитрия. Москвичи собрали подношения хану, и 26 августа большая делегация, состоявшая из бояр и духовенства, во главе с Остеем вышла из городских ворот. Татары тотчас напали на нее, убили Остея и ворвались в город. Запылали разграбленные кремлевские церкви, было убито более 10 тысяч москвичей и окрестных жителей, пытавшихся спастись в Москве, многие попали в плен. Взяв Москву, Тохтамыш разослал отряды воевать другие города, принадлежавшие Дмитрию. Татары взяли и сожгли Переяславль, опустошили окрестности Юрьева и Владимира, ходили к Звенигороду, Можайску, Дмитрову. У Волоколамска ордынский отряд встретил Владимир Серпуховской и разгромил его. Боясь удара со стороны князя Владимира и находившегося в Костроме великого князя, Тохтамыш, простояв некоторое время у Москвы, начал отход. На обратном пути ордынцы захватили Коломну, а ступив на Рязанскую землю, ограбили и ее, уведя с собой множество пленных ⁵⁹.

Взятие Москвы Тохтамышем ободрило давних недругов Дмитрия. Осенью 1382 г. в Орду, нарушив договор 1375 г., отправился тверской великий князь Михаил Александрович, надеясь получить там ярлык на великое княжение Владимирское. Тогда же поехал к Тохтамышу и городецкий князь Борис Константинович, рассчитывая наконец-то завладеть Нижним Новгородом. В 1382 г. изменилась обстановка и в Литве. Ягайло сумел заманить своего дядю великого князя литовского Кейстута в ловушку, арестовать его, а через несколько дней слуги Ягайло задушили его. Ягайло вновь стал великим князем Литовским. Через год, в конце 1383 г., вернулись из Орды на Русь тверской и городецкий князья. Михаил Александрович ярлыка на Владимир так и не получил. Похоже, единственным следствием его длительного пребывания у Тохтамыша было восстановление тверского суверенитета над Кашинским княжеством. Борис Константинович преуспел больше. Узнав, что 5 июля 1383 г. скончался нижегородский князь Дмитрий-Фома, Тохтамыш дал Борису ярлык на Нижний Новгород. Обострились отношения Москвы с Рязанью. Осенью 1382 г. Дмитрий в отместку за содействие Олега Рязанского Тохтамышу наслал на Рязанское княжество войска, которые учинили там погром «пуще... Татарские рати».

Возник конфликт и с церковью. Прошло больше месяца после ухода Тохтамыша, а митрополит Киприан все еще оставался в Твери. Дмитрий специально послал за ним двух бояр, призывая к себе митрополита, и тот только тогда тронулся в путь. Вскоре, однако, он покинул Москву и уехал в Киев. Поздние летописи объясняют его отъезд гневом Дмитрия, негодовавшего на Киприана из-за его бегства от Тохтамыша ⁶⁰. Но причина, по видимому, заключалась в ином. Когда Киприан находился в Твери, в Орду за великокняжеским ярлыком отправился тверской князь. Едва ли эта поездка не была согласована с митрополитом. Киприан был просто заинтересован в том, чтобы великим князем стал близкий родственник литовских князей Михаил Александрович, а не враждебный им Дмитрий Иванович. Участие Киприана в политической интриге и вынудило, вероятно, московского великого князя отказаться от сотрудничества с ним. На митрополичий стол был поставлен возвращенный из ссылки Пимен ⁶¹.

Августовский военный успех 1382 г., последовавшее за ним обострение отношений между русскими князьями Орда постаралась использовать для упрочения своей власти над русскими землями. К Дмитрию зачастили ордынские послы. Уже осенью 1382 г. Тохтамыш направил к нему посла Карача. Через год во Владимир приехал «лютый», по выражению летописи,

посол Адаш. Цель этих приездов, вероятнее всего, состояла в требовании дани. В 1384 г. «великая дань тяжкаа» была собрана со всех владений Дмитрия. Платить пришлось не только серебром, но и золотом⁶². Признание верховенства Орды проявилось даже в оформлении первых московских монет, которые начали чеканиться при Дмитрие Донском. На оборотной стороне этих монет помещалась арабская надпись с благопожеланием Тохтамышу⁶³.

Тем не менее положение Дмитрия оставалось устойчивым. Уже сам факт чеканки монеты свидетельствует как о развивавшихся в 80-е годы XIV в. торговых связях в подвластных московскому князю землях, так и о наличии необходимого для чеканки количества серебра в великокняжеской казне. Несмотря на происки тверского князя, великое княжение Владимирское осталось за Дмитрием. Возможно, этому способствовала посылка Дмитрием к Тохтамышу в качестве заложника своего старшего сына Василия весной 1383 года⁶⁴.

В описи архива Посольского приказа 1626 г. приведено краткое содержание одного несохранившегося документа: «Грамота великого князя Дмитрея Ивановича и великие княгини Ульяны Ольгердовы — доконьчанье о женитве великого князя Ягайла Ольгердовича, женитися ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягайлу, быти в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди»⁶⁵. Обративший первым внимание на этот текст Л. В. Черепнин оценил его как чрезвычайно важное свидетельство о предполагаемом браке старшей дочери Дмитрия Софьи и Ягайло с обязательством последнего перейти в православие и быть в «воле» московского князя. Сохранившееся в пересказе 1626 г. соглашение было заключено до женитьбы литовского великого князя на наследнице польского трона Ядвиге в 1386 году⁶⁶. Сам факт появления такого соглашения показывает, насколько высок был престиж Дмитрия в Восточной Европе даже после тохтамышева нашествия 1382 года. Договор с Ульяной Александровной, матерью Ягайло, был заключен, скорее всего, в первой половине 1383 г., когда Ягайло убедился, что ему невозможно организовать антимосковскую коалицию и главной задачей является удержание за собой великокняжеского стола в Вильно.

В связи с наметившимся сближением с Литвой Дмитрий предпринял еще одну попытку реорганизовать управление русской митрополии. В самом конце июня 1383 г. он отправил в Константинополь суздальского архиепископа Дионисия, прося поставить его на митрополичью кафедру всея Руси. Вместе с ним было послано доверенное лицо великого князя, его духовник Федор Симоновский. В начале 1384 г. Дионисий, получивший от константинопольского патриарха сан митрополита, прибыл на Русь. Отправился он не в Москву, а в Киев, намереваясь уже оттуда ехать к Дмитрию. Такой маршрут Дионисия свидетельствует о том, что Дмитрий заручился согласием литовской стороны на одновременное смещение Пимена и Киприана и объединение в руках Дионисия всех епархий русской митрополии.

Однако к началу 1384 г. ситуация в Литве изменилась. Ягайло стал ориентироваться на Польшу⁶⁷. Киевский князь Владимир Ольгердович заточил Дионисия в темницу, где он и скончался 15 октября 1385 года. В связи с арестом Дионисия Дмитрий вынужден был хлопотать в Константинополе о возвращении на кафедру Пимена. Тот отправился за море в начале мая 1385 г. Волгою. Дорога через Оку была перерезана. За полтора месяца до отъезда Пимена Олег Рязанский неожиданно напал на Коломну и взял ее. Дмитрий в ответ послал Владимира Андреевича на Рязань, но тот, кажется, преуспел мало. Состояние войны поддерживалось до глубокой осени 1385 г., пока специально посланный к Олегу Дмитрием Сергей Радонежский не уговорил рязанского князя заключить мир. Мирные отношения были подкреплены браком дочери Дмитрия Софьи и сына рязанского князя Федора в 1387 году⁶⁸.

Мир на юге нужен был Дмитрию для организации военных действий на

севере. Еще в конце 1383 г. митрополит Пимен поставил Стефана Храпа епископом в Пермскую землю. Прибыв туда, Стефан начал обращать пермяков (коми) в христианство. Часть местного населения крещение приняла, а часть ударилась в бег. Пермская земля принадлежала Новгороду Великому. Организация там особой епархии ущемляла права новгородского владыки, а действия Стефана уменьшали число плательщиков дани Новгороду. В 1385 г. новгородский архиепископ послал дружинников против Стефана. В ответ пермский владыка призвал на помощь устюжан, и те побили новгородцев. Тогда новгородцы уже большими силами опустошили устюжские и вычегодские волости, среди которых были владения и московского великого князя, а перед этим воевали по Волге. Дмитрий решил наказать новгородцев. В январе 1387 г. он подступил к Новгороду, остановившись от него в одном переходе. Новгородцы биться не стали. Уплатив 8000 рублей, приняв и другие требования Дмитрия, они помирились с ним ⁶⁹.

Положение московского великого князя становилось все прочнее. В феврале 1388 г., воспользовавшись тем, что против нижегородского князя Бориса Константиновича выступили его племянники, Дмитрий дал им войска, с помощью которых Василий и Семен Дмитриевичи изгнали Бориса из Нижнего Новгорода. Он вынужден был вновь довольствоваться своим отчинным Городцом. Влияние московской великокняжеской власти в самом восточном русском княжестве медленно, но верно укреплялось.

Власть Дмитрия упрочивалась и внутри московского княжеского дома. В феврале 1389 г. Дмитрий отнял у своего двоюродного брата Владимира Дмитров и Галич, уступленные ему во владение еще по соглашению 1372 года. Владимир вздумал протестовать. Тогда Дмитрий арестовал его старейших бояр, и серпуховской князь вынужден был смириться. 25 марта 1389 г. между родичами было заключено новое соглашение, в котором определялся состав владений Владимира. Ни Дмитрова, ни Галича среди них уже не было ⁷⁰.

Весной 1389 г. Дмитрий сильно заболел. Между 13 апреля и 16 мая он составил завещание, в котором определил, какие земля, доходы и драгоценности должны получить его наследники — пять сыновей и жена. Если говорить только о владениях, подвластных Дмитрию, то они в несколько раз превысили ту территорию Московского княжества, часть которой получил Дмитрий по завещанию отца в 1359 году. В состав этих владений кроме Москвы, Коломны, Можайска и Звенигорода входили бывшее Владимирское великое княжество с половиной Ростова, Юрьевом, великокняжескими землями в Вологде, Торжке и Волоколамске, а также Дмитров, Галич, Углич, Белоозеро, Калуга, Медынь, Ржева и другие земли, отвоеванные Дмитрием у Литвы и ее союзников в 1368—1370 годах. Большую часть перечисленных земель Дмитрий завещал старшему сыну Василию, вернувшемуся в Москву 19 января 1388 г. после почти пятилетнего пребывания в Орде, Валахии и Литве ⁷¹. Василий получил помимо различных доходов с Москвы и ее уезда 8 подмосковных сел, город Коломну с 18 коломенскими волостями, 3 села в Юрьеве, одно село в Ростове, но главное — все земли бывшего великого княжества Владимирского с городами Владимиром, Переяславлем, Костромой, Ярополчем, а также Юрьевом, половиной Ростова, великокняжеские волости в Вологде, Торжке и Волоколамске и кроме того — Ржеву ⁷². Если сравнить это с тем, что получил Дмитрий 30 лет назад, то налицо громадное приращение.

Своим завещанием Дмитрий устанавливал и качественную градацию между владением старшего сына — великого князя и его братьями — удельными князьями. В случае смерти одного из младших сыновей Дмитрия его удел должен был делиться на части между оставшимися в живых наследниками. Но если умирал старший сын, то его удел не дробился. Он должен был целиком передаваться следующему по возрасту сыну Дмитрию, а удел последнего шел в раздачу братьям. Таким образом, определялась приоритетность великокняжеских владений, их неделимость и большие по сравнению с другими уделами размеры. Это был крупный шаг в сторону

увеличения и незыблемости материальной основы единовластия в московском княжеском доме ⁷³.

Дмитрий Донской скончался вскоре после составления своего завещания, примерно в половине девятого вечера (по современному часосчислению) 19 мая 1389 года. Умер он сравнительно молодым: ко дню смерти ему не исполнилось и 39 лет. Но правление его продолжалось более 29 лет. Большую часть этого времени Дмитрий провел в войнах. Они заняли 16 лет, не считая тех годов, которые ушли на подготовку к ним. Лично Дмитрий участвовал в семи походах и сражениях. Куликовская битва — как правило, единственное указываемое в различных справочниках и энциклопедиях военное деяние Дмитрия Донского — на самом деле стоит в ряду многих операций, проведенных московским великим князем. Но несомненно, что эта битва — самое блестящее по замыслу и исполнению достижение русского полководца XIV века.

К сожалению, ослепительный блеск победы на Куликовском поле даже историкам затмевает смысл и значение всей деятельности Дмитрия Донского. В лучшем случае итоги ее сводятся к антитезе: победа 1380 г. — поражение 1382 года. «Великодушный Димитрий победил Мамаю, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу», — так кратко оценивал Донского Н. М. Карамзин ⁷⁴. Между тем многочисленные и крупные войны, которые вел Дмитрий, заставляют по-иному характеризовать место этого князя в истории. Войны ставили в напряженнейшие условия существования как само великое княжество Московское, так и другие русские земли. В таких условиях, особенно когда речь шла об освободительной борьбе с господствовавшей над Русью Ордой, необходимо было укрепление личной власти.

На протяжении многих лет Дмитрий добивался упрочения своей власти. Пути достижения этой цели были различны: и упразднение высшей боярской должности тысяцкого, и подчинение и использование в политических целях церкви, и конфискация в свою пользу земель у ближайших родственников. Укрепление единовластия, ведение победоносных войн было невозможно без сильной и многочисленной армии. Очевидно уже в конце 60-х годов XIV в. Дмитрий провел реорганизацию военной службы. Возросшее военное значение «двора» великого князя, состоявшего из бояр и слуг вольных, указывает на изменение положения этой общественной прослойки. Увеличение требований к служилым людям, ужесточение санкций за переход бояр к другим сюзеренам (отъезд в 1375 г. в Тверь И. В. Вельяминова позднее стоил ему головы) прослеживаются в договорных грамотах Дмитрия с другими князьями ⁷⁵.

Условия дня выполнения своих требований великий князь создавал традиционным путем передачи городов и волостей в кормления. Летописный свод 1423 г. отмечал, что боярами Дмитрий держал «градъ... и волости великия» ⁷⁶. Другой, не столь традиционный путь заключался в распространении вотчинной системы. Вотчинное землевладение служивших московскому великому князю бояр и слуг внедрялось прежде всего в присоединенных к Московскому княжеству землях ⁷⁷. Таким образом создавалась социальная база, опираясь на которую могла развиваться и крепнуть московская великокняжеская власть.

Это был повседневный, не бросающийся в глаза процесс, который полностью проявил себя лишь столетие спустя, когда правнук Дмитрия Донского Иван III сумел подчинить своей власти остальные русские княжества и земли и сбросить иго Орды. Русское государство стало независимым и суверенным. Единодержавие превратилось тогда в самодержавие, выполнив свою главнейшую историческую миссию: освободив русские земли от чужеземного гнета. После этого начался отсчет нового времени в истории страны, когда сама форма правления и созданные ею социальные структуры стали медленно, но верно приходить во все большее противоречие с интересами подавляющей массы населения. Таков был диалектический ход процесса, у истоков которого стоял Дмитрий Донской, заложивший основы превращения правителя средневекового княжества в монарха всея Руси.

Примечания

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Вып. 1. Пг. 1922, стб. 60.
2. Псковские летописи. Вып. 1. М.-Л. 1941, с. 21—22.
3. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, с. 21—22.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (ДДГ). М.-Л. 1950, № 3, с. 13—14.
5. Там же, № 4, с. 15—16.
6. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 63; ДДГ, № 12, с. 34.
7. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 68.
8. ДДГ, № 12, с. 34; № 4, с. 15, 16.
9. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 68.
10. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 66; НАСОНОВ А. Н. Монголы и Русь. М.-Л. 1940, с. 117, примеч. 4; ЕГОРОВ В. Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде.— Вопросы истории, 1974, № 8, с. 45.
11. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 68.
12. Там же, стб. 69.
13. Там же, стб. 72.
14. Там же, стб. 72—73.
15. Там же, стб. 74; ПСРЛ. Т. 27, с. 243, 327.
16. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 76, 78.
17. ЕГОРОВ В. Л. Ук. соч., с. 47.
18. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 74, 77—78, 83.
19. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 83; ПРИСЕЛКОВ М. Д. Троицкая летопись. М.-Л. 1950, с. 382 и примеч. 2.
20. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 51, 83.
21. БАРТЕНЕВ С. П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1. М. 1912, с. 20, 195, 201, 213, 218.
22. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 84.
23. Там же, стб. 84—85.
24. Там же, стб. 87.
25. Русская историческая библиотека (РИБ). Изд. 2-с. Т. 6. Ч. 1. СПб. 1908, приложения, стб. 166, 198.
26. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 87, 90.
27. Там же; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л. 1950, с. 370, под 6876 годом.
28. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 138, 140.
29. РИБ. Т. 6, ч. 1, приложения, стб. 118, 120, 122, 124, 136, 138.
30. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 92.
31. Там же, стб. 93.
32. Там же, стб. 95.
33. Там же, стб. 98.
34. Там же, стб. 105.
35. Там же, стб. 104; ПСРЛ. Т. 18. СПб. 1913, с. 111.
36. Ср. ДДГ, № 10, с. 29, где упоминаются татарские места, отнятые Олегом у татар до 1381 года.
37. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 104.
38. ВОДОВ И. А. Зарождение канцелярии московских великих князей.— Исторические записки. Т. 103, с. 331, № 34; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 105; т. 18, с. 111.
39. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 106, 108.
40. Там же, стб. 108—109.
41. Там же; ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969, с. 212—215.
42. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 110—112.
43. ДДГ, № 9, с. 26.
44. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 112—113.
45. Там же, стб. 116.
46. Там же, стб. 118—120.
47. ФЛОРЯ Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. В кн.: Куликовская битва. М. 1980, с. 156—158.

48. НПЛ. С. 375.
49. РИБ, т. 6, ч. 1, приложения, стб. 174.
50. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 125—128, 136; т. 4, ч. 1, вып. 2. Л. 1925, с. 355; т. 6. Спб. 1853, с. 106; ПРОХОРОВ Г. М. Повесть о Митяе. Л. 1978, с. 50, примеч. 35; РИБ, т. 6, ч. 1, стб. 180; приложения, стб. 206.
51. РИБ, т. 6, ч. 1, стб. 173—186; приложения, стб. 168; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 47; т. 18, с. 100.
52. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 134—135. Об окольном Тимефее см.: ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Ук. соч., с. 216.
53. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 312; т. 6, с. 91.
54. Подробнее о Куликовской битве см.: Вопросы истории, 1980, № 8.
55. РИБ, т. 6, ч. 1, приложения, стб. 166—184; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 129—132, 142—143.
56. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 143 (14 августа, сын Андрей).
57. ПРОХОРОВ Г. М. Ук. соч., с. 202.
58. Сказания и повести о Куликовской битве. Л. 1982, с. 22, 46.
59. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 144—146; НПЛ, с. 378.
60. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 146—149; ср. стб. 164; т. 35. М. 1980, с. 69, 87, 117; т. 25, с. 210.
61. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 147.
62. Там же, стб. 147, 149.
63. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г. А. Монеты Московской Руси. М. 1981, с. 266.
64. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 148.
65. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М. 1977, с. 34.
66. ЧЕРЕПНИН Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.-Л. 1948, с. 50, 207—208.
67. История Польши. Т. 1. М. 1954, с. 119.
68. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 149—152.
69. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 149—152; т. 27, с. 256, 334; Историко-филологический сборник. Вып. 1. Сыктывкар. 1958, с. 259—260 (Вычегодско-Вымская летопись).
70. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 155; ДДГ, № 11, с. 30—33; ЧЕРЕПНИН Л. В. Ук. соч. Ч. 1, с. 40—41. О договоре 1372 г. см.: ДДГ, № 7, с. 23—24.
71. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1, стб. 151—153.
72. ДДГ, № 12, с. 33, 34, 37.
73. ДДГ, № 12, с. 35; ПРЕСНЯКОВ А. Е. Образование Великорусского государства. Пг. 1918, с. 329 и примеч. 4; NITSCHE P. Grossfürst und Thronfolger. Köln — Wien. 1972, S. 17—18.
74. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Кн. 2, т. 6. СПб. Изд. И. Эйнерлинга. СПб. 1842, стб. 212.
75. ДДГ, № 5, с. 20, 21; № 9, с. 27; № 11, с. 32.
76. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2, с. 357; т. 6, с. 107, здесь правильно читается «городы» вместо «градь» Новгородской четвертой летописи.
77. ДДГ, № 5, с. 21; № 11, с. 32; КАШТАНОВ С. М. Очерки русской дипломатики. М. 1970, с. 361.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Государственные расходы

Сегодня — 25 июня 1971 года. Прошло 30 лет с начала Великой Отечественной войны. Наблюдая сбоку за тем, как разворачиваются события в СССР и во всем мире, я задумываюсь и над тем, куда уходят средства, создаваемые трудом советского народа. Бережное к ним отношение обеспечит правильное распределение накопленного богатства между разными отраслями экономики и культуры, справедливую оплату участникам трудового процесса. К сожалению, здесь много несправедливостей. Существуют большие разрывы между окладами работников различных категорий. К тому же происходит разбазаривание средств в результате ненужного строительства, создания новых ведомств и учреждений. Открываются каналы, по которым растекается народное добро. Тем самым уменьшаются возможности повышения оплаты тем людям, которые непосредственно создают материальные и духовные ценности, особенно низкооплачиваемым.

При современной науке и технике лица, которые, как раньше говорили, просиживают штаны в кабинетах и лабораториях, значат очень много. Без них развивать любое производство невозможно. Мы живем в век кибернетики и автоматики. Прогресс ныне определяется не только у станка или верстака, а и за письменным столом и возле лабораторного стенда. На первое место выходят научно-исследовательские институты. Без поднятия квалификации их работников и обеспечения их необходимыми ресурсами двигать дальше прогресс и улучшать жизнь общества невозможно. А самыми непроизводительными затратами остаются расходы на вооруженные силы. Исключить их пока нельзя, но разумно ограничить можно. Вот первейшая заповедь для государственных деятелей. К сожалению, во всех армиях мира, включая советскую, налицо сплошное рвачество. У этих рвачей как бы благородное прикрытие: они кричат, что пожалеешь средства на них сегодня, заплатишь завтра за псевдоэкономия большой кровью. Это правильно, но этих людей государство должно твердо контролировать.

Это означает, что при составлении бюджета следует выбирать главное направление затрат. В мое время мы сэкономили буквально на всем. Например, придерживали строительство метрополитена в Киеве и Баку, чтобы направить сэкономленные средства на ракетно-ядерное вооружение. Тогда это было правильно, иначе мы не смогли бы выжить. При Сталине Запад упустил время удара по СССР, имея еще свой военный перевес, а когда мы

О к о н ч а н и е. См. вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—10; 1994, №№ 1—8, 10—12; 1995, №№ 2—4.

получили ракеты, стали их запускать в космос и взорвали мощные ядерные заряды, это подействовало отрезвляюще на агрессоров. Но сегодня расклад расходов должен быть иным. Прежде всего, нужно безотлагательно сократить средства обычного вооружения и вернуть тех, кто их обслуживает, к мирному труду — на заводское производство и на поля, в школы, лаборатории, медицинские кабинеты и магазины. Нечего бояться, даже если у потенциального противника останется больше живой силы. Этот пустяк компенсируется высоким уровнем развития ракетно-ядерного оружия. Данный же вид оружия будет нуждаться не в количественном увеличении, а в обновлении. То есть в военную часть бюджета потребуется заложить расходы на этот обязательный минимум, необходимый на случай нападения врага для его уничтожения.

Как-то ко мне, уже пенсионеру, подошли отдыхающие из близлежащего дома отдыха. Мы разговорились. «Сколько Вы заплатили за путевку?» — спросил я одну из женщин. «Шесть рублей». «Так мало?». «Остальное доплатил профсоюз». «А сколько Вы зарабатываете?». «60 рублей в месяц». Ну и ну, всего 60 при наших-то условиях и ценах! Просто гроши! К чему приводить здесь публикуемый нашей статистикой так называемый средний заработок трудящегося? Арифметическая манипуляция ловко затушевывает подлинную картину. Масса людей живет ниже среднего уровня, нуждается и бедствует. И это тогда, когда уже прошли десятки лет после Октябрьской революции. Мне скажут: «Да ведь так и при тебе было». Да, и при мне. Но при Ленине-то было еще хуже. Однако сколько можно ждать? При Ленине имелись одни возможности, в середине XX столетия — другие, сейчас — третьи. С каждым годом потенциал нашей экономики увеличивается. Появились условия, позволяющие семимильными шагами улучшать жизненный уровень народа. А что он видит?

Наш народ — это трудящиеся: рабочие, крестьяне, интеллигенция. Никого другого у нас нет, если не говорить о спекулянтах и ворах. Так что сейчас наше общество стало более однородным. Зато в смысле дележки материальных благ еще существует большая пестрота. Чересчур много людей получают низкую заработную плату, а некоторые, наоборот, получая больше, чем следовало бы, бесшабашно расходуют средства и ведут вольготную жизнь. Я придерживаюсь мнения, что нужно подтянуть к достигшим высших пиков нижние (по зарплате) категории граждан. У нас теперь имеются для этого все возможности.

Вот я встречался недавно с отдыхающими: муж, жена, у них дети 13-ти и 11-ти лет. — Сколько вы оба получаете и кем работаете? — спрашиваю. Она отвечает, что трудится фельдшером, получает 70 руб. и дополнительно еще 10 руб. за что-то; он, кандидат технических наук, трудится инженером, получает 130 руб. в месяц. Конечно, совсем не густо. Даже многие рабочие имеют больше. Дело в том, что у нас вообще вопрос зарплаты невероятно запутан. А ведь это вопрос вопросов. Чтобы добиться монолитности нашего общества, требуется разумнее и справедливее делить материальные блага, не подвергая дискриминации никакие категории трудящихся.

Уже сегодня государство может направить крупные средства на обеспечение молодого поколения. Хотя бы предоставить детишкам в детсадах, яслях и школах бесплатную еду, одежду и обувь. Это стало бы хорошим подспорьем для малоимущих. Почему до сих пор ни одна развитая промышленная капиталистическая держава не перешла к социализму? Потому, что капитализм откупается от революционного натиска повышением жизненного уровня народа. Таковы исторические факты. С каждым следующим годом наши «объяснения» и пропаганда будут все меньше обоснованными и все меньшее количество ушей станет прислушиваться к ним. Капитализм и без войны отвоевывает у нас одну часть общества за другой. Изменить ситуацию можно только кардинальными изменениями в целевых программах советского бюджета и в социальной политике государства. В условиях мирного сосуществования двух систем их судьба далее зависит от разумной внутренней политики правительств, поскольку сохранение мира облегчает

проведение внешней политики. Я теперь не в состоянии повлиять на решения государственных деятелей, и мне остается только делиться своим опытом, если найдутся глаза и уши, которые захотят читать и выслушивать мои соображения.

Несомненно, важную рубрику расходов займут и вложения в освоение космоса. При мне прямых переговоров на эту тему с руководством США не велось, но их официальные органы высказывали словесное желание сотрудничать в данной области. С нашей стороны таких предложений в начале 60-х годов не выдвигалось. Мы хотели в одиночку эксплуатировать свои космические достижения и не позволить никому обогнать себя. Теперь ситуация коренным образом изменилась, поскольку по линии ракетно-ядерного вооружения нам уже некого и незачем бояться, а США, наоборот, перегнали нас в космических делах.

Но захотят ли теперь США сотрудничать с нами в освоении космоса? Полагаю, во-первых, что во второй половине 60-х годов наше руководство, неверно оценивая имевшуюся тогда обстановку, упустило подходящий для соглашения момент. Надо было еще до высадки американцами человека на Луну договориться о сотрудничестве. Выиграли бы все. Все космические программы — очень дорогое удовольствие даже для таких стран, как США и СССР. Запустить выше стратосферы всего одну ракету стоит миллионы. Чрезвычайно целесообразно объединить усилия нескольких государств и продолжить освоение космоса на международной основе. Теперь, когда США первыми совершили полет к Луне, высадили там людей и возвратили их обратно, они получили национальное удовлетворение. Его должно хватить им на некоторое время, а потом доводы рассудка все равно возьмут верх. Тут, во-вторых, опять появится возможность соглашения о сотрудничестве в космосе. И если бы я мог сегодня проявить хоть какую-то инициативу, то обязательно попытался бы достичь такой договоренности.

Что касается рубежа 70-х годов, то люди, встречающиеся со мной, постоянно задают вопрос: «Как могло случиться, что американцы первыми высадили человека на Луну? Почему не мы?». Я отвечаю: «Академик Келдыш провел по этому поводу пресс-конференцию. Читайте ее материалы». Но та пресс-конференция никому удовлетворения не принесла. Да и что мог сказать по существу Мстислав Всеволодович? Пытался как-то смягчить моральную горечь заявлением, что техника в виде луноходов для нас важнее, чем людская поступь на Луне. Жалкие слова! Но наш главный теоретик космической программы СССР в том не виноват. Не он до конца определял ее планирование. Зато если бы теперь все страны овладевали космосом сообща, то и нам легче было бы удовлетворять потребности наших граждан. Впрочем, я уверен, что человечество обязательно придет к такому соглашению.

Мне кажется, что на неверное планирование советской космической программы подействовала в худшую сторону и гибель наших космонавтов. Сначала Комарова, потом еще трех замечательных парней. Как это могло случиться? Увы, я оторван от прямой информации. А исчерпывающих публикаций нет. Они необходимы не только нам, а и всему человечеству. Скрывать такие факты означает проявлять узость мышления, помешательство в государственном масштабе. Сегодня — не вчера! Уже нельзя превращать в тайну то, что в общих интересах должно быть явным. А влияние гибели космонавтов на переключение внимания и средств с человеческого фактора на автоматомеханический очевидно. Об этом приходится сожалеть. Ведь эпоха всеохватного господства роботов еще не наступила.

Я не судья...

Не знаю, что в моих воспоминаниях получится из очередного замысла. Хотелось бы сказать об отношении в СССР к интеллигенции. Вряд ли я сумею охватить все те направления жизни, где трудится наша интеллигенция. Но она в первую очередь, идейно воздействуя на общество, осуществ-

ляет то дело, над которым бьется коммунистическая партия. С технической интеллигенцией вопрос обстоит чуть проще. Да и отношения партийных органов с ней проще, поскольку эти люди проявляют свои энергию и интеллект в основном применительно к конкретным предметам, служащим обществу. Своей непосредственной деятельностью они не вторгаются напрямую в сферу духовной жизни и проблемы идеологии. Поощрение их труда определялось пользой тех их разработок, которые поднимали какую-то отрасль производства на новую ступень. Соответственно строилось отношение к данному лицу или группе лиц.

Самый острый и наиболее скользкий участок — отношения с той частью творческой интеллигенции, которая обнимает собой журналистов, философов, писателей, художников, скульпторов, музыкантов и всех, им подобных. Они не создают материальных ценностей, без которых организм человека не может существовать, зато они вдохновляют общество на труд во всех иных областях человеческой жизни, вторгаются и в политику, а также обогащают людей образцами литературы, искусства и в прочих гуманитарных сферах. А поскольку в идеологии коммунистическая партия стремится занимать монопольное положение, то ее заинтересованность в привлечении этой интеллигенции на свою сторону не нуждается в разъяснении.

Многое здесь крайне субъективно. Допустим, ответственный партиец включил радио, чтобы послушать музыку, а она ему не понравилась или же настроение было скверным, и он выключил приемник. Потом выяснилось, что ее автор — Чайковский или, допустим, Прокофьев. Как отнестись к данному творению? Тут имеют значение и обстановка, и внутренняя содержательность слушателя, и его воспитание, и многое иное. Получается, что решение надо выносить через понятия «нравится», «не очень нравится», «не нравится». А результат потом скажется и на судьбе автора, и на всем обществе, которое может нечаянно лишиться прекрасного творения. Как избежать вкусовщины? Особенно если учесть, что одно и то же сочинение может в различные периоды жизни вызывать несовпадающие впечатления. Несколько легче — с творениями писателя. Этот труженик работает, как каменщик или даже как токарь, шлифуя свое произведение с разных сторон. Он автоматически вторгается во все сферы общественной жизни, выражая отношение к ним через своих персонажей, так что в литературе даже не очень умному человеку порой становится все ясно. Сложнее оценить произведение композитора, художника.

Хочу вернуться к тому, как относился Сталин ко всем видам интеллигентного труда. Он понимал их общественное значение. Но главным оказывалось то, насколько он был снисходителен, терпим, уважителен в каждом конкретном случае. Сталин был весь начинен субъективизмом. Между тем, от одного его слова тогда зависело будущее любого человека. Его субъективизм иногда сильно способствовал развитию каких-то творческих направлений, а иногда сковывал, не давал развернуться и показать себя, иногда же приводил к гибели и людей, и их творений. Были ли, допустим, такие писатели, которые не чувствовали этого гнета, трудились без всяких внешних и внутренних ограничений? Мне трудно говорить за них. Пусть скажут они сами, а я думаю, что вряд ли. Ведь Сталин был деспотом, и его воля определяла всю государственную политику. А все деспоты хорошо относились к литераторам лишь при условии, если те хорошо писали о них и их эпохе. Сошлюсь на общеизвестный пример. Зачем Николай I терзал Пушкина? Ведь исторические заслуги Пушкина перед Родиной и ее литературой стали очевидными еще при его жизни. Однако он провел в административных ссылках не один год и испытывал на себе все последствия капризов царя и его присных. Таких примеров в прошлом человечества можно найти тысячи.

А в настоящем? При Сталине довольно долго отвечал по политической линии за советское искусство Ворошилов. Он был без ума от художника Александра Герасимова. Соглашусь, что последний был хорошим художником. Однако он нравился Ворошилову прежде всего за то, что восхвалял его в своих картинах. То же можно сказать о песенниках. Те композиторы,

которые создавали песни определенного стиля и жанра, особенно если в них выпячивались конкретные персоны, становились придворными сочинителями, награждались и выдвигались. Деспоты приближали их к себе и всячески поощряли. Это не мешает признавать многие такие творения замечательными в чисто художественном аспекте. Тут переплелось одно с другим. Или возьмем писателя Фадеева. Талантливый человек. Его произведение «Разгром» о дальневосточных партизанах производит потрясающее впечатление. «Молодая гвардия» — тоже отличный роман. Но талантливых или даже гениальных писателей у нас все же хватало. Отчего же Сталин в послевоенное время особенно благоволил именно Фадееву? А потому, что во время репрессий, возглавляя Союз писателей СССР, Фадеев поддерживал линию на репрессии. И летели головы ни в чем не повинных литераторов. Достаточно было кому-нибудь написать, что в магазине продают плохую картошку, и это расценивалось уже как антисоветчина.

Трагедия Фадеева как человека объясняет и его самоубийство. Оставаясь человеком умным и тонкой души, он после того, как разоблачили Сталина и показали, что тысячные жертвы были вовсе не преступниками, не смог простить себе своего отступничества от правды. Ведь гибли, наряду с другими, и творческая интеллигенция. А Фадеев лжесвидетельствовал, что такой-то и такой-то из ее рядов выступал против Родины. Готов думать, что он поступал искренне, веруя в необходимость того, что делалось. Но все же предстал перед творческой интеллигенцией в роли сталинского прокурора. А когда увидел, что круг замкнулся, оборвал свою жизнь. Конечно, надо принять во внимание и то, что Фадеев к той поре спился и потому утратил многие черты своей прежней личности. Вот собирает Сталин Комитет по Сталинским премиям (это надо было дойти до жизни такой, чтобы самому делить премии собственного имени!), докладывает же представления к награждению Фадеев. А когда все заканчивается, Сталин говорит о нем: «Еле-еле держится на ногах, совершенно пьян». Все это видели, об этом все знали. Не раз руководство ставило на ноги милицию и чекистские органы, чтобы отыскать его в каком-нибудь злачном месте. Вот до какого состояния дошел Фадеев, терзаемый угрызениями совести. Он изжил себя и к тому же боялся встретиться лицом к лицу с теми писателями, которых он помогал Сталину загонять в лагеря, а некоторые вернулись потом восвояси. Такова мера лишь одной из множества ошибок, которые можно наделать применительно к творческой интеллигенции.

Коснемся Твардовского. Его стихотворения были на устах миллионов людей — и солдат, сражавшихся с гитлеровскими ордами, и труженников военного тыла. Его поэма о Василии Теркине — бессмертное произведение. Как у нас Демьяна Бедного все знали во время гражданской войны, так буквально всем был известен и Твардовский в годы Великой Отечественной войны. Потом о его поэмах были написаны целые книги, а их героев изображали на картинах. Сталин с умилением смотрел на картину с Василием Теркиным. Когда он впервые ее увидел, то сразу же предложил: «Давайте повесим ее в Кремле». Ее и повесили там, перед входом в Екатерининский зал. Если, выходя из зала заседаний Верховного Совета СССР, повернуть направо, то можно было увидеть Теркина в кругу бойцов после сражения. А недавно завершился жизненный путь Александра Трифоновича Твардовского без почета. Но ведь дело не в том, что он сейчас кому-то не угоден. Не признавать великой роли его творчества нельзя. Все равно его признал народ. Стало быть, опять налицо субъективизм, меняющийся от одного руководящего лица к другому.

Скажу несколько слов о Пастернаке. Я не берусь судить о его поэтическом творчестве и могу лишь воспользоваться мнением тех поэтов, которые очень высоко ценили созданное Пастернаком, включая его переводы с иностранных языков. Он среди прочего написал роман «Доктор Живаго» и очень хотел, чтобы его напечатали. Как решался вопрос об этом произведении? Докладывал мне о нем Суслов, шефствовавший над нашей агитацией и пропагандой. Без Суслова в таких вопросах не могло обойтись. Он сообщил, что данное произведение плохое, не выдержано в советском духе.

В деталях его аргументов не помню, а выдумывать не хочу. Одним словом, недостойная вещь, печатать ее не стоит. Такое решение и приняли. Полагаю, что на той стадии событий кроме Сулова никто из ответственных лиц романа не читал. Я сомневаюсь даже, что и Сулов его прочел. Ему тоже, наверное, дали справку с изложением содержания произведения на трех страничках. Конечно, так судить о творчестве, вынося приговор произведению и его творцу, недопустимо! Ну, а где же был ты сам, спросят меня? Отвечу: о чем я сожалею, заканчивая сейчас свой жизненный путь пенсионером в своей ссылке на даче в подмосковном районе Петрово-Дальнее? О том, что в годы, когда я имел возможность влиять на решения — печатать или не печатать, принять или не принять точку зрения докладчика, — не прочитал эту книгу сам. Я, не читая, поверил и пошел на административные меры, самые вредные в отношении творческих людей.

Естественно, поднялся страшный гвалт и шум за границей, когда рукопись оказалась там и ее опубликовали. Не знаю, насколько это произведение отвечало критериям Нобелевской премии, но Пастернаку ее присудили. Поднялся еще больший шум: советское правительство не разрешает писателю получить премию. Я предложил коллегам: «Давайте сообщим публично, что Пастернак, если желает, может поехать за границу для получения своей премии». Но в силу определенных обстоятельств он ответил через газету, что не ставит вопрос о своей поездке за границу во имя этой цели. Доныне жалею, что в свое время данный роман не был напечатан. Нельзя же полицейскими методами выносить приговоры творческим людям. Что особенного произошло бы, если бы «Доктора Живаго» опубликовали тогда же? Да ничего, я уверен! Мне возразят: «Поздно ты спохватился». Да, поздно, но лучше поздно, чем никогда. Не надо было мне поддерживать в таких вопросах Сулова. Пусть признание автора зависит от читателя. А получилось по-другому: автор трудился, его признали во всем мире, а в СССР административными мерами запрещают...

Я горжусь, что в свое время поддержал одно из первых произведений Солженицына. Пришел тогда ко мне на прием Твардовский, принес это сочинение, изложил его содержание и высказал свое мнение: «Я считаю данное произведение чрезвычайно сильным и вижу в авторе будущего большого писателя. Тема, которую он поднял, может вызвать разное к себе отношение. Прочтите сами. А я просил бы не препятствовать нам напечатать повесть в журнале «Новый мир»... Пришло по радио известие, что погибли наши космонавты. Прекращаю диктовку, не в состоянии продолжать...

Возвращаюсь к записи воспоминаний. Биографии Солженицына я не помню. Мне докладывали раньше, что он долгое время сидел в лагерях. В упоминаемой повести он исходил из собственных наблюдений. Прочел я ее. Тяжелое она оставляет впечатление, волнующее, но правдивое. А главное, вызывает отвращение к тому, что творилось при Сталине, потрясают условия существования простых людей. Не случайно наш читатель ухватился за эту повесть. Все искали объяснения тому, как могло получиться, что люди, подобные Ивану Денисовичу, попадали в лагерь в условиях социалистической страны. Автор пробудил спящее сознание многих и многих.

Уже находясь на пенсии, я прочел воспоминания генерала Горбатова, который был репрессирован. Я знал Горбатова по войне. В конце 1941 г. он попал на наш фронт под Харьковом. Еще тогда я как член Военного совета побеседовал с ним. Он не рассказывал подробностей о лагерях, а говорил только о тех советских генералах, которые безвинно оставались в тюрьме. Называл их по фамилиям. Тимошенко тоже слушал его с особым интересом, потому что хорошо знал этих людей. За двоих из них мы ходатайствовали тогда, написали Сталину просьбу освободить их и прислать к нам на фронт. А теперь я узнал в деталях, как издевались над честным советским военачальником Горбатовым. Да мало ли было таких?

Что до Солженицына, то он продолжает писать, но печатают его не у нас, а за границей. Тут он находится в «особых условиях». Однако часть нашей интеллигенции сочувствует ему и даже идет при этом на

риск. Говорят, он живет на даче Ростроповича, прекрасного музыканта, знаменитого виолончелиста. Решившись на такой шаг, тот поставил себя в невыгодное положение, мягко говоря. Это свидетельствует о человеческом достоинстве и сильном духе Ростроповича. За Солженицыным же нет никакого преступления. Он высказывает свое мнение, пишет о своих переживаниях, о личной оценке тех условий, в которых он коротал свои дни в лагерях. И в целом его мнение абсолютно правильно: Сталин был преступником, а преступников надо осудить хотя бы морально. Самый сильный суд — заклеить их в художественном произведении. Почему же, наоборот, Солженицына сочли преступником? Если он плохо пишет, люди читать его не будут. Если клеветает, можно привлечь его к ответственности, но на юридической основе. Видимо, привлечь-то не за что. А правды боятся. Художественная сторона дела в данном случае ни при чем. Например, сочинение «Матренин двор» Солженицына мне не понравилось, но это ведь дело вкуса. Надо лишь не препятствовать людям самим приобретать мнение.

Вообще же наиболее страдающая категория советского населения — наша интеллигенция. Творческие личности отображают в своих произведениях отношения между людьми, их духовные переживания, их контакты с властями и окружающей средой. Здесь писатель нередко попадает в тяжелую ситуацию. Начинают вмешиваться в его работу, контролировать его, вводить цензуру. Говорят, что у нас нет цензуры. Это чепуха! Болтовня для детей. У нас не только самая настоящая, но я бы сказал, даже крайне жестокая цензура. Мне вспоминается судьба книги Казакевича «Синяя тетрадь». Интересная книга. По ней потом сделали кинофильм, я его дважды смотрел по телевизору. Правда, Зиновьев там показан робко. Он тогда вместе с Лениным, после июльских событий 1917 г. в Петрограде, скрывался в шалаше. Мне автор книги передал небольшое письмо и приложил к нему рукопись с просьбой ознакомиться. Эту рукопись не принимали в печать. Я прочел, и мне понравилось. Не заметил в ней ничего такого, что могло бы побудить не принять ее к публикации.

Я отдыхал тогда на Кавказе, неподалеку отдыхал Микоян. Я позвонил ему и сказал: «Анастас Иванович, я пошлю тебе рукопись, прошу тебя, прочти ее, потом встретимся и обменяемся мнениями». «Каково твое мнение?» — спросил я, когда мы встретились. «Я, — отвечает, — считаю, что человек написал хорошую книгу. Не понимаю, почему цензура не разрешает ее печатать». «Ладно, когда вернемся в Москву, поставим вопрос на обсуждение в Президиуме ЦК», — сказал я.

Разослали книгу всем членам Президиума, и вопрос о ней был включен в повестку очередного заседания. «Кто имеет какие-нибудь соображения? Почему эту книгу не следует печатать?» — спросил я. «Ну, товарищ Хрущев, — Суслов вытянул шею, смотрит недоуменно, — как же можно напечатать эту книгу? У автора Зиновьев называет Ленина «товарищ Ленин», а Ленин называет Зиновьева «товарищ Зиновьев». Ведь Зиновьев — враг народа». Меня поразили его слова. Разве можно извращать действительность и преподносить исторические факты не такими, какими они были на деле? Даже если мы отбросим то обстоятельство, враг или не враг народа Зиновьев, то сам факт бесспорен: действительно, в шалаше находились вместе Ленин и Зиновьев. Как же они общались между собой? Как обсуждали текущие вопросы или хотя бы разговаривали за чаем в шалаше? Видимо, называли друг друга словом «товарищ». А я даже думаю, что Ленин обращался к Зиновьеву по имени — Григорий, ведь у них были тогда близкие отношения. В первые месяцы после Февральской революции они придерживались по всем вопросам единого мнения.

И я заметил: «Но послушайте, они же были друзьями и жили в одном шалаше. Были связаны многолетней общей борьбой против самодержавия. Как иначе могли они называть друг друга? Что из того, что один из них потом оказался осужденным? Зиновьев был соратником Ленина. Форма обращения, использованная автором, естественна и нормальна. Можно, конечно, как максимум, сделать сноску с упоминанием о дальнейшей судьбе

Зиновьева. Но это будет примечание в уступку глупости. Трезвым людям не потребуется никакой сноски». Другие члены Президиума поддержали меня. Решили не препятствовать публикации, и книга пошла в печать. Вызывает ли она сейчас какие-то сомнения? Может быть, есть недовольные критики. Однако это уже совсем другое дело. Критика на то и существует, чтобы высказывать порицание или поощрение и тем способствовать поднятию уровня литературного мастерства. А тут вдруг полицейские меры: держать и не пущать!

Такие функции околоточного выполнял раньше и по-прежнему выполняет сейчас наш главный околоточный Суслов. Конечно, лично он человек честный и преданный коммунистическим идеям. Но его полицейская ограниченность наносит большой вред. Мне могут сказать: «Чего же ты терпел, находясь в руководстве страны вместе с Сусловым?». Верно, ошибался я. Мало ли ошибок человек может допустить в своей жизни. Просто я считал, что если Суслов будет работать в нашем коллективе, то мы на него сумеем повлиять и он станет приносить пользу. Поэтому я не ставил вопроса о его замене, хотя ко мне многие люди еще тогда обращались с предупреждениями, что Суслов играет отрицательную роль. Интеллигенция к нему относилась плохо.

Вновь вспоминая о судьбе книги «Доктор Живаго», не могу себе простить того, что ее запретили у нас. Я виновен в том, что не поставил о ней вопрос так же, как о «Синей тетради». Разница (хотя и не оправдание) заключается в том, что я прочел «Синюю тетрадь» и увидел воочию глупость цензоров. Я попросил их дать разъяснения Президиуму ЦК. Они оказались несостоятельными, даже смешными, и мы без особых усилий справились с полицейской прытью. А «Доктора Живаго» я не прочел, да и никто в руководстве не прочел. Запретили книгу, доверившись тем, кто обязан был по долгу службы следить за художественными произведениями. Именно этот запрет причинил много зла, нанес прямой ущерб Советскому Союзу. Против нас ополчилась за границей интеллигенция, в том числе и не враждебная в принципе социализму, но стоящая на позиции свободы высказывания мнений.

Теперь — об Эренбурге. Я встречался с ним не раз. Хороший писатель был, талантливый. Таким он и остался в литературе. Но имелось у него какое-то примирение, что ли, со сталинскими методами управления. Возможно, я слишком строг к Эренбургу. Условия жизни были таковы, что без примирения он бы не выжил. Ему не хватало настойчивости в отстаивании собственного понимания событий, своей позиции. Так было не всегда, порой он проявлял твердость. Вспоминается, когда Сталину однажды понадобилось публичное выступление с заявлением о том, что в СССР нет антисемитизма, и он решил привлечь к его составлению, точнее — к его подписанию (авторов для такого документа у него имелось вполне достаточно) Эренбурга и Кагановича. Каганович буквально извертелся весь, когда Сталин разговаривал с ним по этому поводу. Чувствовалось, что ему не хочется делать это. Но он все же сделал то, о чем ему сказал Сталин. Затем кому-то поручили переговорить на этот счет с Эренбургом. Эренбург категорически отказался подписывать такой текст. Это свидетельствует о том, что он обладал характером и решился противостоять воле Сталина, хотя тот с ним лично в данной связи не разговаривал.

Эренбург пустил в ход слово «оттепель». Он считал, что после смерти Сталина наступила в жизни людей оттепель. Такую характеристику того времени я встретил не совсем положительно. Безусловно, возникли послабления. Если выражаться полицейским языком, то мы ослабили контроль, свободнее стали высказываться люди. Но в нас боролись два чувства. С одной стороны, такие послабления отражали наше новое внутреннее состояние, мы к этому стремились. С другой стороны, среди нас имелись лица, которые вовсе не хотели оттепели и упрекали: если бы Сталин был жив, он бы ничего такого не позволил. Весьма отчетливо звучали голоса против оттепели. А Эренбург в своих произведениях очень метко умел подмечать тенденции дня, давать характеристику бегущего

времени. Считаю, что пущенное им слово отражало действительность, хотя мы тогда и критиковали понятие «оттепель».

Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться. Подобное развитие событий возможно во всяком политическом деле. Поэтому мы вроде бы и сдерживали оттепель. Мы боялись лишиться прежних возможностей управления страной, сдерживая рост настроений, неугодных с точки зрения руководства. Не то пошел бы такой вал, который бы все снес на своем пути. Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским. Нам хотелось высвободить творческие силы людей, но так, чтобы новые творения содействовали укреплению социализма. Вроде того, что, как говорят в народе, и хочется, и колется, и мама не велит. Так оно и было.

Как-то мы беседовали в ЦК партии с творческой интеллигенцией. Эренбурга тоже пригласили. Не помню, присутствовал ли Симонов, но помню, что там были Твардовский, Евтушенко, Эрнст Неизвестный. Шел, в частности, разговор о скульптурах Неизвестного. Присутствовала на совещании и Галина Серебрякова. Она очень резко выступила против Эренбурга. Он, слушая ее, буквально как карась на горячей сковородке подпрыгивал, а она его хлестала, чуть ли не называя его подхалимом Сталина и обвиняя в том, что, когда Сталин рубил головы и загонял писателей в ссылку, Эренбург рядом своих выступлений поддерживал сталинскую политику в отношении творческой интеллигенции. Эренбург горячо ей возражал. Я понимал Серебрякову, талантливого автора трилогии о Марксе и Энгельсе, проведшего большую работу и собравшего большой материал, чтобы написать исчерпывающе. Сейчас Серебрякова исчезла с моего горизонта, я ее давно не слышал, на обложках книг что-то не мелькает ее фамилия. Возможно, ее произведения не находят признания и не видят света?

Я теперь сожалею о многом, что было сказано мною на том совещании. Критикуя Неизвестного, я даже допустил грубость, сказав, что он взял себе такую фамилию неспроста. Его фамилия вызывала у меня какое-то раздражение. Во всяком случае, с моей стороны проявилась грубость, и если бы я встретил его сейчас, то попросил бы прощения. Тем более что я занимал тогда высокий государственный пост и обязан был сдерживаться, ведь подобная форма ведения разговора — это не беседа, а разнос. Евтушенко выступал очень горячо, поддерживая Неизвестного. Абстракционизм — не новое направление в культуре, он давно существует, и столь же давно часть интеллигенции борется против этого течения. Он был особенно известен за границей, хотя и у нас в свое время процветали абстракционисты и другие своеобразные течения вроде футуристов. Молодой футурист Маяковский ходил в желтой кофте.

Я был и остался противником таких течений и в литературе, и в живописи, и в скульптуре. Но это еще ни о чем не говорит. Нельзя же административно-полицейскими мерами бороться против того, что возникает в среде творческой интеллигенции: ни в живописи, ни в скульптуре, ни в музыке, ни в чем! Евтушенко тогда приводил соответствующие примеры того и называл конкретные фамилии: что, вот, на Кубе абстракционисты и реалисты выступали вместе с народом в защиту революционных завоеваний. Да, это верно! И все же, несмотря на разумность доводов Евтушенко, Неизвестного очень сильно критиковали. Он потом передал мне через работников Агитпропа (не то ЦК ВЛКСМ), что переходит на позиции реализма. Я, конечно, был доволен. Ведь Неизвестный — талантливый человек. Сейчас печать сообщает, что он создал ряд хороших произведений. Я только рад этому. Насколько помогла ему наша критика? Может быть, послужила толчком? Но, возможно, он и сам перешел в своем творчестве на реалистические позиции.

Раскаиваясь сейчас насчет формы своей критики Неизвестного, я по

существу остаюсь противником абстракционистов. Просто не понимаю их, потому и против. Мне больше по душе реалистическое направление. Помню, когда я находился в Англии, то на даче за городом беседовал с Антони Иденем. Он спросил меня между прочим: «Господин Хрущев, как Вы относитесь к абстракционизму и другим модным течениям в современном искусстве?». Я ответил: «Не понимаю их, господин Иден. Твердо стою на позициях реалистического творчества». «И я тоже не понимаю,— сказал он,— и тоже нахожусь на позициях реализма». Потом улыбнулся и добавил: «А как же любимый коммунистами Пикассо? Он ведь не реалист». Я ему: «Да, Пикассо — крупный художник, автор знаменитого «Голубя мира», который служит символом борьбы за мир». Мне незачем было выступать ни в роли критика, ни в роли защитника Пикассо. Это фигура, которая своим творчеством сама себя защищает и пробивает путь своим произведениям, к какому бы направлению его произведения ни принадлежали.

Я с огромным уважением относился и отношусь к Шостаковичу. Сейчас не помню, в чем конкретно выражалась ждановская критика его произведений. Но не могу сказать, что Шостакович вообще был в загоне во времена Сталина. Он написал много прекрасных сочинений, в том числе и во время войны, когда он сочинил свой шедевр — симфонию об обороне Ленинграда. Он заслуженно занял видную позицию среди композиторов и является одним из ведущих мастеров музыки. В свое время руководство СССР не понимало Шостаковича, когда он поддержал джазовую музыку. Говоря откровенно, он был прав. Нельзя ни с какой музыкой, включая джазовую, бороться административными путями. Пусть к ней выразит свое отношение сам народ.

В той же связи некогда сильно критиковали Утесова. Еще в мои молодые годы, когда утесовские песенки буквально все напевали себе под нос, Утесова в пух и прах разносила газета «Правда». У меня был друг — одессит Лев Римский, давно умерший, коммунист кристальной чистоты. Он, постоянно напевавший «Бублики, горячи бублики», рассказывал мне, что его друзья, которые работали в типографии «Правды» и набирали критические статьи в адрес Утесова, сами распевали в это же время его знаменитые песни. Вот что значит народная оценка! Мне не под силу разбирать разностороннее творчество Утесова, в том числе его прежние «блатные» напевы. Наоборот, я очень доволен, что опять появились в продаже утесовские пластинки, я их часто слушаю.

Но бывают и другие. Такие джазовые выступления, что я выключаю радио: передают музыку, которая действует на нервы. Не музыка, а какая-то какофония. Не понимаю я ни таких композиторов, ни людей, которым нравится их музыка. Но это я — о себе. А ведь есть люди, которые, слушая их, и аплодируют, и прыгают от радости. Следовательно, им нравится? Поэтому административные меры применять к творчеству ни в коей мере нельзя. Должен высказаться слушатель, читатель, зритель. К тому же я человек уже старый, воспитанный на иных формах музыкального искусства. Мне нравятся народное пение, народные танцы, народная музыка. Конечно, и классическая. Но все же не джазовая. Я здесь вроде бы приношу покаяние, но и его приношу не абсолютно: по форме признаю допущенные в мое время ошибки, когда я имел возможность административно поддерживать или запрещать какие-то творческие направления. Внутренне же я и сейчас против некоторых из них. Просто подчеркиваю, что так бороться с тем, что не нравится, нельзя.

Одно время девушки ходили в коротких юбках. Потом вновь появились длинные платья. Меняется мода и в музыкальном искусстве, и во всем остальном. Надо терпимее относиться к таким переменам. А не влияют ли они как-то ослабляюще на коммунистическую идеологию? По-моему, вовсе нет! Здесь Евтушенко прав. Мы, вот, критиковали в свое время Маяковского, а Маяковский оставил стране произведения, которые донныне служат коммунистической партии оружием в борьбе за лучшее будущее. Например, никто из других поэтов не написал более выразительно о Ленине, чем он. Хотя Маяковский по своей стихотворной стилистике, по слогу для меня

очень труден. Когда я берусь его читать, то его стихи воздействуют на меня не так, как когда я их слушаю. При декламации они звучат серьезно и призывно. Это я говорю в подтверждение правоты Евтушенко. А стихотворения самого Евтушенко нравятся ли мне? Да, нравятся. Впрочем, я не могу сказать это обо всех его стихах, я их не все читал. Знаю, что некоторые стали словами общеизвестных песен. Например, «Хотят ли русские войны?»

Некоторые лица критически высказывались против слов этой песни: будто в своем стихотворении Евтушенко вообще отрицает всякую войну и морально разоружает солдат. Они неправы. Его слова выражают суть борьбы против милитаризма и в то же время предупреждают, что если война будет нам навязана, то Россия сможет достойно ответить. Считаю, что Евтушенко очень способный поэт, хотя и характер у него буйный. И опять же буйство есть понятие, зависящее от точки зрения.

Просто такой человек не всегда укладывается в рамки, отведенные цензорами, то есть теми, кто хотели бы все и всех подчистить и пригладить. Но если бы все писали одинаково, пользовались одними и теми же аргументами, исходили из единого понимания вещей, то не возникло бы никакого творчества. В конце концов все свелось бы к жвачке, только один жевал бы с одного конца, а другой — с другого. Такие произведения вызывали бы рвоту у читателей, зрителей и слушателей. Обязательно надо смелее предоставлять возможность творческой интеллигенции высказываться, действовать, творить. Творить! *

Примечание публикатора

- * На этой фразе, записанной в первых числах сентября 1971 г., обрываются мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. 5 сентября у него произошел третий инфаркт, 11 сентября его не стало. Последняя глава воспоминаний, «Я не судья...», автору не нравилась. Он, прослушав запись, попросил стереть ее, чтобы можно было передиктовать. Но судьба распорядилась иначе. Эта глава свидетельствует о том, как автор оценивал и переоценивал некоторые минувшие события, порой не соглашаясь с самим собой.

Мемуары Н. С. Хрущева как исторический источник

А. А. Искендеров

Завершилась публикация воспоминаний бывшего руководителя КПСС и Советского правительства Н. С. Хрущева, продиктованных им уже после отставки.

Сейчас уже очевидно, что эти мемуары стали заметным явлением в общественно-политической жизни обновляющейся России. Реакция прессы (разных направлений), историков и публицистов, использующих обширную и во многом неизвестную ранее информацию, отклики читателей, их письма и выступления на читательских конференциях позволяют говорить о влиянии воспоминаний бывшего советского лидера. Несмотря на значительный разброс мнений, эти мемуары привлекли заинтересованное внимание читающей публики и прежде всего тем, что представляют собой яркий памятник советской эпохи, отразивший — при неизбежной субъективности автора — ее характерные черты.

Мемуары Хрущева, составляющие в общей сложности более 100 авторских листов (90 глав), печатались в журнале «Вопросы истории» в течение пяти лет. Это — полный их текст. Появлявшиеся ранее на страницах ряда периодических изданий отдельные фрагменты уже в силу своей неполноты, а нередко и из-за тенденциозности публикаторов не могли дать верного представления как о содержании всего этого мемуарного свода, так и о позиции его автора. Немало было в этих отрывочных публикациях допущено неточностей и ошибок. Зарубежные же издания мемуаров Хрущева представляют собою сильно сокращенные варианты, адресованы к тому же западному читателю и практически недоступны российскому.

Мемуары эти еще до появления их первых глав на страницах журнала «Вопросы истории» стали фактором политической борьбы, происходившей в ходе перестройки. Не случайно редакции журнала, которому наследники Н. С. Хрущева, прежде всего его сын — Сергей Никитич, предоставили диктофонную запись мемуаров, перепечатанную на пишущей машинке, а следовательно и право на их первую полную публикацию, пришлось преодолеть немало препон, возводившихся тогдашней цензурой на их пути к читателю, которому они собственно и были адресованы автором. Высокие партийные инстанции стремились не допустить публикации мемуаров Хрущева; всячески затягивая решение этого вопроса, они явно рассчитывали на перемену ситуации в стране. Только когда эта тактика стала угрожать

Искендеров Ахмед Ахмедович — член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории».

престижу перестроечных поборников гласности, партийное руководство нехотя дало согласие на их публикацию. Впрочем и после этого предпринимались немалые усилия, чтобы приглушить интерес к мемуарам Хрущева, их общественное звучание, принизить значение их как исторического источника.

Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС было предложено «определиться с общей концепцией издания воспоминаний Н. С. Хрущева, их объема, отношения к американской публикации и изданию, осуществляемому С. Н. Хрущевым в журнале «Вопросы истории». Расчет делался на том, чтобы путем «партийного редактирования» выхолостить содержание мемуаров, «подправить» и убрать все «сомнительное» из того, о чем рассказал Хрущев, а заодно опорочить и его самого. В общем хотели придать воспоминаниям Хрущева более или менее приемлемый для номенклатуры характер и тем самым лишить демократические силы возможности использовать мемуары в борьбе против тоталитаризма.

Что же пугало партийных чиновников в воспоминаниях Хрущева? Первая и основная причина их боязни состояла в том, что эти мемуары, хотел того или нет их автор, содержали достаточно острую критику тоталитаризма как режима, критику, тем более опасную, что исходила она от человека, не только принадлежавшего к руководящей верхушке этой системы, но и на определенном этапе олицетворявшего ее. Во-вторых, мемуары, также вопреки желанию их автора внушить читателю мысль о превосходстве того общественного строя, который он защищал, основательно подрывали веру в социализм, прежде всего в его советском варианте, связанном с насилием, массовыми репрессиями, подавлением инакомыслия, прав и свобод граждан. В тот период, когда решался вопрос об издании мемуаров Хрущева, тогдашнее руководство партии и государства продолжало твердо отстаивать лозунг «больше социализма». В третьих, эти мемуары содержали сведения об истинном лице многих руководителей партии и государства, вскрывая их политическое лицемерие и беспринципность, невежество и деловую некомпетентность. Все это подрывало официальную пропаганду, а с нею и веру советских людей в мудрость и всеведение тех, кто многие годы входил в руководящую верхушку советского режима. Да и облик самого Хрущева предстал в совершенно ином свете, как руководителя, причастного к беззакониям сталинизма, но поднявшегося до понимания необходимости очищения страны от этой скверны.

Редакцию особенно интересовала реакция читателя, его отношение к публикуемым в журнале мемуарам Хрущева. В массе своей все круги общественности встретили их появление в «Вопросах истории» с огромным интересом. Исключение, пожалуй, составили те, кто не хотел отказаться от прежних представлений об истории советского общества, да и тех деловых людей новой формации, которых мало интересует прошлое России. Профессиональные историки ворчали в основном по поводу того, что мемуары Хрущева публикуются в журнале без комментариев.

Основная масса читателей не только живо интересуется событиями недавнего прошлого, но и озабочена осмыслением исторических судеб своей страны. Мотивы и стимулы этого интереса различны. Молодежь хочет понять смысл не только происходящих ныне в России событий, но и постичь их исторические корни, в полной мере осознать масштабы тяжелейших последствий тоталитаризма. Многие молодые люди несут на себе бремя памяти о трагической судьбе своих близких, сгинувших в годы сталинщины. Конечно, есть и те в среде современной молодежи, кто хотел бы вернуть тоталитарные порядки, когда принадлежавшие к номенклатуре их предки были у власти и пользовались значительными привилегиями. Сказывается и влияние на определенную часть молодежи убежденных сталинистов из старшего поколения.

Наибольшая прослойка читателей мемуаров Хрущева — это люди среднего и старшего поколений, то есть современники, непосредственные участники и жертвы событий, о которых рассказывает Хрущев. Их политические позиции определены достаточно четко. Они либо полностью солида-

ризируются с позицией автора мемуаров, либо подвергают сомнению некоторые его суждения, либо решительно отвергают эти мемуары, обвиняя Хрущева в очернении советского прошлого.

Читатели, которые позитивно относятся к нему, называют его одним из наиболее ярких политических деятелей середины XX века. В первую очередь они подчеркивают роль Хрущева в преодолении наследия сталинизма. Его доклад на XX съезде партии о культе личности и мерах по его преодолению они считают одним из наидраматичнейших эпизодов советской истории, сигналом к десталинизации, началом очищения СССР от былой крови и грязи. Во многих читательских откликах обращается большое внимание на внешнеполитические инициативы Хрущева, указывается прежде всего на то, что он одним из первых понял, что жесткая военно-силовая конфронтация на земном шаре перестала соответствовать новым общественным условиям. С его внешней политикой связывается и улучшение отношений с рядом зарубежных стран.

Современные приверженцы сталинизма — в полном соответствии с идеологическими традициями КПСС — ставят Хрущеву в вину разрушение и уничтожение советского общества «в угоду мировому капитализму». Они обвиняют его во всех грехах потому, что решительно не приемлют саму идею демократического реформирования нашей страны и, по сути дела, выступают вообще против ее обновления.

Отношение различных групп читателей к мемуарам Хрущева отражает реальную расстановку политических сил, характерную для современного российского общества, пестроту и разброс существующих в нем мнений.

Почти все читатели отмечают, что мемуары Хрущева содержат огромный фактический материал и очень богаты новой для них конкретной исторической информацией о разных периодах жизни советского общества, о многих его деятелях. Его воспоминания раскрывают «политическую кухню» принятия важнейших решений, определявших внутреннюю и внешнюю политику СССР на протяжении ряда десятилетий. Не случайно историки все чаще обращаются к этим мемуарам как к содержательному источнику, помогающему избавиться от односторонних оценок нашего прошлого, позволяющему составить более правильное и объективное представление о самом Хрущеве, действия которого объяснялись в период застоя в официальной историографии не иначе как субъективные и волюнтаристские.

Между тем нельзя не заметить очевидной противоречивости, раздвоенности позиции и личности автора мемуаров. Такая особенность вообще присуща воспоминаниям политических деятелей, пережившим отстранение от занимаемых ими высоких постов. Их мемуары неизбежно несут в себе, с одной стороны, печать противостояния отвергнувшему их режиму, а, с другой, свою тесную связанность с этим режимом, которому они долгие годы верно служили и который сформировал их личность и систему взглядов. Отсюда определенная амбивалентность в размышлениях о прожитой жизни. Это обстоятельство очень ярко отразилось и в ряде суждений Хрущева, как и то, что диктуя свои мемуары, он в силу обстоятельств (ссылки на дальнюю подмосковную дачу) не мог пользоваться никакими подсобными материалами, даже газетными, не говоря уже о документах.

В личности мемуариста причудливо сочетались, переплетались самые противоположные качества: сердечная доброта и крутая жесткость, природный крестьянский ум, столь чуткий к здравому смыслу и естественному ходу вещей, и удивительная наивность, склонность к прожектерству, проницательность в одних и слепота в других вопросах, смелость новатора и осторожность партийно-государственного функционера, готовность к борьбе с номенклатурой и непреходящее ощущение зависимости от нее, убежденность в своей правоте и откровенная демагогия, открытость и одновременно лукавство и лицемерие в отношениях с людьми. От природы достаточно рассудительный и трезвый, Хрущев в силу своей импульсивности нередко допускал такие эскапады, которые только подчеркивали его невежество в ряде, порою весьма важных, вопросов, а подчас даже

выставляли его на посмешище в глазах широкой публики, особенно интеллигенции. Хрущев, как и большинство советских лидеров сталинской формации, вообще склонен был не очень доверять интеллигенции, а иногда и побаивался ее устремленности к самостоятельному мышлению.

При всей противоречивости, даже раздвоенности личности у Хрущева было одно устойчивое начало, сохранившееся на протяжении всей его политической деятельности. Это — идейная убежденность, не поколебимая вера в идею коммунизма, в возможность его построения в СССР. По мнению читателей мемуаров, Хрущева, пожалуй, можно назвать последним убежденным коммунистом среди советских лидеров. Он не допускал и тени сомнения в достижимости коммунистического идеала и был уверен, что знает пути и средства его воплощения в жизнь. Наиболее характерна в этом плане его программа о возможности построения коммунизма в СССР к 1980 году. Можно, конечно, объяснить эту чуть ли не маниакальную убежденность необразованностью, даже невежеством Хрущева, хорошо усвоившего в начале своего партийного стажа примитивные постулаты бухаринской «Азбуки коммунизма». Однако скорее дело все же в том, что Хрущеву, как и другим советским лидерам, было органически присуще стремление решать возникающие перед страной проблемы силовыми методами, путем натиска, не считаясь с издержками и не желая учитывать реальную советскую действительность, всю сложность и многоплановость этих проблем и последствия принимаемых наспех решений, склонность к не всегда уместному (а подчас и опасному) методу «проб и ошибок». При всей своей общительности и несмотря на многочисленные поездки по стране, Хрущев оставался в плену самовнушения. Тоталитарным режимам вообще присуща слепая уверенность их лидеров в способности достигать любых поставленных целей, не считаясь с ценой. Одной из причин этого является то, что эти вожди оказываются окутанными плотной пеленой лести. И в этом плане Хрущев был небезгрешен. Впрочем, он, в отличие от многих других советских лидеров, был все же способен критически оценивать некоторые свои промахи и неверные оценки, о чем и свидетельствуют его мемуары.

Внимательный читатель без труда уловит и достаточно горькую, заметно усиливающуюся по мере диктовки мемуаров антитоталитарную их тональность. Это говорит о том, что на склоне лет Хрущев, будучи уже не у дел, отчетливо осознал нереальность многих своих замыслов, невозможность их реализации в условиях существующей в СССР тоталитарной системы. Эти мысли начали одолевать его после отстранения от руководства партией и страной. Все острее звучат в мемуарах мотивы бессилия и даже отчаяния, порожденные осознанием несовместимости постулатов марксизма-ленинизма и реалий действительности. Но Хрущев, как и другие большевистские лидеры, был готов разрешить это противоречие, не считаясь с обстоятельствами, силой втискивая непокорную этим постулатам реальность жизни в рамки сложившихся в его сознании догм.

Из мемуаров явствует, однако, что критическое отношение к некогда утвердившимся в его сознании безнадежно устаревающим партийным установкам, исходящим из «классового подхода», органически не способным охватить многоцветье общественного развития, начало проявляться у Хрущева уже до отставки. Сама жизнь побуждала его все чаще обращаться к общечеловеческим ценностям. Волюнтаризм, в котором упрекали Хрущева, был присущ большинству большевистских лидеров. И Хрущев мог, не испытывая особых угрызений совести и каких-либо сомнений, грубо нарушить права и свободы человека, даже прибегнуть к ничем не прикрытому насилию (как во время событий в Новочеркасске). В мемуарах получили некоторое отражение пробуждавшиеся в его сознании мучительные переживания по этому поводу.

Будучи человеком трудолюбивым, Хрущев с большим уважением относился к честным труженикам. Он ненавидел болтунов и лентяев, резко критиковал их, когда они пытались маскировать свою никчемность и бездельность бюрократической суетой. Он всячески поощрял приглянувшихся

ему новаторов производства, изобретателей, конструкторов, особенно когда их дела соответствовали его пониманию задач, стоявших перед страной. Правда, нередко он ошибался в оценке «новаций», авторы которых бессовестно использовали его некомпетентность и импульсивность. Энергичный и напористый в преодолении препятствий, он презирал людей пассивных и безвольных. Однако сплошь и рядом такое незаслуженное его отношение распространялось на людей осторожных, осмотрительных, стремящихся подойти к решению той или иной проблемы не так, как задумывал сам Хрущев. Он был прост и демократичен в повседневном общении с людьми и почти никогда не становился в позу. Но при всем своем природном добродушии он был все же злопамятен и мог легко поломать судьбу неугодного ему человека.

Как свидетельствуют мемуары, в своей реформаторской деятельности Хрущев так и не смог оторваться от тоталитарного мышления. Реформирование советской системы он пытался осуществить, не затрагивая ее основ, и методами, присущими ей самой, не хотел и не мог по-настоящему опереться на мнение народа.

Среди критиков Хрущева (и его мемуаров) выделяются те, кто, признавая необходимость коренного преобразования советского общества, вырывает Хрущева, как государственного и партийного деятеля, из реальной исторической среды, не желает учитывать, что тоталитарный режим, в условиях которого Хрущев сформировался и действовал, практически исключал возможность сколько-нибудь существенной внутренней перестройки. Предпринятые 20 лет спустя попытки в этом направлении убедительно доказали, что серьезные изменения в советской системе немыслимы без ломки ее основ, а это требовало не только появления лидера, обладающего огромной силой воли и смелостью, но и прежде всего наличия готовности общества, зрелости его демократического сознания. Историческую роль Хрущева, влияние его начинаний на последующее развитие страны необходимо оценивать с учетом всех этих обстоятельств. Только тогда станет ясно его место в истории нашей страны, сам ход развития которой выдвигал к ее управлению таких деятелей, как Хрущев, осознавших необходимость избавления ее от тяжкого груза сталинизма.

Мемуары Хрущева, и в этом их особая ценность, дают материал для объективного анализа роли номенклатуры, партийного и государственного аппарата, как костяка советской системы. Ее исследователь вряд ли будет способен в полной мере проникнуться остротой данной проблемы, если не осознает ее принципиальной значимости для решения задач современной общественно-политической жизни России. Нельзя все сводить только к взаимоотношениям всесильного диктатора и его преемников с аппаратом, к привилегиям партийно-советской номенклатуры и другим внешним атрибутам тоталитарной советской системы.

Мемуары Хрущева достаточно полно повествуют о послесталинском периоде, показывая, что сила советского лидера всегда проистекала из того, насколько он выражал интересы правящей элиты. После смерти Сталина партийно-государственный аппарат рассчитывал обрести нового лидера, способного выполнить указанную функцию. При этом номенклатура хотела избавиться от того страха за свое существование, который был насажден Сталиным. Но Хрущев осмелился (хотя весьма робко и непоследовательно) посягнуть на властные prerogatives этого «нового класса», что имело самые серьезные последствия. Авторитет государственного аппарата оказался под вопросом. Чиновничество ответило на реформаторские усилия Хрущева настоящим саботажем, используя, с одной стороны, дарованное им же самим освобождение от гнета страха, а, с другой, — наивную веру Хрущева в то, что воспитанная в духе беспрекословной преданности лидеру номенклатура будет с такой же готовностью, как при Сталине, проводить реформы. Но ведь на этот раз речь шла о реформах, фактически подрывавших ее власть и привилегии. Хрущев, робко посягнувший на права номенклатуры (прежде всего военно-промышленного комплекса) и боявшийся пробудить политическую активность народа, ока-

зался в изоляции и был обречен на поражение. Падение его показало, что тоталитарный режим не может быть реформирован и гуманизирован без коренной ломки его основ и прежде всего изменения его кадровой политики. Впрочем, это еще не было до конца осознано даже теми, кто два десятилетия спустя решил снова попробовать реформировать советское общество.

Как правило, судьба любого крупного реформатора трагична. Пытаясь опередить свое время, он становится обычно жертвой собственных иллюзий, реформы на определенной стадии вырываются из-под его контроля и либо начинают развиваться по собственной логике, либо завершаются полным провалом, погребая под собой и самого их инициатора. Сказывается яростное сопротивление реформируемой системы структурным изменениям, не говоря уже о сломе ее, как не поддающейся реформированию, к чему сам реформатор не всегда оказывается готов. К тому же масштабы и сила противодействия реформам трудно предвидимы заранее. Вот почему судить реформатора следует не по тому, что ему так и не удалось совершить.

Все это в полной мере относится к Хрущеву. В истории нашей страны (пожалуй, и не только ее) он займет видное место как лидер, осуществивший ликвидацию ГУЛАГа, низвергнувший «культ личности», способствовавший выходу человека в космос и принявший многие другие смелые решения, а вовсе не из-за кубинского кризиса или более чем экстравагантного поведения в ООН и на встречах с представителями советской интеллигенции, перед которыми он имел мужество извиниться в своих мемуарах.

Читатели часто задают вопрос, почему в октябре 1964 г. Хрущев не дал отпор своим противникам и безропотно принял уготованный ему приговор? Думается, что он к тому времени уже начал осознавать невозможность реформирования советской системы путем реорганизации отдельных ее элементов. Ликвидировав некоторые крайние проявления существующего режима, он не сумел противопоставить его аппаратным защитникам волю народа, который еще оставался вне политической сцены и поэтому не мог влиять на принятие решений, определяющих судьбы страны.

Многие принципиальные проблемы, затрагиваемые в мемуарах Хрущева, находятся в фокусе современных дискуссий. Первой является, конечно, проблема сталинизма, оценка причин его возникновения, характеристика его сущности и социальных, экономических, политических и духовно-нравственных последствий для страны. Несмотря на то, что в последнее время и у нас и за рубежом появилось немало работ по данной проблеме, тему эту рано считать исчерпанной. Непосредственно связана с этими вопросами оценка событий и процессов, происходивших в СССР в 30-е годы, активным участником которых был и Хрущев. То же самое относится к вопросу о причинах неподготовленности страны к войне, ее ходе и исходе. Идет в мемуарах речь и о послевоенном периоде, в том числе и особенно о периоде хрущевской оттепели. Здесь в центре внимания находится вопрос в том, насколько начавшееся тогда робкое движение к демократизации общества отражало действительные устремления руководства страны и имело ли оно какие-либо шансы на успех.

Читатели мемуаров Хрущева вполне обоснованно критикуют его за непоследовательность в критике сталинизма. Это отмечают как те, кто отвергает любые попытки развенчивать Сталина, как продиктованные, по их мнению, исключительно личными обидами мемуариста, так и те, кто полагает, что эта непоследовательность связана с тем, что он сам был одним из создателей «культа личности» вождя. Эти критики не хотят верить утверждениям Хрущева о том, что он, как и многие другие лица из ближайшего окружения Сталина, был жертвой «сталинской уловки», его иезуитства, прямого обмана и расчета ловить людей на крючок, пользуясь их искренним доверием к нему. Этот скептицизм читателей имеет под собой определенные основания, если иметь в виду, что Хрущев, резко осуждая Сталина, в то же время не может до конца преодолеть своего пиетета перед

ним как лидером партии и государства. Эта двойственность характерна для мемуаров Хрущева. Возможно, эта особенность частично объясняется тем, в каких условиях работал автор, диктуя свои мемуары, опираясь исключительно на свою память. Впрочем возможно и то, что Хрущев, оставаясь и после отставки человеком, сохранявшим верность партии и идеям коммунизма, критикуя Сталина, в то же время не хотел чернить прошлое, учитывал настроения читателей мемуаров, особенно принадлежащих к старшему поколению, которые активно участвовали в создании советского общества, отстаивали его в жесточайшем противоборстве с гитлеровскими полчищами, восстановили разрушенное войной хозяйство и подняли страну в военном отношении на уровень сверхдержавы.

И все-таки главная причина непоследовательности Хрущева в критике сталинизма состоит в том, что она в основном замыкается в рамках критики культа личности Сталина и не затрагивает основ тоталитарной системы. Именно поэтому Хрущев не заметил (или не захотел замечать) того, как в чем-то сходный культ стал формироваться и вокруг его собственной личности и не воспрепятствовал этому. Тоталитарная система неизбежно рождает культ определенной личности. Она тем и отличается, что ставит рядового человека в услужение идее, которая обычно персонифицируется в лице главного лидера.

Хрущев не кривит душой, когда говорит, что у него, особенно в первые годы власти Сталина, не было сомнений в его правоте, Хрущев воспринимал тогда критику вождя как выступление против народа и покушение на руководящую роль партии. Судя по признанию самого Хрущева, сомнения в отношении Сталина и проводимой им политики стали появляться у него лишь после убийства Кирова. Хрущев мучительно искал ответ на вопрос: «Зачем Сталину была нужна смерть Кирова?» Если верить его мемуарам, это убийство вызвало первую и довольно глубокую трещину, которая расширялась и углублялась, побуждая Хрущева относиться к Сталину со все большей настороженностью.

В сознании Хрущева постепенно утверждается мысль, что при всех своих организаторских и иных способностях Сталин является настоящим деспотом, который опирается даже не столько на партийно-государственный аппарат, сколько на репрессивные органы. Это с особенной силой проявилось в годы массовых репрессий, когда партия, как вспоминает Хрущев, сама попала под контроль тех, кого она должна была контролировать. Впрочем, мемуары Хрущева свидетельствуют о том, что сомнений насчет безупречности Сталина возникали у него и в другие периоды пребывания в окружении «вождя».

Восстанавливая в памяти разные по характеру и последствиям события, в ходе которых становились очевидными коварство и жестокость Сталина, эпизоды, относящиеся к личным контактам с ним, Хрущев приходит к выводу: трудно даже приблизительно оценить то зло, которое он принес стране, Сталиным были совершены уголовные преступления, которые наказуются в любом государстве. Хрущев характеризует Сталина как человека циничного, грубого, болезненно подозрительного, не любившего людей и не доверявшего им. По мнению Хрущева, Сталин считал себя всемогущим богом, который мог слушать людей из своего окружения, если того хотел, но главным для него было, чтобы они его слушались и делали то, что он говорит.

Многие беды и страдания, выпавшие на долю советских людей и в мирное время, и особенно в годы войны, Хрущев объясняет в значительной мере ошибками и просчетами Сталина. Трагические ситуации на фронтах на первом этапе Великой Отечественной войны Хрущев прямо связывает с физическим устранением командного состава нашей армии по прямому указанию Сталина. Хрущев уверен, что мы бы легче справились с фашистами, если бы в 30-е годы не были уничтожены наши военные кадры. Именно потому, что они были перебиты как «враги народа», фронт развалился, и немцы двинулись без всякого сопротивления вглубь нашей страны. Хрущев решительно возражает против утверждений о неожиданности германс-

кого нападения на СССР. Люди, которые сейчас пишут о неожиданности войны, являются, по словам Хрущева, прихвостнями Сталина.

Хрущев признается в мемуарах, что в его докладе на XX съезде КПСС в 1956 г. о культе личности Сталина и его последствиях была сказана не вся правда, в частности, ничего не было сказано о судебных процессах 30-х годов. Он объясняет это боязнью договорить до конца, двойственностью в поведении тогдашнего руководства партии и государства, в составе которого далеко не все хотели демократизации общества.

Эволюция аппарата тоталитарного режима, породившего сталинизм, этой тесно сплоченной, равноуровневой иерархии должностных лиц, еще ждет своего исследования. Мемуары Хрущева окажут существенную помощь тем, кто попытается проследить идеологические и психологические тенденции, развивавшиеся в партийно-государственной номенклатуре в разные периоды советской истории. Немалый интерес представляет и изучение того, что было унаследовано от дореволюционного бюрократического государства. Очень важно было бы проследить, как развивались отношения между госаппаратом и государственной собственностью, как изменялась сама эта собственность, превращаясь в государственно-корпоративную и даже в государственно-личную.

Развитие демократических тенденций в советском обществе и место хрущевского периода в этом процессе требуют рассмотрения в более глубокой исторической перспективе, скажем, начиная с Февральской революции 1917 г., а может быть, с еще более раннего времени. Именно потому, что общество новой России находится на переходном этапе, так важно проследить всю историю формирования и развития советского общественного сознания во всей его сложности, разноречивости, внутренней конфликтности. Мемуары Хрущева в этом отношении поучительны не только как исторический источник. Они помогают обществу осмыслить собственный исторический опыт, выработать правильное отношение к различным общественным тенденциям прошлого, более четко оценить позиции современных политических сил.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки

(с древнейших времен до наших дней)

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Древние цивилизации на территории Азии, Африки и Латинской Америки

Одной из крупных проблем исторической науки является выявление наиболее существенных признаков, определяющих в своей совокупности сходные черты и различные типы древних цивилизаций, их культурное своеобразие и социальную структуру, роль и значение в истории развития человечества. Особое внимание ученых привлекают вопросы, относящиеся к установлению объективной исторической картины жизни человеческих обществ: существовавших в те далекие времена форм хозяйства, состояния культуры, науки, искусства, системы взглядов и идей, образа мышления людей.

Благодаря накоплению новых данных и совершенствованию методики научных исследований древние цивилизации предстают перед современным читателем не как разрозненные и случайные образования, возникавшие на ограниченных пространствах земли, мало или вообще не связанные между собой, а как общества с ясно выраженными этническими, культурными, экономическими, социальными, духовными характеристиками, находившиеся в постоянных и тесных контактах, взаимовлиявшие и взаимообогащавшие друг друга. Это была очень важная фаза всемирно-исторического процесса, ознаменовавшая начало вступления человечества в качественно новое состояние, именуемое цивилизационным. Это была заря человеческой цивилизации.

Историки по-разному понимают и описывают эту эпоху. В последнее время наметилась тенденция к более объективному, непредвзятому анализу древних цивилизаций.

Взять хотя бы такой вопрос, как определение их географически-пространственных и хронологически-временных рамок. Еще в начале XX века ряд исследователей утверждал, например, что древневосточные общества занимали относительно небольшую территорию — от «Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии, страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов»¹. В понятие «Древний Восток» не включали Китай, Индию, Японию, Корею и многие другие азиатские и африканские страны. По вопросу о хронологических пределах этой исторической эпохи также высказываются различные предположения. Одни полагают, что ее завершение приходит на время,

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 1—3. <

последовавшее за завоеваниями Александра Македонского, когда выдвинулись вперед Древняя Греция и Древний Рим, многое перенявшие у Древнего Востока, а затем оставившие позади себя древневосточные цивилизации. По мнению других, таким рубежом можно считать события, связанные с распадом и падением Римской империи. Однако правы, очевидно, те, кто не склонен устанавливать единые и слишком жесткие временные рамки для всех древних цивилизаций. Любая периодизация условна. Следует, очевидно, говорить о длительном переходном периоде — от древности к средневековью, который занимал не одно столетие.

Еще более сложен вопрос о социально-экономическом строе древних обществ и первых цивилизаций. В понимании и трактовке данной проблемы столкнулись разные, порой диаметрально противоположные, взгляды и оценки. Объективное научное исследование этой проблемы во многом было затруднено стремлением подвести под один знаменатель все древние цивилизации, доказать, что в социальном отношении они были однотипны и принадлежали к единой рабовладельческой социально-экономической формации.

Этот вывод делался вовсе не на основе накопленного наукой исторического материала и его тщательного анализа, а исключительно в угоду господствовавшей в официальной советской историографии так называемой формационной теории.

Сторонники формационного подхода критиковали ученых-востоковедов конца XIX — начала XX века за то, что те слишком много, по их мнению, внимания уделяли политической и культурной истории древневосточных обществ и мало места отводили «анализу социально-экономических отношений». Главной же своей заслугой они считали положение о том, что «основной формой эксплуатации труда в древневосточных странах была рабовладельческая эксплуатация и что поэтому древневосточное общество следует считать обществом рабовладельческим»². Этот вывод выдавался за крупнейшее достижение марксистской историографии и даже «новое слово» в исторической науке. Упрекая дореволюционных российских и западноевропейских историков в том, что они следуют теории «вечного феодализма» на Востоке, вытекающей из гегелевской посылки о «неисторичности» народов Востока, советская историография 30—50-х годов упорно настаивала на том, что большинство древнеазиатских обществ следует относить именно к рабовладельческой формации. Этот вывод вытекал из самой идеи стадияльного развития, суть которой состояла в том, что — за редким исключением — каждая страна и каждый народ в своем общественном развитии неизбежно и в строгой последовательности проходят все стадии или циклы, которые определены в марксовой схеме прогрессивной смены социально-экономических формаций.

Сторонники неортодоксального подхода к анализу древнеазиатских обществ вовсе не отрицали существования рабства на Древнем Востоке, но полагали — и не без основания — что оно не играло в хозяйственном отношении определяющей роли и уж во всяком случае далеко не все древнеазиатские общества могут быть отнесены к «рабовладельческим». Они возражали и против самой системы аргументации, исходившей не из анализа реальной социально-экономической жизни разнообразных древневосточных обществ, а построенной на достаточно поверхностной аналогии. Поскольку, утверждали сторонники типологического единства древних цивилизаций, которое они видели прежде всего в повсеместном существовании рабовладения, Древний Восток хронологически предшествует древнегреческой и древнеримской цивилизациям, рабовладельческий характер которых не вызывал у этих историков сомнений, то и древнеазиатские общества должны принадлежать к той же, что и греко-римский мир, рабовладельческой формации³.

Бросается в глаза противоречивость суждений о принадлежности древних цивилизаций к единой формации. С одной стороны, утверждается, что в древности все цивилизованные народы мира, где бы они ни находились, как бы ни отличались друг от друга по темпам развития и основным

условиям жизни, были схожи в главном: все они прошли через рабовладельческую формацию. С другой, признается, что единого древнего мира — в этническом, экономическом, социальном и культурном отношениях — никогда не существовало и различия между отдельными древними цивилизациями зачастую были не менее существенными, чем между странами, расположенными в разных географических регионах. Не смущало этих ученых и то обстоятельство, что, объявляя любое древнее общество рабовладельческим, они не могли отрицать, что его экономическую основу, даже при наличии рабов, составляло общинное и частное землевладение.

В последнее время в российской историографии утверждаются новые подходы в оценке роли и места древних цивилизаций в истории человечества, а также и в определении характера древних обществ. Меняется и взгляд на роль и место рабовладения, его удельный вес в социально-экономической жизни древних обществ. Сегодня мало кто из специалистов жестко привязывает древние цивилизации к рабовладельческой формации. Некоторые из них пересматривают свои прежние позиции, все больше отходя от этой примитивной схемы. «Исходя из определения способа производства как зависящего от характера отношений собственности и соединения рабочей силы со средствами производства,— пишет один из авторов,— мы должны рассматривать древность не как один способ производства (тем более не как рабовладельческий способ производства)»⁴.

Эта попытка по-новому взглянуть на ступени всемирно-исторического процесса свидетельствует и о признании ограниченности формационного подхода, и о стремлении воспринимать развитие человечества во всей его сложности и своеобразии.

Цитируемый нами автор справедливо указывает и на то, что «марксистская теория формаций в том виде, какой она приняла к исходу XX столетия, имеет еще один существенный недостаток: в ней не предусмотрен явственный механизм перехода от одной общественно-экономической формации к другой»⁵.

Хотелось бы надеяться, что конкретный исторический материал, содержащийся в данном разделе, позволяет рассмотреть древние цивилизации такими, какими они были на самом деле.

Некоторые современные исследователи древних обществ уклоняются от прямого ответа на вопрос об их социальной природе. Они делают упор на том обстоятельстве, что мир первых цивилизаций состоял не только из территорий, заселенных оседлыми земледельцами и ремесленниками, но и из соседствующих с ними кочевников-скотоводов, освоивших необозримые просторы степей, недоступные для земледельцев пустыни и полупустыни. По мнению этих авторов, рабовладельческие общества (как «восточные», так и «западные») всегда жили в окружении «варварской» периферии, заселенной многочисленными народами, у которых еще длилась эпоха первобытнообщинного строя. Эта периферия, утверждают эти историки, служила основным источником рабской рабочей силы. Таким образом, идея о том, что древние общества были рабовладельческими фактически не оспаривается, хотя и трактуется не столь расширительно, ограничивая рабовладение рамками так называемых развитых цивилизаций⁶. Но от этого существо дела не меняется.

Разные взгляды и столкновения точек зрения по вопросу о характере древних цивилизаций и обществ, если не во всем, то во многом отражают уходящее в прошлое противостояние между теми, кто стремился выявить главные критерии древних обществ в историко-культурной сфере, сторонниками цивилизованного подхода, и теми, для которых решающим моментом была социально-экономическая и классовая структура этих обществ. Этот спор продолжается и поныне, нередко принимая достаточно острый характер. Его окончательное разрешение возможно лишь тогда, когда исторические исследования полностью освободятся от политических и идейных пристрастий и искусственных социологических схем, которые в лучшем

случае способны дать самое общее и достаточно приблизительное представление об исторических реалиях.

Разумеется, нет ничего предосудительного в том, чтобы попытаться выявить и определить тот остов, своего рода несущую конструкцию древней цивилизации. Плодотворными представляются усилия, направленные на поиски не какого-нибудь одного универсального признака, с помощью которого можно было бы охватить и осветить все многообразие жизни людей в условиях древней цивилизации, а на выявление всей совокупности признаков, присущих разным сторонам жизни древних обществ. Выявленные при исследовании конкретно-исторического материала признаки позволяют правильно раскрыть общее и особенное в истории древних цивилизаций, их отличие от последующих цивилизационных ступеней точнее судить о закономерности той или иной фазы или стадии в истории человечества.

При характеристике древних цивилизаций археологи чаще всего в качестве главных и основных называют: возникновение городов, появление письменности и развитие монументальной архитектуры, воплощенной в надгробных и культовых памятниках и различных общественно значимых крупных сооружениях⁷.

Разумеется, эти признаки не могут исчерпать характеристику многогранной жизни древних обществ. Для этих обществ характерны: развитие интенсивной производящей экономики, обмена, торговли, ремесла, расцвет искусств, зачатки научных знаний, социальная и функциональная дифференциация общества, выделение привилегированных слоев и деление общества на классы, образование государства, оформление фундаментальных религиозных систем, призванных определить нормы поведения людей в обществе, и т. п. Эти признаки были присущи всем древним цивилизациям, хотя и проявлялись в них не в одинаковой мере. Степень развития и уровень зрелости того или иного общества во многом зависели от наличия и действия ряда других факторов, в частности, таких, как благоприятные природные условия, географическая среда, наличие полезных ископаемых, безопасность путей, связывавших данное общество с другими народами, и т. д. Ранние очаги цивилизации не случайно возникали именно там, где существовали наиболее благоприятные для жизни людей природные и географические условия: вдоль больших рек, в местностях с богатым растительным и животным миром, теплым климатом и т. д. Эти обстоятельства имели особенно большое значение для коллективной трудовой деятельности людей, поскольку она была непосредственно связана с природой.

На основании выше перечисленных признаков, характеризующих различные стороны богатой и содержательной жизни первых цивилизаций, можно судить о них как о сходных и однотипных обществах, возникших на заре человеческой истории и явившихся той благодатной почвой, на которой выросло могучее дерево современного цивилизованного мира.

Примечания

1. ТУРАЕВ Б. А. История Древнего Востока. Ч. I. С.-Пб. 1913, с. 4.
2. См. АВДИЕВ В. И. История Древнего Востока. М. 1948, с. 11.
3. См. История Древнего Востока. Часть первая. М. 1983, С. 19—20.
4. ДЬЯКОВ И. М. Пути истории. М. 1994, с. 27.
5. Там же, с. 9.
6. См. Древние цивилизации. М. 1989, с. 475.
7. См. МАССОН В. М. Первые цивилизации. Л. 1989, с. 8.

Глава IX. Древний Китай

1. *Становление государства в Китае.* На обширных пространствах китайских равнин и нагорий располагались орошаемые большими реками Янцзы (Голубая река) и Хуанхэ (Желтая река) плодородные, благодатные земли. Климат южных районов Китая позволял получать до трех урожаев в год.

Этнические китайцы, живущие во всем мире, называют себя потомками мудрых правителей-императоров Хуанди и Яньди. Возвеличивающие их древние мифы и легенды приписывают им изобретение повозок, лодок, одежды, жилищ и письменности. Вооруженные луками и стрелами племена, во главе которых стояли эти два императора, обитали в долине Хуанхэ, постепенно расширяя свои владения в сторону морского побережья и долины реки Янцзы.

Древние китайцы изобрели разнообразные орудия для обработки земли и рыболовства, освоили шелкоткачество. Они применяли различные методы строительства дамб и каналов, углубления рек, научились обузывать наводнения, в том числе и таких своенравных рек, как Хуанхэ, несколько раз менявшей свое русло. По мере распространения технологии выплавки железа совершенствовались и орудия труда, и боевое оружие. Для обработки земли пользовались рогатым скотом, что позволило значительно расширить посевные площади, повысить урожайность зерновых и других сельскохозяйственных культур. Среди наиболее развитых наук в древнем Китае выделялись астрономия (составление звездных каталогов и календаря), география, медицина, использование лекарственных трав, и сельскохозяйственные науки. Большое внимание уделялось совершенствованию военных знаний и умений, техники изготовления орудий труда и произведений искусства¹.

Становление цивилизации и государства, зафиксированные в письменных источниках, ведет свое начало с династии Шан, основанной в XVI веке до н. э. Относительно высокий уровень хозяйственного и культурного развития, как и сравнительная зрелость политических и социальных институтов свидетельствуют, по мнению китайских историков, в пользу того, что династия Шан предшествовала по крайней мере еще одна династия — Ся, существовавшая предположительно с XXI по XVI век до н. э.

К концу XIV в. до н. э. в древнем Китае сформировалось раннегосударственное образование — Инь. В иньскую эпоху получила развитие культура, определившая многие черты китайской цивилизации. Появились зачатки лунного календаря, возникла письменность. Иньцы возделывали местные сорта проса (чумизу), разводили домашних животных (свиней, собак). Ремесло в иньскую эпоху отделилось от земледелия, значительное развитие получила бронзовая металлургия. Язык иньцев стал основой древнекитайского. Уже тогда предки китайцев, отнюдь не изолированные от других народов, воспринимали у них многие достижения материальной и духовной культуры. Вопрос о внешних влияниях на развитие древнего Китая остается в исторической науке открытым. Однако большинство китаистов убеждено, что Китай никогда не был абсолютно изолирован от внешнего мира, в том числе и от современных ему и развивавшихся параллельно с ним на территории Монголии, Кореи, Японии, Индии очагов цивилизации.

В XI в. до н. э. дом Инь пришел в упадок и страна была завоевана чжоусцами («чжоуское завоевание»), которые ранее подчинялись государям иньской династии.

Эпоха Чжоу делится на Западное Чжоу (XI в.— VIII в. до н. э.), и Восточное Чжоу (VIII—III в. до н. э.). Вторжение племен цюань жун вынудило правящий дом перенести свою столицу на восток в город Лои (современный Лоян в провинции Хэнань). С этого времени правящая династия и стала называться Восточной Чжоу. В периоде правления Восточной Чжоу китайские историки выделяют эпохи Чуньцю («Весны и Осени» — 770 — 476 гг. до н. э.) и Чжаньго («Сражающихся царств» — 475—221 гг. до н. э.).

Автор IX и X глав — *Титов Валерий Павлович*, кандидат исторических наук.

Многочисленные государства, на которые в VIII и VII вв. до н. э. был разделен Китай, все время воевали между собой, беспощадно уничтожали друг друга, стремясь овладеть землями и богатством соседей. Как отмечал Л. Н. Гумилев, «они стремились не покорить людей, нет, они убивали их и заселяли освобожденные земли своими потомками. Это продолжалось с VII по III в. до н. э. и даже слово было — «вырезать город», т. е. убить всех, включая детей, а потом своими детьми населить страну. Детей у китайцев женщины рожали ежегодно и каждая женщина производила следовательно 15—20 детей, а в благодатном климате кормить их было чем. Болезней особых тоже не возникало, и интенсивное размножение невольно стимулировало и массовое уничтожение соседей»².

Начиная с 841 г. до н. э. правящий дом Западной Чжоу стал вести и сохранять ежегодные записи событий. Этой практике затем последовали и правители, бывшие вассалами чжоуского двора. Истории династий составили основу первой полной истории древнего Китая — «Исторические записки» («Шицзи»), составленной «отцом» китайской историографии Сыма Цянем (145 или 135 г. — ок. 86 г. до н. э.). Заметим попутно, что в отличие от других стран количество источников по истории древнего Китая очень велико.

Решающую роль в легитимизации власти чжоуских правителей сыграла четко сформулированная, проникнутая глубокой внутренней логикой социально-политическая теория — концепция Мандата Неба (Тянь мин). Право династии на власть считалось неоспоримым, поскольку было санкционировано самим Небом, т. е. верховным божеством, которое вручало мандат на управление Поднебесной только добродетельному и мудрому правителю. Чжоуский ван был провозглашен Сыном Неба (Тянь-цзы).

Чжоуские правители сумели наладить эффективную деятельность централизованной администрации, опиравшейся на 14 армий, расположенных в двух столицах. В функции этой администрации, состоявшей из сановников и чиновников различных категорий, входило управление земледельческим хозяйством на больших совместно обрабатывавшихся «общих полях», ремеслом и строительством, а также обеспечение сбора налогов и дани с покоренных племен.

На административные должности должны были назначаться способные и заслуженные представители родовой знати. Высшие посты обычно переходили по наследству, но администраторы, проявившие государственную мудрость, часто передвигались вверх по служебной лестнице и независимо от этого принципа.

Огромная территория Чжоуской державы делилась на уделы, которые передавались в наследственное владение и управление родственниками и приближенным верховного правителя — вана. Пожалование удела предусматривало исключительное право господства над всей его территорией и над всеми населявшими ее людьми.

Как правило, вместе с назначенным владельцем удела на новое местожительство направлялась и дружина воинов («людей вана»), с помощью которой правящий клан сравнительно легко удерживал свою власть в уделе. Централизация власти была очень высокой. Все наместники были тесно связаны с верховным правителем, зависели от его помощи и военной поддержки. Эта связь в свою очередь подчеркивала и освящала неприкосновенность статуса самого вана. Введение в права наследников умерших правителей обычно сопровождалось торжественной церемонией с личным участием самого вана. Как отмечает Л. С. Васильев, «анализ системы администрации в иньском Китае свидетельствует, что стоявший во главе ее ван был не только символом, необходимым для поддержания порядка в государстве, но реально занимался управлением страной и от личной деятельности его зависело очень многое. Он в конечном счете был решающей инстанцией, принимавшей ответственные решения»³.

В период «Весны и Осени» престиж и власть вана оставались бесспорными, однако вместе с тем происходило и перемещение центра тяжести политической жизни из столицы вана ко дворам местных правителей,

превращавшихся в правителей крупных царств. В бассейне реки Хуанхэ и прилегающих к нему территориях, постепенно втягивавшихся в зону воздействия формирующейся цивилизации, появилось несколько политических центров. Некогда единое западночжоуское государство распалось на ряд крупных и более мелких государств. Господствующей тенденцией становится постепенная феодализация общественного строя.

Однолинейная иерархическая структура, когда вану на правах вассалов подчинялись князья (гун, хоу, бо и др.), стала дополняться правителями автономных уделов, получаемых обычно как пожалование от имени правителя данного княжества родственниками князей, чаще всего их сыновьями.

Ширящиеся набеги варварских племен и их вмешательство во внутренние дела царств и княжеств также способствовали децентрализации чжоуского государства. Уделы как институт власти отмирали, основой административного устройства царств, как старых, так и возникающих, становится система уездов, правителями которых назначались, а точнее говоря, нанимались служилые люди — ши. Междуусобицы еще больше ослабили традиционную родовую знать. В бесконечных внутренних войнах были истреблены владетельные цины и близкие к ним по статусу да-фу. Низший слой чжоуской социальной элиты — служилые ши, которые были при правителях царств чиновниками и офицерами, стали занимать все более или менее видные должности в системе административного аппарата. Китайский историк Фань Вэньлань отмечал: «Обычай содержания ученых-чиновников («ши») за счет князей и крупных сановников ведет свое начало со времени Чуньцю. К периоду Чжаньго ученый-чиновник превратился в самого активного члена общества. Ваны, полководцы, министры всех княжеств, расположенных к востоку от гор Тайхан, вели между собой борьбу за право содержания ученых-чиновников за свой счет»⁴.

Постепенный процесс замены цингов и да-фу служилыми людьми — ши привел к изменению критериев для оценки государственных служащих. Не родовитость аристократа, а личные заслуги чиновника становятся главным условием продвижения по службе.

Постепенно отмирает практика отработок на «больших полях» и взимания дани с нечжоуских уделов. Со времени правления Сюань-вана (827—782 гг. до н. э.) на смену отработкам и дани пришла десятина — чэ. В сельских общинах идет процесс имущественного расслоения. Наделы, особенно на вновь освоенных землях, все чаще закрепляются за отдельными семьями, обрабатывавшими их из поколения в поколение. Семейно-клановые группы дробятся на малые семьи, которым выделяется доля надела. Когда эта доля была мала, семьи переселялись на новые земли и осваивали их. Каждый деревенский двор функционировал как независимое хозяйство. Малоземельные хозяева могли арендовать землю у богатых, либо батрачить на них.

Следует заметить, что долго время в советской и китайской исторической науке доминировали идеологически и политически обусловленные попытки свести наиболее важные особенности древнего Китая к роли и месту рабства⁵.

Китайский историк Го Можо неоднократно признавал дискуссионный характер проблемы периодизации рабовладельческой и феодальной эпох и древней истории Китая. Его собственный взгляд на проблему рабовладельческого строя, по собственному признанию, «несколько раз менялся». В конце концов Го Можо выбрал в качестве «критерия, могущего служить опорой» высказывания Сталина и Мао Цзедуна. Характерно, что Го Можо, не располагая необходимыми историческими свидетельствами, вынужден был прибегнуть к «косвенным материалам» — истории древней Греции и древнего Рима⁶.

На рубеже VI—V вв. складываются условия для объединения страны. Изменение политической ситуации породило идейно-философские споры, поиск новых социальных, этических и духовных ценностей.

2. *Древнекитайская религия и культура.* В глубокой древности, начиная с середины II тысячелетия до н. э., верховным божеством и легендарным

родоначальником иньцев, их предком-тотемом считался Шанди, которого почитали за заботу о благосостоянии своего народа. Ванам, прямым потомкам и земным наместникам Шанди, сооружали огромные гробницы и погребали вместе с лошадьми и оружием, женами и слугами, запасами пищи и различными изделиями бытового назначения. В ритуалах общения с божественными предками во главе с Шанди главным был обряд гадания, который обычно сочетался с жертвоприношением. Иньские гадалки на специально подготовленной бараньей лопатке или черепашьем панцире наносили пиктограммы, содержавшие определенную информацию. Гадающий мог получить — по трещинам на обратной стороне лопаточной кости или панцыря — тот или иной ответ на свой вопрос после прижигания надписи раскаленным бронзовым стержнем.

Как уже указывалось, в эпоху Чжоу на смену культу Шанди пришел культ Неба. Одной из существенных особенностей религии и культуры в древнем Китае была весьма незначительная роль мифологии. В отличие от других ранних цивилизаций и существовавших в них религиозных систем, в которых именно мифы и предания определяли облик духовной культуры, в Китае уже с древности на первый план вышли историзованные сказания о мудрых и справедливых правителях.

Легендарные древние мудрецы Яо, Шунь и Юй, а затем герои типа Хуанди и Яньди, выступающие в сознании древних китайцев как первоправители, заменили собой многочисленных богов. Тесно связанный с этими мудрецами, героями и государственными деятелями культ этической нормы, предусматривавшей справедливость, мудрость, добродетель правителей, стремление к социальной гармонии и т. п., оттеснил на второй план идеи сакрального могущества, сверхъестественной мощи и мистической непознаваемости высших сил. Истоки процесса демифологизации и десакрализации восприятия мира берут свое начало в Китае в самые древние времена.

Этически детерминированный рационализм, обрамленный десакрализованным ритуалом, уже с древности стал основой китайского образа жизни и понимания китайцами окружающего мира. Таким образом, не религия как таковая в обычном смысле этого слова, а прежде всего ритуализованная государственная этика формировала облик китайской традиционной культуры. В этом, вероятно, заключается одна из причин высокого развития науки, широты знаний об окружающем мире, столь характерных для древнего Китая.

Ситуация в китайской культуре стала изменяться с эпохи Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.), когда в состав империи вошли покоренные национальные меньшинства, у которых китайцы позаимствовали новых богов и связанные с ними мифы.

Заслуживает внимания и такое специфически присущие древнему Китаю обстоятельство, как сравнительно незначительная, в социальном смысле несущественная роль духовенства, жречества. Ничего подобного влиятельным кастам индийских брахманов или сословию арабских улемов китайцы никогда не знали. К монахам — буддийским и особенно даосским — они относились без особого пиетета, а подчас и с плохо скрываемым пренебрежением. В то же время ученые, особенно конфуцианцы, чаще всего выполнявшие функции жрецов во время культовых обрядов в честь Неба, важнейших божеств и предков, были в древнем Китае весьма уважаемыми и привилегированным сословием. Однако и они (по мнению многих историков-китаеведов — Л. С. Васильева, Л. С. Переломова и др.), выступали не столько как жрецы, сколько как образованные чиновники, так что собственно религиозные функции всегда оставались на втором плане, а на первом плане было то, что они владели рациональными знаниями, являвшимися залогом авторитета и влияния в обществе.

В основе классической китайской цивилизации, влиявшей и на все другие дальневосточные общества во все периоды их истории, как и поныне, лежала идея общественной гармонии патерналистски упорядоченного государства. Личности придавалось огромное значение, но прежде всего в плане

этического самоусовершенствования. В целом же китайская цивилизация была ориентирована скорее на социум.

Древнекитайская мысль безусловно авторитарна: она всецело опиралась на непомерно возвеличенный — явно в дидактических целях — авторитет великих мудрецов древности, начиная с Яо, Шуня и Юя. Этот непререкаемый авторитет высшего идеала, незыблемой догмы вполне соответствовал характеру менталитета древнейших китайцев, не имевших развитой религиозной системы и восполнявших этот пробел этическими конструкциями.

3. *«Золотой век классического учения»*. Эти этнические конструкции связаны прежде всего с именем величайшего из китайских мудрецов, своего рода отца нации, высшего, наиболее почитаемого китайцами «вечного учителя» Конфуция. В ряду знаменитых пророков — от Заратустры до Мухаммеда — Конфуций был наименее религиозен. Он не признавал религиозной проповеди как таковой, скептически относился ко всем богам, выделяя только Великое Небо, которое воспринимал как всеуправляющий Космос.

Наука до сих пор не может ответить на один вопрос — почему в разных концах мира почти одновременно, с разницей в несколько сот лет родились три мировых религии: христианство, конфуцианство и буддизм. Однако несомненно, что именно их появление в огромной степени обусловило переход большей части человечества от варварства к цивилизации. В «золотой век классического учения», который совпал с периодом подъема и расцвета общественно-политической жизни Китая, конфуцианство стало первой и наиболее важной для всего Китая мировоззренческой системой, а со временем определило многое в характере и параметрах всей китайской цивилизации.

Конфуций (Кунцзы) (551—479 гг. до н. э.) был странствующим проповедником из царства Лу. Свое учение он излагал изустно, в виде диалогов. Его изречения были записаны учениками и сведены в единый трактат «Луньюй» («Беседы и суждения»). Впоследствии, после обожествлении своего учителя, конфуцианцы создали целый свод канонических книг, в который вошли классические труды, отредактированные, по преданию, самим Конфуцием, — «Книга истории», «Книга перемен», и «Книга песен». Кстати, название эпохи «Весны и Осени» заимствовано из так же озаглавленных записок, составленных его учениками.

Большую часть своей жизни Конфуций оставался частным учителем. Он стремился к тому, чтобы образование стало доступным для большинства китайцев. Мыслитель сам обучил более 3000 учеников, из которых 72 стали выдающимися личностями и сыграли заметную роль в истории Китая.

Образцом государственного устройства Конфуций считал эпоху Западного Чжоу. Он отстаивал принцип сохранения политической власти за аристократической иерархией. Его учение в значительной степени отражало социальные позиции и интересы слоя ши, из которого вышел и он сам. Но в теории Конфуция были поставлены и более широкие проблемы существования и развития китайского общества. Идеал личности, для Конфуция, — «благородный муж», бескорыстный и безупречный в моральном отношении рыцарь — цзюнь-цзы, обладающий высоким чувством долга, почитающий мудрость старших, следующий утвердившимся нормам взаимоотношений между людьми. Общественная структура, утверждал Конфуций, вечна и неизменна: она установлена по воле Неба и каждый человек занимает в ней строго определенное место. Государство — та же семья. Одно из наиболее известных высказываний Конфуция, ставшее постулатом в Китае, гласит: «Правитель должен быть правителем, отец — отцом, сын — сыном». В учении Конфуция преобладала практическая философия, в которой были органически взаимосвязаны проблемы нравственности и управления людьми. Поэтому главное внимание обращалось на человека, его взаимоотношения с другими людьми, со всем обществом.

Возникнув как религиозно окрашенное, но преимущественно все же

политико-социально-этическое учение, конфуцианство в дальнейшем превратилось в философско-гносеологическую систему, претендовавшую на роль мировой религии. И учение Конфуция, и возникшая на его основе философская система воплотили в себе исторические традиции китайской культуры с органически присущими им высокими этическими требованиями и нормами, строгой требовательностью в отношении соблюдения этих норм, в первую очередь безропотного и безусловного уважения к социальному и семейному старшинству, готовностью беспрекословно следовать традиционным идеалам и беззаветно отстаивать их.

Конфуций был великим моралистом, но мораль, которую он проповедывал, не была сродни призывам религиозных проповедников, она являлась самоценной и самодействующей. Это было традицией в чжоуском Китае по меньшей мере с конца XI века до н. э. Еще за 500 лет до Конфуция в древнекитайском мышлении утвердилось убеждение об этической детерминации. Она лежала в основе идей предшественника Конфуция Чжоу-гуна о Мандате Неба. Конфуций же разработал и детализировал нормы этики и связал их с человеком, с его поведением и стремлением к самоусовершенствованию, что и придало учению Конфуция и всему китайскому конфуцианству гуманистическую окраску.

Основным принципом конфуцианской этики является понятие гуманности («жень») как высшего закона взаимоотношений людей в обществе и в семье. Жень достигается путем нравственного самоусовершенствования на основе соблюдения этикета («ли») — норм поведения, базирующихся на почтительности и уважении к старшим по возрасту и положению, почитании родителей, преданности государю, вежливости и т. д.

Конфуций любил говорить о своем почтении к древности и к традициям старины, об уважении к Чжоу-гуну и иным древним мудрецам. Он утверждал, что не создает, а передает мудрость более древних мыслителей. Его доктрина была проникнута стремлением к сохранению и воспроизводству традиции и генеральных жизненных принципов, утвердившихся в обществе.

Он опирался на золотое правило — не делай другому того, чего не хочешь себе. Принцип постоянного самоусовершенствования, стремление к самопознанию были у Конфуция на первом плане. Специфика конфуцианской идеологии состоит в том, что объектом почитания и ориентации выступают обычные люди, руководствующиеся в своей жизни и повседневном поведении исключительно нормами и жесткими стандартами высокой морали.

В китайской культурной традиции счастье — это богатство и престиж, большая и растущая семья, правильное поведение и правильные отношения с людьми. Конечно, не всем выпадают богатство и престиж. Но соблюдать этические нормы, правильно вести себя с людьми и иметь семью — в возможностях любого. И если человек не слишком привередлив и достаточно неприхотлив (т. е. ориентирован на высшие добродетели — цзюнь-цзы), никто не сможет лишить его счастья. Классический эталон счастливого человека, удовлетворения своей долей, известный многим поколениями китайцев, — любимый ученик Конфуция Янь Хуэй, мало имевший, мало проживший, но бывший веселым, довольным, счастливым⁷.

В течение веков доктрина Конфуция, одолев многих соперников и искусно вобрав в себя все то полезное, что можно было заимствовать из других теорий, не изменяла собственными принципам. Она стала официальной государственной идеологией империи, основой государственной этики.

Конфуций безусловно понимал, что «истинное правление» с тем человеческим материалом, который наличествовал в его время, осуществить не так просто. Поэтому наступление эры «истинного правления» он относил к далекому будущему, беря идеалы его из прошлого⁸.

Идеи Конфуция оказали большое влияние на развитие политической культуры Китая, особенно на этапе соприкосновения с Западом. К этим идеям обращались, творчески развивая их, самые разные мыслители и политические деятели современного Китая — Кан Ювэй, Сунь Ятсен, Чан Кайши, Дэн Сяопин.

Как уже подчеркивалось, формально конфуцианство не являлось религией, ибо этим учением никогда не предусматривался институт церкви. Но по своей степени проникновения в душу человека, и воспитания самосознания целого народа, воздействию на формирование поведенческого генотипа китайцев — оно успешно выполняло роль религии. Невозможно понять культуру, национальный характер, ценностные ориентиры и саму душу китайского народа, не познав хотя бы в общих чертах, что представлял собой «Учитель нации», «Учитель 10 тысяч поколений», «Учитель Дальнего Востока» и само его учение.

Патерналистская бюрократическая конструкция, в рамках которой старшие выступают в функции руководящих и почитаемых, а младшие (не столько по возрасту, хотя и это имело очень важное значение, сколько по положению в обществе) в функции ведомых и управляемых, стала обязательной; и позже ей не препятствовали и религиозные предпочтения, когда с начала нашей эры в Китае появились и стали действовать религии в собственном смысле этого слова — даосизм, буддизм (подробнее о буддизме см. в главе «Древняя Индия»). И даосисты, и ревностные буддисты, как в Китае, так и в Корее, Вьетнаме, а частично и в Японии, были одновременно и прежде всего конфуцианцами, если не по вере, то по воспитанию, манере поведения, усвоенным стереотипам жизни и парадигме мышления, т. е. конфуцианство стало принципом жизни в большинстве стран Дальнего Востока.

«Золотой век» в развитии общественной мысли был отмечен «соперничеством ста школ» жаркими спорами между выдающимися китайскими мыслителями. Альтернативной конфуцианству была школа моистов. Ее основатель — Мо-цзы (Мо Ди — Учитель Мо) (468—376 гг. до н. э.). Если Конфуций делал упор на строгом соблюдении ритуалов, то Мо-цзы и его последователи отстаивали принцип «всеобщей любви и взаимной пользы», не придавая ритуалам большого значения. Моисты выступали против подбора правительственных чиновников по принципу богатства и знатности и предлагали систему, при которой любой способный человек, даже простой крестьянин, мог бы занять высокий пост. Мо-цзы открыто ратовал за новое, стремясь убедить людей в его пользе. Его неудача была во многом связана с крайне жесткой постановкой проблемы: всё или ничего! Если в системе Конфуция наряду с социальным идеалом — максимумом было много степеней продвижения к нему, причем каждая ступенька приближена к желанной цели, то у Мо-цзы все выглядело иначе: либо его утопическая схема со всеми ее деталями, либо ее неприятие. И вместе с тем Мо-цзы был глубоким и оригинальным мыслителем. Как теоретик он не уступал Конфуцию, отличаясь от него не столько силой мысли, сколько характером своих идейных конструкций и методом борьбы за их воплощение в жизнь.

Весьма влиятельной была школа даосизма, основанная старшим современником Конфуция полупоупендарным Лаоцзы. Последователи даоской религии позднее стали называть его Верховным Властителем Неба. Записанное впоследствии его учение составило трактат «Дао дэ цзин» («Книга о дао и дэ»). В учении Лаоцзы традиционная концепция о Боге как верховном существе заменена теорией дао — пути: извечном, естественном и всеобщем законе спонтанного возникновения, развития и исчезновения всей Вселенной. Вытекающий отсюда принцип — следование дао, т. е. поведение, согласующееся с природой человека и Вселенной. Это духовное начало управляет всем, вне зависимости от пространства и времени. Поведенческая парадигма даосизма базировалась на том, что основу социальной жизни составляла примитивная сельская община, которой были еще неизвестны лодки, повозки, сложные орудия труда и войны. Наивно-материалистическое философское учение даосизма интерпретировалось в некоторых случаях как доктрина «недеяния» или «действия без насилия». Оно содержало в себе начатки диалектики, в частности, в подходе к единству противоположностей.

Политическими радикалами того времени были легисты — сторонники «школы закона» (фацзя), зародившейся одновременно с конфуцианством

и даосизмом — в VII—VI веках до н. э., как учение об управлении человеком, обществом и государством. Особенно большую роль в развитии этой школы сыграли Шан Ян (390—338 гг. до н. э.) и Хань Фэйцзы (ок. 280—233 гг. до н. э.). Последний рассматривал исторический процесс с эволюционистских позиций и утверждал, что каждая последующая эпоха более прогрессивна по сравнению с предшествующей. Легисты считали бесполезным обращение к опыту прошлого, которое никогда не вернется, и подчеркивали необходимость осознанного отказа от устаревших, изживших себя принципов. Основным легистским канонам является «Книга правителя области Шан» («Шан цзюнь шу») ⁹.

Хань Фэйцзы соединил представления трех легистских течений: принцип управления с помощью законов и предписаний (фа), принцип власти, силы, авторитета (ши) и принцип метода, искусства власти, управления (шу). Закон, тактику и власть легисты считали тремя главными инструментами любого правителя. Легисты нередко выступали как министры-реформаторы, озабоченные укреплением власти правителей. Благодаря усилиям этих министров, которых правители чжоуских царств нанимали из числа ши, странствовавших по различным царствам и предлагавшим свои знания и услуги, централизованная администрация в наиболее крупных царствах Китая достигла важных успехов. Именно легизм оказался той доктриной, которая наиболее последовательно выразила интересы централизованных государств периода Чжаньго.

Исследуя роль конфуцианства и легизма в политической истории Китая, историки отмечают, что эти учения во многом определили развитие древнекитайской государственности. В эпоху Хань происходит по сути дела слияние конфуцианства с легизмом. «Ханьское конфуцианство совершает «аморальный» по отношению к памяти своего основоположника поступок» — оно потихоньку воспринимает методы легистов для сохранения своего господства над жителями Поднебесной». Впоследствии легизм продолжает оказывать влияние на конфуцианство, «происходит длительный процесс синтезирования некогда противоборствующих идеологий» ¹⁰.

Среди других школ, действовавших в Китае в период «Весны и Осени» и «Сражающихся царств», были сторонники учения об инь и ян, в основе которого были взаимоотношения между позитивными и негативными началами; логики, изучавшие соотношение имени и сущности; политические стратеги, которые занимались проблемами использования противоречий между царствами; эклектики, основывавшие свои теории на соединении идей из различных существовавших в те века школ общественной мысли.

Китайские философы, историки и литераторы «золотого века» оставили ценнейшее культурное наследие обогатившее в дальнейшем культуру не только Китая, но и ряда других народов и стран Азии и всего мира.

4. *Первые централизованные государства в Китае — империи Цинь, Хань и Тан.* Свыше 140 царств существовало в Китае в период «Весны и Осени». После многолетних и жестоких захватнических войн их осталось только семь: Ци, Чу, Янь, Хань, Чжао, Вэй и Цинь. Они вошли в историю как «Сражающиеся царства». Это была эпоха бурных социальных потрясений.

Присоединив одно за другим соседние царства, правитель царства Цинь Ин Чжен, будущий император Цинь Шихуанди сумел довести до победного конца борьбу за гегемонию и в 221 г. до н. э. завершил объединение Китая под своей властью.

Царство Цинь считается первым централизованным феодальным государством в Китае. В период этой династии было достигнуто частичное объединение страны и завоевание более слабых княжеств. Правитель государства Цинь, провозглашенный императором Цинь Шихуанди в 221 г. до н. э., покончил с сепаратизмом «Сражающихся царств» и создал высокоцентрализованный государственный режим с едиными системой государственно-административного управления, порядком землевладения, денежным обращением, системой мер и весов.

Развитию центростремительных тенденций и созданию империи во

многое способствовала деятельность реформаторов-легистов. Семьи наследственной знати из различных царств были переселены в новую столицу с тем, чтобы оторвать их от родных мест и поставить под контроль верховного правителя и тем самым ослабить центробежные силы.

Огромная империя Цинь была разделена на 36 заново образованных крупных областей, пределы которых не совпадали с прежними царствами и княжествами. Ведомства центральной власти имели соответствующие управления в областях. Все чиновники занимали строго определенное место в системе должностей и рангов.

В империи Цинь была унифицирована золотая и медная монета, чеканка которой стала государственной монополией.

Укрепившееся централизованное государство сумело за короткий срок осуществить ряд монументальных архитектурных проектов.

Грандиозным памятником зодчества древнего Китая, в значительной части сохранившимся до наших дней, является Великая китайская стена. («Вань ли чан чэн» — «стена длиной в 10 000 ли»), первые участки которой были воздвигнуты в IV—III в. до н. э. для защиты от нападений с севера кочевых народов сюнну (хунну или хусцы). Исторические предания связывают создание Великой китайской стены с деятельностью Цинь Шихуанди.

Он приказал воздвигнуть сплошную стену на северо-западных границах империи, длина ее стала достигать 4 тыс. км при высоте от 6,5 до 10 м и ширине нижней части около 6,5 м, а верхней около 5,5 м. На всем протяжении Великой китайской стены сооружены сторожевые башни, казематы для охраны, а у главных горных проходов и перевалов — крепости.

Было также сооружено несколько стратегических дорог, связавших столицу с окраинами империи.

На протяжении свыше 2000 лет стремление к национальному единству оставалось главной тенденцией в историческом развитии китайского общества, хотя в отдельные исторические периоды очень сильно давал себя знать и сепаратизм. Но при этом, несмотря на различные конфликты и противоречия, сохранялись тесные связи между частями Поднебесной.

При Цинь Шихуанди развивались средства сообщения, было унифицировано начертание иероглифов. Если раньше китайцы называли район своего проживания Поднебесной или Срединным царством, откуда и происходит название современного Китая — Чжунго (чжун — середина, го — государство), то с образованием империи Цинь ее население стало называть себя цинь. Этот этноним и стал общепринятым европейским обозначением китайцев и Китая (Чина, Чайна и т. д.), поскольку именно в этот период зарождались его связи с окружающими и более удаленными странами и народами.

В 209 г. до н. э., год спустя после смерти Цинь Шихуанди, крупное крестьянское восстание нанесло сокрушительный удар по династии Цинь и спустя два года привело к ее падению. В 206 г. до н. э. Лю Бан объединил страну и основал династию Западная Хань, при которой значительное развитие получили сельское хозяйство и ремесло. Были сооружены крупные ирригационные системы, развивалась технология выплавки металлов, внутренняя и внешняя торговля. В этот период была усовершенствована технология изготовления бумаги, а изделия из китайского шелка приобрели известность далеко за пределами Китая.

Основными сельскохозяйственными культурами земледельцев Северного Китая с глубокой древности были засухоустойчивые злаки — чумиза и просо (оба местного происхождения), гаолян (один из видов сорго), некоторые сорта пшеницы, проникшие на восток Азии с Запада. Большое хозяйственное значение имели также бобовые — соя, земляной орех (арахис), фасоль, горох и т. п. Сильно развито было овощеводство, особенно выращивание всевозможных сортов капусты, редьки, лука, чеснока, огурцов и тыкв.

Более двух тысяч лет тому назад был проложен «Великий шелковый путь» из Китая в Европу протяженностью 7000 километров. Он начинался из столицы Западной Хань г. Чанань и шел через Памир, Центральную

и Западную Азию к портам восточного побережья Средиземного моря. «Шелковый путь» ознаменовал собою начало регулярного экономического и культурного обмена Азии и Европы, Востока и Запада.

В эпоху династии Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.) китайцы стали называться «хань жень» или «людьми Хань». Этот термин обрел этническое содержание и обозначает ныне принадлежность к китайской (ханьской) нации.

В 184 г. н. э. приверженцы даоской секты «Желтые повязки» восстали против Восточной Хань, и, хотя потерпели поражение, но до основания потрясли устои правящей династии, расчистив путь для образования «Трех царств». В период Троецарствия (220—280 г. н. э.) существовали царства Вэй, Шу и У. Страна была вновь объединена при династии Цзинь, на смену которой пришли новые династии Суй (581 г.) и Тан (618 г.).

Семь столетий со времени Троецарствия до падения династии Тан в 907 г. историки считают «золотым веком» китайского феодализма. Мир и порядок, единство и спокойствие, установившиеся в стране способствовали процветанию сельского хозяйства, ремесла, торговли, в том числе и с зарубежными странами, науки, культуры. Все это превратило империю Тан в одно из сильнейших государств тогдашнего мира.

В сфере науки и культуры в начале династии Тан были созданы модели небесной сферы, которые показывали скорость движения небесных тел. Были написаны математические трактаты, в которых излагались способы решения алгебраических уравнений третьей степени. Были составлены географические карты и подробные описания округов, владений, уездов и районов (в том числе и населенных варварами), как в самом Китае, так и в «Западном крае», Средней Азии, Индии. Карты и атласы дополнялись описаниями образа жизни людей и их обычаев, составленными китайскими путешественниками на основании лично увиденного и услышанного. В области медицины появились работы по иглоукалыванию, применению более восьмисот лечебных трав. Широкое распространение получила буддийская философия, уже не связанная с завезенными со стороны канонами, а вступившая на путь самостоятельного развития с учетом особенностей китайского общества и государства. Был построен самый древний в мире однопролетный каменный мост в виде арки длиной 37 метров. В этот период началось печатание книг с деревянных резных досок (ксилография). В танскую эпоху достигла необычайного расцвета живопись, литература, представленная рядом выдающихся поэтов и писателей.

В исторической науке продолжают дискуссии о характере общественного строя в древнем Китае: китайском рабовладении и «извечном феодализме». Наиболее обоснованным представляется мнение о большой длительности переходного периода от древности к средневековью, охватывающем, возможно III—VII вв. Эпоха Тан может считаться переходным рубежом в истории средневекового Китая.

* * *

Иероглифическая письменность составляет важнейший компонент древнекитайской цивилизации. Она сменила древнейшее пиктографическое письмо, восходящее к середине второго тысячелетия до н. э. В I в. н. э. был выработан современный стиль написания иероглифов — кэйшу («образцовое письмо»). Соседние с Китаем народы Кореи, Японии и Вьетнама заимствовали китайское письмо (в значительной мере с китайской же лексикой).

На рубеже нашей эры оформилась древнекитайская народность. Название династии, восходящее к названию реки Хань — притока Янцзы, стало в дальнейшем самоназванием китайцев. Расширение территории ханьского государства сопровождалось массовой миграцией китайцев преимущественно на юг, а одновременно, как правило, и ассимиляцией других народов Восточной Азии. На севере сменяли друг друга независимые кочевые объ-

единения прототюркских и протомонгольских народов. Русское слово «Китай» происходит от господствовавших на севере монголоязычных киданей.

Китайская цивилизация во многом отличалась от других, в том числе и азиатских. Если, например, в Индии социальный статус индивида был пожизненно фиксированным, а на Ближнем Востоке и тем более в Европе стремления к улучшению жизни и личной доли каждого со временем стали подавляться религией, то в Китае делался акцент на социальной активности личности, мобильности народа, поисках земного счастья.

Примечания

1. ФАНЬ ВЭНЬ-ЛАНЬ. Древняя история Китая. От первобытно-общинного строя до образования централизованного государства. М. 1958, с. 283.
2. ГУМИЛЕВ Л. Н. География этноса в исторический период. Л. 1990, с. 120.
3. ВАСИЛЬЕВ Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М. 1983, с. 127.
4. ФАНЬ ВЭНЬ-ЛАНЬ. Ук. соч., с. 225.
5. АВДИЕВ В. И. История древнего Востока. М. 1953, с. 627.
6. ГО МО-ЖО. Эпоха рабовладельческого строя. М. 1956, с. 5; с. 244—246; с. 254.
7. ВАСИЛЬЕВ Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета). М. 1989, с. 278—279.
8. ПЕРЕЛОМОВ Л. С. Слово Конфуция. М. 1992, с. 168; см. также: его же. Конфуций — жизнь, ученик, судьба. М. 1993, с. 232.
9. Книга правителя области Шан. М. 1968.
10. ПЕРЕЛОМОВ Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М. 1981, с. 208, 211.

Глава X. Древняя Корея

Неолитические центры культуры Кореи были тесно связаны с морским побережьем и долинами рек. Стоянки человека этой эпохи относятся к двум основным разновидностям — к сопровождающимся кучами раковин и к расположенным на холмах. Первые были разбросаны по морскому побережью и в устьях рек; вторые располагались на вершинах невысоких изолированных холмов, на террасах или склонах гор в непосредственной близости от низин. Если первые были связаны преимущественно с морским и речным собирательством, то вторые позволяют говорить о появлении примитивного земледелия и оседлости.

Жили древние корейцы в землянках с крышами из жердей и слоев водонепроницаемой глины. Пол плотно трамбовался, промазывался глиной, иногда мостился плоскими камнями, которыми обкладывалось и углубление для очага.

Древнейшие жители Корейского полуострова обеспечивали себя продовольствием, занимаясь охотой, рыбной ловлей, собирательством. Удельный вес каждой из этих форм хозяйственной деятельности, сочетавшихся друг с другом, был различным. На побережье ловили камбалу, тунца, минтая, сельдь, другую рыбу, пользуясь рыболовными крючками, острогами и сетями, а одновременно собирали ракушки, съедобных моллюсков и других обитателей моря. В глубинных районах полуострова охотились на оленей, косуль, кабанов, используя лук и стрелы, силки и ловушки.

После перехода к земледелию и скотоводству зависимость древнего населения Кореи от близости к морю и рекам уменьшилась. Стали широко использоваться заливные луга и поля.

Корейское население с позднего неолита знало уже довольно много культурных растений: чумизу, просо, бобы, фасоль, рис. Земля обрабатывалась с помощью каменных орудий. Использовались серпы и зернотерки.

Такая техника в сочетании с ограниченными возможностями использовать искусственное орошение в условиях пересеченного рельефа позволяла обрабатывать лишь малые и мягкие участки земли.

Точное время начала разведения домашних животных — коровы, свиньи, лошади — неизвестно. Незначительное развитие скотоводства, по сравнению с Китаем или Индией, сдерживало и прогресс земледелия.

Среди керамических изделий в древней Корее, по данным археологических находок, ведущее место занимали сосуды с так называемым гребенчатым орнаментом, которые изготавливались на поворотной площадке — прообразе гончарного круга.

Истоки и локализация древних культур Кореи, время их появления и исчезновения, преимущественные связи с культурами соседних территорий, общественное устройство населения — на эти вопросы историческая наука еще не имеет однозначных ответов. По мнению ряда историков-этнографов (М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров), в V тысячелетии до н. э. Корейский полуостров населяли носители культуры гладкой керамики, принадлежавшие к байкальской ветви сибирских монголоидов¹.

Во II—I тысячелетии до н. э. в Корею происходила инфильтрация монголоидов восточноазиатского типа — носителей культуры крашеной керамики. Именно в это время на Корейском полуострове сформировался маньчжуро-корейский вариант восточноазиатской ветви монгольской расы.

Люди этого периода исповедовали примитивную веру в духов — тотемов, покровителей рода. Существовал культ плодородия, о чем говорят находки женских статуэток, а также культ мертвых, о котором свидетельствует изучение погребений древних жителей Кореи.

Эстетические потребности древних корейцев удовлетворялись такими изделиями, как ожерелья и браслеты из раковин и яшмы, поясными и шейными подвесками из костей и рогов животных, головными повязками и резными шпильками, ушными кольцами из бронзы, наконец, орнаментами на керамических сосудах.

Корейские археологические памятники указывают на инфильтрацию железных предметов из Северного Китая. Постепенно увеличиваются размеры поселений, которые стали окружаться оборонительными валами и приобретать признаки городищ. Очаг в середине жилища-полуземлянки, уходящий в грунт лишь на 30—40 см, превращается из простого углубления в каменную кладку, скрепленную глиной. Стены древних корейских жилых построек иногда оплетались прутьями и обмазывались глиной.

Корейцы продолжали накапливать познания в области земледелия. Широкое распространение, особенно на юге, получает возделывание риса (на террасах по склонам холмов — поливное). Развивается и скотоводство, в том числе разведение крупного рогатого скота.

В китайских письменных источниках, сохранивших описания древней Кореи, нашла отражение определенная хозяйственная и культурная дифференциация корейских племен и неравномерность их развития. Древнее протогосударственное объединение племен на севере современной Кореи, вошедшее в историю под названием Чосон, характеризовалось ярко выраженным земледельческо-скотоводческим хозяйством. У соседней группы племен, — пуё, населявших центральную часть полуострова, эти два уклада сочетались с охотой, а у населявших прибрежные районы племен ымну господствующим занятием долгое время оставался морской промысел.

Бронзовые мечи, наконечники копий, боевые топоры — секиры, ножевидные монеты — мёндо и лопатовидные монеты — пхо (кит. пу), датируемые V—IV вв. до н. э. близки к китайским образцам эпохи «Сражающихся царств», хотя и отличаются некоторыми деталями. Еще более обширный круг изделий из бронзы археологи связывают со скифосибирской культурой. Это — топоры прямоугольной формы, бронзовые сосуды, застежки, крючки, бляшки, колокольчики и бубенчики. В то же время находки на территории Кореи литейных форм подтверждают местную выделку целого ряда вещей, которые сравнительно тесно связаны с иноземными образцами. Вопрос о датировке наиболее ранних бронзовых предметов в древней

Корею, равно как и о их культурном окружении, остается дискуссионным в исторической науке.

Еще до возникновения царства Чосон в древнекорейском обществе все более явно выступают признаки упадка родоплеменной системы, углубления имущественной и социальной дифференциации. В это время возникает такая своеобразная форма погребений, как двойные глиняные урны, известная также в Маньчжурии, Японии и на Индокитайском полуострове. Тогда же в древней Корее начали сооружать огромные каменные погребальные сооружения типа дольменов, что дает основания говорить о проникновении на полуостров южных (по-видимому, малайских) переселенцев. С другой стороны, распространение погребений в траншеях, с каменной кладкой, говорит о непрекращавшейся инфильтрации населения и из районов Монголии и Сибири, где обнаруживаются аналогичные находки.

Власть в древнем корейском обществе все отчетливее сосредотачивается в руках вождя, его семьи, родовой знати. Именно они ведают общественными делами, решают вопросы, связанные со строительством городищ и ирригационных сооружений, а также режимом полива, посева и жатвы на затопляемых полях. Именно с ними поддерживали меновые отношения иноземные торговцы.

В наиболее развитых районах Кореи у племенных объединений чосон и пуэ возникают союзы племен и даже зачатки государственности. Скудость письменных источников, позволяющих судить о становлении государственности в древней Корее, оставляет многое в истории этого периода недостаточно ясным. Однако центральное место бесспорно принадлежит Чосону, первому политическому объединению на территории Корейского полуострова. О нем упоминается в сочинениях китайских авторов в связи с его взаимоотношениями с древними китайскими царствами.

Начальный этап истории древнего Чосона, его происхождение, социальная основа и даже точное местонахождение на полуострове, скрывается в тумане мифов, преданий и легенд. Однако при этом именно с древним Чосоном обычно связываются истоки корейской государственности. Согласно одной из версий корейской мифологической традиции, сохранившейся в историческом сочинении XIII в. до н. э. «Самгук юса», древнее царство Чосон основал сын небожителя и медведицы, превращенной в красивую женщину. Имя его было Тангун. Согласно легенде он правил тысячу лет, а затем превратился в духа. Легендарная дата начала правления Тангуна — 2333 г. до н. э. — воспринята в современной Южной Корее в качестве начального года летосчисления.

Существует также легенда о приходе в Чосон опального вельможи китайской династии Инь Киджа, который после ее свержения не захотел служить правителям новой династии Чжоу и основал на востоке в 1121 г. до н. э. новое царство Чосон, которое затем признал дом Чжоу. Впервые эта историческая версия появилась в «Исторических записках» Сыма Цяня. Позже она повторялась в других исторических сочинениях и была канонизирована конфуцианской историографией в Корее и Китае².

После эпизодических столкновений между древним Чосоном и китайским царством Янь в III в. до н. э. правители последнего потеснили границы древнего Чосона на восток. В период возвышения династии Цинь, развернувшей в 214 г. до н. э. строительство Великой китайской стены, правитель (ван) древнего Чосона по имени Пу попытался вернуть потерянные западные земли, но успеха в этом не достиг. Преемник Пу — ван Чун принимал на западных землях древнего Чосона большое число беглых людей из китайских царств Янь, Ци и Чжао. После установления в 206 г. до н. э. власти династии Хань, объединившей Китай, Древнему Чосону пришлось обороняться против ханьских правителей.

Когда династия Хань урегулировала свои отношения с гуннами (хунну), она начала завоевывать земли своих восточных соседей. В 128 г. до н. э. в результате усилий ханьского императора У-ди один из местных чосонских правителей по имени Намнэ, отделился от древнего Чосона и его земли

стали опорным пунктом ханьского военного проникновения на Корейский полуостров.

Летом 108 г. часть чосонской аристократии перешла на сторону противника, ван Уго был убит предателями, а столица Вонгомсон пала. Так, согласно китайским источникам, закончилась политическая история древнего Чосона.

В историографии КНДР принято определять местоположение древнего Чосона не только на Корейском полуострове, но и в Северо-Восточном Китае, на территории полуострова Ляодуна и к западу от реки Ляо. Кроме того, историки КНДР, исходя из сведений о существовании в древнем Чосоне норм обычного права или законов (так называемых восьми запретительных статей) делают вывод о существовании рабовладения и некоторых функций государства. В распоряжении вана как верховного правителя находились вооруженные отряды и общественные запасы зерна, соли, другого продовольствия, хозяйственного и военного инвентаря. Все это говорит в пользу того, что древний Чосон был раннегосударственным образованием.

Археологические памятники свидетельствуют о влиянии культуры Китая на древнюю Корею. В I—V вв. н. э. это проявляется в аналогичном китайским образцам характере зданий официального назначения, построенных из кирпича, сферических погребальных камерах в курганах, конфигурации крыш и черепицы, керамической и бронзовой посуды, а также других изделий.

Окраинное положение Кореи на континенте в какой то мере способствовало ее сравнительно изолированному развитию, хотя и не в такой степени, как у островной Японии. Однако корейская культура уже в глубокой древности продемонстрировала свою жизненность, а одновременно открытость к культурным контактам и способность обогатиться в их результате, не утрачивая собственного лица и сущностной специфики.

Скифско-сибирская, ханьская культуры, миграции восточных монголоидов или малайцев не захлестнули Корею. Напротив, корейские духовные традиции оказали заметное влияние на соседей, в том числе и на жителей Японских островов. Уже в I в. н. э. некоторые корейские общины выступали посредниками в торговых и культурных связях китайцев с Японией. Об этом можно судить по мифам, вошедшим в ранние японские исторические хроники «Кодзики» («Записи древних деяний») и «Нихон сёки» («Анналы Японии»).

В V—VI вв. на смену племенным и общинным объединениям приходят и утверждают свое господство три корейских государства — Когурё, Пэкче и Силла.

(Продолжение следует)

Примечания

1. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Том I. М. 1974, с. 20.
2. Там же, с. 25; см. также: БУТИН Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск. 1982; ВАНИН Ю. В. Феодалная Корея в XIII—XIV вв. М. 1962; ВОРОБЬЕВ М. В. Древняя Корея. М. 1960; ПАК М. Н. Очерки по историографии Кореи. М. 1987; ДЖАРЫЛГАСИНОВА Р. Ш. Этническое самосознание корейцев. М. 1986. NAHM A. S. Korea: Tradition and Transformation. Seoul, 1988; Sourcebook of Korean Civilization. Vol. 1. N. Y. 1993; JAE-UN KIM. The Koreans: Their Mind and Behavior. Seoul, 1991.

Заметки бывшего сержанта гвардии о войне

В. В. Ферсобин

Многие называют эту войну Великой Отечественной. Кто-то говорит о ней народная, героическая, священная, вторая мировая, антифашистская, трагическая, несчастная. Иной назовет ее преступной. В литературе есть и понятие «бездарная». На это указывает сравнение людских потерь противоборствующих сторон. Гитлеровское командование, начав войну раньше, воюя на Западе и Востоке, в Африке и на Балканах потеряло меньше своих солдат и офицеров. Советское верховное командование умудрилось с помощью Гитлера и собственной изобретательности угробить намного больше.

Точных цифр советских потерь нет. Самой службы учета потерь у нас, в отличие от многих других стран, не существовало. Ее обязанности выполняли друagozaданные организации, не заинтересованные в определении размеров народного бедствия. Властям точность была не нужна. Об этом свидетельствует отсрочка всеобщей переписи населения СССР до 1959 года. Случаен ли отказ от переписи сразу же после окончания войны? Если было бы желание поточнее установить людские потери, можно было провести учет не вернувшихся с войны по населенным пунктам, а в городах по улицам, районам, жактам. И в сожженных деревнях утраты легко устанавливались. Но это не было сделано. Больших расходов государство не понесло бы. Стоило лишь обратиться к патриотизму добровольцев — установить правду о потерях на войне. Расчетные данные через 50 лет весьма сомнительны, т. к. основаны на недостоверных исходных материалах, на случайно сохранившихся похоронных свидетельствах. Подвергшиеся оккупации территории и таких сведений не имеют.

О какой деятельности военных комиссариатов по учету людских потерь можно говорить в условиях оккупации? А ведь на комиссариатских похоронках основан недавно вышедший статистический сборник. В нем уверенно сказано: «Их безвозвратные людские потери на советско-германском фронте оказались лишь на 30% меньше аналогичных потерь советских войск (8,6 млн. чел. у них, 11, 4 млн, человек у нас)». Неизвестно, откуда взялась цифра потерь «у них». Давно произведен подсчет потерь в Германии и нет оснований этот подсчет игнорировать. О предвзятости сборника свидетельствует и занижение общих людских потерь СССР. Демографы подсчитали убыль населения СССР между 1940 и 1946 годами. Она составила 27,1 млн человек, а с потерями естественного прироста страна лишилась около 50 миллионов жизней. В сборнике же читаем: «общие людские потери страны

оцениваются почти в 27 млн чел.» Поражает и объяснение, данное этому факту в наше время, но на уровне 1941 г.: «Превышение указанных потерь советских войск связано в основном с первым периодом Великой Отечественной Войны, в течение которого сказались фактор внезапности нападения фашистской Германии на СССР и просчеты советского военнополитического руководства, допущенные накануне и в начале войны»¹.

По подсчетам немецкой службы учета гитлеровская армия потеряла убитыми с 1.09.1939 г. по 31.12.1944 г.— 1 965 324 человек. В дальнейшем служба была дезорганизована, подсчет велся ориентировочно, выводным путем². Потери Англии и США не идут ни в какое сравнение. По советским меркам они мизерны, исчисляясь десятками тысяч. Объяснений советских потерь множество. Взглянув их сопоставлять, я пришел к иным выводам, чем официальные.

Мне довелось встретить начало войны во время срочной службы в Красной Армии недалеко от Бреста. Первый день войны позволил увидеть все то, что происходило в ходе ее до самого конца. Может быть читателям будут интересны мои заметки, взятые в подготавливаемой мною книге «Из тьмы обмана. Записки, воспоминания, документы сержанта гвардии 1941—1945». Вопросы несоразмерности людских потерь, причины отступления Красной Армии до Москвы, действия органов Берии на войне не давали мне покоя в ночные часы послевоенных лет. Сталинским же сказкам о вероломном гитлеровском нападении, как главной причине неудач 1941 г. я верил только в первые дни войны. Позже понял, что при внезапном нападении можно отступить на пять, десять, двадцать, пятьдесят, сто километров. Но не до Москвы же.

И сам Сталин не верил собственному объяснению. Прочитав в «Правде» в 1942 г. статью боевого командира-фронтовика, теоретика танковых сражений П. А. Ротмистрова «Минувшие и грядущие танковые бои», Сталин пожелал поговорить с автором. В первой половине ноября 1942 г. такая встреча состоялась. К этому времени он имел уже полное досье на Ротмистрова, знал, что он не просто командир, но успел уже быть преподавателем военной академии. И все же вопрос Сталина командиру танкового корпуса меня поразил: «Почему мы отступаем?» Насторожил и частично правдивый ответ Ротмистрова, сославшегося на почти полную механизированность немецких дивизий, в отличие от наших на конной тяге, что обеспечивало противнику большую возможность маневра³. Возникает неясность: Ротмистров боялся раскрыть Верховному всю правду об отступлении Красной Армии или сам еще не постиг ее в ноябре 1942 года? Решать его будут биографы Главного маршала танковых войск. Последующие откровения Ротмистрова, после кончины Сталина явно не нравились заместителю Верховного главнокомандующего. Г. К. Жуков в своих воспоминаниях восторженно отзывается о действиях многих командующих танковыми армиями, и всегда очень сдержанно и скупно о Ротмистрове.

С досадой читал я высказывания сталинских подпевал и сбитых с толку людей о неподготовленности страны к войне. Хотелось спросить, к какой войне СССР был не готов? И подсказать нехитрую мысль: к наступательной. Но к обороне любая страна должна быть готова всегда!

Г. К. Жуков объяснял неудачи 1941 г. в войне с Германией сосредоточением большого числа советских войск на Юго-Западном направлении в ущерб Западному, где был нанесен главный удар противника⁴. Но, если принять во внимание лесистую, болотистую местность западного театра войны и открытость юго-западного театра большей протяженности в сравнении с западным, где же ошибка? Создается впечатление, что Жуков таким объяснением скрывал действительную причину поражений. Вряд ли он здесь был искренен.

Многие объясняли отступление Красной Армии в глубь страны, а следовательно и ее потери, сталинскими репрессиями, уничтожением командных кадров. Это преступление надо конечно принять во внимание. Но не оно повлияло на откат Красной Армии до Москвы, Волги, вершин Кавказа. А если и повлияло на величину потерь и отступление, то вкупе с провалом

военной наступательной доктрины. В документальной, захватывающе-интересной повести «Полководец», в которой впервые прозвучала критика действий Ставки, писатель В. В. Карпов глухо упомянул (тогда иначе было нельзя!) о стратегической доктрине Красной Армии, не выдержавшей испытания войной. Об этом и я когда-то пытался рассказать в сборнике статей и воспоминаний комитета ветеранов войны Института истории СССР АН СССР, в котором меня пригласили участвовать. Однако о военной стратегии, как главной причине всех бед мне и упомянуть не позволили. «Поверьте моему опыту,— обратился ко мне ответственный редактор сборника А. М. Самсонов,— не пройдет». Сборник под названием «В годы войны» (М. 1985) был издан к 40-летию Победы с обилием юбилейного славословия, без раскрытия трагических фактов.

Подобные сокрытия вели к последующим огрехам в литературе и жизни. В 1993 г. в России опубликована обильная материалами и слабая доказательствами книга профессионального разведчика Виктора Суворова «Ледокол». Он доказывает факт сосредоточения Красной Армии накануне 22 июня 1941 г. на западных границах, что делать было вовсе не обязательно. Советские власти уже подтверждали это до начала войны, а ее участники — после Победы. За рубежами России эта книга увидела свет во многих изданиях гораздо раньше. Ее подзаголовок: «Кто начал вторую мировую войну?» Суворов уделил много внимания мысли, что войну сотворили Гитлер и Сталин, упустив поместить в их сообщество авторов Версальского мира, заложивших первую мину. Послесловие к «Ледоколу» написал Владимир Буковский — третий человек в диссидентском движении после А. Д. Сахарова и А. И. Солженицина. Недаром он был обменен советскими властями на лидера компартии Чили Л. Корвалана. Но активный участник диссидентского движения не смог представить книгу как историческое открытие. Она им не стала. В основу ее положена схема: «что было бы, если бы Гитлер опоздал напасть на СССР 22 июня?». В историческом сочинении такое построение неприемлемо.

Сосредоточение Красной Армии на западных границах накануне войны, о чем извещало вполне официально нелепое сообщение ТАСС, (оно опубликовано в советской печати 14 июня 1941 г.) автор воспринял за намерение Сталина напасть на Германию. Обозреватель публикаций о войне Л. Лазарев, критикуя в «Литературной газете» (23.VI. 1993) «Ледокол», не согласился с автором в том, «что Красная Армия была столь сильна и подготовлена, что могла в начале июля (1941 г.— В. Ф.) напасть на Германию». Такое убеждение обосновано ходом войны. Но это только одна сторона правды. Другая же ее часть заключалась в переоценке советским верховным командованием сил и возможностей Красной Армии вести наступательные бои, чего обозреватель не уловил. Красная Армия была сильна,— и это несомненно, для обороны. Беда же в том, что на вооружение была принята загодя наступательная стратегия ведения войны, невзирая на состояние экономики, военного производства, подготовленность личного состава к такого рода действиям.

Поэтому из области фантазии Суворова и его сторонников, например Б. В. Соколова («Полку защитников «Ледокола» прибыло». Независимая газета, 6.IX. 1994) ⁵ внимание надо направить на изучение реальных фактов. Одним из них является провал советской доктрины, стратегии, именуемой еще и планом предстоящей войны. В «Воспоминаниях и размышлениях» Жукова, в книге генерал-полковника Л. М. Сандалова «Пережитое», читатель найдет много материалов о переоценке командованием Красной Армии своих возможностей и реальном воплощении наступательной стратегии. Очень показателен разговор командующего и члена Военного совета нашей 4-й армии А. А. Коробкова и Ф. И. Шлыкова 22 июня около 16 часов: «Надо просить округ утвердить наше решение о переходе к обороне, обратился Шлыков к командующему.— Хотите, чтобы нас назвали трусами и отстранили от командования армией? — рассердился Коробков» ⁶.

Армия не подготовленная к наступательным боям, надрывала свои силы, но приказа о наступлении ей так и не отменили. Командующего же

обвинили в плохой организации обороны. У Жукова читаем: «командование 4 армии могло более организованно вести оборонительные действия». Трудно поверить этим словам. Смысл их прямо противоположный. Под «оборонительными действиями» подразумевается наступление. Оно раскрывается следующей же фразой текста Жукова: этого к сожалению не произошло, т. е. успешного наступления, даже тогда когда командование армии получило в свое распоряжение 14-й механизированный корпус ⁷.

Как известно, цель механизированных войск наступательная. В понимании Жукова,— это контрудары. Такое интерпретирование цитированного высказывания подтвердил сам Жуков. На настойчивые вопросы редактора А. Д. Миркиной, готовившей к печати «Воспоминания и размышления» маршала, прославленный полководец, а в первые дни войны — начальник Генерального штаба Красной Армии, это и диктует именовать тогдашнюю стратегию его именем, вынужден был признать: «специального решения Ставки на стратегическую оборону не было ⁸.

Читая это признание, надо, сняв головной убор, вспомнить генерала Коробкова, обвиненного за преступление Генерального штаба. Подобное признание делает честь Жукову. И другие его действия вызывают понимание. Из первого издания книги Жукова были исключены материалы, могущие отрицательно повлиять на его авторитет. Сам же маршал не замедлил восстановить опущенные в первом издании факты. К их числу относятся материал о Ельнинском наступлении Красной армии на Западном фронте, подготовку которого он возглавлял. В черные дни, когда обнаружились результаты этой его деятельности, Жуков находился уже в Ленинграде. Стране Ельнинское наступление обошлось прорывом фашистских войск под Вязьму, открытием гитлеровцам пути на Москву. Не без горькой иронии относился к наступательному зуду Жукова К. К. Рокоссовский, называя требования своего однокашника парадоксами контрударов ⁹.

Результат не замедлил обнаружиться. Фронты и армии, каждый по своему усмотрению, «поспешно стали переходить к обороне». Так о начале войны поведал читающей публике лишь в 1979 г. бывший главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения СССР, а тогда генерал-полковник Ю. Максимов ¹⁰. Но генерал не назвал в подтверждение своих слов ни одного приказа по фронту или армии о переходе к обороне. К ней переходили соединения меньшего масштаба.

Генерал Рокоссовский не выполнил приказ о наступлении, а расположил свой корпус на Юго-Западном фронте в жесткой обороне. За это будущий маршал получил орден, повышение звания, должность командующего армией. Одни выполняли приказ о наступлении, другие оборонялись на смерть.

Кто же виноват, что многие солдаты и офицеры попали в плен? По А. Зиновьеву, есть такой философ, проживающий ныне в Германии, в пленении повинны сами пленные. Читать равнодушно подобное невозможно. Ведь речь идет не о единицах, десятках, сотнях, тысячах, а о миллионах пленных! Они виноваты, а те, кто завел их в безвыходное положение, «забыв» отдать приказ о переходе к обороне,— великие стратеги!

Не забывчивость, однако, влияла на приказы сталинского руководства, а презрительное отношение к народу. Чтобы удержать обманом захваченную власть, оно готово было применить любую стратегию. Самая кровавая — надежнее оберегала их господство. Представьте себе, если бы народ победил малой кровью, сколько с ним, да еще вооруженным, было бы хлопот!? Сталин же твердо знал уголовную заповедь: нет человека, нет и проблем. В этом плане мой друг-фронтовик инвалид войны после тяжелого ранения, ныне покойный Олег Александрович Афанасьев, считал Жукова командиром, побеждавшим прежде всего числом войск. Такая характеристика маршала обосновывается не только конкретными действиями на фронтах, но и его представлениями о стратегии войны.

Жуков признал свой «недостаточный опыт в стратегических вопросах», и тем не менее этот пробел он будто бы восполнил, когда опыта понабрался. «Военная стратегия,— пишет он в своей книге,— строилась главным

образом на правильном утверждении, что только наступательными действиями можно разгромить агрессора. В то же время другие варианты борьбы — встречные сражения, вынужденные отступательные действия, бои в условиях окружения, ночные действия рассматривались недостаточно основательно»¹¹. В этом перечне само понятие обороны отсутствует, хотя правильным наступательным действиям вовсе не повредила бы оборона против агрессора с целью изматывания его военного потенциала. Удивляет не то, что Жуков избрал в 1941 г. провальную стратегию, а отстаивание ее при написании своих воспоминаний и размышлений. «В сложившейся обстановке,— старается убедить он,— единственно правильным могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев бронированных группировок противника». Здесь также есть смысл вспомнить о генерале Коробкове: для какой же цели давался ему 14-й механизированный корпус, для обороны или для наступления?

Читателю же, не знакомому с военной техникой СССР накануне 22 июня 1941 г., надо пояснить, что мехкорпуса тогда были укомплектованы в основном танками Т-28 и подобными машинами с броней, пробиваемой крупнокалиберной пулей. Многие танки работали не просто на бензине, но на авиационном легковоспламеняющемся топливе. Моторы их были сняты с устаревших самолетов. Такие танки могли быть эффективны лишь в войне с безоружным народом. Немногочисленные мехкорпуса с новейшими танками КВ и Т-34 в условиях 1941 г. гораздо полезнее могли быть использованы в обороне, а не в наступательных боях против бронированных клиньев противника, вбитых в наше расположение. Окруженные в результате нелепых контрударов, они были обречены советским командованием на уничтожение. Но Жуков упорно оправдывает идею контрударов, признавая в то же время их нереальность: «Предпринятые контрудары в большинстве своем были организованы плохо, без надлежащего взаимодействия, а потому и не достигли цели»¹². Читать такие размышления без комка в горле и негодования на себя за долгую слепоту я не мог.

Ответственность за провал такой стратегии на кого-то надо было возложить. Расстреляли почти весь штаб Западного фронта во главе с Д. Г. Павловым. Наш командующий генерал Коробков, так же был расстрелян по приказу Сталина, как предатель, хотя виноват скорее был сам «вождь мирового пролетариата», не давший возможности исполнителю командиру расположить войска в обороне.

Правда, известна мысль Н. М. Карамзина: «Оборонительная война с наглым неприятелем редко бывает счастлива»¹³. Но великий историк не отрицал обороны. В данном случае противник был хотя и наглый, но применение оборонительной стратегии на какое-то время явно напрашивалось. Если бы была дана установка на оборону, Красная Армия малыми силами могла справиться с такой задачей. Об этом свидетельствует опыт Рокоссовского, генерала И. Е. Петрова, организовавшего оборону Одессы и Севастополя, битва на Курской дуге. Многих специалистов обороны, загнанных в небытие, надо сейчас историкам выявлять. И пленных было бы меньше. Войска же истекали кровью в решении задачи непосильной, т. е. наступательной. И Сталин, и Жуков признавали неготовность промышленности оснастить армию нужным вооружением. Не завершена была и переброска на запад войск внутренних округов. Как же можно восторгаться в таких условиях наступательной стратегией? Между тем восторгались же многие профессора, преподаватели военных академий, с чинами не ниже генерал-полковников.

Отдавая в сборник к 40-летию Победы статью с угловатостями, не совпадающими с принятой оценкой действий верхов, я не думал, что она будет принята к изданию. Просто хотелось понаблюдать реакцию на свою вылазку. Тогда это грозило лишь словесным извержением упреков, наставлений, натиском для осуществления самоцензуры. И все же редакторам и цензентам не удалось вытравить полностью реальность. Сборник попал в Болгарию. Внимательные читатели за тщательно отредактированным текстом увидели нечто трагическое. Воевал я на многих фронтах — под

Ленинградом, в Прибалтике, участвовал в освобождении Риги, во взятии Кенигсберга, Данцига и Берлина. Болгарских же читателей привлёк рассказ лишь о первых днях войны 1941 г. под Брестом.

Вскоре после опубликования книги пришло письмо из Болгарии с просьбой передать привет моим фронтовым друзьям из 205-й мотострелковой дивизии, штаб которой размещался накануне 22 июня 1941 г. в городе Березе Картузской. Но как передашь привет, если у тебя нет своей газеты, канала эфирного вещания и денег для оплаты объявления о розыске друзей из далекого сорок первого. В советское время и вовсе нельзя было думать о розыске. Войска-то наши попали в окружение и были уничтожены противником. Из вражеского кольца удалось уйти лишь командиру дивизии полковнику Филиппу Федоровичу Кудюрову с небольшой группой бойцов, чтобы отдать жизнь за Родину при обороне Севастополя в декабре 1941 года. Он командовал тогда уже кавалерийской дивизией.

Пришлось оставить мысль болгарских читателей о передаче сердечного приветствия ветеранам 205-й. Тяжелая всем им досталась доля: многим плен, другим партизанская война, скитания по лесам и болотам, могилы без крестов, кости разбросанные на местах гибели. Немногим удалось войти в белорусские семьи мужьями вдов и незамужних женщин, а иногда и сыновьями. Мне предложил один старик остаться у него на положении сына. Но такое предложение для меня было неприемлемо. В отличие от пожелавшего усыновить я, несмотря на неудачное начало, войну не считал проигранной. А в кузове моего грузовика стонали раненые.

Трагизм 205-й в сравнении с другими войсками приграничья усиливался незавершенностью ее формирования. Дивизия только стала складываться. Ни в каких полевых учениях еще не участвовала. В личном составе был большой некомплект, увеличивавшийся в связи с очередной — плановой — демобилизацией, которая коснулась и вновь формируемой дивизии. Тогда, по молодости, многое принимал я в объяснениях своего начальства. Формируется новая дивизия, значит она нужна. Правильно ли выбрано место формирования, вопрос не возникал ни у меня, ни в разговорах. Много позже осознал я «мудрость» приказавших формировать дивизию вблизи государственной границы. Начало формирования относится по времени после захвата германскими войсками Парижа. Тогда же было принято гитлеровское решение о нападении на СССР. Два диктатора, заключившие договор о ненападении, в то же время готовили войну между своими государствами.

Посылая автомобильный батальон из Минска на запад, объяснили нам, что служить придется в дивизии нового образца. До того мы были при штабе Западного военного округа, в 5-м учебном автобате. Прибыв в начале 1941 г. в Западную Белоруссию, первоначально в местечко Отетчина (Отчизна) вблизи Кобрина, я узнал состав дивизии. Помимо нашего автобатальона, выделившегося из учебного, в дивизию вошли полки: стрелковый, танковый, артиллерийский. Она формировалась с учетом изучения успехов германского наступления во Франции. Ей надлежало вести наступательные бои. Кто-то может спросить об источнике информации. Использую разговоры в офицерской среде, доносившиеся до моего слуха. Молниеносный захват гитлеровцами Парижа произвел тогда сильное впечатление. Все только и говорили об изучении немецкого опыта. Об этом же пишет и Жуков.

Чтобы обеспечить успех наиболее быстрого продвижения вперед, приказали прикрепить к автомобилям два запасных бензобака по 80 литров каждый — под боковыми бортами впереди кузова. Запасные баки нужны были явно не для отступления до Москвы. Подвешиванием запасных баков мы и занимались в июньские дни 1941 года. Находились мы тогда в восьми километрах от Березы, в деревне Блудень, переименованной в 60-е годы в Первомайскую. Около четырех часов ночи 22 июня 1941 г., поднятый по тревоге, я получил задание возглавить колонну из семи бортовых автомобилей ГАЗ-АА и одной цистерны на платформе ЗИС-5 для доставки бензина в танковый полк. Благополучно преодолеть штурмовой воздушный

обстрел удалось лишь одной моей машине только потому, что она шла в колонне последней. Чтобы быть уверенным в движении автомобилей без отставаний, я избрал это место среди них. Наблюдая гибель впереди идущих, воспользовался их трагическим опытом, чтобы спасти оставшийся грузовик.

Танкисты 205-й располагались тогда на возвышенности в кустарнике возле деревни Ольшаны. Во время разгрузки бензина я разговаривал с офицерами-танкистами и своим другом Валентином Чуриловым, доставившим в танковой полк продовольствие. С Валентином мы подружились еще в 1939 году. Оба мы были студентами-первокурсниками московских вузов. Ехали к месту службы из Москвы в одном «столыпине». Вместе были зачислены в полковую школу. Без согласия каждую неделю отвозили нас в штаб дивизии на лекции для сдачи экзаменов среднего командного состава. За несколько дней до войны сдали такие экзамены. Вместе с ним мечтали отслужить положенный срок и продолжить учебу по избранной специальности.

Закончив разговор, я выглянул из кустов, заметил в низинной западной стороне открытую местность, прорезанную проселочной дорогой улучшенного типа с кюветами по бокам. Вдоль обочины дороги красноармейцы стрелкового полка рыли, каждый себе, мелкие окопчики. Теперь я понимаю, что рытье окопов 22 июня было равнозначно копанию колодца на пожаре. Собрав шоферов сгоревших автомобилей, я возвращался в свою часть. Осторожно приближался по скотопрогонной дороге в жердевом обрамлении к деревне Малеч. Деревня, помеченная на общедоступных географических картах Брестской области, в разговорной речи именовалась еврейской... По этой причине в опубликованных воспоминаниях ее наименование снято. Проехать через деревню было нельзя. Немецкие пикирующие бомбардировщики бомбили ее. Мы видели вереницы самолетов, входящих в пике и выходящих из него после сбрасывания бомб. Рецензент выразил сомнение в достоверности факта бомбардировки: фашистские летчики будто бы не знали, что в деревне живут евреи. Между тем царское законодательство с чертой оседлости евреев, не принявших христианства, не секрет.

Бомбардировка, вероятно, имела целью еще и уничтожение средств тяги артиллерийского полка. Другого укрытия я не обнаружил. Орудия же, размещенные по ржаному полю в линию под маскировочными сетями, стояли перед нами. Они как бы прикрывали Малеч. Артиллеристы стреляли в направлении Пружан, районного города Брестской области. Остановив грузовик метрах в пятидесяти или немного больше от левого края орудийной линии, там где заканчивается жердевое обрамление дороги, я стал рассматривать местность. Надо было посоветоваться со своими спутниками, что делать дальше. Внезапно из кустов показался пушечный ствол. Выполз танк. Ближнее к нам орудие было развернуто и нацелено на него. Увидев маневр танка и разворот орудия, мы спрятались в рытвине возле своего автомобиля. Раздался мощный выстрел и оглушительный взрыв. Когда дым немного рассеялся, выглянули из ямы. Метрах в пятнадцати дымился подбитый, как мы думали, фашистский авангардист. Вскоре открылся люк танка, из которого вывалился механик-водитель. Он был окровавлен. Поднялся на ноги и направился к нашей машине. Мы приготовились взять его в плен. Шел танкист пошатываясь, а нас молодых, здоровых восемь человек. Подойдя ближе, танкист сказал по русски, чем нас очень озадачил: «Ребята, помогите вытащить женщину из танка». Оправившись от неожиданности, мы направились помочь танкисту. Он открыл башенный люк. Там мы увидели женщину с разбитым черепом. Танкист объяснил, что это жена командира танкового полка из Бреста. Командир поручил вывезти ее в безопасное место для дальнейшей эвакуации. Обратите внимание: зачем нужно было танковому полку, главному средству наступления, находится 22 июня 1941 г. в пограничном городе?

Мне довелось встретиться с Главным маршалом танковых войск Ротмистровым. Незадолго до войны он командовал танковой дивизией, которая находилась также вблизи демаркационной разграничительной линии

в Прибалтике. После выступления Ротмистрова в Институте истории СССР 7 мая 1969 г. я понял, где зарыта собака объяснения главной причины нашего отступления до Ленинграда, Москвы, вершин Кавказа и астрономических потерь Красной Армии. Так говорю потому, что Ротмистров ставил слушателям больше вопросов, сам же ответов не давал. И ему не было дозволено раскрывать наступательную стратегию советского Верховного командования. Он спрашивал, что мы делали в 1941 г.: наступали или оборонялись? Каждый должен был ответить себе сам. Мне легко было найти ответ. Мы готовились не обороняться, а наступать.

В условиях неготовности к наступательным боям советское командование по приказу Ставки вело наступательные бои, оборачивавшиеся массированным отступлением, крупными потерями людей, техники, территории. Ротмистров спрашивал, кто виноват, если поражение потерпел не один пограничный округ или фронт, а все военные пограничные округа? Ответ очевиден. Несмотря на провал этой стратегии в первый же день войны, она применялась за небольшими исключениями, вплоть до истощения германских ресурсов. Победила не сталинская стратегия войны, а народ вопреки такой стратегии. Сталин присвоил военную и гражданскую «славу и подвиг» народа, — делится своими наблюдениями летописец сталинских лагерей смерти О. В. Волков¹⁴. Сталинская стратегия механически скопирована с ленинской теории вооруженного восстания, прикрыта словесным блудом о контрударах в целях обороны. Ленин говорил: «оборона есть смерть вооруженного восстания»¹⁵. Не отсюда ли все эти ворошиловские уверения воевать на чужой территории, ответить на удар тройным ударом и т. п.?

Во время разговора с потерпевшим бедствие танкистом один из моих товарищей полз к артиллеристам. Сообщил им о нашем местонахождении. Командир артиллерийского полка приказал срочно подогнать наш грузовик в ложину за орудиями, погрузить раненых, около 20 человек, отвезти в госпиталь. Так начался первый день войны для наступательной 205-й мотострелковой дивизии. Теперь нельзя даже доказать, что ты служил в ней. Чиновник районного военкомата достанет справочник. В нем не обнаружит такой дивизии. А в отношении 241-го автобатальона скажет, что вы лжете. Автобатальон под таким номером воевал лишь с Японией в 1945 году. Двестипятовцев как бы не существовало. Какие же после них архивы! Может быть кто-то уцелел кроме нас, счастливицков? Отзовитесь друзья!

Можно сказать, что этот мой рассказ льет воду на мельницу суворовского «Ледокола», будто Сталин намеревался в июле 1941 г. напасть на Германию. Война, начатая Гитлером 22 июня 1941 г. лишь предупредила это нападение. При всем неприятии Сталина как личности, как руководителя, как стратега, не могу согласиться с В. Суворовым, что Сталин был дурак. А именно это вытекает из его слов об июльском 1941 г. нападении СССР на фашистскую Германию. Сталин совершил очень большую оплошность сосредоточением Красной Армии у гитлеровского подбрюшья, обернувшимся как бы провокацией «гениального стратега». Мы готовились к наступательным боям. Такая подготовка говорит не о немедленных наступательных действиях, а о принятии Генеральным штабом Красной Армии наступательного плана отражения агрессии. Момент вступления СССР в войну определяла бы международная обстановка и истрепанность гитлеровских войск на Западе.

Иной спросит, какая разница, бросит Сталин свои войска в наступление против Германии в июле 1941 г. или позже? Разница очень большая! Гитлер сам загонял себя в тупик. И Сталин здесь неповинен. Слабого бьют в хищном мире, сильного боятся. Мой друг Валентин Чурилов, к слову сказать — брат Героя Советского Союза Леонида Чурилова, очень точно определил соотношение сил нашей страны и фашистской Германии. Когда я сказал ему в танковом полку о начавшейся войне (в их расположение она еще не пришла), Валентин заметил: «Это не война, а пограничный конфликт. Германия не посмеет на нас напасть». В его словах подразумевался большой перевес сил СССР над фашистской Германией. В оценке сил своей Родины мой друг не ошибся. Он не принял лишь в расчет гитлеровского «здравомыслия», что стоило Валентину жизни.

За сталинское же «здравомыслие» говорит демобилизация незадолго до начала войны квалифицированных военнослужащих, отслуживших положенный срок. Она свидетельствует наиболее наглядно, что Сталин не намеревался нападать на Германию в июле 1941 года. В большую войну сам Сталин не ввязался бы раньше абсолютной уверенности в успехе. Из перестроечной российской печати, использовавшей агентурную информацию разведки, из воспоминаний членов ЦК КПСС и его президиума известно, что в июле 1941 г. такой убежденности у Сталина не могло еще быть. Об этом свидетельствует его растерянность в начавшейся войне, бегство из Москвы в напряженные дни октября 1941 г., попытки завязать с Гитлером переговоры о мире, на условиях уступки значительной части советской территории. Впрочем и за сталинское «здравомыслие» поручиться никто не может.

Только свершившиеся факты служат опорой для суждений о прошлом. Сосредоточение советских войск на западной границе накануне войны Жуков объясняет гитлеровским стягиванием войск в пограничные с СССР страны. И нет оснований ему не доверять, по крайней мере до обнаружения плана войны. Ведь Генеральный штаб не был слепым. Сам Суворов показал большую выучку советских разведчиков в книге воспоминаний разведчика, которая и делает ему честь ¹⁶.

У Жукова читаю: «оперативный и мобилизационный план вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращалась никогда». Почему эти планы не опубликованы и через 50 лет после Победы? Нет ли здесь старания прикрыть провал стратегического плана его умолчанием? Пока публикуются выдержки из плана, цитаты, цена которых ноль. Опубликование названных планов помогло бы подтвердить или опровергнуть фантазии таких авторов как Суворов. Его единомышленники теперь есть и в Германии. Об этом свидетельствует состоявшееся в январе 1995 г. обсуждение проблем начала войны в Институте всеобщей истории Российской Академии наук.

Как бы то ни было Сталин добился большого политического успеха, включив СССР в коалицию демократических стран, обеспечил поддержку порядочных людей всего мира, предоставил приоритет нападения Гитлеру. Это и определило Победу. Мы знали, в отличие от солдат первой мировой, воевавших не то за Сербию, не то за захват проливов и Восточной Пруссии, за англо-французские интересы, что защищаем Родину. И тем не менее, война была бездарной: со стороны Гитлера по замыслу, со стороны Сталина исполнением. Термин «бездарная» — не однозначен. Он употребляется в оценке стратегии боевых действий и в политическом смысле. Политически все войны бездарны, даже победоносные, освободительные, если они кровавы.

Очень хочу надеяться, что эти заметки будут способствовать поднятию полемики о войне на уровень, отличный от апологетики, предвзятых оценок, бездоказательных утверждений ¹⁷.

В заключение ряд соображений по поводу упомянутой выше самой обстоятельной статьи сторонника В. Суворова М. И. Мельтюхова. В целом склоняюсь к положительной ее оценке. Материал им собран большой. И все же с отдельными положениями ее согласиться нельзя. Мельтюхов возражает В. Б. Маковскому и А. С. Орлову, что «первопричиной несвоевременного приведения войск прикрытия в боевую готовность было все же стремление Сталина не дать агрессору повода для нападения на Советский Союз». Возражать же надо и протестовать против самого понятия «боевая готовность». Оно не однозначно. Одно дело — боевая готовность к обороне, другое — боевая готовность к наступлению. Если страна и армия не готова к наступлению, можно ли и нужно ли ставить такую задачу?

Для Мельтюхова «не ясно также, зачем Сталину вообще требовалось оттягивать войну с Германией»: в неизбежности которой он был убежден. Людям, знающим положение СССР в 1941 г., ясно было и тогда и теперь, что СССР для наступательной войны не был готов, а другая война не планировалась. Поэтому и нужна была оттяжка. Мельтюхов приводит

материалы о высказываниях политических деятелей СССР и Коминтерна («о наступлении Красной Армии в подходящий момент на оккупированную Германией Европу под лозунгами национального и социального освобождения»¹⁸). Но такого рода высказывания не доказывают возможности нападения СССР на Германию в июле 1941 года.

Пожалуй, самым веским доводом в пользу возможности вступления СССР в войну в 1941 г. является речь Сталина 5 мая 1941 г. на банкете в Кремле после торжественного заседания по случаю выпуска курсантов военных академий. Но речь эта опубликована лишь частично в цитатах авторов, использующих ее (Д. А. Волкогонова и М. И. Мельтюхова). Для оценки намерений Сталина нужна публикация полного ее текста, если таковой будет обнаружен.

Примечания

1. Гриф секретности снят. М. 1993, с. 393, 128.
2. МЮЛЛЕР-ГИЛЛЕБРАНД Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. 3. М. 1976, с. 338—339.
3. П. А. РОТМИСТРОВ. Стальная гвардия. М. 1984, с. 131.
4. ЖУКОВ Г. К. Воспоминания и размышления. Изд. 2, т. 1. М. 1974, с. 235.
5. В Германии взгляд В. Суворова нашел отражение в книге В. Мазера «Нарушенное слово. Гитлер, Сталин и вторая мировая война», презентация которой состоялась в Бонне 1 сентября 1994 г. Обстоятельную библиографию по этой дискуссии см. в статье: МЕЛЬТЮХОВ М. И. Споры вокруг 1941 года.— Отечественная история, 1994, № 3, с. 4—22. Дополнительные сведения см. в стенограмме обсуждения статьи М. И. Мельтюхова.— Там же, № 4—5, с. 277—283.
6. САНДАЛОВ Л. М. Пережитое. М. 1961, с. 114.
7. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч., с. 286.
8. Огонек, 1988, № 9, с. 19.
9. РОКОССОВСКИЙ К. К. Солдатский долг. Изд. 3-е М. 1980, с. 109, 110 и др.
10. МАКСИМОВ Ю. Развитие взглядов на оборону.— Военно-исторический журнал. 1979, № 10, с. 11.
11. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч., с. 230.
12. Там же, с. 284.
13. КАРАМЗИН Н. М. Письма русского путешественника. М. 1983, с. 291.
14. В его книге есть такие строки, перекликающиеся с моим текстом: «Едва обозначилось, каких гекатомб требует сталинская стратегия, приступили к формированию из этой контрреволюционной сволочи особых батальонов и бросили их кое-как вооруженных и обученных, на затычку прорывов и дыр фронтов». ВОЛКОВ О. В. Погружение во тьму. М. 1989, с. 320. В наступления бросали ополченцев и без оружия с расчетом на патриотизм безоружного, который подхватит винтовку убитого.
15. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 335.
16. СУВОРОВ В. Аквариум. М. 1993.
17. Например, предстоит иначе ответить на вопрос о главных источниках Победы СССР. Сталинское же утверждение о победе социалистического строя надлежит наполнить истинным содержанием, но не мыслями подобными той, что КПСС «обеспечила развитие экономики страны на здоровой основе» (НЕКРИЧ А. М. 1941, 22 июня. М., 1965, с. 65). Речь может идти лишь о военной экономике, беспощадном ограблении народа.
18. М. И. МЕЛЬТЮХОВ. Ук. соч., с. 9.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Андрей Иванович Шингарев

Н. А. Тюков

Его жизнь — типичная иллюстрация судьбы видного представителя российской интеллигенции на переломе веков: в 80-е годы прошлого столетия — студент университета, в 90-е — врач-подвижник, работавший в деревне, с начала нашего века — политический деятель, с 1907 г. — депутат Государственной думы, в 1917 г. — министр Временного правительства. 1918 г. стал для него последним: он был убит матросами в ночь на 7 января, оказавшись одной из первых жертв красного террора...

Шингарев родился 19 августа 1869 г. в Воронежской губернии, на хуторе близ с. Боровое. Родители пожелали, чтобы сын пошел по научной стезе: отец, занимавшийся торговлей, всегда завидовал лицам образованным, а мать, умная и образованная дворянка, другого пути для сына просто не видела. Окончив Воронежское реальное училище, Андрей поступил в 1887 г. на физико-математический факультет Московского университета. Наука, политика, студенческое самоуправление — все это тесно сплеталось тогда в его стенах. Первое время Шингарев усердно занимался, мало обращая внимания на общественную жизнь. Его как естествовика больше интересовала энтомология.

Однако чем чаще он начинал задумываться о будущем, о применении полученных им знаний, тем больше сближался с политикой. Но он не искал какой-то новой веры. Ни марксисты, ни народники, ни либералы не давали того, что было ему необходимо. Он посещает студенческие собрания, спорит, но ни к кому пока не примыкает. Политические доктрины и познания для Шингарева имели ценность лишь в случае, если с их помощью можно будет принести пользу людям. Эти мысли подтолкнули его отказаться от подготовки к защите диссертации, и вместо университетской кафедры Шингарев избрал для себя путь врача, то есть работу для народа и среди народа. В 1891 г. он поступил на медицинский факультет, а спустя два года организовал на воронежском хуторе Грачевка амбулаторную точку с бесплатным приемом больных и выдачей им лекарств.

Даже скромная политическая активность не прошла ему даром: в январе 1893 г. за Шингаревым был учрежден негласный надзор полиции. Документы Московского охранного отделения проливают некоторый свет на образ жизни Шингарева в те годы: он «свободное время от занятий проводил у себя в квартире. Образ жизни вел трезвый, обедал и ужинал в доме Энгельгардта по Плющихе, 1, учас[ток] Хамовн[ической] части, у московской мещанки Полинарии Глебовой Павловой, платил за стол, сколько неизвестно». Стекавшиеся в Департамент полиции сообщения о студенческих диспутах и вечеринках повествуют о круге знакомых и взглядах Шингарева. Из донесения о вечеринке Нижегородского землячества в Московском университете 6 марта 1893 г. известно, что «Шингареву принадлежит идея общемедицинской кассы, библиотеки, парикмахерской и проч.; однокурсники относятся к нему недружелюбно за его крайнее самомнение и высокомерие». Еще один информатор приписал

Тюков Никита Анатольевич — сотрудник информационно-экспертной группы «Панорама».

Шингареву склонность к тенденциям «бунтарей», но даже полицейское начальство посчитало, что «едва ли это так».

Шингарев предлагал самоорганизацию для студентов, но главная его идея — «интеллигентный кружок-артель, члены которой были бы и крестьяне. Эта артель дает средства существования и артельной больнице, и артельной школе, а главное, дает возможность интеллигенту стать в прочные отношения к народу, не исключая и себя самого из его среды». А фундаментом такой артели должен стать врач, ибо ему легче всего найти общий язык с крестьянами ¹.

Эта его врачебная деятельность развернулась более широко с 1894 г. в воронежском селе. У себя на родине, но еще дальше от центров городской цивилизации, он устроил крохотный приемный пункт, имевший, однако, даже больничные койки. Там, не получая довольно долго никакого жалованья, он принимал ежегодно многие тысячи крестьян, нуждавшихся во врачебной помощи.

Он был сторонником мирной работы, окружавшая же его среда полна радикализма. В связи с этим происходит раскол Воронежского землячества, и он выходит из им же созданной кассы взаимопомощи. Теперь его силы направлены на подготовку к работе в деревне. В 1895 г. Андрей Иванович женился на одной из скромных дворянок и, окончив медицинский факультет, отправился «со всех сторон врываться в народную жизнь, изучать ее, а главное — будить самосознание». Именно тогда в с. Малая Верейка он купил избу и начал врачебную деятельность. Заведующий санитарным отделом Воронежской губернской земской управы Н. И. Тизяков вспоминал: «Объезжая Землянский уезд, я не мог не заехать к А. И. Шингареву, сидевшему тогда на вольной деревенской практике, взимая с больных, да и то только с тех, кто мог платить, по 5 коп. за визит. Нас, всех земских работников, этот опыт очень интересовал... А. И. я нашел в его квартире — маленькой крестьянской хатенке, где за ширмой слышался писк только что на днях родившегося у него сына» ².

Шингареву неоднократно предлагали перейти на работу в земство, однако он отказывался. Для крестьян Шингарев был не просто врачом: они поверяли ему беды, советовались в разных житейских вопросах. А земство помогало фельдшерами, лекарствами, присылало лошадей для поездок.

Воронежцы одними из первых стали создавать межуездные врачебные участки с больницей, которые охватывали глухие села 2—3 уездов. Одним из таких участков, Гнездиловским в Землянском уезде, в 1899 г. стал заведовать Шингарев. «А. И. в своей небольшой больничке вскоре широко развил больничную хирургическую помощь, производя все необходимые операции, включая и тяжелые». Для выяснения причин частых в губернии эпидемий он берется изучить состояние двух типичных воронежских сел. И осенью 1901 г. «Санитарное обследование села Ново-Животинное и деревни Молоховатка» увидело свет. «Вымирающая деревня» — под таким названием эта работа выдержала три издания и стала бестселлером.

То был не просто сборник сухих цифр. Шингарев еще и рассказал о том, что видел своими глазами: семьи, где, и то не досыта, едят лишь хлеб и кашу, где нет даже кислой капусты; дома отапливаются соломой и никогда не проветриваются, чтобы не терялось драгоценное тепло; эпидемии; нищета; крестьяне напрягаются на своих ничтожных наделах, но налоги превышают их возможности. Вывод Шингарева: нужно ликвидировать налоговое бремя и расширить крестьянские наделы ³.

С 1895 г. Шингарев состоял гласным депутатом Усманского уездного земского собрания в Тамбовской губ., работая там в сметной и ревизионной комиссиях. Эта работа подтвердила его вывод: нужно менять финансовую политику государства. Нищие крестьяне не могут уплатить даже государственных податей, земствам негде зарабатывать деньги, а расходов — хоть отбавляй. Для помощи людям необходимо широко привлекать государственные средства, что требует гласного обсуждения бюджета. А может это только парламент. Значит, нужны конституция, ограничение царской власти. Так активная жизненная позиция вновь привела Шингарева к политике.

Он примыкает к сложившейся в Тамбове группе земцев-конституционалистов и активно участвует в политической жизни воронежских земцев. Работа эта, мирная по своей сути, жестко преследовалась властями. Первое время Шингарева считали «шушерой» (так он сам себя назвал после разгрома Воронежского уездного комитета по нуждам сельскохозяйственной промышленности товарищем министра внутренних дел Зиновьевым) ⁴. Три года спустя начальник Воронежского губернского жандармского управления уже считал заведующего санитарным бюро губернской земской управы Шингарева главным организатором крестьянских волнений.

Через союз «Освобождение» Шингарев пришел в Партию народной свободы. Вот как

объяснял его шаг видный деятель кадетской партии В. А. Оболенский: «Мировоззрение Шингарева, его социально-политические идеалы и среда провинциальной интеллигенции, в которой он вращался,— все это объединяло его с социалистическими народниками, но, ощущая органическое отвращение ко всякому насилию, он был принципиальным противником революционных методов борьбы. Это обстоятельство и привело его в кадетскую партию»⁵. Шингарев стал делегатом учредительного съезда Партии народной свободы и там же был избран в ЦК, возглавив Воронежский отдел партии.

Шингарев неустанно продолжал совершенствоваться как профессионал. С данной целью он, в частности, побывал в 1902 г. в Швейцарии и Франции, где изучал передовые методы лечения в лучших европейских клиниках. Неоднократно выступал он на съездах врачей, привлекая внимание коллег к проблемам местной санитарии. Ширилась его земская деятельность, и не раз чины Министерства внутренних дел отмечали тогда «невернопопданнические умонастроения» Шингарева.

17 октября 1905 г. Всероссийская стачка вырвала у царя манифест, оппозиционное движение готовилось к выборам. В Воронеже кандидат № 1 — Шингарев. Но в I Государственной думе ему поработать не пришлось: по решению ЦК партии он снял на выборах свою кандидатуру, а во II как следует поработать не успел: напуганное радикализмом левых депутатов, правительство разогнало ее. И вот III Дума. Весной 1908 г., впервые за всю историю России, гласно обсуждался государственный бюджет. «Несмотря на обилие в кадетской партии профессоров,— вспоминала член ЦК кадетской партии А. В. Тыркова,— в Третьей Думе среди кадет не оказалось ни одного знатока русских финансов, вообще финансистов. Выручил воронежский депутат А. И. Шингарев». Это принесло ему известность.

В своих мемуарах бывший тогда министром финансов В. Н. Коковцов называет Шингарева «мой бессмысленный оппонент» и безжалостно его критикует. Кто прав? Шингарев был воспитан в традиции долга интеллигенции перед народом. Это он внес и в свою политическую работу. По словам Тырковой, «он и с бюджетом себя связал от избытка добросовестности. Воз был тяжелый, а везти было некому, вот он и впрягся. А потом оказалось, что на него крепко надели бюджетный хомут. Да и самая игра его заинтересовала. А был он человек увлекающийся, как часто бывает с талантливыми людьми»⁶.

Обладея огромной трудоспособностью и живым умом, Шингарев мог быстро изучить любой вопрос. Помогали ему вдумские ученые-финансисты. Хотя полемика между Шингаревым и Коковцовым всегда была интересной и остроумной, все-таки Шингарев «оставался тогда на уровне популярного лектора народного университета», а Коковцов прошел многолетний практический курс государственной бухгалтерии. Тем не менее, Шингарев как финансист занял и в партии, и в ее фракции одно из первых мест. Он выступал не только по бюджету. Столыпинские аграрные законопроекты, финляндская проблема, запрос об убийстве Столыпина, местное самоуправление — этим вопросам Шингарев посвятил немало речей. Но в памяти современников ярче всего отпечатались его выступления по финансовым вопросам.

В III Государственной думе Шингарев работал вместе с Милюковым. Хотя то были два совершенно противоположных человека, не случайно Шингарев стал заместителем Милюкова как председателя фракции. В области общей политики он всецело подчинялся Милюкову, который подавлял его ученым авторитетом и определенностью позиций. «Милюков мог быть всегда уверен в поддержке Шингарева, который никогда почти не расходился с ним во мнениях,— писал Оболенский.— В кадетской фракции Милюкова в шутку называли «папой», а Шингарева «мамой». Названия — чрезвычайно меткие. «Папа» и «мама» удивительно друг друга дополняли, ибо Шингарев обладал свойствами, недостававшими Милюкову: его все любили и уважали, а в речах его всегда было столько искренности и подлинного чувства, что, отстаивая мысли Милюкова, он оказывался более убедительным, чем их рассудочный автор»⁷. Росла популярность Андрея Ивановича и за стенами Думы.

За III Думой последовала IV. Власти стремились не допустить избрания Шингарева в Воронеже, но популярный депутат баллотировался и был выбран в Петербурге. Однако в IV Думе исчезли жаркие баталии, предложения оппозиции хоронятся под грудой «законодательной вермишели», и Шингарев переключается на партийную работу. «В партии его популярность была огромна,— писал В. Д. Набоков.— Если она уступала популярности Милюкова, то разве только в том смысле, что Милюков ставился выше как умственная величина, как духовный вождь и руководитель, как государственный человек, но Шингарева больше любили... Средние круги чувствовали больше свою духовную связь с Шингаревым, чем с Милюковым». Что касается врачебной деятельности, то среди своих коллег Шингарев снискал самую широкую известность как непремный и активный участник медицинских Пироговских съездов. Кроме того, он вообще старался как можно шире пропагандировать наследие

Н. И. Пирогова и обстоятельно работал над биографией своего великого предшественника, в подражании которому видел свой нравственный долг⁸.

С первых дней мировой войны Шингарев оказался среди тех, кто дело-защиты Родины поставил выше партийной борьбы. Он в центре работы, направленной на укрепление обороноспособности страны. В 1915 г. популярный оппозиционер единогласно избирается председателем военно-морской комиссии Думы. К 1917 г. его авторитет в России был очень высок. Между тем положение в стране становилось все хуже, правительство бездействовало, деньги дешевели, во многих городах не имелось хлеба, было парализовано снабжение армии. Вскоре грянула Февральская революция.

Пока Дума и Совет рабочих и солдатских депутатов делили власть, Шингарев, возглавлявший специальную продовольственную комиссию Думы и Совета, устранял опасность голода в Петрограде. Он не выходил из «штаба», работая по 18 часов в сутки. За три дня комиссия, принудительно выкупив необходимое количество хлеба, доставила его горожанам. В разгар работы Шингареву предложили пост министра земледелия. В планах оппозиции ему отводилась ранее роль министра финансов. Но министерство земледелия занималось еще и продовольственным делом, и Шингарев согласился. «Здесь он сразу утонул в море непомерной, недоступной силам одного человека работы. Он мало кому доверял, мало на кого полагался. Он хотел сам во все входить, а это было физически невозможно. Он работал, вероятно, 15—18 часов в день, сразу переутомился и как-то очень скоро потерял бодрость и жизнерадостность. В заседаниях Временного правительства он выступал очень много, но здесь-то именно и оказались недостаточными его силы»⁹.

Но многие проблемы он решил, за короткий срок создав новую государственную продовольственную систему. Проект ее он предлагал правительству еще осенью 1916 г., однако тогда его предложение не поддержали. Теперь весь хлеб был объявлен собственностью государства, его выкупали у владельцев; поступающий в города, он сначала продавался в магазинах по твердым ценам. Вскоре во всей России была введена карточная система¹⁰. Проработав много лет среди земледельцев, Андрей Иванович понимал: у деревни нельзя только брать. Поэтому, одновременно с введением хлебной монополии, он принял меры к обеспечению российских хлеборобов всем необходимым, от машин до шпата для обвязки снопов. По всей стране изыскивались резервы для производства продовольствия: засеивались пустующие поля, отправлялась в деревню простаивавшая на станциях техника.

В конце апреля левые партии начали кампанию против Шингарева. С головой погрузившись в решение продовольственного вопроса, министр земледелия не думал о вековом желании крестьян получить землю, так и не создав Комитет по разработке проекта земельной реформы. А местные чины министерства по его приказу занимались прежде всего заготовкой продовольствия. Более того, Шингарев отказывал, если крестьяне просили в аренду пустующие помещичьи земли: ведь хлеб с этих земель должен был поступать в города, а хозяйственный цикл проще организовать на основе уже имевшихся крупных хозяйств. Решение только продовольственного вопроса отталкивало крестьян от Временного правительства.

Одна из загадок поведения Шингарева лежала в его отношениях с коллегами по партии. Шингарев был работягой, а в общеполитических вопросах целиком полагался на авторитет и знания Милюкова. Последний же, как и вся партия кадетов, был против принятия любых решений по земельному вопросу до созыва Учредительного собрания, и министр земледелия подчинял свою деятельность линии партии. Нападки левых достигли цели, и в мае 1917 г. Шингарев ушел с поста министра земледелия. Ему предложили пост министра финансов, на который он и рассчитывал с самого начала. С новой должностью у Шингарева появилась новая нагрузка.

После выхода Милюкова из состава Временного правительства руководство кадетской группой в правительстве по решению ЦК перешло к Шингареву. Эти обязанности принесли ему много неприятных и горьких минут: он погрузился в атмосферу политических интриг. Теперь надо было «топить» проекты, выдвигавшиеся другими партиями, продвигать свои, кому-то мешать, кого-то «поднимать». Все это было противно его убеждениям, он не имел опыта собственно партийной работы и говорил с чужого голоса. Доверие к линии партии совершенно изменило человека. Помощь людям, которой Шингарев отдал всю свою жизнь, сменилась борьбой с социалистами. В их деятельности он видел причину развала страны, кадетов же как бы выносил за скобки, хотя вели они себя ничем не лучше других: интриговали, боролись за власть, страна же погружалась в хаос.

Действия Шингарева на посту министра финансов обернулись вскоре против его программы и принципов. В Думе он боролся с инфляцией; теперь печатал новые, ничем не обеспеченные деньги. Спohватившись, пытался расходовать средства экономнее, от чего сокращались

ассигнования на социальные нужды. С горечью оценивал он свою деятельность: «Теперь, накануне краха, при безумном росте расходов и недостаточном увеличении доходов, занятие финансами — тяжкое бремя и горькая участь». На Шингарева обрушился к тому же ряд несчастий: умерла сестра его жены, оставившая на его попечении четырех детей, да и у Шингарева их было пятеро; вскоре заболела и умерла жена. «Он сразу как-то осунулся, постарел и сам стал хворать припадками печени. Между тем, в качестве министра Временного правительства ему приходилось нести непосильную работу, осложнявшуюся политической борьбой и революционным хаосом. Жалко было смотреть на этого благороднейшего человека, больного душой и телом, через силу исполнявшего свой долг перед родиной», — писал В. А. Оболенский. Но Шингарев по-прежнему работал. «Дезертиром тыла я не был и не буду. Пока смогу — буду работать, а что выйдет — одному Богу известно», — писал он родным¹¹.

Июльский правительственный кризис прервал его политическую карьеру. Он оставил правительство и уехал на родину. Тревожные известия, приходившие в Воронеж, вынудили его затем вернуться в Петроград. Как раз тут грянула Октябрьская революция. В те дни далеко не все поняли опасность случившегося. Многие уповали на созыв Учредительного собрания, которое даст отпор большевикам. Но это понимали и большевики, и когда 5 января 1918 г. Учредительное собрание начало работу, воспрепятствовали ей, а пришедших на другой день к Таврическому дворцу депутатов встретили латышские стрелки. В городе патрули вылавливали депутатов, кадеты были объявлены вне закона. Демонстрация в защиту Учредительного собрания была расстреляна.

Был арестован и Шингарев. Он оказался в Петропавловской крепости. «Вам надо подлечиться», — так напутствовали Шингарева и его товарища по партии и заключению Ф. Ф. Кокошкина перед переводом в больницу. А в ночь на 7 января 1918 г. Шингарев и Кокошкин были хладнокровно расстреляны в больничных палатах. Это преступление ужаснуло тогда Россию. Большевики, заявив о своей непричастности к делу, осудили убийц — матросов-анархистов, а главным обвинением в их адрес стало в большевистской печати «применение кустарного самосуда»: ведь в руках пролетариата есть такое оружие, как организованный красный террор! ...И уже вскоре с кустарщиной было покончено.

Примечания

1. КОРЯКИН В. Н. Московская охранка о А. И. Шингареве. — *Голос минувшего*, 1918, № 1—3, с. 310; Государственный архив Российской Федерации, ф. 102, Департамент полиции, 3 делопр., 1893, д. 590, л. Зоб.; ХРУЩЕВ А. Г. Андрей Иванович Шингарев: его жизнь и деятельность. Пг. 1918, с. 12.
2. ТИЗЯКОВ Н. И. Из пережитого. — *Гигиена и эпидемиология*, М., 1928, № 4, с. 66, 67.
3. ИСКРА Л. М., КАРПАЧЕВ М. Д. Либерал Шингарев и его «Вымирающая деревня». — *Общественное движение в черноземном центре России в XVII — нач. XX века*. Воронеж. 1990, с. 65—67.
4. БЕЛОКОНСКИЙ И. П. Земское движение до образования Партии народной свободы. — *Былое*, Спб., 1907, № 7/19, с. 233, 236; КАРПАЧЕВ М. Д. Оппозиционное выступление воронежских земцев в 1902 году. — *Общественное движение в Воронежском крае*. Воронеж. 1986, с. 56; ХРУЩЕВ А. Г. Ук. соч., с. 25.
5. ОБОЛЕНСКИЙ В. А. *Моя жизнь, мои современники*. Париж. 1988, с. 445—446.
6. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А. *На путях к свободе*. Лондон. 1990, с. 375—377; КОКОВЦОВ В. Н. *Воспоминания*. Т. 1. М. 1992, с. 257.
7. ОБОЛЕНСКИЙ В. А. Ук. соч., с. 446—447.
8. ЧУМАКОВ Ф. Незаслуженно забытый. — *Врач*, 1994, № 6, с. 55.
9. НАБОКОВ В. Д. *Временное правительство*. М. 1991, с. 53—54.
10. *Вестник Временного правительства*, Пг., № 20, 30.III.1917.
11. ОБОЛЕНСКИЙ В. А. Ук. соч., с. 447.

Монтаньяр Филипп Леба

А. А. Егоров

В 25 лет — адвокат Парижского парламента, в 26 — депутат департамента Па-де-Кале на общенациональном празднике федерации, в 27 — член муниципалитета в Сен-Поле, с 28 лет — член Национального Конвента, военный комиссар Республики, друг «Неподкупного», монтаньяр Филипп Леба тем не менее в истории французской революции известен более всего благодаря драматическому эпизоду — выстрелу, прогремевшему в здании Ратуши 10 термидера 11 года Республики, который оборвал его жизнь.

Филипп-Франсуа-Жозеф Леба родился 4 ноября 1764 г. в городке Фреван, департамента Па-де-Кале, в семье нотариуса. Семья была многодетной (у Филиппа было 12 братьев и сестер), небогатой, но образование Филипп все же получил. Он обучался в парижском коллеже Монтегю, где зарекомендовал себя усидчивым и серьезным учеником; затем, по окончании коллежа, отец Филиппа Анж-Франсуа пристроил его на службу к парламентскому прокурору, где юный адьюнкт в течение четырех лет чуть было не подорвал свое здоровье непомерно усердной работой. «Единственной мыслью и целью Леба, — пишет его биограф, — было стремление достичь положения, которое доставит ему средства поддержать своих... братьев и сестер»¹. Уже в эти годы проявилась одна из основополагающих черт характера Филиппа — любовь к труду, доходящее до жертвенности стремление помочь близким людям, совершенное отсутствие эгоизма.

1789 год был для Леба годом его вступления в судейское сословие — он стал адвокатом Парижского парламента. В следующем году Леба занят улаживанием семейных дел принца де Берга, управителем поместий которого в Артуа много лет подряд был отец юного адвоката. Леба «дебютировал в адвокатском сословии с успехом, который обещал будущность», — писал Э. Амель. Начало неплохое, но в марте 1790 г. Леба-отец внезапно просит его приехать домой. Без промедления Филипп решает расстаться с карьерой парижского адвоката и пишет Анжу-Франсуа 24 марта 1790 г.: «Дорогой отец,.. я буду совершенно доволен жизнью в деревне, хотя, по правде сказать, это житье меня не прельщает, но оно станет прекрасным в моих глазах, когда я узнаю, что мое пребывание там необходимо для вашего счастья»².

Вскоре Леба обосновался в Сен-Поле; он погружен в дела своей профессии, но живо интересуется происходящими в стране событиями. Франция бурлит. В стране — революция. По своему происхождению и положению в обществе Филипп не может ни сочувствовать ей. Демократизм Леба бесспорен, как и то, что именно в силу этого демократизма он избирается депутатом департамента на Праздник федерации в Париже в июле 1790 г., а в следующем году — администратором департамента Паде-Кале. В конце 1791 г. в связи со своим избранием в центральную администрацию департамента Леба переезжает в Аррас. Здесь в качестве адвоката Леба участвовал в судебном разбирательстве по обвинению

Егоров Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель педагогического института, Ростов-на-Дону.

вахмистра 8-го кавалерийского полка Берсо в нарушении воинской дисциплины. Его обвинителем выступал знатный аристократ, офицер. По установленной с незапамятных времен «традиции» проиграть дело должен был, разумеется, Берсо. Но Леба добился оправдания невиновного. С головой занятый на своем новом посту, он тем не менее находит время писать отцу из Арраса: «Невзирая на всю грозную опасность настоящей ситуации, пишет он 25 июля 1792 г.,— я далек от мысли, что благосостояние страны находится в отчаянном положении. По известиям из Парижа мы знаем, что выбор рекрутов в армию проходит с большим успехом, пятнадцать тысяч человек уже внесены в списки». Леба, несомненно, за революцию, но стремительное развитие событий опережает его «личную» и пока еще весьма робкую революционность, он человек спокойного ума и трезвой души³.

10 августа 1792 г. пала тысячелетняя французская монархия. В Аррасе об этом узнали почти сразу же, но сообщения об этом смутны и столь же смутно представление Филиппа о случившемся: «Безусловно, вы уже получили известия,— пишет он отцу 12 августа 1792 г.,— о временной отмене королевской власти и о декрете, приглашающем нацию сформировать Национальный Конвент... мы не знаем многих частных деталей этого дела. Несомненно лишь то, что это стоило жизни многим гражданам и что швейцарские гвардейцы были зачинщиками. Последствия, которые могут явиться результатом этой революции, пугают. Как поведет себя армия? Это предмет величайшей тревоги; спокойствие всей страны в большой степени зависит от поведения армии в настоящий момент. Я более чем когда-либо привязан к моему посту здесь». А уже через несколько недель Леба едет в Париж представлять свой департамент в Национальном Конвенте. 20 сентября он в столице. Свое письмо к отцу на другой день он пометил так: «Четвертый год равенства, первый год республики». Революционный Париж произвел на него глубокое впечатление: «Работы в лагере близ города успешно продвигаются вперед,— отмечает он в этом письме,— и энергия граждан на фронтах никоим образом не ослабевает. Мы не могли оценить ее по справедливости в нашей холодной провинции»⁴. Депутат от Па-де-Кале разделяет чувства всей Франции. «Спасение республики» — вот главная цель.

Именно в это время происходит сближение Леба с обоими Робеспьерами, перешедшее затем в тесную дружбу. Они друзья и политические единомышленники. «Леба был умеренным и великодушным молодым человеком, который руководствовался духом пылкого патриотизма и глубокого восхищения «Робеспьером»,— таково мнение одного современного американского историка о нем. Оно, вероятно, справедливо — крайности были чужды Филиппу и, возможно, неслучайно в первые месяцы своего пребывания в Конвенте он выступил там всего три раза. Выступления Леба были столь редкими и краткими, что Бюше и Ру, авторы многотомной «Парламентской истории французской революции», упустили их из виду, заявив, что Леба никогда не выступал в Конвенте. Сам Леба свое молчание в собрании объяснил следующим образом: «Там, где так много величайших умов собираются вместе, в моем голосе нет нужды, когда речь идет о делах, которые они могут объяснить лучше, чем это смогу сделать я». Кроме того, «существенная вещь — действовать как следует, получше слушать для того, чтобы получше судить о вещах и не говорить иначе, как в тех случаях, когда ты можешь сказать то, что, не будучи сказано тобою в данный момент, будет упущено и другими». «Непосредственный практический характер» Филиппа куда больше побуждал его к действию, чем к словесным битвам на ораторской трибуне. Растет революция, и вместе с ней растет Леба как человек, как революционер. «Сентябрьские избиения» прежде, вероятно, напугавшие бы Филиппа, теперь кажутся ему вполне оправданным и неизбежным следствием предшествующих событий: «К чести нации и революции,— пишет он другу из Парижа 26 октября 1792 г.,— они могут рассматриваться попросту как вершина работы, начатой 10-го августа. Что касается меня... я вижу, что это была единственная мера безопасности, которую использовали для закрепления успеха 10-го числа»⁵.

Однако в первые недели пребывания Леба в Париже ему еще далеко не все ясно из происходящего вокруг. Он не сразу подмечает борьбу группировок в Конвенте. Конвент представляется ему сперва единым, одушевленным общим чувством собранием, «решившимся исполнить свое высокое предназначение». 28 сентября 1792 г., во время заседания Якобинского клуба, на котором председательствовал Ж. Петитон, Леба был принят в Общество якобинцев.

В осенние дни 1792 г. окончательно определилась позиция Леба в борьбе политических партий внутри Конвента. Он монтаньяр и, следовательно, враг Жиронды. «Федералисты»,— так, вслед за якобинцами, называет Филипп депутатов-жирондистов,— стремятся разорвать связь между Парижем и провинциями, что «легко может привести к федерализации республики», замыслы этих людей преступны, а сами они, «агитаторы народа»,— опасные, по мнению Леба, заговорщики. К тому времени, как и большинство монтаньяров, он республиканец,

отвергающий королевскую власть и в принципе, и в конкретном ее воплощении: Людовика XVI Леба именует «Людовиком Последним», он — за республику ⁶.

Развитие революции по восходящей линии придает остроту взглядам Леба, и в его письме Анжу-Франсуа от 27 ноября 1792 г. появляется интересная характеристика поведения жирондистов: «Их (жирондистов.— А. Е.) поведение,— пишет он отцу,— ...напоминает тактику фейянов, стиль и максимы которых они во многом усвоили; странно видеть их... объединившимися с аристократами и помогающими им изо всех сил направить на ложный путь общественное мнение, пытаясь опорочить наиболее пылких друзей свободы». Зимние месяцы 1792/93 г. приносят с собой процесс короля. Позиция Робеспьера по вопросу о суде и казни Людовика XVI кажется Леба безупречной, и он полностью солидаризируется с ней. Король виновен и заслуживает смертную казнь. Отправляя Людовика под нож гильотины, французский народ осуществляет «великий акт национальной мести». В день голосования по вопросу о наказании Людовика XVI в Конвенте Леба — среди тех 387 депутатов, которые вотируют казнь короля без обращения к нации и какой-либо отсрочки. Он прекрасно понимает важность совершившегося: «Дороги отступления нам отрезаны,— пишет Филипп отцу 20 января 1793 г.,— надо — хочешь ли этого или нет — идти вперед; у нас нет другого выбора, как жить свободными или умереть». 19 февраля 1793 г. Леба определяет свою позицию в борьбе между Горой и Жирондой. Он отвергает «фейянизм» и «ложную умеренность» вместе с бриссотинской конституцией, которую считает мертворожденной. Работа съедает его время буквально без остатка. Большую часть дня Леба проводит в стенах Конвента, а в оставшиеся часы и ночью работает в комитете обороны. 16 октября 1792 г. Леба вошел в состав Комитета по петициям и переписке; 26 июня 1793 г. он избран членом Комитета по законодательству ⁷.

«Так много оклеветанная Гора,— пишет он отцу 2 апреля 1793 г.,— тем не менее столь же отважна, как и всегда... Для меня высокая честь — находиться там (то есть среди монтаньяров.— А. Е.) и там, если это потребуется, я умру, верный своему отечеству». Но Леба, восхищаясь Горой и ее вождями, в глубине души — человек нерешительный и умеренный. Поэтому 28 мая 1793 г. при обсуждении вопроса о том, «следует ли отменить декрет, распускающий комитет 12-ти (орудие Жиронды в борьбе с Горой) или нет?», он вместе с еще 149 депутатами воздерживается от голосования ⁸. Почему это произошло? Трудно сказать. Возможно, Леба все еще надеялся на компромисс с Жирондой.

Народное восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. приводит к крушению Жиронды и установлению якобинской диктатуры во Франции. Как раз в это время Робеспьер-старший как-то привел Леба в дом № 366 на ул. Сант-Оноре, где он квартировал. Леба попал в семейный круг «Неподкупного». Вечером, когда удавалось ненадолго оторваться от дел, там звучала музыка, Леба пел итальянские песни, играл на скрипке, а Фелиппо Буонарроти аккомпанировал ему на фортепиано; иногда здесь читали Расина. Филипп влюбляется в одну из дочерей хозяина дома, 22-летнюю Елизавету. Она была миловидна и весела. К тому же, ее, как и всех прочих членов семьи Дюпле, отличала приверженность идеалам революции и Республики. Елизавета ответила Леба взаимностью. День свадьбы был уже назначен, когда 2 августа 1793 г. Конвент послал Леба вместе с его двоюродным братом Дюкенуа в качестве комиссаров в армию Севера, «для того, чтобы оттуда переписываться с Комитетом общественного спасения и принять меры, которых требуют интересы Республики» ⁹.

Институт военных комиссаров возник еще в пору Законодательного собрания. Но только Конвент ввел его использование в постоянную практику. Согласно декрету Конвента от 30 апреля 1793 г., в каждую из армий Республики направлялись несколько (обычно четыре) представителей народа (комиссаров). Комиссарам предоставлялись неограниченные полномочия. Робеспьер, придававший деятельности военных комиссаров первостепенное значение, писал: «Необходимо на всей территории Республики иметь небольшое число решительных комиссаров, обладающих хорошими инструкциями и, в особенности, хорошими принципами для того, чтобы привести все умы к единству и республиканизму, что представляет собой единственный путь к быстрейшему завершению Революции ко благу народа». Столь же высоко оценивал их практическую значимость как представителей Конвента в армейской массе и Сен Жюст ¹⁰.

Миссия Леба в армию Севера пришла на первые три недели августа 1793 года. Находясь в армии, Леба и его брат арестовали двух генералов, внушавших подозрения, кое-кто из офицеров по их распоряжению был отправлен в революционный трибунал, сами они постоянно находились в движении, инспектируя войска и появляясь на самых критических участках фронта. Сразу же по возвращении в Париж, 26 августа 1793 г. состоялась свадьба Леба.

14 сентября Леба вошел в состав Комитета общей безопасности. Возможно, появление там Леба было связано с замыслом Робеспьера, желавшего иметь в Комитете своих людей. Из

числа сторонников Робеспьера в состав Комитета входил один лишь Давид. В избрании Леба чувствовалась рука Сен-Жюста. В октябре 1793 г. Леба едет в Рейнскую армию Республики. Вновь в качестве комиссара, но на этот раз вместе с Сен-Жюстом. Назначение Филиппа «напарником» Сен-Жюста жена Леба объяснила впоследствии дальним расчетом Робеспьера. По ее словам, зная спокойный и справедливый характер Филиппа, «Неподкупный» надеялся на то, что Леба, в случае необходимости, сумеет успокоить запальчивого и страстного Сен-Жюста. «Когда Сен-Жюст и Леба были направлены в Эльзас, фронт находился в плачевном состоянии. За потерей Виссембургских линий последовало поспешное отступление французской армии; австрийцы продвинулись... до Страсбурга». Французские войска «во всем испытывали лишения. Солдатам недоставало всего, и было необходимо улучшить материальное положение армии и в то же время поднять ее моральный дух»¹¹.

1 брюмера (22 октября) 1793 г. Леба и Сен-Жюст прибыли в Эльзас. Текст обращения к армии за подписями обоих комиссаров гласил: «Народные представители, находящиеся в специальной миссии при Рейнской армии, солдатам этой армии. Мы прибыли и клянемся от имени армии, что враг будет разбит. Если есть среди вас предатели или люди, равнодушные к делу народа, то мы имеем меч, который должен их покарать. Солдаты. Мы пришли, чтобы отомстить за вас и дать вам начальников, которые приведут вас к победе. Мы решили отыскивать, вознаграждать и повышать в чинах достойных и преследовать за преступления, кто бы их не совершил. Мужайся, храбрая рейнская армия, тебе будет сопутствовать отныне удача и ты победишь вместе со свободой». По словам Амеля, «эта энергичная прокламация произвела наилучший эффект в армии; солдаты почувствовали ободрение и поддержку; энтузиазм свободы и надежда на победу воспряли в их сердцах». На протяжении всей миссии, но особенно в первые недели своего пребывания в Рейнской армии, Сен-Жюст и Леба издают множество приказов, распоряжений, постановлений, преследующих две взаимосвязанные цели: улучшить материальную базу армии и пробудить в солдатах веру в победу. Современный американский историк Р. Палмер, описывая миссию Сен-Жюста и Леба в Эльзас, подчеркивал абсолютную подчиненность Филиппа своему великому другу: «Сен-Жюст полностью затмил Леба и определил политику их совместной миссии...», — писал он¹². Однако мнение это, чересчур крайнее, нуждается в некоторой корректировке. Совершенно разные по характеру и темпераменту, Леба и Сен-Жюст отлично дополняли друг друга. Жесткую непреклонность Сен-Жюста подчас смягчало вменяемость его более умеренного коллеги.

Остаток осени и зима 1793/1794 г. проходят для Леба в бесконечных разъездах. Эльзас, Самбро-Маасская армия, затем, в апреле-мае 1794 г., — опять армия Севера. «Последние восемь дней, — пишет Леба жене 26 ноября 1793 г., — мы совершенно не отдыхали... Мы столкнулись с множеством негодяев и тупиц, но зато встретили также немало замечательных, храбрых товарищей». А через день, в другом письме Елизавете, Леба сообщает: «Мы находимся на ногах сутками и постоянно заняты наблюдением за ходом дел. В тот момент, когда нас менее всего ожидают, тот или иной генерал внезапно видит нас прибывшими и [мы] требуем отчет о его поведении». Энергичные, умные и отважные комиссары Конвента делают очень много для укрепления обороны Республики. Помогает успешному исполнению порученных дел тесная дружба Леба и Сен-Жюста. Военные взгляды Леба и Сен-Жюста просты и определены. Они за наступательные действия. Усвоить оборонительную тактику, по их мнению, значит — предать Республику. По инициативе Леба и Сен-Жюста осуществляется чрезвычайно важное военное мероприятие: согласно их распоряжению, подлежащие мобилизации молодые люди включаются в состав регулярных частей, имеющих боевой опыт. Комиссарам приходилось разбираться не только в чисто армейских делах; в сферу их деятельности попадает и наведение порядка на местах. Народные представители безжалостно расправлялись с врагами Республики. По их приказу в городке Саверн была создана подвижная «революционная комиссия» из пяти человек для борьбы с контрреволюцией; прибыв в Страсбург, Леба и Сен-Жюст издали распоряжение о расстреле захваченных «агентов и партизан» противника на месте, перед строем солдат и постановление о конфискации имущества казненных в пользу Республики. Одновременно Сен-Жюст и Леба распустили эбертистскую организацию «Пропаганда», созданную по инициативе мэра Страсбурга Моне¹³.

Отдельную область деятельности «представителей в миссии» составила помощь семьям воинов, сражающихся за свободу, и пропаганда республиканских добродетелей. Этой теме была посвящена значительная часть прокламаций комиссаров Конвента. «Граждане Страсбурга, — гласила одна из них, — приглашаются отказаться от германских мод, так как в их груди бьется сердце французов». Много усилий Леба и Сен-Жюст прилагают к проведению политики Конвента на местах. Так, 7 брюмера [28 октября] 1793 г. они издают специальное постановление, обязывающее все местные административные органы надзирать за соблюдением закона

о максимуме. Деятельность комиссаров высоко оценивается якобинским правительством Франции¹⁴.

В мае 1794 г. Комитет общественного спасения принял решение об организации Школы Марса для юношей в возрасте 16—17 лет. Во главе этой школы был поставлен Леба. 17 июня у него родился сын. Его семейная радость была недолгой. Над Парижем собирается гроза термидора. Ее наступление чувствуют многие. Чувствует ее и Леба. Елизавета вспоминала впоследствии, что за четыре-пять дней до переворота он говорил с ней о смерти, о самоубийстве.

Леба появляется в Париже за месяц до событий 9 термидора. Постоянно занятый миссиями, он не имеет врагов в Конвенте, и в роковой день переворота никто не собирается его арестовывать. Однако сам Леба требует своего ареста вместе с великими монтаньярами: «Я не желаю разделить бесславие этого декрета (то есть декрета, объявившего Робеспьера и его сподвижников вне закона.— *А. Е.*),— заявляет он.— Я требую, чтобы меня также арестовали». После ареста его переводят в тюрьму Ла-Форс. Сторонники Робеспьера к вечеру освобождают своего вождя и его соратников из заключения. Освобожденного вместе с другими Леба встречает жена, которая хочет сопровождать его в Ратушу; он уговаривает ее вернуться домой. На прощание Леба говорит ей: «Не заставляй его (их сына.— *А. Е.*) ненавидеть убийц своего отца. Внушай его любовь к отечеству. Всегда говори ему, что его отец умер за него. Прощай, моя Елизавета, прощай!». Друзья «Неподкупного», собравшиеся в Ратуше, предлагают Леба принять командование над артиллерией и идти на Конвент. Он отказывается, говоря: «Я не буду вторым Кромвелем. Нам ничего нельзя сделать, иначе как через народ, и мы не имеем права атаковать представителей народа. Нет, я не буду спасать себя таким путем». Кто-то дает Леба пару пистолетов. Во втором часу ночи 10 термидора колонна термидорианцев во главе с Л. Бурдоном ворвалась в здание Ратуши. Последний оплот монтаньяров пал. Один из пистолетов Леба протянул Робеспьеру, а из другого выстрелил себе в голову. «Он знал, как умереть за свою страну; он мог умереть только с мучениками свободы»,— говорила впоследствии его вдова.

Оценки современников, как и оценки потомков, часто пристрастны. С осторожностью следует относиться и к тем и к другим. Подчас злопамятство оказывается более живучим, чем память о том или ином историческом событии, той или иной исторической личности. Леба не стал исключением из этого правила. Для одних он остался образцом преданной дружбы, «рыцарем без страха и упрека», стойким монтаньяром; для других — ограниченным фанатиком, чем-то вроде бледной копии Сен-Жюста. Поэт и политик А. Ламартин, написавший проникнутую ненавистью к якобинцам «Историю жирондистов», тем не менее с похвалой отозвался о Леба: «Честный, скромный, молчаливый,— писал Ламартин о Филиппе,— не имевший иного честолюбия, кроме желания служить идеям своего учителя (Робеспьера.— *А. Е.*), он верил в его добродетели, так же как и в его непогрешимость». Иными красками изобразил его на страницах своих мемуаров Б. Барер, член Комитета общественного спасения и участник термидорианского переворота: «Леба был учеником Сен-Жюста,.. обращенным им в фанатика. Он погиб только по этой причине; он был холоден, флегматичен и никогда не высказывал мнения, которое могло его скомпрометировать»¹⁵. Нет необходимости опровергать эту оценку. Короткая жизнь Леба, при всей своей неброскости, отличается замечательной цельностью; именно это является убедительным свидетельством неправоты Барера.

Да, Леба не всегда отличался решимостью. Он не был чужд колебаний. Он мог «стусываться» при известных обстоятельствах. Но несмотря на это он оставался подлинным революционером, патриотом, человеком, не захотевшим и не сумевшим пережить гибель якобинской республики. Имя Леба, искреннего республиканца, комиссара Конвента, друга Робеспьера, занесено в летописи Великой революции как одно из наиболее славных и ярких имен.

Революция конца XVIII в. ассоциируется во французской живописи с именем Жака-Луи-Давида. Сохранился эскиз Давида, запечатлевший Леба: надвинутая на лоб треуголка, чуть вздернутая левая бровь, четко очерченный профиль, плотно сжатые губы, мягкая линия подбородка, упавшие на воротник длинные, слегка вьющиеся волосы. И взгляд, видящий что-то, только ему одному открытое. Незавершенный набросок остался единственным портретом Филиппа.

Примечания

1. HAMEL E. Histoire de Saint-Just député à la Convention Nationale. P. 1859, p. 282; Life and Letters of Philippe Lebas, 1765—94 (далее — Life and Letters). Lnd. 1882, p. 4.

2. HAMEL E. Op. cit., p. 281—282; STÉFANE-POL. *Autour de Robespierre. Le Conventionelle Le Bas d'après des documents inédits et les mémoires de sa veuve*. P. 1901, p. 11—12.
3. CURTIS E. N. *Saint-Just Colleague of Robespierre*. Columbia. 1935, p. 116; STÉFANE-POL. Op. cit., p. 15—16; *Life and Letters*, p. 3; ЖОРЕС Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 3. М. 1979, с. 449.
4. STÉFANE-POL. Op. cit., p. 22; *Life and letters*, p. 11—12.
5. BRUMM G. *Saint-Just. Apostle of Terror*. N. Y. 1993; p. 73; *Archives parlementaires de 1787. 1860; Recueil complet des débats législatives et politiques des chambres françaises. Premiers série (далее — Archives parlementaires)*. P. 1898—1900. Т. 54, p. 394; t. 56, p. 240; t. 57, p. 82; BUCHEZ P.-J.-B. et ROUX P.-C. *Histoire parlementaire de la Révolution Française. 1789—1815*. Т. 31. P. 1837, p. 33; *Life and Letters*, p. 13, 17.
6. STÉFANE-POL. Op. cit., p. 32; AULARD F.-A. *La Société des jacobins. Recueil des documents pour l'histoire du club des jacobins le Paris*. Т. 4. P. 1882, p. 338; *Life and Letters*, p. 16—17.
7. *Life and Letters*, p. 19, 20—21, 23; МАДЛЕН Л. *Французская революция*. Т. 2. Берлин. 1922, с. 28; CURTIS E. N. Op. cit., p. 116; *Archives parlementaires*. Т. 52. P. 1897, p. 531; t. 67. P. 1905, p. 517.
8. STÉFANE-POL. Op. cit., p. 49; *Archives parlementaires*. Т. 65. P. 1904. p. 536—538.
9. РОБЕСПЬЕР Ш. *Воспоминания*. Л. 1925, с. 39; STÉFANE-POL. Op. cit., p. 152.
10. PHIPPS R. W. *The Armies of the First French Republic and the Rise of the Marshals of Napoleon I. The Armée du Nord*. Oxford. 1926; ДЖИВЕЛЕГОВ А. К. *Армия Великой Французской революции и ее вожди. Исторический очерк*. М.-Пгг. 1923, с. 108; ALGER J. C. *Paris in 1789—94*. Lnd. 1992, p. 486—487; БИРЮКОВИЧ В. *Армия Французской революции*. М. 1943, с. 51.
11. STÉFANE-POL. Op. cit., p. 166—167, 150; CURTIS E. N. Op. cit., p. 120; BUCHEZ P.-J.-B. et ROUX P.-C. Op. cit., Т. 34, p. 35.
12. СОБУЛЬ А. *Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции*. М. 1960, с. 290—316 и др.; PALMER R. R. *Twelve Who Ruled*. 1958, p. 180.
13. *Life and Letters*, p. 42—45; CURTIS E. N. Op. cit., p. 124; *Переписка Робеспьера*. М. 1929, с. 193; СОБУЛЬ А. *Ук. соч.*, с. 293—294; CURTIS E. N. Op. cit., p. 135—136; STÉFANE-POL. Op. cit., p. 174—175.
14. PALMER R. R. Op. cit., p. 190—191; BUCHEZ P.-J.-B. et ROUX P.-C. Op. cit. Т. 31, p. 39; t. 34, p. 35; STÉFANE-POL. Op. cit., p. 184; *Переписка Робеспьера*, с. 199; TEN BRINK J. *Robespierre and the Red Terror*. Lnd. 1899, p. 388—389; *Life and Letters*, p. 56—57; STÉFANE-POL. Op. cit., p. 146.
15. ЛАМАРТИН А. *История жирондистов*. Т. 4. СПб. 1906, с. 53; BARÉRE B. *Mémoires of Bertrand Barere Chairman of the Committee of Public Safety during the Revolution*. Vol. 2. Lnd. 1896, p. 190.

Восстанавливать истину о второй мировой войне

В начале 1995 г. вышла в свет книга профессора истории и директора Центра Каммингса по исследованию России Тель-Авивского университета Габриэля Городецкого «Миф «Ледокола». Автор научных трудов «Ненадежное перемирие. Англо-советские отношения, 1924—1927» (1977 г.), «Миссия Крипса в Москве, 1940—1942» (1984 г.), редактор сборника «Советская внешняя политика, 1917—1991. Ретроспектива» (1994 г.) Городецкий на этот раз избрал темой своего исследования внешнюю политику Советского Союза в 1939—1941 годах. Решение это не было случайным.

50-летие разгрома фашизма и окончания второй мировой войны вновь привлекло внимание российских и западных ученых к наиболее острым проблемам истории войны — о ее причинах и виновниках, о необходимости разоблачения мифов, лжи о войне, о том, какие «белые пятна» в ее истории еще ждут своих исследователей. В России, а также на Западе, привлекла внимание полемика, вызванная сенсационными «открытиями» В. Резуна (Суворова), автора «Ледокола» и других сочинений, изданных огромными тиражами. Суворов утверждает, что Сталин готовился к превентивной войне с Германией и что ее начало, намеченное на 6 июля 1941 г., было сорвано вторжением гитлеровского вермахта в СССР.

Городецкий любезно согласился с предложением редакции изложить на страницах нашего журнала свой взгляд на причины появления новых мифов о войне и необходимости их разоблачения, о состоянии изучения второй мировой войны. Ниже публикуется его интервью, в котором читатель найдет ответы ученого на эти и другие вопросы.

Я всегда был убежден, что вторая мировая война является наиболее трагическим событием нашего столетия. Особый характер этой войны, где Добро и Зло были так легко различимы, привел к однозначному приговору истории. Вполне очевидно, что как израильтянин я не могу не рассматривать победу над нацизмом как исторический прорыв, который повлиял на мою личную судьбу, и на судьбу моего народа как нации. В этом смысле я убежден, что война крепко связала два наших народа. Гипотетическая альтернатива Победы — это событие, которое не может даже рассматриваться или обсуждаться бесстрастно.

Я считаю чрезвычайно неудачным то, что история войны лишь в небольшой степени отдавала дань истинного уважения памяти погибших. В значительно большей мере история войны использовалась для достижения политических целей, сначала как источник обеспечения поддержки широких слоев населения в СССР, позже как своеобразное идеологическое оружие в период «холодной войны». Что же касается СССР, мне всегда казалось прискорбным, что Отечественная война отделяется от второй мировой войны. Необходимость практически стереть целый период действия пакта Риббентропа — Молотова, 1939—1941 гг., со страниц

истории, и желание обеспечить народную поддержку, прославляя уникальность борьбы СССР с фашистской Германией, в послевоенные годы привели к тому, что советское правительство фактически создавало представление о двух различных войнах: второй мировой и Великой Отечественной. Я глубоко убежден, что непременным условием серьезной переоценки войны является рассмотрение всего периода 1939—1945 гг. как единой войны и исследование его в более широком интернациональном контексте. Это могло бы также облегчить возвращение России в Европейское сообщество.

К сожалению, и спустя 50 лет состояние историографии войны крайне неудовлетворительно. В научные исследования вторгались глубокие эмоции, которые связаны с темой войны, на них влияла поляризация послевоенного мира. Меня и сейчас поражает политизация обеих, западной и российской, историографий войны. Продолжение предвзятого и тенденциозного обращения с этой темой является особенно угрожающим, так как сейчас растет новое поколение, у которого нет собственных воспоминаний о войне, и которое полностью полагается на историков. Действительно плачевно, что возникают новые безосновательные мифы. В то же время необходимо признать, что значительная часть истории, на которой мы были воспитаны, и которую мы были склонны принимать как не требующую доказательств, была, к сожалению, мифологизирована по своей природе. Я, например, посвятил много лет пересмотру истории «Великого Союза», само существование которого в ходе войны я сейчас затрудняюсь обнаружить. Можно ли назвать такой подход созданием новых мифов? Более правильно, мне кажется, рассматривать это как восстановление истины. В Германии и, к сожалению, в настоящее время в России, преобладает тенденция отрицания холокоста, игнорирования идеологических принципов нацизма и реабилитации Гитлера, что особенно тревожит.

Книга Резуна (Суворова) — это именно та книга, которую я имел в виду, говоря о создании новых мифов. Стало знаменем времени, что такие люди, как Резун, ранее пользовавшиеся привилегиями, полагавшимися номенклатуре, стремятся в возрожденной России быть приравненными к истинным диссидентам и критикам режима. Как я показываю в моей книге «Миф «Ледокола», вольное обращение с фактами стало товарным знаком Суворова. Отягощать себя доказательствами — занятие для него совершенно чуждое.

Перебежчики часто, чтобы удержать интерес к себе, используют свои знания для пропаганды идей своих новых хозяев. Как у Кривицкого и других перебежчиков 30-х годов, работы Суворова сильно окрашены политическими и идеологическими предубеждениями, имеющими цель разжечь «военный психоз» и предостеречь общественное мнение Запада от возобновления разрядки. Книга Суворова написана в процветающем жанре «психологии заговора». Она внушает читателю, что крупные события нельзя объяснить обычными категориями — теория «заговора», или заговорщицкий менталитет, выходят за пределы ординарных свидетельств. Заговорщицкая психология, или «история, рассказанная в виде народного мифа», исключительно действенна во время переходов от тоталитаризма к демократии. Теория «заговора» в том или ином облике легко завоевывает умы и не воспринимает опровержения. С особой силой она проявляется при объяснении ключевых моментов истории, насыщенных информацией и подверженных постоянным ревизиям.

Отсутствие бесспорных данных, а также расхождения в различных мемуарах, вышедших в свет в СССР, создали вакуум, который удачно заполнили теории Суворова. Единственное преимущество, которым он, по его словам, обладает перед другими западными историками, это непосредственное знание советских сил безопасности и опыт работы в них. Удивляет высокомерие, с которым Суворов отмечает архивный материал и полагается только на мемуарную литературу. Он с готовностью признает, что «немного поработал в архивах Министерства обороны СССР», но «совершенно сознательно архивные материалы почти не использую». В ответ на мои возражения по этому поводу, Суворов утверждал, что сверил свою информацию «с секретными советскими источниками». Отказ от использования архивов объясняется тем, что в них, очевидно, не содержалось нужного ему материала. Уверенный в своей правоте, Суворов не удосужился сверить свои работы с имеющимся новым обширным материалом или как-то отреагировать на него. Он отмечает факты, не согласующиеся с его концепцией, приписывая их вызывающим всеобщую ненависть «коммунистическим историкам».

«Ледокол» стал первой попыткой Суворова обуздать историю и использовать ее в своих политических и идеологических интересах. Рассчитывая на западных читателей, он построил свою аргументацию на грубых идеологических постулатах. Он стремился показать, что внешняя политика Советского Союза целиком определялась идеологией и следовала марксистским догмам, которые всегда имели целью победу мировой революции. Суворов не принимал в расчет национальные интересы, которым следовало советское руководство

накануне войны. На протяжении всей книги он размахивает жупелом коммунизма как красной тряпкой перед быком; этим методом пользовались еще историки периода «холодной войны», пугая Запад тем, что «красные у них под кроватью». В русской версии «Ледокола» Суворов прибегает к такой же тактике, играя на понятном отвращении русского народа к режиму, принесшему ему так много страданий.

С Суворовым я скрещиваю шпаги с тех пор, как он опубликовал в 1985 г. в Париже свою первую статью. Я был изумлен его наглостью и отсутствием какого-либо стеснения во время презентации «Ледокола» несколько лет спустя. Казалось, что Суворов стремился использовать в своих интересах любую представляющуюся ему возможность. Первая публикация его идей в форме статьи в 1986 г. в Англии была явно направлена на то, чтобы удержать Запад от благоприятной реакции на усилия Горбачева по достижению согласия в период ослабления напряженности. В 1987 г. Резун воспользовался дискуссией историков о природе германского национализма и ходе германской истории. Он внес большой вклад в усилия по реабилитации Гитлера, отрицая уникальность его политики и представляя СССР в качестве главного виновника германского вторжения. Тогда я представил мою точку зрения в ведущем германском историческом журнале, *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*.

Когда же книга Суворова была опубликована в России и приобрела там популярность, я счел своей личной обязанностью изложить мою точку зрения. Я посвятил весь период моего пребывания в Оксфордском университете в прошлом году, чтобы подвести итоги моих многолетних раздумий, исследовательских поисков, опровергнуть доводы Резуна и представить, как мне кажется, объективную оценку этого малоизвестного, но чрезвычайно важного периода.

В своей книге я представляю новый, базирующийся на широком архивном материале анализ сталинской политики накануне германской агрессии. Предлагаемое исследование преодолевает, как мне кажется, серьезный недостаток большинства исторических работ, не добившихся успеха в попытке осветить оба аспекта событий — военный и дипломатический — под одним углом зрения. Кроме того, книга не следует обычному шаблону, согласно которому события исследуются исключительно с точки зрения германо-советского сотрудничества в 1939—1941 годах. В данном случае внимание сосредоточивается на более сложных и значимых отношениях с Британией. Как показано в книге, главным фактором, определившим просчеты Сталина относительно германской опасности, было отношение Черчилля к тогда еще лишь намечавшемуся конфликту. Недоверие, предвзятые мнения и слухи оказали большее влияние, чем развертывание множества дивизий на фронте. Я показываю наследие взаимной подозрительности и недоверия между всеми сторонами, участвовавшими в том, что Сталин называл «великой игрой», наследие, которое было, быть может, наиболее важной причиной гибельных событий 22 июня 1941 года. Рассматриваемый период особенно насыщен мифами и умышленно насаждавшимися представлениями о тайных заговорах. Позже мифы эти были некритически восприняты историками — это происходило как из-за отсутствия достоверной информации, так и из-за политической поляризации в годы «холодной войны».

С моей точки зрения, патологическое подозрение, что Германия и Британия могут объединиться и начать крестовый поход против СССР, было наиболее важным фактором советской политики в 1939—1941 годах. Сталин полностью осознавал всю опасность, исходящую от Германии, уже с самого начала второй мировой войны. Он предполагал, тем не менее, что в то время как Германия и Англия находятся в состоянии войны, СССР сможет повысить свою боевую готовность до того, как и он тоже будет втянут в войну. Ошибочность этого предположения впервые обнаружилась, когда Польша была разгромлена до того, как Британия смогла задействовать свои экспедиционные силы. Еще большим потрясением стала молниеносная германская кампания во Франции.

Вступление Черчилля в должность премьер-министра в мае 1940 г. немного успокоило Кремль. В Лондоне же воспринималось как должное, что пакт Риббентропа — Молотова рано или поздно будет закреплён военным союзом между СССР и Германией. Концепция, утверждающая, что германо-советский альянс неизбежен, пережила события 1940 г. и была усилена визитом Молотова в Берлин. Назначение Стаффорда Криппса послом в Москву был последней попыткой предотвратить кристаллизацию советско-германского блока после сокрушительного поражения Франции. В противоположность общей уверенности, это назначение не было инициировано Черчиллем, но, как это ни странно, было сделано под нажимом Сталина, рассматривавшего это назначение как доказательство готовности Черчилля воевать. Он все еще надеялся, что, придерживаясь нейтралитета, он сможет использовать свои отношения с Британией для того, чтобы удерживать немцев от посягательств на Балканы.

Откровенный оппонент своего правительства, Криппс тщетно пытался внушить Идену

и Черчиллю, что политика правительства «буквально толкает СССР в объятия Германии» и препятствует улучшению англо-советских отношений, которое позволило бы достичь полного стратегического взаимодействия в случае начала войны. Его резкие столкновения с Черчиллем и чиновниками Форин офис достигли апогея в проведении собственной, конфликтной политической линии, которая в дальнейшем смазала для Кремля всю картину происходящих событий.

Подозрение, что Черчилль может подписать сепаратный мир с Германией, и осознание необходимости противостоять военной угрозе привели Сталина к возобновлению переговоров с Гитлером в конце 1940 года. На основании архивных материалов я показываю, что подход Сталина подогревался осознанием им слабости Красной армии, серьезно подорванной чистками 1937—1938 годов. Обширный материал, добытый в архивах Красной армии, используется для обоснования вывода о том, что Сталин, имевший достаточно доказательств намерений Германии и подтверждений развертывания ее сил, предпринимал напряженные усилия по реформированию армии. В противоположность оценке Суворова, серия директив, изданных осенью 1940 г., являлась попыткой противодействовать германской угрозе. Этот вопрос детально обсуждался на специальном совещании высшего командования в Кремле в декабре и был подвергнут проверке в ходе двух комплексных военных игр, прошедших в начале 1941 года. Полученные выводы были использованы в мобилизационном плане и плане развертывания, которые были подготовлены весной 1941 года. Были сделаны большие усилия для ускорения строительства фортификационных сооружений на новых границах, установленных в 1939—1940 годах. Была возрождена усовершенствованная военная доктрина, разработанная в середине 30-х годов под руководством М. Н. Тухачевского и В. К. Триандафиллова и призывавшая к созданию эффективной обороны.

Однако к середине апреля 1941 г., после падения Югославии и Греции, Сталин был вынужден признать, что, несмотря на грандиозные шаги, предпринятые для повышения военного потенциала, Красная армия еще не готова встретиться лицом к лицу с вермахтом. Поток рапортов от командиров дивизий обнаруживал присущие армии недостатки — он явно проигрывал гонку. Единственно правильным решением казалось соглашение с Германией, пусть даже временное. Как показано в моей книге, в информации, громоздившейся на столе Сталина, было достаточно неясности для того, чтобы привести его к убеждению: нападение может быть отсрочено, или, что еще лучше, противник может быть «спущен с цепи» в то время, которое он, Сталин, выберет сам, если только правильно разыграет свои дипломатические карты.

Два взаимосвязанных аспекта этой политики проявились благодаря полученной мною беспрецедентной возможности доступа в российские архивы. Одним из таких аспектов было драматическое решение о роспуске Коминтерна, который рассматривался как главный камень преткновения на пути будущего сотрудничества с Германией. Другим явился пакт о нейтралитете с Японией, подписанный в апреле 1941 года. Значение пакта заключалось не только в избавлении от угрозы войны на два фронта, как это утверждалось до сих пор. Заключение пакта можно рассматривать и как попытку умиротворения Германии и возрождения идеи Риббентропа о принятии СССР в состав «оси». Поразительным открытием, сделанным в российских архивах, стало установление того факта, что подобные и иллюзорные надежды поддерживались германским послом в Москве графом Вернером фон Шуленбургом, впоследствии, в 1944 г., ставшим одним из главных участников заговора против Гитлера. После провала попыток убедить Гитлера в безрассудстве войны с СССР, Шуленбург без чьего-либо разрешения взял на себя инициативу и попытался предупредить развязывание войны, находясь в Москве. На нескольких тайных встречах во время завтраков с советскими руководителями (отчеты об этих встречах только недавно были извлечены на свет), он уговаривал Сталина принять меры, которые, как он верил, смогут привести к возобновлению переговоров, начатых Молотовым в Берлине предыдущей осенью. Шуленбург уводил Сталина в сторону от реальной опасности тем, что постоянно твердил о необходимости успокаивать Германию с помощью пресечения слухов о войне, исходящих из Лондона. Он усиливал обоснованное подозрение Сталина, что после фиаско в Греции и Северной Африке Черчилль постарается втянуть СССР в войну, чтобы уменьшить германское давление на Британию.

Действительно, желание достичь соглашения с Германией любой ценой определенно мотивировалось страхом, что британская провокация может впутать СССР в войну. Это подозрение усиливалось характером отношений, сложившихся между Советским Союзом и Британией с начала военных действий — это обстоятельство обычно обходят молчанием историки, сосредоточивающие внимание на последующем блеске «Великого Союза». Так, в противоположность утверждению Черчилля, огромная германская концентрация сил на

востоке еще в первую неделю июня 1941 г. интерпретировалась в Лондоне как давление, предпринятое Германией для обеспечения позитивных результатов в переговорах, которые, как представлялось в Британии, должны были вестись ею с СССР.

Данные, собранные мною и представленные в книге, свидетельствуют, что предостережения о развертывании германских сил, сделанные Сталину Черчиллем в апреле, раньше, чем был заложен первый камень в здание «Великого Союза», фактически привели к обратному результату. Сталин не уделил внимания главной опасности, уже притаившейся за углом, так как подозревал, что Черчилль склонен втянуть СССР в военные действия. Его ошибочная оценка в дальнейшем укрепилась из-за несанкционированных дипломатических инициатив Криппса. Криппс, который был несогласен с правительственной концепцией о неизбежности советско-германского соглашения, верил, что единственно эффективным, хотя и «деликатным» методом привлечения СССР к Британии является игра на страхе Советов перед сепаратным миром. Как подтвердили последующие события, Форин офис было право, отказываясь от использования этого «обоюдострого оружия, которое может заставить Сталина еще настойчивее держаться политики умиротворения». Предостережения, сопровождавшиеся слухами, которые также исходили от Форин офис, были чрезвычайно неблагоприятны, именно потому, что играли на глубинных страхах Сталина. Таким образом, накануне войны советское руководство находилось в незавидной позиции: оно приняло решение избегать полного разрыва отношений с Британией, в то же время явно совершая примирительные движения в направлении Германии.

В свете этих событий полет Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера, в Англию в мае 1941 года с миссией мира может служить ключом к пониманию отношения Советов к приближающемуся конфликту. 18000 страниц документов, рассекреченных британским правительством прошлым летом и использованных при подготовке книги, позволяют отбросить множество теорий заговоров, исходивших прежде всего от КГБ и, казалось, укоренившихся в последние несколько лет. Эти документы раскрывают невероятные усилия МИ-6 (Британской контрразведки) по использованию миссии Гесса для того, чтобы воспрепятствовать заключению СССР договора с Германией, усиливая впечатление о подготовке сепаратного мира между Британией и Германией. Этот важный и до сих пор утаивавшийся аспект дела, который ныне открыт, впервые представляет в правильном свете миссию в целом. Дело Гесса и его разработка, специально состряпанная для потребления в Москве, были решающим фактором в формировании у Сталина предвзятого мнения, продолжающего владеть умами советских разведчиков и по сей день.

Отчеты Майского из Лондона и его дневник дают редкую возможность проникнуть в процесс разработки советской внешней политики накануне войны. Они показывают, как в Кремле складывалось ошибочное впечатление, что импровизированные предостережения Криппса внезапно становятся фактом. Подобная же, вводящая в заблуждение информация исходила, как становится ясно из недавно рассекреченных советских документов, от Филби и других разведчиков. События в самый канун войны приняли драматический и угрожающий характер. Эффективная германская кампания дезинформации по недоразумению совпала с внезапным отзывом Криппса в Лондон для консультаций в начале июня. Это придавало силу предположению, что за сценой разрабатываются определенного рода соглашения, предоставляющие Гитлеру свободу рук на Востоке. Чрезвычайно тревожными были косвенные улики, дающие понять, что на Черчилля и Идена оказывает давление Америка с тем, чтобы пожертвовать СССР в обмен на мирные предложения.

В конце концов всегда существовала небольшая вероятность того, что если даже мирные предложения будут оставлены без ответа, Британия может сигнализировать Германии о своем желании остаться в стороне, когда разразится война с Советским Союзом. Именно в этом контексте должно рассматриваться известное Заявление ТАСС от 13 июня, опровергавшее слухи о надвигающейся войне.

Глубокая пропасть, до сих пор не обнаруженная историками, разделяла в это время Сталина и Генеральный штаб. В то время как армия непрерывно оказывала давление с целью принятия жестких мер, включая массовую мобилизацию и даже упреждающий удар против вермахта, всеподавляющая потребность в передышке заставляла Сталина стремиться и далее к смирению перед Германией. Напряженность дебатов проявилась в ходе нескольких заседаний Политбюро накануне германского вторжения. Столкновения были настолько острыми, что, когда министр обороны маршал Тимошенко поддержал требование Жукова привести армию в боевую готовность, Сталин обрушился на Тимошенко.

К весне 1941 г. различные действующие лица укрепились в своих заблуждениях и оказались полностью во власти взаимных подозрений, что, в свою очередь, породило ошибочный

политический курс. В Кремле преобладала атмосфера отчаяния. Сталин оставался непоколебим в своей уверенности, что Британия пытается устроить провокацию и что никакое германское нападение не может быть предпринято без предварительного ультиматума. Это лишало мужества его окружение, удерживало резидентов разведки и Майского от формулирования правильной оценки. Выхолощенная разведывательная информация, навязчивый страх перед провокацией и признание того, что Красная армия не сможет долго продержаться против вермахта, внесли свой вклад в то замешательство и потрясение, которое постигло русских на рассвете 22 июня 1941 года. Убежденность Сталина в том, что Британия хотела бы потворствовать войне, особенно усилившаяся благодаря делу Гесса и предупреждениям Криппса и Черчилля, привела к тому, что даже в первые дни войны Сталин еще был уверен: британский военно-морской флот выходит в Северное море и направляется к Кронштадту и Ленинграду.

Уникальной особенностью моей книги является использование бывших до последнего времени недоступными советских источников. Источники, о которых идет речь, находятся в хранилище Министерства иностранных дел, и включают в себя фонды Вячеслава Молотова, его заместителя Андрея Вышинского, а также документы Ивана Майского, советского посла в Лондоне, включая и его личный дневник. По военным аспектам проблемы был исследован ряд материалов военной разведки, представленных Сталину накануне войны, а также протоколы внеочередных заседаний высшего военного командования в декабре 1940 г., документы о проведении военных игр в январе 1941 г. и директивы Генерального штаба накануне нападения Германии. Я смог также получить доступ к серии протоколов Политбюро и неопубликованным воспоминаниям ведущих политиков и представителей генералитета. К сожалению, наиболее интересные материалы до сих пор находятся в Президентском архиве и практически закрыты для исследователей. Особенно насыщенными информационно оказались материалы архивов Коминтерна и в первую очередь — дневник Димитрова, который был близок к Сталину и оставил беспристрастные описания заседаний Политбюро.

Все это я имел возможность сопоставить с обширным материалом как по дипломатическим, так и по военным аспектам проблемы, собранным мною в архивах Британии, Франции, Италии и Германии. К сожалению, я должен признать, что, несмотря на серьезные улучшения, доступ к советским документам до сих пор затруднен. Это составляет разительный контраст с доступностью документов на Западе. Я приведу только один пример: КГБ недавно рассекретил 4 документа, имеющих отношение к делу Гесса, в то время как рассекреченные недавно в Британии материалы МИ-6 (Британской контрразведки) и Форин офис составили 18000 страниц.

Уже после выхода в свет книги «Миф «Ледокола» меня спрашивали: нет ли в ней апологии Сталина, предвоенной внешней политики Советского Союза? никоим образом. Теперешняя проблема российских историков заключается в том, что они вступают в очень деликатную сферу. Необходимость демонтировать монумент коммунистического прошлого и сталинизма в особенности является серьезной преградой для проведения объективного исследования. Психологическое давление слишком сильно и однозначно. Как следствие, преобладающей оказалась тенденция рассматривать историю этого периода с точки зрения моральных критериев и почти полностью игнорировать реальную политику, или изображать черным все, что до того было белым. Задача же историков, конечно, заключается в том, чтобы осторожно взвесить различные альтернативы и обнаружить оттенки между черным и белым до того, как выносить приговор. Я старался войти в атмосферу того времени, понять мотивы и национальные интересы, которыми руководствовался Сталин, и которые определяли его политику в те два критических года. Это не стоит воспринимать как апологию Сталина. В книге определенно и недвусмысленно показывается, что непростительная жестокость, проявленная Сталиным во время чисток конца 30-х годов, лишила его возможности достижения целей, соответствующих национальным интересам России в период с 1939 г. и далее.

Российские историки находятся в незавидном положении. Они с самого начала осознавали, что Суворов шарлатан и мошенник, но ошибочно считали, что если они ответят ему и тем самым продемонстрируют, что принимают его всерьез, это только усилит его позиции. Бойкот со стороны средств массовой информации также не принес положительных результатов. Суворов завоевал российскую публику тем, что заполнил существовавший тогда информационный пробел. Суть того, что он сделал, заключается в изображении Сталина (и также и СССР) накануне войны скорее злодеем, чем жертвой. Российские историки, которые попытались бы разоблачить фальшивку и мошенничество, оказались бы в положении защитников Сталина.

Другая проблема проистекает из сложности самого изучаемого периода. Всестороннее изучение этих «белых пятен» требует знакомства с западными архивами, а если мы вспомним,

что само существование пакта Риббентропа — Молотова до последних лет отрицалось, понятно желание историков избегать этой темы. Она перегружена эмоциями и предрассудками, а кроме того, сопряжена с такими процессами в сфере ментальности, которые могут стать помехой в работе российских историков на этом этапе. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что мне, как независимому иностранному исследователю, было легче дать первую взвешенную оценку этого периода. Вместе с тем я надеюсь, что мои российские коллеги освободятся от разнообразных табу и это послужит стимулом к расширению исследований по столь важной теме. В заключение нескольких слов о моих научных планах. «Миф «Ледокола» на время отвлек меня от главного исследовательского проекта, заниматься которым я начал более 10 лет тому назад. Его итог — три тома пересмотренной истории «Великого Союза» во второй мировой войне. В этой работе оспариваются многие распространенные, глубоко укоренившиеся мифы и предрассудки, связанные с изучаемой темой, анализируются внутренние связи между стратегией, политикой и дипломатией, уделяется большое внимание роли выдающихся личностей того времени в процессе принятия решений. В ходе работы над этой темой я собрал массу документальных материалов как в западных, так и в российских архивах.

Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии

Дж. Энтин

Было ли письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» поворотным пунктом в развитии советской исторической науки? Да, конечно, было. Еще до его публикации А. М. Панкратова признавала его огромную важность¹ и с тех пор ее мнение преобладало. Это одна из немногих интерпретаций сталинского времени, которая выдержала превратности перестройки. Наиболее тонкую разработку эта точка зрения получила у А. И. Алаторцевой², а недавно была энергично проведена А. А. Чернобаевым³, позиция которого изложена ясно и четко и основывается на изучении обширных архивных материалов.

Письмо Сталина требует дальнейшего изучения, потому что оно связано с более важными проблемами. Как возник сталинизм и что определило его характер? Являлся ли сталинизм законным порождением большевизма? Претворял ли Сталин в жизнь замыслы Ленина или искажал их? Вопросы, поставленные таким образом и касающиеся отношений между ленинизмом и сталинизмом, имеют спекулятивный характер и остаются без ответа. В лучшем случае они превращают историческое исследование в сравнение взглядов Сталина, Ленина и Маркса на социализм или в выяснение степени согласованности кодексов политического поведения Сталина и Ленина. В худшем — историки отправляются на поиск все более глубоких причин, все более удаленных от источников. Фактически историк превращается при этом в старомодного философа, который пытается разгадать суть вещей.

Между тем следует рассмотреть контекст письма Сталина и случаи, послужившие ему прецедентом, а также раскрыть наследие и культуру М. Н. Покровского и Е. М. Ярославского. Кроме того, большей ясности можно достичь, присмотревшись к используемым терминам.

Важность сталинского вмешательства в 1931 г. в решение проблем истории преувеличена. Молчание, воцарившееся после письма, ошеломило людей, привыкших к шумным дискуссиям 20-х годов⁴. Испытанное ими ощущение перемены, однако, было более сильным, чем то, что имело место в действительности. Во-первых, новая обстановка создавалась в значительной мере самими историками, до и независимо от сталинского влияния. Во-вторых, задолго до 1931 г. вмешательство Сталина в дела «исторического фронта» было гораздо более эффективным, чем это обычно признается.

Доминантная пространственная метафора на Западе выражена терминами «наверху» и «внизу». С одной стороны, так называемая тоталитарная школа в историографии имеет тенденцию подчеркивать действия власть имущих в обществе — государственных и партийных чиновников. С другой стороны, социальные историки стараются обратить внимание на нужды и стремления людей, находящихся на нижних ступеньках общества, чтобы показать, как они сдерживают тех, кто находится наверху⁵. Для советских историков доминантной

Энтин Джордж — профессор Пенсильванского университета (США).

метафорой являлся «путь», выражаемый такими терминами, как «сближение» и «отход». Октябрьская революция изменила направление русской истории; Сталин изменил ее путь еще раз. Он поставил историографию на новые рельсы.

Некоторый интерес представляет то, что обе эти метафоры имеют глубокие корни в марксизме. Что касается советской истории, то это очевидно, на Западе — в меньшей мере. Но дело в том, что социальная история, в значительной мере порожденная беспорядками 60-х годов в Америке, многое заимствовала в марксистской критике капиталистического общества. Конечно, американские и советские историки понимали Маркса по-разному. Для американских социальных критиков марксизм был и остается прежде всего учением о власти. Для советских марксистов политика не существовала как автономная сфера; она являлась лишь отражением социально-экономических отношений. «Путь», как метафора, имеет глубокие корни в русской культуре, так же как и в марксизме, восходя вплоть до начала внедрения западной культуры при Петре Великом. Личное и национальное самоопределение часто обсуждается именно в терминах поиска правильного пути.

Употребление метафоры «наверху/внизу» побуждает историков интересоваться тем, как происходили события, каков механизм перемен. Метафора же «путь» подталкивает историков задать вопрос, почему события произошли. Метафора о «пути», далее, вынуждает историков раздроблять время на отдельные периоды, отсюда высоко развившееся советское искусство периодизации. Как только находится подходящее название для какого-либо периода, то все рассматривается в свете этого названия: оно само наполняет смыслом те или иные события. Упор на периодизацию также предрасполагает к тому, чтобы искать поворотные пункты и присваивать соответствующее название каждому очередному периоду.

Метафора «путь» влечет за собой также дихотомизацию и представление обо всем как либо только черном, либо только белом. Если путь, начатый при Сталине, вел к катастрофе, тогда ленинский путь, с которого свернул страну Сталин, мог привести к великолепному будущему.

У меня нет намерения утверждать, что метафора «путь» в каком-либо смысле ошибочна; такие термины, как «правильно» и «неправильно», неуместны в данном контексте. Эти метафоры обычно не проявляются в источниках; по большей части мы бессознательно читаем источники в свете этих метафор; они в значительной степени влияют на наши интерпретации, подталкивая выбирать тот, а не иной контекст как самый подходящий. Существенную роль играет именно косвенное значение соответственных метафор — важно направление, которое они указывают исследователям.

Необходимо подчеркнуть метафорический характер понятий «путь» и «поворотный пункт». «Путь» можно считать корневой метафорой марксизма, «поворотный пункт», — производным от нее. На правильном пути открывается сверкающее будущее, жизнь наполняется смыслом, прибавляются силы, пропадает все гнетущее. Ошибочный путь ведет к вещам противоположным. При таком подходе утверждается миф о том, что сменить средства достижения цели значит отказаться от этой цели. «Путь» и «поворотный пункт» в совокупности подталкивают марксистски подготовленного историка считать вмешательство Сталина решающим моментом. Сталин и его историки, такие, как Ярославский, казалось, олицетворяли один путь и одно будущее; Покровский и его когорта предлагали совершенно другое будущее для историков и советского общества. Замещение одной из этих подкультур другой воспринималось как коренная перемена маршрута.

Партийное, как это называлось, «руководство» историками широко известно, так же как и собственное вмешательство Сталина, но, вероятно, полезно сделать обзор основных его черт. Создание Сталиным собственного аппарата в партийных пропагандистских учреждениях началось еще в 1924 году. Относительно независимо мыслящие большевики, такие, как М. С. Ольминский, бывший народник, который пережил разные стадии партийной истории, были заменены на руководящих постах сталинскими клеветками, такими, как И. П. Товстуха и С. И. Канатчиков⁶. Влияние Сталина также росло на основе его все более властных и автократических заявлений. Его опубликованные лекции о ленинизме и высказывания по истории партии, особенно его речь на XV партийной конференции в 1927 г., приобретали силу директив по мере того, как он продвигался к вершинам власти, подчиняя своих соперников.

Вопросы и важные, и мелкие, такие как разрешение делегации советских историков участвовать в Международном конгрессе исторических наук в Осло в 1928 г., решались в Секретариате и Оргбюро ЦК партии, и даже состав делегаций прорабатывался в Центральном Комитете и утверждался Политбюро⁷.

После 1928 г. становилось все сложнее отделить распоряжения самого Сталина от проявлений инициативы со стороны тех в партийном аппарате, кто стремился удержаться на своих постах, предвосхищая сталинские желания.

14 января 1928 г. Секретариат ЦК взялся за публикацию протоколов Петроградского военно-революционного комитета (ВРК) ⁸. Это было сделано вследствие жалобы М. А. Савельева, что с этой работой не справляется Центрархив. Он утверждал, что в существующем виде протоколы создают ложное впечатление. Секретариат назначил комиссию во главе с А. С. Бубновым в составе М. Н. Покровского, крупного чиновника в ОГПУ И. С. Уншлихта, М. А. Савельева, И. П. Товстухи и В. В. Адоратского, которые принялись за редактирование протоколов. По ходу дела проводилось обсуждение текста протоколов с бывшими членами ВРК с целью определить, насколько правильно отражены в документах события 1917 года.

Совершенно очевидно, что это создавало повод для препарирования документов. Не имея возможности сравнить неотредактированные протоколы с версиями, представленными комиссией, невозможно утверждать с полной определенностью, что фальсификация произошла. Но напрашивается некоторый вывод. Речь идет не о том, конечно, что Покровский фальсифицировал тот или иной протокол; возможно, что он или какой-либо другой член комиссии смело выступали и противодействовали фальсификации. Вывод может состоять в том, что на очень высоком партийном уровне склонность к фальсификации существовала, что давление сверху могло ощущаться именно в этом направлении еще за три года до опубликования письма Сталина.

Осенью 1928 г. состоялось совещание историков и пропагандистов, о котором фактически ничего не известно ⁹. Оно было организовано по инициативе Агитпропа ЦК и приняло решение покончить с плюрализмом, который существовал на «историческом фронте», иначе говоря, административными средствами заставить замолчать немарксистских историков. Делалось ли это по распоряжению Сталина? Дали ли надлежащий сигнал Стецкому, Савельеву или Кнорину Молотов или Каганович? Это вполне возможно, но мы об этом не знаем. Во всяком случае вскоре после этого Покровского убедили, что Институт истории РАНИОН следует расформировать. Он создавал РАНИОН, чтобы проводить политику «построения коммунизма руками некоммунистов» ¹⁰. Теперь он нарушал собственный принцип, выступая за уничтожение даже той малой формы автономии, которая еще существовала для ученых-немарксистов.

В это время Российская Академия наук попала во власть коммунистической партии; затем, в 1930 г., по отношению к ученым-немарксистам уже практиковались аресты, заключение, ссылка. Какова же, конкретно, была роль Покровского в этих событиях? Можно предполагать, что принимавшие решение об аресте спрашивали совета у кого-то, обладавшего авторитетом и положением Покровского, но у нас нет прямых свидетельств, что это имело место. Известно, что на более позднем этапе он был связан с ОГПУ. Недавно опубликованное письмо показывает, что он передавал в ОГПУ письма, которые получал от историков. В его словах чувствуется страх перед этими вездесущими органами ¹¹.

В 1929 г. Сталин во всеуслышание дал команду ученым и пропагандистам в своем выступлении перед аграрниками-марксистами. Его призыв ликвидировать разрыв между теорией и практикой означал требование покончить с последними остатками плюрализма внутри самого марксистского лагеря. Выковывалась единая линия по всем вопросам. В следующем году он осудил независимого историка-марксиста Д. Б. Рязанова, прямо упомянув его фамилию ¹². Сталинское письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» было логичным следующим шагом.

Ничего необычного во вмешательстве Сталина не было. Оно выглядело нормальным происшествием на «историческом фронте» и демонстрировало уместность определения: «писание истории есть поле боя». Сам момент вмешательства Сталина также нетрудно понять. С его точки зрения, «исторический фронт» в 1931 г. был дезорганизован и требовал воздействия извне. Конфликт между историками, особенно споры между школами Покровского и Ярославского, достигли того предела, когда нормальная работа становится невозможной, и, в частности, мешал работе исторических журналов. В соответствии с действовавшими правилами игры и ввиду своего положения Сталин обязан был вмешаться.

Руководствовался он при этом различными мотивами, среди которых стремление подтолкнуть вперед науку имело наименьшее значение. Наиболее важны были, конечно, факты и псевдо-факты его биографии. То или иное истолкование истории германской социал-демократии имело значение для Коминтерна и советской внешней политики. Писание истории превратилось в инструмент государственного строительства. Неотложной проблемой являлась подготовка партийных кадров в духе большевизма и его моральных принципов. Важны были не сами по себе факты истории, а скорее их функция как способ разъяснить, донести одобряемые правила поведения. Мне кажется, что наиболее насущным делом стало научить партийности новых членов партии, а также тех из числа старых,

которые могли чувствовать себя лишенными ориентировки в результате курса на коллективизацию и других неожиданных поворотов событий.

Партия была ошеломлена письмом Сталина, потому что оно заключало в себе нападки на таких стойких его последователей, как Ярославский, и воочию показывало могущество Сталина. Однако никаких новых правил не устанавливалось, не считая, может быть, сталинского осуждения архивных исследований. Это письмо лишь подчеркивало запрет, наложенный на критику Ленина.

Чернобаев приводит веские доказательства того, что «исторический фронт» под руководством Покровского олицетворял ленинский путь культурного развития. Произведенная не сразу, но довольно быстро после появления письма Сталина, смена руководства в лице Ярославского изменила, по мнению Чернобаева, направление движения исторической науки. Этот тезис подкрепляется многими свидетельствами, но некоторые из них неверны.

Предположим, что Покровский и Ярославский символизируют противоположные тенденции на «историческом фронте». Покровский, пришел в партию из образованных слоев общества. Благодаря В. О. Ключевскому и П. Г. Виноградову он проникся духом и овладел методологией европейской науки. В партии он попал под влияние идей А. А. Богданова. Покровский знал, что историческое понимание требует терпимости, что ему чужда категоричность при рассмотрении неясных вопросов, что источники часто бывают неясны, а иногда недоступны. Чтобы добиться правильной интерпретации событий, историку приходится часто вступать в полемику со своими коллегами.

Ярославский, возможно, обладая такими же способностями, как и Покровский, занимался самообразованием в тюрьме и ссылке. Как работник партийного подполья, он специализировался на военных вопросах. Гражданская война обогатила его опытом не меньше, чем Покровского. Он разделял взгляды тех, кто видел в Сталине выразителя своей позиции. С его точки зрения, позволять своим оппонентам публиковаться — значит предоставлять трибуну классовым врагам. Что это означало? В ходе полемики главная задача — сорвать маску с противника, обнажив при этом классовую сущность оппонента...

Конечно, я преувеличил эти различия между Покровским и Ярославским с целью яснее представить две культуры. В действительности Покровский стал любителем разоблачать, а Ярославский не раз выступал за терпимость.

Чернобаев делает вывод, что в триумфе Сталина отразилась деградация самого марксизма как части европейской культуры¹³. Тем самым предполагается существование радикальных различий между марксизмом Покровского и Ярославского. Напомним, что сам марксизм представляет собой вырождение европейской культуры. Вот почему Покровский и Ярославский, Ленин и Сталин разделяли его недостатки. Это необходимо не упускать из виду, чтобы не преувеличивать роль Сталина. Я это утверждаю, хотя признаю гений Маркса и поныне непреходящую значимость его философии.

Работа Маркса была пронизана мифологией с самого начала. То привилегированное положение, в которое он поставил понятие труда, т. е. силу, являющуюся посредником между природой и культурой, сделало невыносимо тяжеловесной его теорию классовой борьбы. Маркс наделил рабочий класс мифологическим самосознанием. Он освящал страдания пролетариата, отводя ему роль спасителя человечества. Это ожидание было явной перелицовкой теологических категорий, переводом их на язык философских рассуждений. Как предположение, оно не имело ничего общего с социальной наукой в любой ее форме, и никакой террор или пропаганда не могли заставить рабочих выполнить предназначенную им роль. Это в свою очередь заставило его преувеличить весомость идеи пролетарской правды, якобы более ценной, чем правда любой другой социальной группы, и потому нуждающейся в особой защите и поддержке. Пролетарскую правду, т. е. марксизм, нельзя было ставить в условия конкуренции с меньшими правдами¹⁴. Она была более истинной благодаря своему моральному весу. Здесь находим мы посев того интеллектуального гнета, контроля за познающей мыслью, который был свойствен и Ленину и Сталину.

Эта теория, так же как и личный опыт Маркса, позволяют объяснить признанную моральную ущербность его системы — его неприятие любых норм справедливости, которые не укладываются в рамки классового самосознания. Это, возможно, связано с отсутствием этнической идентификации у самого Маркса. Ни как немец, ни как еврей он не имел никаких этнических привязанностей. И он определенно так и не стал англичанином. А так как узы национального родства его никогда не связывали, то он превратно понимал природу человеческой общности¹⁵. Косвенно это имеет отношение не только к нашей теме, но и к пониманию судьбы Советского Союза и нынешних межнациональных отношений в СНГ. Одна лишь классовая принадлежность определяла границы морали.

Маркс, Ленин и Сталин, так же как Покровский и Ярославский, разделяли тот же самый утопизм, ту же готовность жертвовать настоящим во имя будущего и, делая это, они совместными усилиями уничтожали производительные силы. Можно сказать, что в той мере, в какой Покровский стал марксистом, произошло его отчуждение от общеевропейской культуры, к которой он приобщился, когда получал свое прекрасное образование.

Чернобаев рекомендует сравнить между собой речи Кагановича и Покровского, произнесенные на праздновании 10-й годовщины Института красной профессуры (ИКП), которая отмечалась как раз после опубликования письма Сталина ¹⁶. Вместо изучения указанной речи Покровского на юбилее ИКП, где он был не в ударе, обратимся к его более ранней работе, когда он не научился еще бояться Сталина. Покровский был тогда сторонником плюрализма на «историческом фронте»; он признавал необходимым ведение дискуссий и существование оппонентов, по крайней мере короткое время. Но стоит отметить, как вяло и слабо выступал он в этом смысле. Его защита свободы спора совершенно прагматична, и беспринципна. Продолжающееся существование немарксистской науки он оправдывал лишь тем, что она была выгодна и содействовала процветанию марксистской науки. В лучшем случае немарксистская наука была учебным плацдармом для молодежи, чтобы она училась ведению интеллектуальных сражений. По существу дело было не в споре с оппонентами-немарксистами, а лишь в том, чтобы перенять их аналитические навыки.

Граница, разделявшая так называемые буржуазную и пролетарскую культуры, была глубоко проведена в сознании Покровского, его отношение к ним было совершенно разным, буржуазную культуру он оценивал резко негативно. Защищая немарксистскую науку, он, вероятно, сделал максимум того, что было возможно в пределах большевистских понятий о классовой борьбе. Своим согласием на ликвидацию РАНИОН'а он нарушал собственный принцип. И это было не последнее, через что переступил Покровский.

В 1927 г. он опубликовал две большие статьи ¹⁷, имевшие определяющее значение для создания того, что стало называться потом ленинской концепцией Октябрьской революции, но вернее было бы считать сталинской концепцией. Главный пункт здесь состоял в том, что Ленин никогда не предусматривал революцию в развитых капиталистических странах Европы в качестве предпосылки социалистической революции в России, что в действительности Ленин и был создателем теории социализма в одной стране. Совершенно ясно, что Покровский не верил своим собственным словам: годом позднее он неосторожно выразился ¹⁸, что только в период Брест-Литовска Ленин допустил возможность изоляции революции в России.

Покровский внес свой вклад в создание идеологии сталинизма. Можно также сказать, что он содействовал созданию сталинской мифологии. В тех же самых статьях он изображает Октябрьскую революцию как триумф истинной теории Ленина над фальшивой теорией перманентной революции Троцкого. В духе мифологического дуализма Троцкий, а не Временное правительство, был выдвинут им на роль главного врага, мешавшего успехам большевиков. В этом отношении Покровский вооружил Ярославского положениями, которые тот развивал на протяжении многих последующих лет.

Несмотря на открытый конфликт между Покровским и Ярославским и, соответственно, их школами, они невидимо сотрудничали в выработке такой теории, которая перевела русскую историю на особый язык марксистско-ленинских категорий, понятный только посвященным. В своих диспутах о «Народной воле», о революции 1905 г. и о ленинском понимании международного социализма они соперничали, подбирая формулировки, которые соответствовали бы сталинским высказанным и подразумеваемым постулатам. Они буквально наперегонки старались достигнуть сталинского понимания всех этих проблем. Конфликт происходил лишь на поверхности, а под нею преобладало единство. Совместно школы и Покровского и Ярославского выдвинули сталинскую «теорию перерастания», которая резко расходилась с теорией Ленина, полагавшего, что большевистская революция будет лишь искрой, зажигающей социалистическую революцию в передовых капиталистических странах. Между тем теория перерастания являлась стержнем сталинизма как исторического построения.

Эти работы Покровского являются важным свидетельством, подтверждающим тезис о том, что сталинское письмо не произвело такого резкого перелома в жизни советских историков, как считалось раньше. Заявление Покровского о значении, которое придавал Ленин Брест-Литовскому договору, размышляя о перспективах революции и социализма в России, было смелым и дерзким, и, вероятно, его посмертное очернение во многом с этим и было связано. Еще позже и в более опасной ситуации он снова навредил Сталину. Рецензируя автобиографию Троцкого «Моя жизнь», он воспользовался терминологией, которая могла быть только неприятна Сталину ¹⁹.

В последнем публичном выступлении — вслед за докладом Кагановича на годовщине Института красной профессуры — у Покровского прозвучала нота отчуждения. Это событие ознаменовало дебют Кагановича как авторитета в области идеологии и удаление Покровского. Необходимо напомнить, что сразу после появления сталинского письма И. И. Минц был подвергнут критике за свою якобы буржуазную теорию, которая противопоставляла политическую целесообразность объективности и по существу отрицала объективность марксистско-ленинской исторической науки. Каганович в своем выступлении вновь вернулся к нападкам на Минца. При этих обстоятельствах Покровский отрекся от «академизма», в котором он был воспитан в Московском университете: «И мой совет вам: не следуйте по «академическому» пути, по которому шли мы, так как «академизм» включает в себе как неотъемлемое условие признание этой самой объективной науки, которая не существует»²⁰. В некотором смысле он солидаризировался с И. И. Минцем, являвшимся в то время его оппонентом, и воспротивился усилиям Сталина представить собственную историческую схему как объективную. Он возвратился к богдановским положениям, прославляющим пролетарскую культуру, ставя ее выше буржуазной. Он как бы освобождался — через марксизм и концепцию пролетарской культуры — от своих первоначальных корней, то есть от той культуры, которую он усвоил благодаря Ключевскому и Виноградову.

В архиве хранится письмо Ярославского с указаниями помощнику найти материал для статьи, которую он планировал написать. «Я собираю материалы для статьи о реакционной деятельности духовенства (для «Антирелигиозника»). Мне нужны факты о современной реакционной деятельности со стороны еврейских священнослужителей»²¹. Покровский не мог бы написать таких слов, прямо нарушающих кодекс науки, на котором он учился; Ярославский же не имел об этом никакого понятия. Для него сущность науки заключалась в подготовке кадров в духе принципов большевизма и выработке мировоззрения, способного конкурировать с представлениями православного христианства и вытеснять его. Он способствовал превращению Ленина, а затем и Сталина в божественные образцы, которым надлежит следовать. Надеюсь, это не прозвучит как апология Ярославского, но в определенном смысле проступки Покровского были гораздо хуже: он изменил своим собственным устоям. Конечно, Ярославский поднял фальсификацию истории до уровня искусства, Покровский по сравнению с ним был лишь любителем, но увлеченным.

Если эти рассуждения о Покровском и Ярославском соответствуют действительности, то в каком смысле тогда можно считать поворотным пунктом письмо Сталина? Мне кажется, что Сталин соединил оказавшиеся под рукой материалы, придав им определенную форму: произошли консолидация и усиление уже происходивших процессов. Это можно уловить, обратившись к речи Кагановича, произнесенной на 10-летию Института красной профессуры²². Эта речь представляла собой набор установок по выполнению сталинской генеральной линии. Изречения Сталина «архивные крысы» и «гнилой либерализм» накладывали запрет на дискуссии и делали возможным лишь разоблачение тех взглядов, которые не находились в строгом соответствии с официально принятыми мнениями. Эти выражения, возможно, отражают сталинские опасения, но в их звучании слышалась определенно и угроза всем, вплоть до самой верхушки, включая и Кагановича.

Утверждение Сталина, что историки изучают документы, чтобы понять заявления политических лидеров, тогда как следует изучать и их деяния, подразумевает также, что историки могут изучать поступки людей не только по документам. Это означало возвышение научного невежества. Уже тот факт, что такому деятелю, как Каганович, лично подписавшему постановление о включении себя в члены Коммунистической академии, суждено было направлять работу ученых, говорит о возобладании антиинтеллектуального начала.

В своей речи Каганович объявил о начале нового периода. Потерпев поражение, враги партии не могли больше провозглашать свои идеи открыто; теперь они были вынуждены прибегать к уверткам, перейти к попыткам дискредитировать идеи Ленина. Здесь повторяется сталинское предостережение: покажи, что в твоих словах нет следа независимого мышления, и будь готов осудить этот недостаток у других. Каганович, который был и исполнителем и жертвой, донес до нас этот безумный, патологический страх, пронизывавший все ткани советского общества. В этом смысле то был новый мир. Установившийся цепкий, безмерный страх перед мнением, хотя бы лишь чуточку отличавшимся от сталинского, — вот что делает письмо Сталина поворотным пунктом.

Фальсификация началась не в 1931 году. Лживое изображение Ленина и Троцкого было крепко укоренившимся принципом, исповедуемым и Покровским, и Ярославским. Но надо все-таки признать, что в период с 1929 по 1933 г. в Советском Союзе произошло нечто глубокое и даже в некотором смысле загадочное. Для понимания того, что произошло,

может быть полезна метафора о «поворотном пункте». Многим же кто пережил эти события, показалось бы более уместным слово «разрыв». Людям, разделявшим мечты большевиков, этот новый смелый мир раскрывался как нечто странное и неожиданное. Все было перевернуто вверх дном, как в камере-обскуре: вместо общества, основанного на равенстве и свободе, они оказались в обществе, основанном на иерархии и подавлении. Причем подавление и контроль существовали в масштабах доселе невиданных. Во многих отношениях это был трагический и парадоксальный поворот жизни, но не с точки зрения Сталина или его последователей, разделявших его мировоззрение, власть и привилегии. Это устрасало и обрекало на смерть многих старых большевиков. Но не был ли этот мир в значительной степени создан ими самими?

Если мой тезис верен, и этот поворотный пункт, рассмотренный через призму конфликта между Покровским и Ярославским, не так уже отчетлив, как думали прежде, то это позволяет полагать, что триумф Сталина еще более закономерен, если хотите, чем это неоднократно утверждалось в советской исторической литературе. Тем самым подтверждается то, что идеи Сталина и его нормы глубоко коренились в большевизме. Данный тезис не проводит равенства между Лениным и Сталиным, но доказывает их родство.

Примечания

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 147, оп. 1, д. 73, л. 15—16.
2. АЛАТОРЦЕВА А. И. Советская историческая периодика. 1917 — середина 30-х годов. М. 1989. Ее докторская диссертация (АЛАТОРЦЕВА А. И. Становление советской исторической периодики. М. 1991), к сожалению, еще не опубликована. См. также: БАБИЧЕНКО Л. Г. Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» и его последствия.— Вопросы истории КПСС, 1990, № 6, СУХАРЕВ С. В. Письмо И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931). Его политические и исторические последствия. В кн.: Историко-партийная наука на современном этапе. М. 1989.
3. ЧЕРНОБАЕВ А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М. 1992.
4. Анализ этих дискуссий см.: СОКОЛОВ В. Ю. История и политика (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х — начала 1930-х гг.). Томск. 1990.
5. Сравнительный анализ в исторической литературе подходов социальных историков и так называемой тоталитарной школы см.: ANDERLE VI. Stalinism: Its Nature and Aftermath. Armonk, N. Y. 1992.
6. См.: В. И. Ленин и партийные архивы. М. 1989, с. 118—124.
7. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 11, д. 591, л. 3; д. 602, л. 5; д. 601, л. 4, 67—71; д. 634, л. 4.
8. Там же, оп. 113, д. 587, л. 2, 42—50.
9. См. письмо П. О. Горина в ЦК ВКП(б) (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 47, л. 1). Архивы Агитпропа за 1928—1938 гг. были уничтожены.
10. См.: ENTEEN G. M. The Soviet Scholar-Bureaucrat: M. N. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians. University Park. 1978, pp. 103—106; НОВИКОВА Н. М. Историография изучения деятельности Института истории РАН ИОН и его роли в развитии советской исторической науки (1921—1929 гг.). В кн.: Проблемы историографии, источниковедения истории КПСС. М. 1988.
11. «Мне же они совершенно не нужны»: Семь писем из личного архива академика М. Н. Покровского.— Вестник Российской Академии наук, 1992, № 6, с. 111—114.
12. См. СМИРНОВА В. А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанов.— Вопросы истории КПСС, 1989, № 9.
13. ЧЕРНОБАЕВ А. А. Ук. соч., с. 199.
14. KOLAKOWSKI L. Main Currents of Marxism: Its Rise, Growth and Dissolution. Vol. 3. Oxford. 1978, p. 4.
15. MANUEL F. A Requiem for Karl Marx.— Dissent, 121 (1992) 2, Spring.
16. ЧЕРНОБАЕВ А. А. Ук. соч., с. 199.
17. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Октябрьская революция в изображении современников.— Историк-марксист, 1927, № 5, с. 5—6, 11—13; е г о ж е. Предисловие. В кн.: Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 1. М. 1927, с. III—IV. См. также: Вопросы истории, 1989, № 5, с. 154—159.
18. «Ленин решил этот вопрос... (что наша революция в течение очень долгого времени будет революцией в одной стране) именно в процессе борьбы за Брестский мир» (ПОКРОВСКИЙ М. Н. Общественные науки в СССР за десять лет.— Вестник Коммунистической академии, 1928, № 26, с. 16).
19. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Об одном опыте автобиографии.— Большевик, 1930, № 7-8, с. 129—145.
20. Памяти М. Н. Покровского. М. 1932, с. 67.
21. РЦХИДНИ, ф. 89, оп. 4, д. 170, л. 2.
22. За большевистское изучение истории партии. 2-е изд. М. 1931, с. 13, 18, 26.

Н. Г. ПАВЛЕНКО. *Была война... Размышления военного историка.*
М. Родник. 1994. 416 с.

Генерал-лейтенант в отставке Н. Г. Павленко — один из наиболее крупных военных историков старшего поколения. Предмет его научных интересов — в первую очередь вторая мировая война. Уже в 1943 г. он стал сотрудником руководимого генералом П. П. Вечным отдела Генерального штаба по изучению опыта войны. Павленко участвовал в боевых действиях и был лично знаком со многими военачальниками. Маршал И. С. Конев был оппонентом на защите докторской диссертации Павленко о стратегических наступательных операциях. Он один из главных авторов закрытого четырехтомника Генерального штаба — об операциях советских вооруженных сил в годы войны, а также первого в СССР военно-исторического очерка о второй мировой войне (1958 г.). Возглавленный Павленко «Военно-исторический журнал» в 60-е годы достиг значительных успехов. Велики заслуги этого журнала в становлении советской военной мемуаристики. Первые и, очевидно, лучшие статьи бывшего тогда в немилости у властей Г. К. Жукова увидели свет во многом благодаря усилиям Павленко. После того, как верх в военной историографии взяло консервативное направление, Павленко вынуждены покинуть журнал.

Большой интерес представляют многочисленные публикации Павленко, увидевшие свет в различных журналах и газетах в 1988 и последующие годы. Из них читатель впервые узнал о многих событиях и людях. Эти публикации способствовали преодолению ряда утвердившихся в официальной историографии искаженных представлений о второй мировой войне. К сожалению, не все эти достижения автора получили отражение в рецензируемой книге.

В книге «Была война...» затронуты разные проблемы, в том числе: развитие советской военной историографии и военной теории в 20—30-е годы, репрессии в Красной Армии, вторая мировая война. Преимущественное внимание обращено автором на слабо изученные вопросы руководства военными действиями, неудачные операции, потери, понесенные Советской Армией в 1941—1945 годах. Представлены в книге краткие сведения о многих военных деятелях. Павленко высказывает серьезные соображения не только о событиях и героях прошлого, но и об истории и теории военно-исторической науки, в частности, об обязанности историков и политиков извлекать уроки из прошлого.

Автор обращается к трудам классиков — А. Жомини и К. Клаузевица, а также Н. Н. Свечина, А. Е. Снесарева, В. К. Триандафиллова. Суждения Павленко на этот счет имеют существенное значение, поскольку он показывает, что успехи и неудачи как Гитлера, так и Сталина, как главнокомандующих в значительной степени связаны с учетом или игнорированием наследия классиков.

Едва ли найдутся сейчас книги, полностью свободные от влияний старой методологии или новой политической конъюнктуры. Не свободны от этого влияния и «Размышления» Павленко. Нельзя отрицать дурного влияния революционаризма на формирование советской военной доктрины (с. 53, 55, 67 и др.). Но нельзя и сводить это влияние исключительно к сталинизму; антидиалектическое противопоставление стратегии «измора» и «вторжения» возникло задолго до Сталина и его окружения. Пренебрежение обороной объясняется не революционностью, а бездарностью недоучившихся семинаристов и урядников, ставших маршалами.

«Мессианские догмы,— пишет Павленко,— в сильной степени владели воображением Сталина» (с. 67). Но «вождь народов» еще до войны фактически отказался от этих догм. Его агрессивные действия вполне укладываются в простую имперскую схему.

«Как известно,— утверждает автор,— Красная Армия с самого начала создавалась не как боевая организация государства, а как военный инструмент партии большевиков, захвативших власть» (с. 76). Но разве «с самого начала» не было в России, по крайней мере, двух партий, «захвативших власть»? «Армада политработников» была создана не только ради «контроля» за старыми командирами («в помощь ВЧК!»). Они стремились восстановить престиж командиров, подорванный еще до Октября; направить воспитание красноармейцев в новое русло; устранить пороки старой армии (антидемократизм, кастовую замкнутость многих генералов и офицеров и др.); поднять образовательный уровень красноармейцев; организовать взаимоотношения новой армии с населением и т. д.

По словам автора, власть политработников «неимоверно расширялась» (с. 78), а «наиболее честные и трудолюбивые политработники быстро поняли малополезность своей деятельности и перешли на командирскую или другую работу» (с. 77). С этим едва ли можно согласиться. Созданный в условиях гражданской войны армейский полит-аппарат, несомненно, нуждался в решительном реформировании. Но политики и военные оказались не в состоянии осуществить это на протяжении многих десятилетий. Мы не принимаем тезис о «партийной армии». РККА всегда была органом диктатуры, сначала революционной, а с 30-х годов — контрреволюционной, автократической. Тон в государстве и армии задавала не партия, а номенклатура — партийная, военная и др. Став государственной, ВКП(б) перестала существовать как политическая партия.

Сталинизм фактически сведен Павленко лишь к лжи и террору. Между тем он охватывал все стороны общественной жизни, включая и военное дело. Сформировался определенный, отличавшийся

дилетантизмом метод военного руководства, приведший к грубейшим политическим и военным просчетам, обусловившим катастрофу летом — осенью 1941 года.

К сожалению, в книге нет четкого ответа на вопросы, в каком смысле было внезапным нападение гитлеровцев на СССР, можно ли ограничивать пагубное влияние этой внезапности лишь «полутора-двумя годами» (с. 51, 237—238, 262); кто виноват, что оно оказалось таковым для Красной Армии. Напомним в этой связи мнение французского маршала О. Ф. Мармона, «генерал, застигнутый врасплох, есть уже генерал опозоренный»¹. Для советских же генералов и маршалов (не только для Сталина!) оказались «неожиданными» и операция «Тайфун», и контрнаступление немцев под Харьковом (1942), и численность войск, окруженных в Сталинграде, и прочность обороны Берлина.

Для анализа советского военного руководства важны суждения Павленко о Берлинской операции. Он подчеркивает, что Красная Армия в это время уже «обладала не только огромным превосходством в силах и средствах над противником, но и ценнейшим опытом» (с. 407). Тем не менее эта операция была «одной из самых дорогостоящих, затратных»; далеко не все действия 1-го Белорусского фронта (лобовые удары, штурмы городских кварталов и др.) отвечали требованиям обстановки и военной науки (с. 350—351, 407). Потери Советской Армии на немецкой земле — сотни тысяч убитых — автор называет «для конца войны чрезмерными». Вину он возлагает на Ставку, хотя на следующей странице упоминает о «недовольстве» Сталина решением Жукова применить танковые соединения для штурма Зееловских высот и Берлина (с. 412—414). Обоснованно осуждает Павленко «нелепое и преступное соперничество» между союзниками и между Жуковым и Коневым, «кто из них будет брать Берлин» (с. 408—414).

В «Размышлениях» показано, что не были использованы рекомендации военной теории и собственный опыт организации верховного командования, приобретенный еще в 1918—1922 годах. Некомпетентность власти только усугублялась безвластием специалистов. Сталин единолично решал всё, пишет Павленко (с. 248). Все без исключения маршалы были лишь высокопоставленными проводниками сталинских решений. Где бы они не находились, они состояли под постоянным контролем «вождя», часто мелочным и грубым (с. 338).

Еще в 30-е годы произошло нравственное падение многих военачальников. Некоторых из них Сталин сделал соучастниками массовых убийств (доносы, участие в трибуналах и пр.). Все военные из окружения «вождя» всегда приспособлялись, лавировали (с. 307). Страх перед репрессиями, о котором вспоминают Жуков и другие мемуаристы, постоянно поддерживался, в том числе и кадровыми перетасовками. А. И. Еременко «до десят-

ка раз» назначался командующим разными фронтами (с. 323—340, 347). Часто Сталин ставил явно невыполнимые задачи (с. 156, 395). Маршалы же «брали под козырек», а операции захлебывались в потоках крови солдат и офицеров (с. 261, 395).

Усердно распространяемые ныне утверждения о спорах, которые будто бы вели со Сталиным Молотов, Жуков, Хрущев, явно преувеличены (с. 228, 263, 267, 395). Сталин всё равно поступал по-своему, превращая советников в соучастников своих преступлений. Попытки смягчить вину военных, причастных к сталинскому руководству, напоминают тезис германских мемуаристов: «плохой фюрер, но хорошие генералы» (с. 200, 208, 215—219, 242, 291—292).

Автор коснулся актуальной проблемы — ответственности военных руководителей за свои действия, но, к сожалению, ограничился ошибочным утверждением, будто командиров всегда наказывали, а политработники выходили сухими из воды. Пример с казнью руководителей Западного фронта (с. 78) явно не типичен. Главные виновники краха 1941 г. (И. В. Сталин, В. М. Молотов, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, Л. З. Мехлис и др.) так и остались безнаказанными. Автор обошел молчанием вопрос, кто виноват в том, что допустили блокаду Ленинграда, почему, несмотря на громадные жертвы, не сумели разгромить группу армий «Центр» (1941—1942 гг.), потеряли сотни тысяч солдат и офицеров под Харьковом; позволили выйти из окружения части немецких войск под Корсунь-Шевченковским; проявили бездарность под Будапештом и т. д.

К вопросу о колоссальных потерях Красной Армии автор обращается довольно часто (с. 398, 405 и др.). Но к сожалению, в книге не проанализированы общие данные, которые приводились его предшественниками. Сообщая о фальсификации численности потерь в трудах прошлых лет, Павленко воздерживается от критики новейшего искажения, в первую очередь, относительно соотношения боевых потерь РККА и вермахта, например, в сборнике «Гриф секретности снят»². Не раскрыта и связь затяжного характера войны с гигантскими потерями. Проблема победы «любой ценой» до сих пор не осмыслена ни историками, ни политиками.

Игнорируются автором и получившие распространение на Западе понятия «недопустимые потери», «боевая эффективность», «социальные потери» (долговременное и пагубное влияние жертв, понесенных в ходе войны, на жизнь и развитие общества)³. До сих пор колоссальные потери СССР нелепо изображаются как вклад в общую победу над фашизмом.

С темой военного руководства связана оценка личной роли военачальников, в первую очередь главных советников Сталина — Б. М. Шапошникова, Г. К. Жукова, А. М. Василевского, А. И. Антонова. Этот вопрос еще не подвергался серьезному изучению. В средствах массовой информации на-

стойчиво утверждается тезис об абсолютном приоритете Жукова. К сожалению, и у Павленко Жуков — участник войны и мемуарист — занимает непомерно большое место. Это тем более странно, что на рубеже 80—90-х годов Павленко, как никто другой, способствовал развенчанию этого мифа.

Профессиональные качества Жукова в книге показаны непоследовательно. Подчеркнуто служебное несоответствие Жукова и других военачальников в начале войны: Жуков не был «находкой» для Генштаба, сам маршал считал себя «неподготовленным» к должности начальника Генштаба (с. 213, 215, 248). Но прошел год, и он будто бы стал «уже иным» — специалистом «высокого класса», выдающимся полководцем (с. 71, 328, 339). В то же время, говоря об операциях 1944 г., автор с полным основанием полагает, что «К. К. Рокоссовский по своим профессиональным качествам нисколько не уступал Г. К. Жукову» (с. 393). Подобная точка зрения утвердилась кстати и в мировой литературе. Жуков — не «спаситель», не «гений», а лишь «один из маршалов второй мировой войны»⁴.

Павленко пишет, что Жуков был груб, но честен (с. 146). Но Жуков был не только груб, но и жесток. Он подписал директиву № 3 и приказ № 270 (1941 г.), повлекшие за собой чудовищные жертвы. Недавно извлеченные из архивов документы показывают, как он (вместе с Н. А. Булганиным) вопреки твердой позиции М. Г. Ефремова приказал расстрелять командира одной из бригад 33 армии, пообещав предать суду и самого командарма⁵.

Автор часто цитирует Жукова, но, по словам самого Павленко, «Воспоминания и размышления» Жукова были написаны им лишь наполовину. Бесчисленные редакторы, простые и «специальные», подгоняли работу маршала к тогдашним «нормам». Доклад «О характере современной наступательной операции», прочитанный Жуковым на совещании 1940 г.⁶, был написан группой офицеров штаба

Киевского особого военного округа под руководством И. Х. Баграмяна.

Павленко пишет о необходимости «вникнуть в сущность сталинских методов руководства вооруженными силами»; отмечает, что командование игнорировало реальную обстановку и возможности своих войск, вместо тщательного расчета требовало наступать любой ценой, чрезмерно централизовало управление войсками, подрывало инициативу. Но эти «болезни» автор относит лишь к «первым дням войны» (с. 208, 242). К сожалению, в книге не выделены основные черты сталинистского метода руководства войной: некомпетентность, авантюризм, бюрократизм, жестокость, правовой нигилизм. Лишь предельное напряжение духовных и физических сил позволило советскому народу, преодолевая пороки режима, победить сильнеего противника.

Рецензируемая книга показывает, насколько трудно в одиночку решать коренные вопросы истории минувшей войны. Мы уделили внимание лишь тем проблемам, которые и после выхода в свет «Размышлений» Павленко остаются нерешенными. Но это не противоречит высокому мнению о книге, которая займет значительное место в военной историографии.

А. Н. МЕРЦАЛОВ, Л. А. МЕРЦАЛОВА

Примечания

1. Цит. по: Военная библиотека. СПб. 1871, с. 458.
2. См. Свободная мысль. 1993, № 3, с. 113—114.
3. См. Barbarossa. Edinburgh. 1994, p. 272—274.
4. См. например, Stalin's Generals. Lnd. 1993.
5. См. Новые страницы отечественной истории XX в. Калуга. 1994, с. 89.
6. См. Русский архив. Великая Отечественная. М. 1993. Т. 12/1/.

Allies at War. The Soviet, American, and British Experience, 1939—1945. St. Martin Press. N.-Y. 1994. 456 p.

Союзники в войне. Советский, американский и британский опыт. 1939—1945 гг.

Рецензируемая монография представляет собой совместный военно-исторический труд ученых России, США и Англии. Книга, вышедшая под редакцией Д. Рейнолдса (Великобритания), У. Кимболла (США) и А. Чубарьяна (Россия), содержит 16 глав, объединенных в четыре части: «Стратегия», «Экономика», «Тыл», «Внешняя политика».

Это издание представляет собой примечательное явление в историографии. Разобценные в течение десятилетий идеологизированными подхода-

ми к историческим событиям, авторы предприняли попытку исследовать важнейшие вопросы истории второй мировой войны в аспекте союзнических отношений. Они взяли на себя труд разобраться в том, какими народами стран антигитлеровской коалиции видели друг друга, отбросить предвзятые оценки, сложившиеся в годы холодной войны. Значительно обновлена документально-источниковая база (особенно за счет материалов из российских архивов, ставших доступными в последнее время).

Авторы строго придерживаются принципов объективности, всесторонности и историзма. Участники сборника — известные в своих странах и за их рубежами специалисты в области военной истории. Так, США представлены такими видными историками как Ч. С. Александер, Л. Гарднер, У. Ф. Кимболл, М. Столер, Т. А. Уилсон; среди британских авторов — А. Данчев, Ж. Харрис, Р. Дж. Овери, Д. Рейнолдс; российских — А. О. Чубарьян, Н. М. Наринский, Л. В. Поздеева, О. А. Ржешевский.

В книге поставлены и рассматриваются многие важные проблемы истории второй мировой войны, как общетеоретического, так и конкретно-исторического плана. На часть вопросов, поставленных в книге, даны квалифицированные убедительные ответы, некоторые только обозначены и требуют дальнейшего исследования. Вместе с тем сопоставление нескольких авторских решений одной и той же проблемы стимулирует дальнейшие научные поиски и разработки.

Главы, отражающие национальные интересы участвовавших в войне стран (разумеется, как они тогда понимались), проливают новый свет на многие привычные оценки основных событий истории войны. Это относится, в первую очередь, к факторам, обусловившим создание антигитлеровской коалиции, характеристике основных целей и интересов участников этого уникального военно-политического союза. В отличие от работ прошлых лет, в книге подчеркиваются общечеловеческие и общедемократические слагаемые этой коалиции, обозначенные в Атлантической хартии, Декларации об освобожденной Европе, в учредительных документах ООН, которым в отечественной историографии уделялось недостаточное внимание.

Вместе с тем авторы показывают и внутреннюю противоречивость антигитлеровской коалиции, различное понимание ее участниками коалиционной стратегии, которой нередко противопоставлялись эгоистически трактуемые национальные интересы, а также и трагическое несовпадение чаяний широких народных масс стран — участников антигитлеровской коалиции, надеявшихся на установление демократического мира после разгрома общего врага, и целей правящих кругов великих держав, стремившихся воспользоваться плодами победы для укрепления своих военно-политических позиций в послевоенном мире. Центростремительные и центробежные силы коалиции, взаимодействуя между собой в разные периоды войны, то укрепляли, то ослабляли союз государств и народов. Содержание книги убедительно свидетельствует, что по мере приближения победы идеологические противоречия нарастали, а по окончании войны привели к распаду коалиции.

Книга содержит большой фактический материал для характеристики экономики США и Англии в годы войны, данные о поставках по ленд-лизу и их значении для СССР на разных этапах войны,

о размерах американской помощи Великобритании, внутреннем положении США и Англии в военные годы. Новыми для российского читателя будут и документы из секретной переписки между Ф. Д. Рузвельтом и У. Черчиллем.

Большой интерес представляют главы о жизни людей в США и Англии в годы войны, эволюции их отношения к СССР, советским людям, к И. В. Сталину. Если в предвоенный период русские в общественном сознании Запада рисовались как «кроважидные большевики», несущие угрозу западному образу жизни, то по мере развития военно-технического сотрудничества, культурных обменов, разносторонних контактов с представителями СССР, в том числе и по программе ленд-лиза, а главное благодаря огромному вкладу народов СССР в общую победу, отношение к Советской стране резко изменилось. Значительно возросли симпатии к «простым парням из России», трансформировался в определенной степени даже образ жестокого диктатора Сталина. Изменился в сознании советского народа и имидж толстосума — «дяди Сэма» и «угнетателя народов колоний британского льва».

Представляет интерес описание организации американской экономики в годы войны, перевода ее с военного положения на мирное, конверсии военной промышленности, решения проблемы безработицы в годы войны и в период послевоенной перестройки народного хозяйства.

Книга дает представление о различиях в менталитете государственных деятелей «Большой тройки» и их окружения, понимании ими национальных интересов своих стран в войне и обеспечения безопасности в послевоенном мире, раскрывает особенности «континентального» (СССР) и «атлантического» (США, Англия) мышления при решении экономических, политических и стратегических задач. Немало места уделено и разности подходов к ведению войны со стороны США и Великобритании.

Авторы прослеживают процесс смены приоритетов, когда внутренние проблемы и вопросы послевоенного мира стали выходить на первый план. Это проявилось и в поражении консерваторов в Англии, и в ухудшении отношений между СССР и западными демократиями, и в осложнении американо-британских отношений. Авторы объясняют, как и почему разгорались первые всполохи холодной войны, анализируют предпосылки к образованию послевоенной конфронтации сверхдержав.

В труде получил отражение новый подход к изучению советского общества военных лет, рассмотрению глубинных причин советского патриотизма, самоотверженности людей на фронте и в тылу. Несмотря на недовольство значительной части крестьянства коллективизацией, именно оно составляло основу Красной Армии, героически сражавшейся против иноземных захватчиков. В книге рассматриваются изменения во внутренней и внешней

политике советского правительства, затушевывание вопросов классово-борьбы, переключение пропаганды на национальные традиции, на демократические ценности. Это отражало сдвиги, происходившие в советском обществе в годы войны.

Авторы сделали заметный шаг вперед в изучении второй мировой войны в результате

растущего международного сотрудничества историков разных стран. Книга написана живым и образным языком, читается с интересом, содержит много нового и побуждает к дальнейшим исследованиям истории войны.

А. С. ОРЛОВ

А. А. АНТУФЬЕВ. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург. Уральское отделение РАН. Институт истории и археологии. 1992. 338 с.

Монография кандидата исторических наук А. А. Антуфьева (Институт экономики УрО РАН) существенно расширяет представления о месте и роли Уральского экономического региона накануне и в годы Великой Отечественной войны. Это наиболее крупное исследование по истории промышленности Урала в указанный период. В отличие от предшественников, Антуфьев изучил не только топливно-энергетические отрасли, черную металлургию и машиностроение, но и цветную металлургию, химическую, лесную, деревообрабатывающую, легкую, пищевую отрасли Урала, имевшие общесоюзное значение. При этом большое внимание автор уделил исследованию не только количественных, но и качественных показателей уральской промышленности, характеризовавших динамику производительности труда и себестоимости продукции, рентабельность, ритмичность, технический прогресс и другие экономические показатели, выполнение плановых заданий, комплексность использования природных ресурсов, соотношение экстенсивных и интенсивных факторов, уровень организации и условия труда.

Сложившуюся в 30-е годы структуру уральской индустрии автор расценивает как антигуманную, «в которой удовлетворение потребностей человека стояло на последнем месте» (с. 91). Ресурсы, предназначенные для мирных отраслей, перераспределялись в пользу военно-промышленного комплекса.

Интересно мнение автора о том, что в годы третьей пятилетки командно-административная система переживала кризис. Выход из него осуществлялся за счет усиления административно-правовых мер принуждения, расширения громоздкого и неэффективного управленческого аппарата (с. 93). Впрочем этот тезис требует более тщательного обоснования. Потерпела неудачу попытка введения внутризаводского хозрасчета. В третью пятилетку продолжалась индустриализация Урала, превратившая регион в громадный военно-промышленный комплекс с преобладанием базовых отраслей: машиностроения и металлообработки, черной и цветной металлургии, электроэнергетики и химии. В те годы, пишет Антуфьев, на предпри-

ятиях Урала уживались передовая техника, технология и низкая производительность, обусловленные безразличием работников, их недостаточной материальной заинтересованностью, отчуждением от средств производства.

Вслед за некоторыми историками, автор отказался от изложения материала согласно сложившейся периодизации истории тыла в годы Великой Отечественной войны. Он не выделяет периоды перестройки экономики на военный лад и создания слаженного военного хозяйства. По его мнению, эта так наз. перестройка не затрагивала основ административно-командной системы, не ломала устоявшихся форм и методов руководства, а являлась продолжением довоенного процесса перевода народного хозяйства на военные рельсы, только в более сжатые сроки в связи с экстремальными условиями войны. Он применяет термин «перестройка» только в узком понимании этого слова (с. 9).

Сильной натяжкой автор считает распространенный вывод о том, что в стране было создано слаженное военное хозяйство. Дефицитная, разбалансированная экономика с диспропорциями между отраслями не могла стать слаженной. Монопольная государственная собственность на средства производства позволяли ГКО, ЦК ВКП(б), правительству, Госплану силовыми методами мобилизовать все имевшиеся ресурсы в пользу военной индустрии, концентрировать их на важнейших участках промышленного строительства, а также произвольно снижать и повышать закупочные цены, устанавливать любые плановые задания, применять внеэкономические способы управления экономикой (с. 320). Благодаря этому уральцам удалось за четыре года войны увеличить промышленное производство втрое. За годы войны Урал дал 70% всех средних, тяжелых танков и САУ, выпущенных наркоматом танковой промышленности (с. 172). До 40% всего военного производства приходилось на долю Урала в годы войны. Не было таких видов военной продукции, которые бы здесь не изготавливались (с. 223).

Автор утверждает, что во время войны уральская индустрия развивалась главным обра-

зом за счет экстенсивных факторов. Трехкратное увеличение валовой продукции и более чем двукратное повышение выработки на одного рабочего в рублях в немалой степени имели фиктивный характер, т. к. были достигнуты благодаря сравнительно высоким закупочным ценам на военную технику, боеприпасы, снаряжение и другую продукцию, шедшую на оборонные цели (с. 224).

Невысокой была в военные годы и эффективность промышленного производства. Из-за простоев оборудования в результате его поломок, нехватки электроэнергии, топлива, сырья, материалов, запчастей, увеличения численности обслуживающего персонала и т. д. почти во всех отраслях индустрии региона ухудшились технико-экономические показатели. Высокие же темпы роста промышленного потенциала Урала в военных условиях связаны с интенсивным развитием машиностроения (с. 161—190). Интенсификация производства в военно-промышленном комплексе осуществлялась за счет внедрения научно-технических достижений, чему способствовала эвакуация на Урал десятков научно-исследовательских, академических, учебных, проектно-конструкторских институтов, вместе с которыми прибыли видные ученые и тысячи научных сотрудников.

Техническому прогрессу в индустрии края содействовал и переход на выпуск вооружений. Централизация и специализация производства, крупносерийное и массовое изготовление продукции позволили заводам применить самые передовые, а иногда и не известные мировой практике технологические методы, механизировать многие трудоемкие операции. Значительные масштабы обрели модернизация станков, агрегатов, механизация и частичная автоматизация трудовых процессов. В машиностроении технический прогресс был ускорен организацией на заводах поточных линий и конвейеров. Уральцы первыми в мире поставили на поток изготовление танков.

В годы войны, как показал автор, удалось добиться крупного экономического эффекта от снижения себестоимости военной продукции и сокращения цен на нее. Это трактовалось как «неоспоримое» преимущество социалистической экономики. Однако при этом забывают об «умелом» пересмотре цен на изделия, необычайно дешевой рабочей силы и практически бесплатной работе трудармейцев, «спецконтингента». Финансово-экономическим показателям не уделялось должного внимания, и продукцию выпускали любой ценой. Экстенсивные факторы играли определяющую роль в развитии затратной экономики.

Автор проследил структурные сдвиги в уральской индустрии, рассмотрел ее внутрирегиональное размещение, уровень промышленного развития пяти областей и двух автономных республик (Башкирской и Удмуртской АССР, Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей).

Антуфьев попытался найти новые, неординарные подходы к оценке процессов, происходивших в кадровом составе уральской промышленности, выявлению роли административно-командной системы, определенной ее эволюции в годы войны. Он исследовал уголовно-правовые меры принуждения, широко применявшиеся в сфере трудовых отношений, особенно при наборе рабочей силы на производстве и укреплении трудовой дисциплины и т. д. Антуфьев приходит к выводу, что в экстремальных условиях войны «верхи» несколько ослабили хомут командных методов руководства, мелочную опеку предприятий, которым предоставлялась большая, чем до войны, возможность самим решать возникавшие проблемы. Умные, инициативные, компетентные, а потому и независимые руководители разных рангов смогли проявить себя в реальном деле. И все же удушающее влияние системы ощущалось повсеместно.

На взгляд автора, индустриальный подъем советского государства в годы войны — это не результат использования объективных законов и преимуществ социалистического хозяйства, а итог величайшей самоотдачи и самопожертвования тружеников тыла, их терпения и неприхотливости, взлета их самодеятельности, творчества и инициативы, удивительных для условий сталинского культа и жесткого административного надзора. За неразворотливость и неэффективность системы, с ее непомерной даже для условий войны централизацией планирования и распределения, было заплачено жизнью и здоровьем сотен тысяч людей, расходом громадных природных ресурсов.

Автора можно упрекнуть в несколько иллюстративном характере изложения материала в ряде разделов, особенно там, где используются сведения по отдельным предприятиям. Напомним, что книга посвящена региональной экономике, и частные примеры дают более яркое и точное представление о тех или иных процессах, чем обобщенные, среднестатистические данные.

Статистический разнобой, которым отличается литература по указанной теме, требует от историков критической проверки значительного круга сведений, выявления и отбора наиболее достоверных и доступных для проверки показателей, отражающих основные явления и процессы в промышленности (в том числе, и уральской) в исследуемый период. Однако в книге отсутствует развернутый анализ источникового материала, не всегда разъясняются методы обработки источников, что ограничивает возможность их проверки.

Нельзя не согласиться с выводом автора, что хотя СССР и превратился в величайшую военную державу, но по степени социально-правового развития, уровню жизни народа, образования, научно-технического прогресса страна оставалась на за-

дворках мировой цивилизации. Применение апробированных в военные годы затратных экономических механизмов, жесткая централизация управления производством, извращенная промышленная структура вели к уничтожению и про-

еданию природных ресурсов, угрожали экологической катастрофой и сырьевым истощением, были чреватые запущенностью социальной сферы.

Г. Е. КОРНИЛОВ

Россия и Запад: диалог культур. М. Факультет иностранных языков МГУ. Центр по изучению взаимодействия культур. 1994. 233 с.

В наше время, когда Россия вновь пришла в активное соприкосновение с Западом, очень важно понять, как именно происходит это общение, насколько совместимы их культуры, чем они могут обогатить друг друга, а в чем — оказать разрушительное воздействие. Иная культура — это и зеркало, глядя в которое, можно найти в себе что-то новое. Правда, часто это зеркало не лишено искривлений. Взаимовлиянию культур России и Запада, их взгляду друг на друга, роли мифов во взаимоотношении этих двух миров, посвящен рецензируемый сборник.

Проблема взаимоотношений с Западом последние два столетия имела в России политический характер, идеологизировалась и мифологизировалась. Анализируя механизм мифотворчества, В. С. Елистратов обращает внимание на то, что в этом процессе активную роль играют обе стороны. Неадекватное толкование увиденного возвращается в страну уже в виде свидетельства о ней и часто принимается западной интеллигенцией, складывается в «литературно-политические мифологические симбиозы».

Некоторые из этих мифов прочно обосновались в сознании интеллигенции, превратились в своего рода аксиомы. С рядом из них и спорит Елистратов. Мифу о изначальной азиатско-европейской антитезе он противопоставляет гипотезу о синтезирующем характере генезиса русского социально-культурного типа, включающего в себя и интегрирующего элементы греческой, финно-угорской, тюркской и других культур (с. 13). Бессмысленно сегодня выяснять, какое влияние было определяющим. «Современные страсти на эту тему являются показателем обратной картины в прошлом (с. 13).

Но если ранее мифотворчество было частью длительного эволюционного культурного процесса, то «современный политический миф создается буквально на глазах. Процесс мифотворчества занимает уже не тысячелетия, не века, не годы, а буквально несколько часов. Миф о так называемых «путчах» создается просто путем прямой трансляции» (с. 16). Таким образом мифы становятся не плодом недоразумений, а орудием интересов, не только продуктом культуры, но и инструментом ее преобразования, в том числе и во взаимодействии России и Запада.

Исследование мифотворчества продолжает М. В. Ильин. В центре его внимания — миф «выбора судьбы», «судьбоносного выбора». Автор пытается выделить определенные национальные традиции, модели формирования этого мифа. Однако, выдвигая интересные гипотезы, Ильин развивает их скорее в публицистическом, нежели в научном ключе. Попытка вывести черты «семитской традиции», к которой Ильин относит и христианство, путем цитирования Корана, вряд ли может быть признана удачной (с. 194—195).

Столь же голословно выглядят утверждения о том, что накануне Октября (видимо, имеется в виду 1917 г.) в массовом сознании стала доминировать «идея пути-бездорожья, когда и цель, и средства утрачивают реальный смысл» (с. 198). К сожалению, автор не приводит доказательств этой смелой гипотезы, которая, к тому же, расходится с известным фактом успеха большевистской теории немедленного перерастания буржуазной революции в социалистическую, то есть «прямой дороги» к «всеобщему счастью».

Более конкретен анализ современного мифотворчества и, в частности, предвыборной агитации 1993 года. Ильин предлагает свое объяснение перетока части избирателей из стана «демократов» в лагерь Либерально-демократической партии, просчетов «Выбора России» и др.

Изучение стереотипов взаимовосприятия России и Запада важно еще и потому, что, по справедливому замечанию Елистратова, «на Западе продолжают изучать Россию по мифам о ней» (с. 18). Исследованию западного взгляда на нашу страну посвящены статьи А. В. Павловской. Поразительна многовековая устойчивость мифов, причудливое переплетение точных наблюдений и абсурдного толкования увиденного гостями России. По мнению Павловской, несмотря на свою тенденциозность, западные источники «порой бывают более объективны и свободны от политических влияний, чем русские дневники и воспоминания того же периода» (с. 59).

К сожалению, автор и сам принимает некоторые мифы в качестве постулатов вроде такого: «Отличительной чертой русского национального характера является склонность к самоанализу, к копанию в своей душе, а порой и к самобичеванию» (с. 19). Спора нет, эта черта характерна

для значительной части российской элиты (именно в силу ее культурного отрыва от основной массы населения в XVIII—XIX вв.), но Павловская не приводит доказательств того, что эти черты являются отличительными для русского национального характера.

Встречный взгляд — наблюдения русских в отношении Запада, исследуют В. П. Шестаков и А. П. Забровский. В этой симметричности рассмотрения взаимовосприятия жителей России и Запада и состоит ценность сборника. Сравнивая материал, приведенный в разных статьях, можно выделить те черты национального характера, которые попадают в литературу о России не только по недоразумению. Явно не случайны упоминания о приверженности русских «чувству братства, солидарности, отсутствию индивидуализма» (с. 28) и резкое неприятие русскими литераторами американского потребительства, стремления к наживе (с. 83).

Также знаменательно, что трактовка различий культур Запада и России как «нецивилизованности» русских (с. 24) сочетается с язвительной критикой иностранцев в русской литературе за их презрительное отношение к русской культуре (с. 97).

Можно лишь пожалеть, что большинство исследований, публикуемых в сборнике, основано на анализе литературных произведений. Забровский достаточно категорично утверждает, что «литература есть самосознание народа, выраженное в творчестве того или иного писателя» (с. 104). Но не следует забывать и о том, что исследование литературы не может быть доказательством в определении характера всей культуры, так как в этом случае, по справедливому замечанию Елистратова, «часть приравнивается к целому» (с. 10).

Это отождествление иногда приводит к несколько односторонним выводам. В статье Забровского можно прочесть: «Так сложилось исторически, что именно с Запада Зло очень часто приходило в Россию. И сама по себе Россия последние четверста лет противостояла Европе, но не Востоку. С Востоком Россия отождествлялась, — несмотря на крайне сложные отношения первых веков становления русской государственности. После свержения татаро-монгольского ига Соловьи-разбойники и Тугарины ушли из русской культуры. На их место с христианством пришел сатана» (с. 103).

Этот вывод противоречит не только тому, что развитие христианства не удушило существовавшую ранее фольклорную традицию (Соловей-разбойник не исчез из русской культуры до сих пор), но и факту многовековой конфронтации с Турцией как раз на протяжении XVII—XIX веков. Войны с Турцией и борьба на Кавказе находили живейший отклик в российском обществе, причем не только в «классической культуре», но и в массовом народном сознании¹.

Не менее спорно и другое утверждение Забровского: «Становление классической русской культуры происходило на путях преодоления за-

падной культуры. Формула, как известно, простая: восемнадцатый век — время овладения всеми аспектами европейской культуры: от одежды, манеры поведения до образования и искусства; девятнадцатый — время преодоления европейской культуры и становления культуры национальной, которая, достигнув вершин, переходит на уровень общемировой» (с. 104). Но слово «как известно», не делает эту «простую формулу» более убедительной.

В XVIII в. правящая элита России (и именно она, а не весь народ) приобщилась лишь к некоторым, скорее внешним аспектам западной культуры. В то же время демократические элементы российской политической культуры, родственные западной культуре политического представительства, напротив — подавлялись. Стремление к парламентской культуре и приверженность к гражданским правам стали зримо прививаться в России под влиянием Запада в XIX в., как раз в то время, когда, по Забровскому, происходило «преодоление западной культуры».

Взаимодействие западной и российской культур никогда не было однозначным. И. В. Павловский и З. Н. Афинской прослеживают пути влияния западной культуры на русскую в XIX в., включая такие неожиданные аспекты, как воздействие работ П. Ж. Прудона на творчество Л. Н. Толстого (с. 178).

Украшением сборника являются интересные источниковедческие и историографические, литературоведческие и лингвистические работы Д. М. Володихина, И. В. Карацубы, О. А. Потапенко, С. Г. Тер-Минасова, М. В. Лобыциной, Т. Ю. Загряскиной, В. И. Фатющенко. Они демонстрируют способность русской культуры к интеграции достижений иных цивилизаций, синтезу этих достижений с национальной культурной традицией народов России и созданию на этой основе всё новых культурных пластов, оказывающих заметное воздействие на развитие мировой культуры.

В то же время некоторые статьи попали в сборник случайно. Козловски (США) в своем памфлете об американском образе жизни упоминает о России только в первом и последнем абзацах, а интересная статья Н. А. Ильиной о русской азбуке вообще не содержит упоминаний о Западе.

Несмотря на частные изъяны, неизбежные при рассмотрении столь необъятной темы, сборник предлагает полноценный срез сегодняшнего взгляда на проблемы культурного диалога России и Запада, предоставляет ценнейший материал для дальнейших исследований в этой области.

А. В. ШУБИН

Примечания

1. См. например, ГРОМЫКО М. М. Мир русской деревни. М. 1991.

Автор этой книги Т. Кондратьева, защитив кандидатскую диссертацию на историческом факультете МГУ, преподает русскую историю в Государственном институте восточных языков и цивилизаций в Париже. Книга эта — ее докторская диссертация, изданная в 1989 г. в Париже и переведенная на русский язык.

Не только публицисты и политики, но и историки, изучающие опыт двух революций — Французской конца XVIII в. и Октябрьской, — не могли не сравнивать их, выявлять сходство и различия и при этом волей или неволей становиться на позиции тех или иных участников этих конфликтов. На обложке книги не случайно помещены две пары портретов: Робеспьер — Ленин, Наполеон — Сталин. Это вроде бы задает тон изложению. Однако Кондратьева избегает проторенного пути. Новизна ее подхода состоит в том, что предметом исследования становится сама эта аналогия, ее истоки, развитие и последствия.

Изучение менталитета, значимости и действительности коллективных представлений, верований и мифов, т. е. коллективного воображаемого как особой исторической реальности потребовало выработки новой методики, предполагающей особое внимание к символам, языку, иносказаниям и умолчаниям исследуемого источника. Большая роль в этом принадлежала школе «Анналов». Кондратьева поставила вопрос о действенной силе аналогии в истории русской революции и советского общества. Исходя из того значения, которое на протяжении всего XIX в. придавали поколения русской образованной публики опыту Французской революции, она предположила, что подобный тип мышления (аналогический) не мог остаться без последствий.

Общепризнана роль опыта Французской революции в формировании русской либеральной и революционной мысли. Однако обстоятельного и общающего исследования эта проблема в советской историографии не получила, если, конечно, не считать тему Французской революции в ленинизме. Поэтому Кондратьева начинает свое исследование от А. Н. Радищева, затем идут Н. М. Карамзин, декабристы, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, народники и, наконец, большевики, меньшевики и «сменовеховцы». Именно с момента взятия власти большевиками начинается напряженное и динамичное действие книги, и первые главы выглядят скорее как вступление к основной части книги (необходимое, но несколько затянутое).

До 1918 г. большевики соглашались с ролью наследников Французской революции и охотно сравнивали себя с якобинцами, как наиболее последовательными революционерами, опиравшимися на народ. Но эта окрыляющая аналогия с победоносной революцией и якобинцами, развязавшими тер-

рор во имя опасения ее завоеваний, в своем развитии наталкивается на страшный призрак термидора, знаменовавшего свержение революционной верхушки и откат революции назад, к умеренному буржуазному этапу. Большевики проводят коммунистическую политику в полуфеодальной стране, не реализовавшей еще задач буржуазной революции. Поэтому аналогия с Французской революцией становится в глазах большевиков навязчивой и опасной. Перед ними встает вопрос, поставленный еще Барнавом: как завершить революцию, оставаясь у власти?

Кондратьева показывает, что именно теперь аналогия, переходит из умозрительной области в иное измерение: становится фактором реальной политики. В. И. Ленин приходит к решению о «самотермидоризации» партии, т. е. о введении нэпа, как спланированного, тактического, отступления революции и признания невозможности немедленного введения коммунизма. Однако вскоре использованное Лениным слово «термидор» приобретает в его собственных глазах опасный характер. Автор связывает это с тем резонансом, который получило в особой обстановке 1921 г. в связи с Кронштадтским мятежом и переходом к нэпу издание сборника «Смена вех» со статьей Н. В. Устрялова, воспевавшего «русский термидор».

Оригинальный и обстоятельный анализ взглядов Устрялова, предпринятый Кондратьевой (гл. V), представляет большой интерес. Устрялов пишет о термидоризации большевиков в смысле сознательного буржуазного перерождения их власти, а одновременно эволюции и тактики на путях осуществления реально достижимых революцией (т. е. буржуазных) задач. В условиях пробуждения в обществе исторического сознания, когда аналогия становится достоянием «коллективного воображаемого», такое сближение с термидором могло повредить репутации партии и восприятию массами большевистских оценок перспектив революции.

Кондратьева показывает, как и аналогия с термидором, и сближение Октября с Французской революцией приобретает характер опальных, исчезают из партийного лексикона, а проблема термидора, т. е. перерождения партии «загоняется вглубь», что влечет за собой и политические и идеологические последствия. Далее исследование идет в книге двумя путями: автор прослеживает и мыслительные аналогии, и изучение их политических последствий. В первом случае внимание сосредоточивается на изменениях в самом содержании аналогии. Совмещение первого плана со вторым, событийным, позволяет выявить взаимовлияние воображаемого и действительного, скрытые пружины борьбы вокруг перспектив русской революции, развернувшейся в 20-е—30-е годы.

Для того, чтобы помешать распространению

в партии аналогии нэп-термидор, пишет Кондратьева, Ленин выстраивает парадигматическую цепочку с рядом сущностных подмен: от нэпа — самотермидоризации тактики большевиков, преодолевая устряловский тезис о нэпе-тактике и эволюции большевиков, их сознательного перерождения для завершения революции на буржуазных путях, к запрещению самого слова «термидор» к замене его понятием иного свойства — перерождением, грозящим партии извне — со стороны нэпманов, меньшевиков и «спецов», интеллигентов-«сменовеховцев», проникающих в партийный и государственный аппарат (XI съезд РКП(б), 1922 г.). Автор показывает, как в обществе, в самых истоках которого заложено «противоречие между революционным правоверием и исторической реальностью» (с. 89), слова и мысли (не поступки даже!) становятся запретными: на судьбы людей может влиять даже мысленная аналогия.

Примером служит намеренно преданное забвению «дело Залуцкого», секретаря Ленинградского губкома партии, стоившее ему и поста, и партийного билета (1925 г.). Его подробности Кондратьева восстанавливает по стенограммам XIV съезда ВКП(б) и XXII Ленинградской губернской партконференции. «Вина» П. А. Залуцкого состояла в том, что в доверительной беседе он вновь неосторожно прибегнул к сравнению положения в партии с термидором. Обстоятельства же были таковы, что набравший силу нэп и бюрократизация партийного и государственного аппарата заставили многих партийцев засомневаться в исключительно тактическом характере этой политики. В условиях возросшей напряженности внутри партии высказывание Залуцкого могло вызвать аналогию с борьбой течений внутри якобинского блока, приведшей к ослаблению позиций якобинской верхушки и термидорианскому перевороту. Поэтому в ЦК «делу Залуцкого» придали непомерно большое значение, а информацию о нем для рядовых партийцев, наоборот, строго ограничили, что, как справедливо считает автор, знаменовало «отказ от переосмысления настоящего путем сравнения его с прошлым» (с. 113).

Подробное рассмотрение Кондратьевой перипетий внутрипартийной борьбы 20-х—30-х годов заполняет серьезные пробелы в отечественной историографии, в особенности в том, что касается содержательной стороны внутрипартийных разногласий. Найденный же автором ракурс высвечивает скрытые причины напряженности. Если аналогия не при чем, то почему же «термидор» становится запретным словом, чтобы только накануне отмены нэпа, в 1927 г., вернуться в партийную лексику? В книге показано, что не только контекст, но и смысл этого слова в результате развития аналогии совершенно изменились. Именно убедившись в неотвратимости буржуазной реставрации, Сталин «покончил с нэпом, дабы избежать термидора» (с. 203). В его устах «термидор» превращается в яр-

лык, равносильный обвинению в «пораженчестве», т. е. в контрреволюционности. За термидором закрепляется новый, упрощенный смысл: не внутреннее буржуазное перерождение революционной власти, но буржуазная контрреволюция, силой свергнувшая революционную диктатуру и, следовательно, не имеющая никакой аналогии с советской действительностью.

Конечно, одной парадигматической подмены было недостаточно. Необходимо было «научно» обосновать бессмысленность аналогии. Автор прослеживает, как в интеллектуальной элите большевиков, по мере отказа от старой революционной мифологии, питавшей русскую освободительную мысль XIX и начала XX в., растет осознание необходимости нового мифа. Боязнь исторических аналогий делает одной из первостепенных задач создание истории, приспособленной к нуждам партийной политики, и не случайно переписывать историю начали именно с истории Французской революции.

Нельзя не отметить научную новизну и ценность этой части книги (гл. VIII, IX). Кондратьева называет вещи своими именами. Становление исторического метода в СССР у нее неразрывно связывается с политическими обстоятельствами, которыми оно диктовалось. Кондратьева далека от позиции стороннего критика, она чувствует проблему изнутри, ибо сама сформировалась в советской школе изучения Французской революции. В книге показано, как советские историки подталкивались к единомыслию, как история сделалась признанно и открыто «политикой, острым оружием классовой борьбы» (с. 161).

Стоявшие у истоков советской историографии Французской революции Н. М. Лукин, Ц. Фридлянд, Я. Захер и др. старались, чтобы «историческая реальность соответствовала теории, что привело к схеме, мало соответствующей результатам исторических исследований, но полезной для использования против зачинщиков компаративистского подхода», т. е. любителей аналогий (с. 167). Так был закреплен тезис о коренном различии двух революций — буржуазной и социалистической, об объективно неизбежном крушении мелкобуржуазных якобинцев под ударами буржуазной контрреволюции и неизбежной же победе социализма, ибо за большевиков — «логика истории». Ставшую «ненаучной» аналогию в конце 20-х и в 30-е годы Кондратьева находит у меньшевиков, у опального, а затем высланного Л. Д. Троцкого и, опять-таки, у Устрялова.

Обращение автора к их теоретическим работам имеет самостоятельную ценность, т. к. история их в советской специальной литературе заканчивается эмиграцией меньшевистских руководителей, постановлением XII партконференции об антисоветских партиях и течениях и Берлинской конференцией меньшевиков, т. е. 1923 годом. Между тем, и книга это подтверждает, будучи заинтересован-

ными наблюдателями, меньшевики не оставляли надежды участвовать в строительстве «истинного» социализма в СССР. Автор подметил интересную особенность меньшевистской аналогии с термидором: неоднократно заявляя о его приближении в России, они неизменно, вплоть до 1939 г. — германо-советского пакта и начала финской войны, относят термидор к области прогнозов. Раскрытие сути их понимания термидора вполне объясняет такую позицию. Для меньшевиков термидор означал конец революции и потому крушение их тактических планов, рассчитанных на участие в демократизации советского режима в ходе борьбы с диктатурой Сталина.

Интересно, что и Троцкий, не отказываясь о понимания термидора, как буржуазного перерождения большевистского режима, использует аналогию с Французской революцией для подтверждения тезиса о неизбежно следующей за каждой революцией реакцией, не снимающей, однако, ее основных завоеваний. Это позволяет автору сделать вывод о глубоком внутреннем родстве непримиримых противников: большевиков, Троцкого, меньшевиков. Все они, привлекая или отвергая указанную аналогию, действуют и мыслят, исходя из интересов социалистической перспективы русской революции (с. 193—194). В отличие от них, Устрялов, продолжая свои размышления после отказа от нэпа, видит в термидоре не только завершение революции, но и рубеж, открывающий принципиально новые возможности для дальнейшего развития общества.

Автор подчеркивает оригинальность в повороте аналогии у Устрялова, который, расставшись со своими прежними иллюзиями, разглядел глубокое своеобразие неведомого XIX века типа государства, установившегося в результате русского термидора — диктатуры «идеократического типа», соотносимой с германским национал-социализмом и итальянским фашизмом. Если осмелиться продолжить размышления о роли аналогии, то напрашивается мысль, что трагический конец Устрялова

пожалуй явился следствием его аналогических размышлений: полагаясь на опыт термидорианской Франции, принявшей эмигрантов, готовых сотрудничать с новым порядком, и вопреки собственной теоретической догадке о беспрецедентности «посттермидорианского» режима в СССР, он возвратился в СССР в 1935 г., а через два года был арестован и расстрелян.

В «Заклучении» Кондратьева, до тех пор старательно дистанцировавшаяся от споров вокруг аналогии, не удерживается от суждений о справедливости аналогий, в частности, между большевиками и якобинцами и приходит к выводу, что родство их не выдуманное, оно лежит не в повторении революционной практики, а в их нравственных качествах, в фанатизме и приверженности радикальным политическим методам — диктатуре и террору.

Со времен «слова и дела государева» известно, что в России слово так же наказуемо, как и дело. Исследование Кондратьевой показывает, что воображаемая, мыслимая благодаря аналогии с французским революционным опытом опасность довлеет над политической реальностью, порождает у большевиков неприятие определенных мыслей и слов, навязывает прямые идеологические, политические и социальные меры. Реакция на аналогию пронизывает и внутрипартийную борьбу, и борьбу с оппонентами, обуславливает формирование советской историографии, питает размышления о русской революции и о советском строе.

Задумываясь о причинах, заставлявших участников Октября мерить действительность воображаемой аналогией с Французской революцией, Кондратьева заканчивает свою книгу вопросом: «Да и могло ли быть по-другому, если путь к неизвестному проходит через аналогии?» Думается, что некоторые из читателей не удержатся от рассуждений о термидорианстве и бонапартизме в связи с процессами, происходящими сегодня в постсоветском обществе.

Е. О. ОБИЧКИНА

1857—1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М. Терра. 1994. 384 с.

Один из проницательнейших умов XIX века, П. А. Вяземский, писал когда-то: «Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам». Тот же Вяземский утверждал, что большей части художественной литературы он предпочитает дневники и воспоминания, «коими пренебрегает история»¹. Нельзя сказать, чтобы историография «пренебрегала» эпистолярным и мемуарным наследием представителей династии Романовых. Но, по традиционному в императорском доме взгляду на это нас-

ледие как на личную и семейную тайну, к нему допускались лишь облеченные особым доверием официальные историографы — М. А. Корф, Н. К. Шильдер, С. С. Татищев, а крупные, не говоря уже об исчерпывающих, его публикации вообще не предпринимались. В первые годы советской власти были сделаны попытки восполнить этот пробел в круге доступных источников, однако уже с начала 1930-х гг., вместе с общим идеологическим поворотом, это направление публикаторской деятельности иссякает.

И только в последние годы появилась возможность приступить к обнародованию хотя бы части этих материалов. Сделано пока еще немного, но уже первые опыты в этом направлении доказали исключительное значение этих источников. Очевидно стало, в частности, что история последнего в России царствования, с его трагическим концом, не может быть достаточно изучена без самого глубокого исследования переписки Николая II с женой, матерью, другими членами семьи. Но и более отдаленные времена — особенно периоды наиболее крутых переломов в жизни стран — требуют теперь для подлинного своего освещения знакомства со всем кругом эпистолярного и мемуарного наследия представителей царствовавшей династии.

Поэтому так отрадно, что в обиходе историков появилась фундаментальная публикация переписки Александра II с его братом Константином и дневника последнего за 1858—1861 годы, подготовленная профессором МГУ, доктором исторических наук Л. Г. Захаровой и зав. архивохранилищем ГАРФ кандидатом исторических наук Л. И. Тютюнник. Разумеется, публикация эта далеко не исчерпывает сохранившуюся переписку между царственными братьями, и еще в меньшей степени дневники великого князя. Константин Николаевич начал вести дневник в 9-летнем возрасте и продолжал почти до конца жизни. Заманчиво было бы, конечно, опубликовать полностью дневник одного из самых крупных и прогрессивных государственных деятелей, принадлежащих к императорской фамилии. Но и неизбежное ограничение объема книги указанными пятью годами вполне оправдано.

Конец 1850-х — начало 1860-х годов были временами, ознаменовавшими завершение целой эпохи и подготовку отмены крепостного права. Введение в научный оборот документов самого Александра II и его братьев станет новым шагом к пониманию происходившего тогда. Некоторые фрагменты дневника Константина Николаевича звучат весьма современно. Так 27 июня 1859 г. он записывает: «Получил от Министерства финансов Высочайшее повеление о рассмотрении работы Особой комиссии о банковом кризисе в Комитете финансов... Наше положение страшное. Дай Бог, чтоб, наконец, глаза раскрылись и чтоб перестали действовать обыкновенной нашей манерой — полумерами, а приняли, наконец, пусть болезненные, но решительные меры» (с. 175).

Переписка Александра и Константина приходится по преимуществу на время заграничных поездок последнего, в ходе которых ему была поручена деликатная функция вести частные переговоры с европейскими монархами и проводить в жизнь новую, профранцузскую линию в политике России. Значение подробнейших сообщений Константина по этому поводу, в частности, почти стенографической информации о беседах с Наполеоном III

трудно переоценить. Вряд ли существует другой, связанный с этим источник, отличающийся такой же подробностью и точностью.

Значительный интерес представляют рассыпанные в письмах Константина соображения об отношениях европейских держав между собой и с Россией, впечатления от уровня жизни в Европе, об отношении там к России и к русским. Особую страницу составляют сообщения Константина о путешествии в Святую землю, а затем в Турцию. Эти письма — не только источник для освещения восточной политики того времени. Дополняемые дневниковыми записями великого князя они чрезвычайно много дают для представления о его личности.

Являясь главой Морского ведомства и профессионально занимаясь проблемами развития русского флота, Константин Николаевич и в письмах и в дневнике уделяет им исключительное внимание. Постоянный мотив его писем по этому поводу — слабость отечественной судостроительной промышленности и невыгодное для нее сравнение с зарубежными верфями.

Понятно, что в годы, непосредственно предшествовавшие реформе 1861 г., постоянное и важное место в письмах и дневнике занимает крестьянский вопрос. Даже Александр II (письма которого гораздо более кратки и сдержанны, чем письма брата к нему, что отражает не столько их взаимные отношения, сколько принятую по этикету дистанцию) то и дело возвращается в них к этой животрепещущей проблеме. Письма же Константина, а в еще большей степени дневниковые записи, точно рисуют всю сложность позиций братьев в этом вопросе. С одной стороны, решившись на реформу и поняв уже ее неизбежность, император вынужден опираться на своего либерального брата и его окружение. Еще летом 1857 г. он ввел Константина в состав Секретного комитета по крестьянскому делу, а осенью 1860 г. поставил его председательствующим в Главном комитете, рассматривавшем проекты крестьянской реформы. С другой стороны, давление крепостников, собственные сомнения, боязнь гласности в этом вопросе делали поведение царя неустойчивым и колеблющимся.

К сожалению, к деятельности Главного комитета и прямой подготовке реформы относится лишь одно письмо Константина брату от 10 октября 1860 г., писем же Александра II того времени нет совсем. Но дневник великого князя, день за днем отражающий работу Комитета, проникнут тревогой — и из-за трудностей преодоления сопротивления реакционной части Комитета, и из-за сомнений в решительности императора. «До сих пор он тверд в своих убеждениях, — записывает Константин Николаевич 28 ноября 1860 г., — но что будет при оппозиции в Совете» (с. 282). Нельзя без волнения читать записи за те дни, когда, наконец, вопрос был решен и Александр II подписал Манифест 19

февраля 1861 г.: короткие дневниковые заметки полны исключительно высокого эмоционального накала. Не следует, впрочем, сводить ценность опубликованной в этой книге переписки и дневника к освещению событий общественного характера. Это и свидетельства о жизни семьи — большой, очень дружной, проникнутой взаимной любовью. Семейные праздники, встречи, заботы о здоровье друг друга, дети, их интересы и воспитание, круг близких людей — все это приближает нас к мало еще, в сущности, знакомому миру царской фамилии. Публикуемые источники дают возможность представить себе культуру, вкусы, развлечения, повседневный быт людей, правивших Россией в середине прошлого века.

Обилие в книге, изданной с подлинным полиграфическим вкусом и размахом, богатого изобразительного материала делает персонажей этих интереснейших документов узнаваемыми, создает зрительный образ эпохи. В основном фотографии, воспроизведенные в книге, извлечены из фондов Государственного Архива Российской Федерации и публикуются впервые.

Достоинством публикации является ее полнота. В указанных хронологических рамках и письма и дневники напечатаны полностью без всяких пропусков, в хронологическом порядке. Содержательное «Предисловие» Л. Г. Захаровой вводит читателя в проблематику, показывает значение писем и дневника как источников. Особо следует отметить высокое качество и подробность комментария, в котором использованы и неизвестные ранее архивные источники. Комментарий выполнен в лучших традициях подготовленных и изданных П. А. Зайончковским дневников государственных деятелей России XIX века.

Самостоятельную ценность представляет указатель имен. К сожалению отсутствует указатель географических названий, которых множество в этой книге.

Высокий уровень издания заставляет отметить и некоторую непоследовательность в реализации принципов, положенных составителями в его основу. Это касается прежде всего точности передачи текстов. Она не всегда безупречна, судя по помещенным в книге фотокопиям писем и днев-

никовых записей. Так, в письме Константина Николаевича от 21 апреля (3 мая) 1857 г. дата воспроизведена не в той последовательности, как в оригинале, а слово «года» вообще опущено (с. 37). В письме Александра II от 1/13 января 1859 г. буква «г.» за цифрой года опущена. В нем же слова «Не дай Бог!», в оригинале составляющие отдельную фразу, помещены внутрь предыдущей (с. 89). В первой записи дневника от 8 сентября 1858 г. в тексте пропущен год, в последней фразе ошибочно прочтено «горел» вместо «горит», как в подлиннике (с. 139—140).

В преуведомлении составителей о принципах издания указано, что в тексте, в основном приведенном к современным нормам, сохранены лексические особенности эпохи. Во многих случаях это действительно так — и даже с некоторым излишеством (так, слово «воксал», как писали тогда, сохранено в таком виде не только в тексте, но и в подписи составителей под гравюрой — с. 64). Но такое общепринятое в то время написание, как «генварь», почему-то заменено современным январем.

На пути к такого рода замечательным публикациям, каким является рецензируемая книга обычно возникает столь весомое препятствие как отсутствие средств и боязнь издателей ввязываться в такие предприятия. Тем больше заслуга издательства «Терра», которого это не останавливает. Но на контртитule книги фигурирует еще некое Товарищество «Река Времени» и три загадочные фамилии лиц, «при ближайшем участии», которых будто бы издана книга². Вот и возникает вопрос: что все это значит?

С. В. МИРОНЕНКО

Примечания

1. ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Полн. собр. соч. Т. VII. СПб. 1884, с. 135; его же. Фон-Визин. СПб. 1848. с. 12.
2. С. Г. Блинов, М. Д. Филин, В. М. Мельников, последний, впрочем, на своем месте: ему принадлежит «художественное оформление», но именно в этом качестве, а не при загадочном «ближайшем участии».

Новый часовой. Русский военно-исторический журнал

В 1994 г. в Петербурге вышел первый номер нового журнала. Его издает Независимая Гуманитарная Академия Санкт-Петербурга. Этот журнал, возникший по инициативе группы историков, в значительной мере продолжает традиции журнала «Часовой», который выходил в 1929—1989 гг. в Париже и Брюсселе под редакцией В. В. Орехова. Но рассматривать «Новый часовой» в качестве преемника

этого издания было бы все-таки неверным. Преемник «Часовой», ориентированный в основном на публикацию документальных, мемуарных свидетельств об антибольшевистской вооруженной борьбе, был в силу объективных и субъективных причин изданием в полной мере эмигрантским. В отличие от него «Новый часовой» делает акцент на оригинальных исследовательских работах, не

чуждых дискусионности и при этом свободных от политических симпатий и антипатий, столь легко проникающих в современные работы по новейшей истории России.

Помимо исследовательских и документальных публикаций по истории русской армии и военного флота, «Новый часовой» намерен уделять внимание и другим сюжетам — истории Красной армии в годы гражданской и Великой Отечественной войн, истории военно-технической мысли, освещению различных вех в жизни русской эмиграции, прошлому и настоящему русского скаутского движения.

Статья С. Л. Фирсова является одной из первых работ о военном духовенстве, его месте в русской армии и степени влияния на ее духовный климат. Учреждение Александром III в 1890 г. должности протопресвитера — руководителя военного духовенства и высшего звания для лиц белого (немонашеского) духовенства, было закономерным следствием принимавшихся мер по строительству ведомства военного духовенства. Для того, чтобы «военные батюшки», состоящие со времен Петра I при войсковых частях, могли вести более эффективную деятельность, требовалось обособить их от епархиального духовенства, создать единое руководство, централизованно обеспечить решение финансовых, организационных проблем. Протопресвитер военного и морского духовенства приравнивался к архиепископу в духовном мире и генерал-лейтенанту — в военном, избирался Св. Синодом и утверждался императором. Он подчинялся Синоду, а по делам, имеющим отношение к ведению военного или морского министерств, руководствовался указаниями военного министра или управляющего Морским министерством.

В статье охарактеризована деятельность протопресвитеров. Всего за период 1890—1917 гг. сменилось три главы ведомства военного духовенства. (А. А. Желобовский, Е. П. Аквилон, Г. И. Шавельский).

В статье В. Б. Коносова и А. В. Терещука поставлена не менее интересная и, по сути, не изученная в отечественной литературе проблема. Авторы рассматривают вопрос о правовом статусе узников войны (военнопленных), определяемом международными конвенциями. То что СССР не присоединился к подписанной 40 странами в Женеве в 1929 г. международной Конвенции об обращении с военнопленными сыграло роковую роль в судьбе наших соотечественников — половина советских военнопленных погибла в германских лагерях! Подобный правовой нигилизм, по мнению авторов, неслучаен: существовал комплекс мотивов, определивших отказ от подписания Конвенции. Среди них было и влияние установок, нашедших отражение в советской военной доктрине о ведении войны на чужой территории, о том, что потери Красной Армии пленными будут минимальны. Сказалось и закрепленное в советском законодательстве негативное отношение к «своим» воен-

нопленным, которые приравнивались, практически, к перебежчикам на сторону противника и предателям, наказуемым расстрелом с конфискацией имущества и санкциями против членов их семей.

Авторы обращают внимание и на попытки советской стороны изменить правовые основы положения военнопленных, когда в ходе начавшейся войны с Германией стала очевидной заинтересованность в соблюдении международных норм и для СССР, понесшего огромные потери. Важным представляется и изучение условий жизни германских военнопленных в СССР, попыток создания советскими спецслужбами своей среди них агентуры. Проанализировав материалы судебных процессов над германскими военными служащими, начавшимися в 1943 г., авторы приходят к выводу, что имели место многочисленные случаи нарушения процессуальных норм, основ международного права, наконец, применялись репрессивные меры не только к военным преступникам, но и к пленным, в чьих действиях отсутствовал состав преступления. Особенно процессуальными нарушениями страдали процессы, имевшие место в конце 40-х — начале 50-х годов, которые совпадали с очередной «волной» завершающейся репатриации (последние германские военнопленные вернулись на родину лишь в конце 1955 года).

К истории начала Советско-финской войны 1939—1940 гг. обращается К. М. Александров. Свидетельства, ставшие известными в последнее время, подтверждают версию о том, что обстрел советских погранвойск в Майниле был произведен с советской же территории. По другим данным, никакого обстрела вообще не было, а сообщение о нем было использовано для провоцирования конфликта. Об этом свидетельствуют и рассказы очевидцев, записанные автором; о том, что имела место спланированная провокация, говорит и то, что все необходимые приказы о передислокации советских войск были отданы еще за два дня до «эксцесса» в Майниле.

В очерке М. Н. Яковлева выделяется несколько этапов разработки автоматического оружия для русской армии. Первоначально, в 1901 г. надежды связывались с приглашением для работы на Сестрорецком оружейном заводе чешского оружейника барона А. Одколека. Ожидали, что создатель станкового пулемета «Гочкис», принятого на вооружение французской армией, сможет сделать на его основе ручной пулемет для русской армии. Ряд отечественных механиков пытался переделать трехлинейную винтовку в автоматическую. В 1911 г. началась работа по созданию принципиально новой конструкции такой винтовки. Эти поиски были прекращены с началом мировой войны. И только в 1916 г. появляется 50-ти зарядный автомат Федорова. Выпуск этого автомата удалось наладить лишь после революции. В 20-е годы он был на вооружении в некоторых элитных частях Красной Армии.

Из публикуемых в номере документальных материалов представляют интерес статьи генерал-майора А. А. фон Лампе, посвященные П. Н. Врангелю. Они перелечатаны из практически недоступных изданий российской военной эмиграции — «Галлиполиец» (1958 г.) и «Вестник Общества ветеранов» (1953 г.). В числе других публикаций, помещенных в номере, статья известного русского историка, живущего на Западе, Н. Росса — «Попытка создания русской революционной армии (май — июнь 1917 г.)», а так же интервью с Й. Хоффман-

ном — директором по научной работе Института по изучению военной истории ФРГ.

Публикация В. М. Лурье «Адмиралы Военно-Морского флота СССР» (в рубрике «Персоналии») содержит уникальные биографические справки, в которых приводятся данные, отсутствующие в справочной литературе.

Предполагается, что журнал пока будет выходить два раза в год.

И. Л. АРХИПОВ

G. de BERTIER de SAUVIGNY. *Les Titans du capitalisme américain*. Paris. Plon. S. a. 386 p.

Г. ДЕ БЕРТЬЕ ДЕ СОВИНЬИ. Титаны американского капитализма

Гийом де Бертье известен как автор ряда книг по истории бизнеса и биографий видных европейских и американских деятелей XVIII—XX столетий. Его очередная работа включает 24 биографических очерка о лицах, составляющих как бы национальную гордость США. Почти все они «сами себя сделали», т. е. своей известностью и богатством обязаны только собственным усилиям, таланту и инициативе. Таков, например, сын лодочника Корнелиус Вандербилт-старший (1794—1877), получивший элементарное образование и в 16 лет ставший владельцем небольшого парома. В дальнейшем он превратился в богатейшего владельца пароходов и преуспевающего грюндера. Или Джеймс Гордон Беннетт (1794—1872), начинавший простым репортером. В 1835 г. он основал газету «New York Herald» и обрел всемирную славу «короля сенсаций». Автор чужд примитивной апологетики и стремится к объективности; он не скрывает отрицательных качеств своих героев, безжалостных в отношении конкурентов, и вместе с тем рельефно обозначает их человеческие черты, в том числе юмористические стороны в характере и деятельности описываемых лиц. Это придает живость его книге, рассчитанной на широкие круги читателей, особенно в очерках о Джоне Пирпонте Моргане-старшем и Джеймсе Бьюкенене Дьюке.

К каждому очерку приложены библиография и выразительные иллюстрации, воспроизведенные по редким изданиям либо заимствованные из семейных архивов. Оттуда же взята часть малоизвестных биографических данных, вводимых в текст как пересказ фамильных документов. Интересны сведения о благотворительной деятельности американских бизнесменов (отличавшей, как известно, и российских меценатов): их крупных пожертвованиях на дома призрения и госпитали, научные центры и колледжи, музеи и экспедиции, церковные нужды и иные филантропические цели. Это позволяло им освободиться от части налоговых

отчислений в казну и одновременно повышало их общественный авторитет. К тому же они считали такие поступки богоугодными.

Показательно, что крупное состояние почти любого американского бизнесмена имело истоками реальные фонды, заложенные предками, некогда пересекшими Атлантику. Не потому ли де Бертье не поместил очерка об автомобильном магнате, в прошлом рядовом ученике механика Генри Форде (1863—1947), который родился не в Европе, а в штате Мичиган?

Однако в книге не упоминается и француз Жилле, основатель всемирно известной фирмы бритв Джиллет. Не найдем мы там и железнодорожного магната Эдуарда Генри Гарримана (1848—1909). Впрочем, отсутствует и превзошедший отца Уильям Аверелл Гарриман (1891—1986), который создал вместе с братом в 1911 г. мощный банкирский дом, контролировал австрийские финансы, добычу цветных металлов в Польше, немецкие паровозные линии и владел марганцевыми рудниками в Грузии. Что касается Морганов, то, на наш взгляд, резоннее было бы написать не о Джоне Пирпонте, а об основателе банкирского дома Джуниусе Спенсере Моргане.

Отметим некоторые фактические неточности. Никакого президента по фамилии Джордж (с. 14) в США никогда не существовало. Гражданскую войну Севера с Югом нужно датировать не 1860—1864 (с. 378), а 1861—1865 годами. С 1 января 1863 г. была провозглашена свобода не для всех черных рабов (с. 103), а лишь мятежных штатов; только XIII поправка к конституции США, принятая в 1865 г., положила конец невольничеству. Национальная выставка в Чикаго имела место не в 1883 г. (с. 171), а в 1893 году. В 1911 г. премьер-министром Великобритании был не Д. Ллойд Джордж (с. 374), являвшийся тогда министром финансов, а Г. Г. Асквит.

Д. И. ДИНКИН

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Воины из бывших заключенных

В ноябре 1941 г. после четырехмесячной учебы я оказался в числе выпускников военного училища. В те дни страна наша переживала критический момент войны. Руководство страны, военное командование, организуя отпор врагу, особенно на подступах к Москве, принимали действенные меры по подготовке и развертыванию резервов, формированию новых частей и соединений. Одно из них в то время формировалось на Севере, в населенных пунктах вдоль железной дороги, проходившей от Кирова к Воркуте. Сюда-то и получила назначение небольшая группа выпускников училища. Я был назначен политруком пулеметной роты 144-го стрелкового полка.

Район формирования в какой-то мере predetermined и социальный состав солдат и сержантов, поступавших на укомплектование частей. В пулеметной роте, да и в других подразделениях полка, добрая половина бойцов была из мест заключения. Другая часть была призвана из населения Коми. Замечу, что и помещение, служившее казармой, в прошлом было бараком, где жили заключенные. Кстати, на две недели задержалось поступление обмундирования, и солдаты носили то, в чем прибыли из заключения. До сих пор помню, с какой радостью офицеры роты встречали своих подчиненных после помывки в бане, когда на них, наконец-то, надели военную форму.

После полуторамесячной подготовки части 28-й стрелковой дивизии, в состав которой входил и наш полк, влились в Действующую армию на Калининском фронте.

Моя служба сложилась таким образом, что в данной дивизии я находился до конца 1944 г., пройдя с боями в ее составе от тех рубежей, где завершилось контрнаступление наших войск под Москвой, до Елгавы и Риги. В ходе боевых дейст-

вий мы, офицеры, имели возможность видеть своих подчиненных в экстремальных условиях боевой обстановки, где наиболее полно обнажается суть человека.

За три года войны части дивизии наступали и оборонялись, добивались успехов и терпели неудачи. Всякое было. Запомнились бои под Курьяково и Ступино, совпавшие по времени с тяжелыми сражениями под Ржевом. Вспоминаю такие пункты на боевом пути, как Великие Луки, Невель, Идрица, оз. Свибло, Новоскольниковы, Мадона, Двинск, р. Ловать и мн. др. Особенно глубокий след оставили в памяти действия и поступки людей на этом пути.

В период формирования полка, мы, офицеры, пусть чаще про себя, проявляли определенную настороженность в отношении подчиненных, прибывших из мест заключения. Однажды я решил поговорить об этом с комиссаром полка А. М. Рябининим. Он успокоил меня, что волноваться нет оснований. И это подтвердили первые же бои. Все сомнения были рассеяны. К чести тех, кто прибыл к нам из мест заключения, не было в полку случаев, когда кто-либо из них отступил бы от выполнения воинского долга. Более того, помню немало примеров проявления ими мужества и отваги, стойкости и дерзости в бою. По мере того как происходил процесс изменений в личном составе, оставшиеся в подразделениях военнослужащие составляли боевой актив, в том числе и из тех, кто прибыл в части из мест заключения. Законом был установлен порядок, когда после участия в первом бою с бывших заключенных снималась судимость, о чем каждому вручался соответствующий документ.

За истекшие пять десятилетий, естественно, многое стерлось в памяти. Тем не менее и сейчас

я с чувством глубокого уважения вспоминаю бывших заключенных А. Солдатова, сбившего из станкового пулемета вражеский самолет, А. Заградинова, в прошлом конокрада, из уральского города Миасс, рядовых Николаева, Панкова и многих других воинов-пулеметчиков. Еще во время формирования мною было замечено, как в свободное от занятий время по вечерам вокруг Солдатова и Николаева собираются бойцы. Оказалось, что Солдатов и Николаев по памяти пересказывали «Войну и мир», «Анну Каренину» и другие произведения Л. Н. Толстого.

Из боевых дел однополчане хорошо помнят, например, вылазки наших полковых разведчиков. Сколько боевых рейдов, требующих смелости и бесстрашия, совершили они через р. Ловать в то время, когда подразделения полка занимали оборону на этом рубеже в 1942—1943 годах! Их дерзостью и отвагой восхищались все воины полка. В ходе одной из вылазок разведчикам уда-

лось на противоположном берегу, занимаемом противником, захватить «языка». Переправить его на наш берег досталось разведчику Еремину (в прошлом заключенному), который к тому же не умел плавать, о чем его товарищи, надо полагать, не знали. Еремину ничего не оставалось, как под угрозой оружия заставить пленного переправиться на наш берег, а самому «форсировать» реку на его спине, конечно, под прикрытием других разведчиков.

В ожесточенных схватках за Мартьяновский узел обороны в ноябре — декабре 1942 г. нередко дело доходило до рукопашной. Здесь отличилась группа бойцов в составе 27 человек во главе с заместителем командира батальона А. К. Шутовым. Все они погибли, но не оставили занимаемого рубежа. В составе группы было немало бывших заключенных.

*П. И. Едемский,
кандидат исторических наук,
генерал-майор в отставке*

О результатах работы над хроникой рабочего движения в Калужской губернии (1895—1917)

В Государственном архиве Калужской области завершается работа по подготовке «Хроники рабочего движения», проводимая в соответствии с проектом Государственной архивной службы Российской Федерации и Института российской истории РАН. Предшествующие попытки в этом роде не давали реальной картины. Сказывалась укоренившаяся в советской историографии традиция рассматривать рабочее движение с классовых, большевистских позиций и касаться только некоторых форм борьбы, прежде всего политических.

В 1901 г. в Калужской губернии было 323 завода (фабрики) с более чем 16 тыс. рабочих. Они являлись в подавляющем большинстве жителями окрестных деревень, сохранявшими связи с сельским хозяйством.

Для выявления материалов было отобрано 272 фонда (около 80 тыс. дел), включая фонды канцелярии губернатора, губернского правления, губернского жандармского управления (ГЖУ), помощников начальника ГЖУ в уездах, полицмейстера, старшего фабричного инспектора, комитета местного попечительного общества о тюрьмах и др.

Учитывались все выступления рабочих, независимо от их идейной направленности: и демократические, и монархические, и либеральные. Ранее в поле зрения исследователей, как правило, оказывались те выступления, которые вели к конфронтации, применению насилия. Приоритет отдавался политическим стачкам и демонстрациям. Выступления экономического характера признава-

лись второстепенными, хотя именно они составляли основную их массу.

Центрами забастовок и волнений в губернии были такие промышленные районы, как Калуга, Людиново, Песочня, Сукремль, Боровск, Полотняный завод, Кондрово, Малоярославец. Из всех учтенных выступлений наиболее распространенными были забастовки (81), прекращение работ (22), волнения (6). Всего выявлены сведения о более чем 100 выступлениях. Эти данные позволяют подробно осветить картину событий, показать поводы к выступлениям, причины, требования, ход действий рабочих, реакцию администрации и последствия; участие партий. В числе поводов к прекращению работы: задержка выдачи зарплаты, увеличение заработка на соседнем предприятии, несправедливые штрафы, задержка в снабжении продуктами, увольнение или арест товарищей, неудовлетворение ранее выдвинутых требований, волнения в соседних губерниях, солидарность с бастующими в других городах.

Ранее в литературе внимание уделялось в основном периодам подъема рабочего движения — накануне и во время революций 1905—1907 гг., в 1917 году. Сотрудниками областного архива были подготовлены сборники документов: «Революционное движение в Калужской губернии в период русской революции» (Калуга. 1955), «Революционные события 1905—1907 гг. в Калужской губернии» (Калуга. 1956) и «Установление Советской власти в Калужской губернии. Март 1917 — июль 1918 гг.» (Калуга. 1957). В них было опубликовано

408 документов, но так как составители стремились показать революционное движение за определенный период времени, в сборниках не нашли отражения многие выявленные документы за другие годы. Аналогичный характер имел сборник «Традиции пролетарского праздника». Первомай на Калужской земле» (Тула. 1989). Наиболее полно, в хронологическом смысле, рабочее движение было отражено в четырехтомнике «Калужский край» (кн. 2. Тула. 1977). Но и в нем даны сведения лишь о самых значительных выступлениях.

В изданиях по истории большевистской организации, подготовленных областным партархивом, с использованием материалов центральных архивов, зафиксировано немало фактов выступлений рабочих, но прослеживается тенденция подчеркнуть роль большевиков в их организации и выдвижении политических требований. Однако в отношении именно таких случаев документальная основа по существу отсутствовала. При изложении экономических требований внимание акцентировалось на введении 8-часового рабочего дня, хотя документы показывают, что экономические требования касались прежде всего заработной платы.

Важную группу требований составляло все, что касается организации труда на предприятиях (увольнение неугодных представителей администрации, справедливое распределение работ, отмена обыска в проходной, выдача зарплаты два раза в месяц, вежливое обращение с рабочими). Отдельную группу требований составляло улучшение бытовых условий (строительство жилья, открытие медпунктов, улучшение снабжения продовольствием в заводской лавке, оплата больничных и т. д.).

Политические требования, выдвигавшиеся лишь в единичных случаях, имели поводом забастовки столичных рабочих. Серьезные экономические и политические требования были выдвинуты во время забастовки платочно-набивных и ткацко-красильных фабрик Ермолинской мануфактуры в ноябре 1905 года. Но в процессе прекращения забастовки эти требования не обсуждались. Из 48 выдвинутых требований 44 были экономического и лишь 4 — политического характера. Обычно последние добавлялись к экономическим в тех случаях, когда на фабрику приезжали партийные агитаторы, особенно из столиц. Политическая активность рабочих была слабой. Ближе им были тре-

бования экономического характера. «Хроника рабочего движения в Калужской губернии» побуждает отойти также и от традиционного освещения роли социалистических партий в организации выступлений рабочих. Документы говорят о том, что влияние партий было слабым.

Экономические требования не оставались без внимания и всегда подробно рассматривались администрацией, не заинтересованной в простое предприятий и старавшейся создать рабочим нормальные условия работы и жилья. Для рассмотрения требований без промедления приезжал фабричный инспектор, главноуправляющий заводами и полицейский урядник. Они по пунктам разбирали требования вместе с рабочими или представителями от них, зачастую дело заканчивалось компромиссом. 15% забастовок завершались удовлетворением требований рабочих, 40% — отказом, 45% — частичным удовлетворением; 11% забастовок вели к арестам, 7% — к закрытию предприятия. Представления о том, что к рабочим всегда применялись жестокие репрессивные меры, характерное для прежней историографии, не подтверждается. Для Калужской губернии не были характерны кровопролитные столкновения с полицией и войсками в ходе стачек и демонстраций. Преувеличивалось раньше и единство рабочих в противостоянии администрации.

Опыт работы над «Хроникой» свидетельствует о необходимости учитывать и такие формы движения, которые ранее замалчивались. В 1905—1907 гг. совершались экстремистские, террористические акты, которые раньше игнорировались, как «нетипичные». В октябре 1905 г. в Калуге произошли черносотенные погромы с участием рабочих. Сказывались и монархистские, царистские настроения значительной их части.

В целом опыт работы над «Хроникой» дает возможность по-новому оценить рабочее и революционное движение в губернии, более всесторонне и объективно осветить давно, казалось бы, изученную тему. Не подтверждается сложившееся ранее мнение о высокой политической активности и «сознательности» рабочих, документы говорят об обратном; нет подтверждений сколько-нибудь значительной роли партийных групп в организации массовых выступлений рабочих.

М. А. Зорина
(Калуга)

Один из способов роста монастырского землевладения в конце XVII века

Исследователи, изучающие историю монастырского землевладения главным образом второй половины XVII в., уже обнаружили факты неэквивалентного обмена между светскими землевладельцами и церковно-монастырскими корпорациями

как один из способов роста землевладения последних, но видимо из-за скудости имевшегося архивного материала сути подобной «мены» не раскрыли¹. Э. Л. Дубман отмечает, что в конце XVII в. «преобладал неравноценный земельный обмен,

когда монастырские власти отдавали совершенно несравнимые наделы... Что стояло за ними — заклад, продажа, поступление — не ясно»².

Архивные материалы последней четверти XVII в. Костромского Троице-Ипатьева монастыря, в то время одного из крупнейших землевладельцев (четвертое среди монастырей место по числу крестьянских тяглых дворов: в трех уездах Центральной России в 1678 г. за ним числилось 3657 дворов)³, достаточно полно раскрывают механизм такого земельного обмена.

Как правило, светские землевладельцы выдавали настоятелю монастыря на одно и то же владение две меновных грамоты, даже того же числа, месяца и года с указанием тех же послухов. Согласно первой меновной будто бы происходил обмен земель, тогда как во второй меновной говорилось о «невладении» той монастырской землей, которую светский контрагент только что выменял у монастыря («а владеть им же /монастырю — А. З. по-прежнему») ⁴. С 1686 по 1699 гг. в вотчинах Ипатьева монастыря отмечено 30 случаев неэквивалентного земельного обмена.

Начало этому положил обмен костромского сына боярского Осипа Федчищева, отдавшего 28 ноября 1685 г. монастырю свои пустоши Никифорову и Копылову (60 четей) в волости Немде Костромского уезда, взамен монастырской пустоши Бедриной в Судогодском стане Владимирского уезда. Но в тот же день Федчищев дал монастырю другую меновную, по которой он отказывался владеть обмененной монастырской пустошью («а владеть тою пустошью им же властям» т. е. монастырю — А. З.). 18 мая 1686 г. правительство узаконило эту земельную сделку, выдав монастырю на обмененную землю послушную грамоту ⁵. О том, что это был фактически не обмен, а вклад, равносильный покупке земли монастырем, гласит запись Вкладной книги Ипатьева монастыря 1728 г. под тем же 1686 г.: «В 194 году мая в 10 день дал вкладу Осип Мелентьев сын Федчищев пустошь Никифорово, и за то ево пустошь дана ему вкладная за руками в 100 рублях» ⁶.

Иногда такой земельный обмен являлся компенсацией за какой-либо ущерб, причиненный монастырю. Такого рода случай зафиксирован в двух меновных грамотах 1686 г. костромского вотчинника Саввы Строева. По одной из них он будто бы получил по обмену у монастыря пожню в деревне Стрельниковой в Мерском стане Костромского уезда за треть пустоши Бурковой в Дмитрецове стане того же уезда. И тут же вотчинник дает другую меновную, в которой указывает, что ни ему, ни его семье, ни родственникам «тою вымененною землею, которую яз, Савва выменил у них архимандрита и у келаря пожню поземную, ныне и впредь не владеть и великим государем об ней не бить никому, им дела никакова не искать и не вступатца, а потому, что поступился яз,... тою... пожнею им архимандриту и келарю за убитого троецкого кре-

стьянина за Ивашка Самойлова, за 50 рублей, а буде яз,... или жена моя или дети владеть в чем против сей записи не устою и на мне... и на жене моей, и на детях, и на родственниках взять 500 руб., и ся запись и впредь в запись, а мена в мену». В декабре 1687 г. монастырь получил от правительства послушную грамоту на пустошь Бурково ⁷.

В марте 1695 г. Ипатьев монастырь произвел фиктивный земельный обмен с костромским, московским и ярославским вотчинником стольником И. И. Щетневым: в Костромском уезде отдал стольнику четверть деревни Самыловой в Козурском стане, деревню Темрино в Сотском стане, деревню Харино с тремя жребьями пожни в Логинове стане и пустошь Поломы в Судогодском стане Владимирского уезда, а взамен получил полсельца Онтропцева с пятью полудеревнями и двумя полпустошами в Кусской волости, полсельца Ширяева с пятью полудеревнями в Куекоцкой волости и четыре полупустоши в Вятском стане Костромского уезда. В тот же день вотчинник выдал монастырю другую меновную, в том, что он не будет владеть вымененной у монастыря землей ⁸.

В апреле того же года об этой сделке стало известно правительству и патриарху. Они приказали своим представителям в Костроме допросить обоих контрагентов сделки и в июне того же года правительство выдало монастырю послушную грамоту на обменную землю. О том, что это был не обмен, а продажа монастырю стольником своей вотчины говорит духовная грамота Щетнева 1696 г.: «... а сельцо Онтропцово отдать со всеми деревнями и пустошами в Ыпатцкой монастырь, а из Ыпатцкого монастыря взять 300 рублей и тем поминать душу сына моего Александра» ⁹.

Под видом обмена Щетнев передал в Ипатьев монастырь половину деревень Бартеневой и Коняевой с пятью полупустошами в Отъезжем (Шеренском) стане Московского уезда, а взамен будто бы получил от монастыря в Костромском уезде третий жребий деревни Тяпкиной и четверть пустоши Лопактовой в Горетове стане Московского уезда. В тот же день монастырь получил от стольника другую меновную, в которой было сказано, что тот не будет владеть вымененной у монастыря землей («а владети тою вымененною землею им /монастырю — А. З./ по-прежнему»). В том же году правительство и патриарх возбудили дело об этой земельной сделке с допросом обоих контрагентов ¹⁰. По сведениям начала XVIII в. эти земли числились за Ипатьевым монастырем ¹¹.

В 1696 г. монастырь получил часть костромских и все ярославские вотчины Щетнева. По своему завещанию стольник велел продать все его костромские, ярославские и московские вотчины, а деньги, полученные от этого, передать в качестве вклада в Ипатьев монастырь. Вдова Щетнева продала ярославские и несколько костромских вотчин думному дворянину С. Б. Ловчикову. 28 июня 1696 г. тот произвел неэквивалентный земельный обмен

с Ипатьевым монастырем. По этой «мене» к монастырю перешли полсельца Ильицына с деревнями и пустошами в Плесском стане Костромского уезда, а также все бывшие ярославские владения Щетнева: четверть села Пазушина с четырьмя полдеревнями в Городском стане, треть деревни Молчановой и полдеревни Ходыревой в Ухорской волости, треть деревни Кузовлевой в Служнем стане, а взамен монастырь будто бы отдал думному дворянину свою деревню Бабкино в Костромском уезде. 9 декабря 1696 г. Петр I выдал монастырю на эти земли послушную грамоту¹².

С фиктивным земельным обменом связано и образование одной из вотчин Ипатьева монастыря в Среднем Поволжье. В 1698 г. он произвел обмен с вотчинником Матвеем Нелюбовым. Монастырь отдал ему две четверти в одном поле пашни пустоши Юркиной и крестьянина Федьку Назарьева из села Курдюмова Костромского уезда, а взамен получил 50 четвертей (примерно 25 десятин) пашни в одном поле за валом на левобережье р. Суры в Симбирском уезде (будущее с. Никольское, Сурские Вершины) и семь крестьянских дворов без земли в Алатырском уезде. В 1699 г. Петр I утвердил этот земельный обмен¹³.

Иногда неэквивалентный земельный обмен был связан с ответственностью светских землевладельцев, укрывавших у себя беглых монастырских крестьян. В 1699 г. костромской вотчинник С. Т. Тельцов дал Ипатьеву монастырю две меновных грамоты на свою усадьбу Заречье на р. Мезе, пять пустошей, полмельницы, два жилых крестьянских двора в Чижове стане Костромского уезда взамен монастырской пожни Заглядной. Причиной обмена стал ипатьевский крестьянин Игошка Федоров с семьей, живший в «бегах» у Тельцова, а от него сбежавший «безвестно». Вотчинник в своих меновных грамотах не только обязуется возвратить беглого крестьянина монастырю, но и берет издержки по его сыску и поимке на себя, предварительно договорившись с монастырем, что тот не будет «бить челом» царю на Тельцова об укрывательстве последним чужого крестьянина. Во второй меновой указывалось, что обменной монастырской пожней («осьмина в одном поле без угодей») в пустоши Заглядной вотчиннику «не владети», а «владеть их тою вотчинною землею и крестьянином Игошкою... им Ипатцково монастыря по прежним своим дачам». 8 июля 1700 г. эта земля была юридически закреплена в Поместном приказе за монастырем¹⁴.

Итак, рост вотчин Ипатьева монастыря после принятия Соборного уложения 1649 г. продолжался. Основным его источником стали неэквивалентные земельные обмены со светскими землевладельцами, представлявшие по сути их тайный вклад или куплю-продажу земли как способ обойти запрет закладов и вкладов земли в монастыри. Неэквивалентность такого обмена подтверждается тем, что за крупное земельное владение монастырь «отдавал» контрагенту большей частью доли

и жеребьи пашни на пустошах), да и те по второй меновой грамоте тут же возвращались во владение монастыря. Некоторые обмены земли были компенсацией монастырю за потерю им крестьян вследствие бегства их к светским землевладельцам, либо их случайного убийства.

В вотчинах Ипатьева монастыря в последней четверти XVII в. из 33 случаев неэквивалентного земельного обмена 26 приходилось на служилое дворянство, на правящую верхушку русского общества и только в одном случае контрагентом земельного обмена являлась семья приказного лица.

А. Н. Захаров

Примечания

1. Впервые в литературе факт подобного обмена земли отметил А. Х. Горфункель (ГОРФУНКЕЛЬ А. Х. Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI—XVII вв.— Исторические записки. Т. 73. М. 1963, с. 239—241). См. также: СОЛОВЬЕВА Т. Б. Отношение церкви и государства по вопросам землевладения в России XVII в. Канд. дисс. М. 1979, с. 89—90; ДУБМАН Э. Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII в. Куйбышев. 1991, с. 20—21.
2. ДУБМАН Э. Л. Ук. соч., с. 21. Автором использованы документы Поволжской вотчины Ипатьева монастыря.
3. НОВОСЕЛЬСКИЙ А. А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей, по переписным книгам 1678 г. Исторический архив. М. Л. 1949, т. 4, с. 89—94.
4. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л. 1986, № 298, с. 205. Вторые меновные грамоты С. А. Шумаков считал поступными, но тут же отмечал, что такие поступные лучше было назвать записями о невладении (ШУМАКОВ С. А. Обзор грамот Коллегии экономии, Пг., 1917, вып. 4, с. 106, прим. 1).
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 281, №№ 5396, 5397, 5394.
6. Вкладная книга, л. 76 об. (Подлинник хранится в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике).
7. РГАДА, ф. 281, №№ 5391—5393, 5407.
8. Там же, №№ 5510, 5511.
9. Там же, №№ 5511, 5512, 5514, 5149.
10. Там же, №№ 5510, 5512.
11. БУЛЫГИН И. А. Монастырские крестьяне Центральной России в первой четверти XVIII в. М. 1977, с. 178.
12. РГАДА, ф. 281, №№ 5149, 5535, 5555.
13. Там же, № 11582; ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 34, л. 299—300.
14. Там же, ф. 281, №№ 5578, 5579.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February-March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: **David M. Glantz** The Failures of Historiography: Forgotten Battles of the German—Soviet War (1941—1945) **I. V. Volkova, I. V. Kurukin**. The Palace Coup d'état Phenomenon in the Political History of Russia in the XVII—XXth Centuries. Historical Profiles: **V. A. Kuchkin**. Dmitry Donskoj. Reminiscences: Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. **A. A. Iskenderov**. Memoirs of N. S. Khrushchev as a Historical Source. To the Help of History Teachers and Students: History and Culture of Peoples of Asia, Africa and Latin America (From Ancient Times to Our Days). Chapters IX—X. Historical Journalism: **V. V. Farsobin**. The Notes of a Former Guards Sergeant about War. People. Facts. Events. **N. A. Tjukov, Andrej Ivanovich Shingarev, A. A. Egorov**. Montagnard Phillip Lebas. **Our Interviews**. To Restore the Truth about the Second World War. Historiography: **G. Enteen**. The Intellectual Reasons for Establishing of Stalinism in the Soviet Historiography. Reviews on Books: **N. G. Pavlenko**. There was a war... Reflection of a Military Historian; Allies at War. The Soviet, American, and British Experience, 1939—1945. (N.-Y.); **A. A. Antufjev**. The Ural Industry on the Eve and During the Years of the Great Patriotic War; Russia and the West: Dialogue of Cultures; **T. Kondratjeva**. Bolsheviki-jakobins and a Ghost of Thermidor; 1857—1861. The Correspondence of the Emperor Aleksandr the Second with the Grand Duke Konstantin Nikolaevich. The Diary of the Grand Duke Konstantin Nikolaevich; The New Sentry. Russian Military-Historical Journal. **G. de Bertier de Sauvigny**. Les Titans du capitalisme américain. (Paris). **Letters to the Editor**.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 5-6, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор **Е. П. Лебедева**

Сдано в набор 07.04.95. Подписано в печать 29.05.95. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,55. Тираж 13000. Заказ № 714. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.